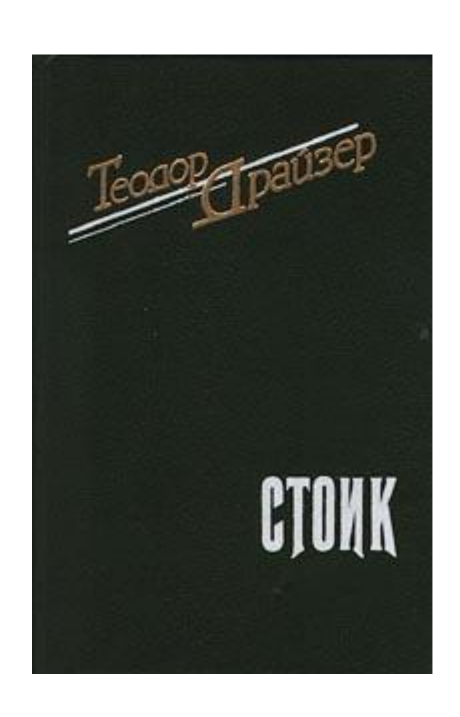
Драйзер Теодор

Стоик

1

Фрэнк Каупервуд во время своей длительной борьбы в Чикаго за возобновление концессий, которая, несмотря на все его усилия, кончилась для него полным крахом, обнаружил на своем пути два трудно преодолимых препятствия.

Первым препятствием был возраст. Каупервуду было без малого шестьдесят. И хотя он по-прежнему чувствовал себя полным сил, он понимал, что ему будет нелегко конкурировать с более молодыми и не менее ловкими финансистами и приумножить за короткое время свой капитал, который безусловно достиг бы желанной цифры, если бы ему удалось заполучить эти концессии. А цифра эта равнялась пятидесяти миллионам долларов.

Второе препятствие, которое по его трезвому суждению представлялось ему более серьезным, заключалось в том, что он до сего времени не завел никаких более или менее солидных связей, иными словами не имел никакого престижа в обществе.

Разумеется, тут играло роль и то, что он когда-то в молодости сидел в филадельфийской тюрьме, и его собственное непостоянство, и его неудачная женитьба на Эйлин, не сумевшей оказать ему никакой поддержки в обществе, и, наконец, просто его независимый характер, и какой-то чересчур подчеркнутый эгоизм — все это оттолкнуло от него немало полезных людей, которые, пожалуй, могли бы стать его друзьями.

Ибо Каупервуд был не такой человек, чтобы вступать в дружбу с людьми менее сильными, менее деловыми и изворотливыми, чем он сам. Это казалось ему бессмысленным самоунижением или уж во всяком случае пустой тратой времени. С другой стороны, он по опыту знал, что с людьми сильными, хитрыми и действительно имеющими вес отнюдь не всегда легко завязать дружеские отношения. В особенности здесь, в Чикаго, где ему пришлось бороться со многими из них за власть и за положение. Они предпочли объединиться против него не потому, что он держался иных правил либо действовал иными методами, — они и сами были не прочь действовать так же, — но скорее потому, что он, чужак, забрался в их огород, в их собственную финансовую область и сумел приобрести значительно большее влияние и капитал, и притом в значительно более короткое время. Мало того, он совратил жен и дочерей тех самых людей, которые особенно яростно соперничали с ним, и, разумеется, они приложили все старания, чтобы изгнать его из чикагского общества, и действительно преуспели в этом.

Каупервуд в своих отношениях с женщинами всегда стремился обеспечить себе полную свободу, и до сих пор ничто не могло его заставить поступиться этим. Но вместе с тем он всю жизнь мечтал встретить такую женщину, которая сумела бы привязать его к себе — конечно, не в том смысле, чтобы заставить его хранить полную верность, об этом он даже и думать не хотел, — но чтобы это была настоящая сердечная привязанность, духовная близость и взаимопонимание. И вот уже восемь лет его не покидало чувство, что он действительно нашел такой идеал в Беренис Флеминг. Она, по-видимому, ничуть не была ослеплена ни им самим, ни его славой, и его искусство очаровывать женщин отнюдь на нее не действовало. Может быть, это, а также постоянно пронизывающее его при виде нее чувство прекрасного, смешанное с любовным волнением, и привело его к мысли, что она, с ее молодостью, красотой, тактом и уверенностью в себе, могла бы создать для него необходимый общественный фон, достойный его могущества и его капитала; но для этого, разумеется, ему надо добиться свободы, чтобы иметь возможность жениться на ней.

К сожалению, несмотря на всю свою непоколебимость в отношении Эйлин, он все еще был не в состоянии освободиться от нее. Она твердо решила не уступать его никому. А воевать с ней из-за развода, в то время как все силы его были поглощены жестокой борьбой за железнодорожные концессии в Чикаго, — это было бы уж слишком тяжелым бременем. Тем более что и со стороны Беренис он не видел ни малейшего поощрения. По-видимому, ее привлекали люди не только помоложе его, но и с некоторым привилегированным общественным положением, чего он при своей репутации был не в состоянии ей предложить. Итак, он впервые изведал горечь любовной неудачи; он часами сидел один у себя в кабинете, погруженный в мрачные размышления. Он был совершенно убежден, что на этот раз он потерпел полный крах и в борьбе за увеличение капитала и в попытках завоевать любовь Беренис.

И вдруг однажды, когда он менее всего ожидал этого, Беренис пришла и объявила, что она принадлежит ему. И он сразу точно весь переродился, почувствовал себя молодым и бодрым, полным энергии и сил. Наконец-то он обрел то, о чем мечтал: любовь женщины, которая поистине будет ему опорой в его борьбе за могущество, славу и прочное положение в свете.

Но как бы откровенно и чистосердечно ни объясняла Беренис, почему она пришла к Каупервуду («Я подумала, что теперь, может быть, я вам действительно нужна… и вот решилась!»), в ней все же чувствовался какой-то надлом — она была уязвлена жизнью, обществом, и это и толкало ее взять реванш, расквитаться так или иначе за все те жестокие обиды, которые ей пришлось испытать в ранней юности. И то, что она на самом деле думала и чего Каупервуд, восхищенный ее неожиданной близостью, не понимал, можно было формулировать так: «Ты парий — и я тоже. Мир пытался сокрушить тебя, а меня он пытался выкинуть из той сферы, к которой я по природе своей и по всем чувствам своим должна принадлежать. Ты негодуешь — и я тоже. Так давай заключим союз: союз красоты, смелости и ума, но союз равноправный, чтобы в нем не было господства ни с той, ни с другой стороны. Потому что, если мы не будем относиться друг к другу честно, наш союз распадется; между нами не должно быть обмана». Таков, в сущности, был ход ее рассуждений, которые столь неожиданно для Каупервуда привели ее к нему.

Но если Каупервуд и угадывал сильную, сложную натуру Беренис, он все же не мог угадать течение ее мыслей. И в этот зимний вечер, когда она внезапно вошла к нему (цветущая и румяная с мороза), он, глядя на нее, никогда бы не сказал, что она все продумала, взвесила и отдает себе полный отчет в своем решении. Да и как можно было заподозрить в этом такое юное, веселое, улыбающееся, очаровательное существо? И, однако, это было так. Она стояла перед ним, смело откинув голову, чуточку волнуясь втайне. В ее отношении к нему не было никакого коварства, скорее уж это была любовь, если только желание принадлежать ему и быть с ним до конца его дней, — но только на таких вот определенных условиях, — можно назвать любовью. С его помощью, рука об руку с ним, она достигнет желанной победы, и оба они чистосердечно и любовно будут поддерживать друг друга.

Итак, в этот самый вечер Каупервуд, глядя на нее, сказал:

— Но мне все-таки хотелось бы знать, Беви, как это вы вдруг пришли к такому неожиданному решению? Как это могло случиться, что вы решились на такой шаг сейчас, когда я только что потерпел второе и действительно крупное поражение?

Она спокойно смотрела на него, и сиянье ее синих глаз окутывало его словно каким-то теплым туманом, пронизанным солнечными лучами.

— Я думала о вас… и читала о вас в прессе — все эти годы. Вот только прошлое воскресенье в Нью-Йорке я прочла о вас целые две страницы в «Сан». И они, кажется, помогли мне понять вас немножко лучше.

— Газеты?.. Нет, правда?

— И да и нет. Не руганью, конечно, которою они осыпают вас, но фактами — если то, что они собрали и выдают за вашу биографию, это действительно факты. А вы правда никогда не любили вашу первую жену?

— Не знаю. Вначале мне казалось, что любил. Но, конечно, я был еще совсем мальчишкой, когда женился на ней.

— А теперешнюю вашу жену, миссис Каупервуд?

— Ах, Эйлин? Да! Когда-то я был очень привязан к ней… — неожиданно признался он. — Она для меня много сделала, очень много. А я не такой, чтобы забывать добро, Беви! И в то время я был влюблен в нее. Сильно влюблен. Но, конечно, я был еще очень молод. И в духовном отношении не так требователен. Виновата в этом не Эйлин: просто это была ошибка неопытного человека.

— Мне становится немного легче, когда я слышу это от вас. Вы вовсе не такой уж безжалостный, каким вас изображают. Но все-таки я намного моложе Эйлин. И мне кажется, если бы я была уродом, вряд ли мои духовные качества сколько-нибудь заинтересовали бы вас.

Каупервуд усмехнулся.

— Верно! — сказал он. — Не стану оправдываться в том, что я таков, какой я есть. Умно уж там или глупо, но я в жизни руковожусь только эгоистическими соображениями. Потому что, как мне кажется, человеку, в сущности, больше и нечем руководствоваться. Может быть, я ошибаюсь, но мне сдается, что большинство из нас поступает именно так. Возможно, что существуют какие-то другие интересы, которые стоят выше своих, личных, но когда человек действует на пользу себе, он тем самым, как правило, приносит пользу и другим.

— Я, кажется, согласна с этой точкой зрения, — отвечала Беренис.

— Мне хотелось бы, чтобы вы поняли хорошенько одно, Беви, — ласково улыбнувшись, продолжал Каупервуд, — это то, что я ничуть не пытаюсь ни преуменьшать, ни скрывать ни единой обиды, которую я кому-нибудь причинил. Жизнь идет, человек меняется, и огорчения при этом неизбежны. Мне просто хочется рассказать вам, как, на мой взгляд, обстоит дело со мной, чтобы вы в самом деле поняли меня.

— Благодарю, — рассмеялась Беренис, — но вам вовсе незачем чувствовать себя так, точно вы стоите перед судьей и даете свидетельские показания.

— Да, вот именно, так примерно я себя и чувствую сейчас. Но позвольте мне еще немножко рассказать вам об Эйлин. Это существо любящее, эмоциональное, но в духовном отношении она никогда не была и не может быть тем, что мне нужно. Я знаю ее хорошо и понимаю ее. И я всегда буду благодарен ей за все, что она делала для меня в Филадельфии. Она не покинула меня и поддерживала меня в ущерб своей собственной репутации. И вот поэтому и я не покидаю ее, хоть и не могу любить ее так, как любил когда-то. Она носит мое имя, живет в моем доме. Она считает себя вправе владеть и тем и другим.

Он выжидательно посмотрел на Беренис.

— Вы, конечно, понимаете это? — спросил он.

— Да, да! — воскликнула Беренис. — Конечно, понимаю. И, пожалуйста, не думайте, я не собираюсь доставлять ей никаких огорчений. Я пришла к вам совсем не за этим.

— Вы очень великодушны, Беви, но вы несправедливы к себе! — сказал Каупервуд. — Я хочу, чтобы вы знали, как много вы значите для всего моего будущего. Вы, может быть, еще не понимаете этого, но я хочу сказать вам об этом вот сейчас, здесь. Не зря я мечтал о вас и не упускал вас из виду в течение восьми лет. Это значит, что я люблю вас и люблю крепко.

— Я знаю… — мягко ответила она, глубоко тронутая этим признаньем.

— Все эти восемь лет я видел перед собой идеал. Это были вы.

Он замолчал. Ему хотелось сжать ее в своих объятьях, но что-то словно предостерегало его: сейчас этого нельзя. Он сунул руку в карман жилета и вытащил тоненький золотой медальон, величиной в серебряный доллар. Он открыл медальон и протянул ей. На внутренней стороне был маленький портрет Беренис — двенадцатилетняя девочка, тоненькая, хрупкая, высокомерная, сдержанная, серьезная — такой же она осталась и теперь.

Беренис взглянула и сразу вспомнила — ведь этот снимок еще того времени, когда они жили с матерью в Луисвиле и мать ее была женщиной с положением и со средствами. Как это не похоже на то, что сталось с ними теперь! И сколько пришлось ей вынести из-за этой перемены! Она смотрела на свою карточку, и светлые воспоминания проносились перед ней.

— Откуда у вас эта карточка? — спросила она наконец.

— Я увидел ее на письменном столе у вашей матушки в Луисвиле и взял ее себе. Только она, конечно, была не в этой оправе. Это уж я сам сделал потом. — Он бережно закрыл крышку медальона и спрятал его в карман. — Вот я и не расстаюсь с ней с тех пор. Всегда и везде она со мной!

Беренис улыбнулась.

— Надеюсь, вы ее никому не показываете! Ведь я там совсем еще дитя.

— И дитя это стало моим идеалом. А теперь более чем когда-либо. Конечно, я знал немало женщин на своем веку, и мои отношения с ними складывались по-разному. Но независимо от этого у меня всегда было более или менее определенное представление о том, что мне на самом деле нужно; я всегда мечтал вот о такой сильной, отзывчивой, возвышенной девушке, как вы. Думайте обо мне что угодно, но судите меня отныне по моим поступкам, а не по словам. Вы сказали: «Я пришла к вам, потому что мне кажется, что я вам нужна». И это правда. Да, вы мне нужны.

Она положила руку ему на плечо.

— Я решила, — спокойно промолвила она. — Самое лучшее, что я могу сделать в моей жизни, это помочь вам. Но ведь мы… я… никто из нас не имеет возможности поступать именно так, как нам хочется. Вы и сами это знаете.

— Еще бы! Но я хочу, чтобы вам было хорошо со мной, и хочу, чтобы и мне было хорошо с вами. И, конечно, мне не может быть хорошо, если вы будете расстраиваться. Здесь, в Чикаго, особенно теперь, мне нужно быть крайне осторожным. И вам тоже. Поэтому нам сейчас надо будет расстаться, и вы вернетесь к себе в отель. Но завтра, так около одиннадцати, я надеюсь, вы позвоните мне. И тогда мы встретимся и сможем обо всем как следует поговорить. Но подождите минутку.

Он взял ее за руку и повел в свою спальню. Закрыв дверь, он подошел к красивому кованому сундуку, который стоял в углу комнаты. Подняв крышку, он вынул оттуда три небольших подноса с коллекцией древних греческих и финикийских колец и поставил их перед Беренис.

— Ну выбирайте! Каким кольцом вы обручитесь со мной? — сказал он.

Снисходительно и немножко небрежно, как все, что она ни делала, — ибо она была из тех, кого нужно упрашивать, а не из тех, кто умеет просить, — Беренис стала разглядывать и перебирать кольца, восклицая невольно, когда ей попадалось какое-нибудь, особенно поразившее ее.

— Цирцея, наверно, выбрала бы вот эту свернувшуюся серебряную змейку, — промолвила она. — А Елена — вот эту гирлянду цветов из зеленой бронзы. Я думаю, что Афродите, наверно, понравилась бы эта согнутая рука и пальчики, крепко сжавшие камень. Но я хочу выбрать не просто самое красивое. Я возьму себе вот эту потускневшую серебряную ленту. В ней чувствуется и сила и красота.

— Всегда что-нибудь придумает, чего никак не ожидаешь! — воскликнул Каупервуд. — Ах, Беви! Вы бесподобны.

Он нежно поцеловал ее и надел кольцо ей на палец.

2

Как много сделала Беренис для Каупервуда, явившись к нему в момент его поражения, можно судить по тому, что она возродила в нем веру в неожиданное и, более того — веру в свою счастливую звезду. Ибо Каупервуд угадывал в ней существо эгоистическое, уравновешенное, скептическое, но, конечно, не столь грубое, а много более возвышенное, чем он сам. Если он жаждал денег ради того, что они могут дать, — то есть ради власти, дабы пользоваться ею, как ему вздумается, — Беренис жаждала получить с их помощью возможность выразить свою одаренную натуру и удовлетворить тем самым свои эстетические запросы. Ей хотелось достичь этого не столько в той или иной форме искусства, сколько в самой жизни, так, чтобы и она сама и вся жизнь ее стали как бы воплощением искусства. Она часто думала, что, будь у нее много, очень много денег и большие возможности, — чего бы она только ни сделала, дав волю своей изобретательности. Никогда бы не стала она швырять деньги на большие дома или земли, на всякую показную роскошь, нет, она постаралась бы создать для себя такую изысканную, такую вдохновляющую атмосферу!

Она никому не поверяла этих своих мыслей. Это было частью ее самой, нечто свойственное ее натуре, в которой Каупервуд не всегда так уж тонко разбирался. Она представлялась ему хрупкой, впечатлительной, загадочной, и поэтому ему никогда не надоедало смотреть на нее — это было все равно что любоваться природой: новый день, занимающийся над землей, внезапный ветер, незнакомый ландшафт. А что-то будет завтра?.. Будет она такой же, эта Беренис, какой он видел ее прошлый раз, или нет? Никогда он не мог ответить на этот вопрос. И сама Беренис, сознавая в себе эту непонятную изменчивость, не могла бы объяснить ее ни ему, ни кому другому: такая уж она есть. И пусть Каупервуд и все остальные принимают ее такой, какая она есть.

И при всем этом в ней чувствовался аристократизм. Невозмутимая, сдержанная, она внушала невольное уважение всем, с кем бы ни приходилось ей сталкиваться. И это выходило у нее само собой, без всяких усилий с ее стороны. И Каупервуд, сразу почувствовавший в ней это врожденное превосходство, был восхищен и изумлен, ибо это было как раз то редкое качество, которое он в глубине души больше всего ценил в женщине. Такая юная, обаятельная, умная и так держит себя — настоящая леди! Он угадал это даже тогда — по фотографии двенадцатилетней девочки в Луисвиле, восемь лет назад.

Но теперь, когда Беренис, наконец, пришла к нему, его смущала одна мысль. В том восторженном состоянии, в котором он сейчас пребывал, ему неудержимо хотелось сказать ей, что он отныне принадлежит ей одной — неизменно и безраздельно. Но было ли это действительно так? После первого своего брака, особенно после того, как у них появились дети и установилась эта обыденная рутина семейной жизни, он совершенно ясно понял, что эта обычная норма спокойного супружеского существования совсем не для него. Доказательством был его роман с юной красавицей Эйлин, чья самоотверженная любовь и привязанность к нему заставили его впоследствии соединиться с ней брачными узами. Чувство порядочности в данном случае играло не меньшую роль, чем его влечение к Эйлин. Но с тех пор он считал себя свободным от всяких обязательств, решив, что он вправе распоряжаться собой и своими чувствами, как ему вздумается.

Он никогда не отличался склонностью к постоянству и не стремился к нему, и, однако, на протяжении целых восьми лет он старался завоевать любовь Беренис. Теперь, раздумывая над этим, он спрашивал себя: как может он честно и откровенно рассказать ей о самом себе? Она такая умная и чуткая. Умалчивание и ложь, которыми можно успокоить, если не вполне обмануть, всякую обыкновенную женщину, только уронят его в ее глазах.

Надо сказать, что как раз в это время в Дрездене у него была любовница, некая Арлет Уэйн. Он сошелся с ней год назад. Арлет жила тогда в маленьком городке в штате Айова; жажда вырваться из убогой среды, где ее талант неминуемо должен был зачахнуть, толкнула Арлет написать Каупервуду письмо, к которому она приложила фотографию, изображавшую ее очаровательное личико. Не получив ответа, она наскребла где могла немножко денег и явилась собственной персоной в Чикаго, в контору Каупервуда. И если фотографии оказалось недостаточно для достижения цели, то сама живая Арлет преуспела вполне. Ее настойчивость, уверенность в себе понравились Каупервуду; она показалась ему занятной и привлекательной. Кроме того, ею руководил не только грубый расчет: она серьезно увлекалась музыкой, и у нее был хороший голос. Убедившись в этом, он решил помочь ей. Арлет привезла с собой достаточно наглядные доказательства тех жалких условий, в которых ей приходилось существовать: фотографию крохотного домика, где она жила с матерью-вдовой, занимавшейся мелкой торговлей, и трогательный рассказ о том, как мать выбивалась из сил, чтобы заработать на жизнь и вывести ее в люди.

Разумеется, те несколько сот долларов, которые были нужны ей для того, чтобы пробиться, ровно ничего не значили для Каупервуда. Честолюбие в людях всегда находило в нем сочувствие: Арлет растрогала его, и он решил устроить ее будущее. Для начала он предоставил ей возможность брать уроки у профессоров в Чикаго. Затем, если выяснится, что игра стоит свеч, он пошлет ее за границу. Однако, чтобы ни в коей мере не компрометировать и не связывать себя, он назначил ей определенное содержание, которым она распоряжалась сама. Это содержание выплачивалось ей и по сие время. Он посоветовал ей привезти в Чикаго мать и поселиться с ней вместе. Арлет сняла маленький домик, выписала мать, они прочно обосновались здесь, и Каупервуд стал у них частым гостем.

Арлет была неглупа, искренне предана своему искусству, и у них постепенно сложились хорошие, дружеские отношения. У нее не было никаких поползновений как-нибудь скомпрометировать его. Не так давно, незадолго до появления Беренис, Каупервуд, предвидя, что ему, может быть, скоро придется распроститься с Чикаго, уговорил Арлет отправиться в Дрезден. И если бы не Беренис, возможно, что он сейчас гостил бы у Арлет в Германии.

Но теперь, сравнивая ее с Беренис, он уже не чувствовал к ней никакого влечения. Беренис овладела всем его существом. Однако музыкальные способности Арлет все-таки интересовали его, ему хотелось, чтобы она добилась успеха, поэтому он решил помогать ей и впредь. Но он чувствовал, что с ней уже все кончено, он должен вычеркнуть ее из своей личной жизни раз и навсегда. Для него это небольшая жертва. Ее день миновал. Теперь надо начать жить сызнова. Если Беренис потребует от него полной верности под угрозой разрыва — он готов подчиниться ее желаниям, каких бы это ему ни стоило усилий. Она достойна того, чтобы ради нее пойти на любую жертву. И мысленно видя ее перед собой, он погружался в мечты и строил планы на будущее, как когда-то в далекие дни ранней юности.

3

На следующее утро чуть попозже десяти Беренис позвонила Каупервуду, и они условились встретиться в его клубе.

Поднимаясь по особой лестнице в его апартаменты, она увидала, что он уже ждет ее на площадке. Дверь была открыта, и везде в холле и в комнатах были цветы. Но он до такой степени был не уверен в своей победе, что, когда она не спеша поднималась по ступенькам, глядя на него с улыбкой, он впился в ее лицо тревожным взглядом, боясь прочесть на нем, что она вдруг передумала. И только после того как она, переступив порог, позволила ему обнять себя и он крепко прижал ее к груди, у него отлегло от сердца.

— Пришла! — вскричал он радостно и заглянул ей в лицо, все еще не веря своему счастью.

— А вы думали, не приду? — спросила она, смеясь над выражением его лица.

— Но разве я мог быть уверен? — сказал он. — Ведь до сих пор вы никогда не были со мной такой, как мне хотелось.

— Это правда. Но вы ведь понимаете почему. Зато теперь все будет по-другому.

И губы ее слились с его губами.

— Если бы ты только знала, — сказал он, задыхаясь от волнения, — что это значит для меня, твой приход. Всю ночь я глаз не сомкнул. И у меня такое чувство, что мне больше никогда спать не захочется… Милые жемчужные зубки, а глаза, синие-синие! — шептал он, осыпая ее поцелуями. — А волосы — горят, как золото! — и он восхищенно потрогал их.

— Мальчик получил новую игрушку!

У него перехватило дыхание, когда он увидел ее чуть-чуть насмешливую, но ласковую улыбку; он крепко обнял ее и поднял на руки.

— Фрэнк! Пусти! Прическа! Да ты меня всю растреплешь!

Она, смеясь, отбивалась, когда он нес ее в спальню, озаренную дрожащим и пляшущим пламенем камина.

Было уже далеко за полдень, когда он, как шутливо заметила Беренис, настолько образумился, что с ним можно было спокойно разговаривать. Они уселись за чайным столиком перед камином. Она говорила, что ей хотелось бы остаться в Чикаго, чтобы быть поближе к нему, но, конечно, им надо устроиться так, чтобы не привлекать внимания. Он был совершенно согласен с ней. В связи с этой газетной шумихой он сейчас у всех на виду — достаточно ему только показаться с такой хорошенькой

женщиной, пресса мигом подхватит это и раздует невесть что; всем, разумеется, известно, что Эйлин живет отдельно от него в Нью-Йорке. Ему ни в коем случае нельзя появляться вместе с Беренис.

— Ведь для меня сейчас эта история с продлением концессии, — говорил он, — или, вернее, с провалом концессии, вовсе не значит, что работа моя кончена и что я брошу на произвол судьбы всю выстроенную мною сеть городского транспорта. Я столько лет занимался этим делом, акции моих предприятий раскуплены, тысячи пайщиков заинтересованы в них. И отнять эти акции ни у меня, ни у пайщиков без суда никак невозможно.

— И вот сейчас, Беви, — продолжал он, понизив голос, — самое время было бы подыскать какого-нибудь крупного финансиста или группу людей с капиталом, нечто вроде синдиката, который купил бы все это имущество по сходной цене, чтобы не обидно было ни им, ни нам. Но это, конечно, такое дело, которое сразу не делается. На него могут потребоваться годы. И я, в сущности, уверен, что, пока я сам не предприму каких-нибудь шагов и не постараюсь добиться этого как личного одолжения, вряд ли можно рассчитывать, что кто-нибудь явится сюда и сделает мне сколько-нибудь дельное предложение. Все знают, что это трудная штука — возиться с городским транспортом и заставить его давать прибыль. А потом эта судебная волокита, ее все равно не минуешь, кто бы ни польстился на это предприятие, будь то мои враги или какая-нибудь акционерная компания, которая решится взять дело в свои руки.

Он сидел с ней рядом и разговаривал с ней так, как если бы это был какой-нибудь пайщик или солидный финансист, такой же делец, как он сам. И хотя ее вовсе уж не так интересовали всякие подробности его финансовых дел, она чувствовала, что это действительно его сфера, что он живет в ней деятельной, напряженной и по-своему увлекательной жизнью.

— Я знаю только одно, — перебила она его, — это то, что, по-моему, тебя ничто сокрушить не может. Ты для этого слишком умен и слишком хитер.

— Допустим, — сказал он, явно польщенный. — Но так или иначе, на все это требуется время. Может быть, немало лет пройдет, прежде чем мне удастся сбыть с рук все эти транспортные предприятия. А между тем такая затяжка может принести мне немалый ущерб. Предположим, я задумал какое-нибудь новое дело, — я буду чувствовать себя связанным по рукам и по ногам, пока окончательно не распутаюсь со всей этой историей.

Он замолчал и, задумавшись, уставился в одну точку своими большими серыми глазами.

— Чего бы мне больше всего хотелось вот теперь, когда у меня есть ты, — медленно промолвил он, — это позабыть обо всех делах и отправиться с тобой куда-нибудь путешествовать. Довольно я потрудился. Ты для меня дороже всяких денег, несравненно дороже! Знаешь, как странно! Я только сейчас вдруг почувствовал, что я слишком много жизни ухлопал на все эти дела.

Он улыбнулся и обнял ее.

А Беренис, слушая его и с гордостью сознавая свою власть над ним, проникалась к нему чувством глубокой нежности.

— Вот это ты правду сказал, милый! — ответила она. — Ты точно какой-то громадный паровоз: летишь на всех парах, а куда — и сам не знаешь.

И она взъерошила ему волосы и ласково скользнула ладонью по его щеке.

— Я часто думала о твоей жизни и о том, чего тебе удалось достигнуть. Мне кажется, для тебя было бы очень хорошо уехать на несколько месяцев за границу, поглядеть кое-что в Европе. Я не представляю себе, что ты сейчас можешь здесь сделать? Разве только еще увеличить капитал? И ведь Чикаго, по правде сказать, совсем неинтересный город. По-моему, он просто отвратителен!

— Ну, этого я бы не сказал, — возразил Каупервуд, заступаясь за Чикаго, — у него есть и свои недурные стороны. Ведь я сюда, в сущности, приехал затем, чтобы сколотить капитал. И я прямо скажу, мне жаловаться не приходится.

— Да это я знаю! — сказала Беренис, немножко удивленная тем, что он так пылко заступается за Чикаго, несмотря на все обиды и неприятности, которых ему пришлось здесь натерпеться. — Только вот что, Фрэнк… — она помолчала, обдумывая, как бы получше выразить то, что ей хотелось сказать.

— Я считаю, что ты настолько крупнее, больше всего этого. Я, знаешь, всегда так думала! Неужели тебе не кажется, что тебе сейчас надо отдохнуть, оглядеться, поехать куда-нибудь, так просто, без всякого дела? Тебе может дорогой прийти какая-

нибудь счастливая мысль, может во время путешествия представиться случай — ну, скажем, возможность взяться за какую-нибудь крупную общественную постройку, которая принесет тебе не столько прибыль, сколько положение и славу. А может, тебя заинтересует какое-нибудь предприятие в Англии или во Франции? Мне бы так хотелось пожить с тобой во Франции… Ну, почему, правда, не поехать туда и не построить для них что-нибудь новенькое? А как насчет того, чтобы заняться городским транспортом в Лондоне? Или еще чем-нибудь в этом роде? Во всяком случае, что бы ни было, давай уедем из Америки.

Он одобрительно улыбнулся.

— Знаешь, Беви! — сказал он. — Хоть это и несколько противоестественно — обсуждать такие серьезные деловые вопросы, когда видишь перед собой эти синие глаза и копну золотых волос, — однако должен сказать, что ты рассуждаешь правильно. Примерно в середине того месяца, а может быть и раньше, мы с тобой уедем за границу — ты и я. И там уж я кое-что придумаю, что тебе будет по душе; год назад или около того мне делали предложение насчет подземной дороги в Лондоне. Я тогда так был занят своими делами тут, мне просто не до того было. Но теперь… — он похлопал ее по руке.

Уже смеркалось, когда Беренис, спокойная, улыбающаяся, сдержанная, простилась с Каупервудом и села в экипаж, который он для нее нанял.

Спустя несколько минут после ее ухода Каупервуд вышел на улицу, чувствуя себя совсем другим человеком, чем вчера. Радость жизни окрыляла его, и он уже строил планы: завтра с утра он поговорит со своим поверенным и поручит ему устроить совещание с мэром города и еще с несколькими влиятельными лицами, чтобы обсудить — на каких условиях и каким способом разделаться со всеми своими многочисленными предприятиями и обязательствами. А затем… затем будет Беренис. Мечта всей его жизни, которая наконец-то сбылась! Ну пусть он потерпел крах! Да никакого краха и не было! Жизнь — это любовь, а не только деньги и деньги!

4

Предложение насчет лондонской подземной дороги, о котором Каупервуд рассказывал Беренис, было сделано ему год назад двумя английскими предпринимателями, мистером Филиппом Хэншоу и мистером Монтегью Гривсом. Они привезли ему письма от нескольких хорошо известных лондонских и нью-йоркских банкиров и маклеров, рекомендовавших их как солидных подрядчиков по постройке железных дорог, городской транспортной сети и крупных заводов в Англии и других странах.

Несколько времени тому назад они вошли пайщиками в Электро-транспортную компанию (английская компания, учрежденная в целях расширения городского транспорта), вложив десять тысяч фунтов стерлингов для реализации проекта постройки подземной железной дороги, протяжением четыре-пять миль от станции Чэринг-Кросс — в центре Лондона — до Хэмпстеда, который с недавних пор начал превращаться в крупный жилой район. Одно из обязательных условий этого проекта заключалось в том, что новая линия подземки должна была связать прямым сообщением Чэринг-Кросс (конечную станцию Юго-Восточной железной дороги, которая обслуживала южные и юго-восточные районы Англии и являлась основной артерией, связывающей Англию с континентом) с Юстон стэйшен, конечной станцией Северо-Западной железной дороги, которая обслуживала северо-западные районы и соединяла Англию с Шотландией.

По словам мистера Гривса и мистера Хэншоу, Электро-транспортная компания располагала капиталом в тридцать тысяч фунтов стерлингов. Ей удалось провести в парламенте через обе палаты акт, предоставляющий ей право на постройку и эксплуатацию новой линии, которая отныне поступала в полную собственность компании. Однако для того чтобы добиться этого, Электро-транспортной компании пришлось, вопреки распространенному среди англичан мнению о своем парламенте, затратить изрядную сумму — не то чтобы подкупить ту или иную группу, но, как осторожно выразились мистер Гривс и мистер Хэншоу (которых Каупервуд, разумеется, понял с первого слова, ибо уж кто-кто, а он-то отлично разбирался в этом), дабы заручиться протекцией того или иного полезного лица, способного повлиять должным образом на членов комитета, от коих зависит решение дела; уж, конечно, такая протекция скорей обеспечит успех, чем если вы просто так, со стороны, обратитесь с ходатайством о предоставлении вам льготного подряда на крупную общественную постройку, тем более если она, как это бывает в Англии, поступает в ваше вечное владение. И вот, учитывая все это, и пришлось обратиться к юридической конторе «Райдер, Бэллок, Джонсон и Чэнс» — солидной, широко известной фирме, которую возглавляют талантливые и хорошо осведомленные в технических вопросах представители юридической профессии, пользующиеся заслуженной славой в столице Великобритании. Эта превосходная фирма обладала бесчисленными связями с крупными пайщиками и председателями самых различных компаний. Она действительно разыскала таких людей, которые сумели не только повлиять на членов комитета и провести акт в парламенте, но уже после того как акт был в руках у компании, а от первоначальной суммы в

тридцать тысяч фунтов почти ничего не осталось, сумели вовлечь в это предприятие Гривса и Хэншоу, — и они, взяв подряд на постройку в течение двух лет линии Чэринг-Кросс — Хэмпстед, заплатили год тому назад десять тысяч фунтов наличными.

Условия акта были довольно жесткие. Они предусматривали, что Электро-транспортная компания должна внести шестьдесят тысяч фунтов стерлингов в государственных ценных бумагах как залог в обеспечение того, что предполагаемые работы будут закончены к указанному сроку. Но, как эти лондонские предприниматели объясняли Каупервуду, не трудно будет найти такую группу финансистов, которые согласились бы за обычный ссудный процент внести требуемое количество ценных бумаг в предусмотренный условиями акта банк. А в парламентском комитете, если, разумеется, там будет заручка, безусловно можно добиться продления сроков окончания работ.

Однако после полутора лет усилий с их стороны и несмотря на то, что на это дело было ухлопано сорок тысяч фунтов стерлингов наличными и вложено на шестьдесят тысяч залоговых ценных бумаг, денег на прокладку туннеля (а требовалось на это миллион шестьсот тысяч фунтов) по сие время достать не удалось. Причина этого крылась в том, что хотя в Лондоне и функционировала успешно одна линия подземной дороги, Сити — Южный Лондон, оборудованная по всем правилам современной техники, — тем не менее это не могло убедить английских капиталистов в том, что вновь проектируемая подземная дорога, значительно большей протяженности и соответственно требующая значительно больших затрат, будет приносить доход. Две другие действующие линии городской железной дороги представляли собой полуподземку — по ней ходили паровички, которые то шли по открытому месту, то ныряли в туннель; одна из них, так называемая Районная железная дорога, проложена была на пять с половиной миль, другая — Метрополитен — всего на две мили. Между дорогами действовало соглашение о сквозном движении по обеим линиям. Но так как эти линии обслуживались паровой тягой, то туннели и платформы были закопченные, грязные — ни та, ни другая дорога почти не приносила дохода; и так как на деле пока еще никто не показал, что дорога, постройка которой обойдется в несколько миллионов фунтов, может приносить прибыль, английские капиталисты не склонны были заинтересоваться подобным предприятием. Отсюда возникла необходимость искать капитал в других частях света, и это в конце концов привело мистера Хэншоу и мистера Гривса — через Берлин, Париж, Вену, Нью-Йорк — к мистеру Каупервуду.

Каупервуд же, как он и говорил Беренис, был в то время до такой степени поглощен своими чикагскими неприятностями, что слушал рассказы мистера Хэншоу и мистера Гривса без всякого интереса. Но теперь, после того как его борьба за получение концессии кончилась полным провалом, и в особенности после того как Беренис выразила желание уехать из Америки, он вспомнил об их предложениях и планах. Конечно, ему тогда показалось, что они просто засыпались с этим своим проектом, на него уже ухлопано столько денег, что ни один опытный делец никогда не рискнет на такую авантюру; а все-таки, может быть, стоит посмотреть поближе — как там у них обстоит дело с подземной дорогой в Лондоне, и если окажется возможным развернуть строительство в широком масштабе и обойтись без того мошенничества, к которому он вынужден был прибегать в Чикаго, он даже готов отказаться от сверхприбылей. Он уже и сейчас архимиллионер, довольно ему загребать деньги, не заниматься же этим до конца своих дней.

А с таким прошлым, как у него, и после всей этой грязной газетной шумихи, поднятой его врагами, заслужить добрую славу — и особенно в Лондоне, который в своих коммерческих сделках до сих пор как будто слывет образцом непогрешимой честности, — вот было бы замечательно! Это даст ему возможность занять такое общественное положение, какого ему никогда не достигнуть у себя в Америке.

Он очень воодушевился этой идеей. А ведь ее подсказала ему Беренис, эта девочка, еще не видавшая жизни. Уж такой у нее природный дар, догадка, — вот она и почувствовала такую замечательную возможность. И подумать только, что все это — и лондонские перспективы, и все, что ни сулит ему в будущем жизнь с Беренис, — все выросло из какого-то легкомысленного приключения девять лет назад, когда он с полковником Натаниэлем Джилисом из Кентукки отправился в домик этого погибшего созданья, Хэтти Стар, матери его Беренис! И кто это выдумал, будто зло никогда не приводит к добру?

5

По мере того как Беренис постепенно привыкала к новым взаимоотношениям с Каупервудом, ее все больше и больше беспокоила мысль о том, как отвратить от себя опасные случайности, которые подстерегали ее со всех сторон. Она не обманывала себя на этот счет, решив соединить свою судьбу с Каупервудом, но сейчас она чувствовала, что ей уже надо быть наготове, нельзя терять ни минуты, чтобы не дать себя застигнуть врасплох.

Первая и главная опасность — Эйлин, эта ревнивая, неистово преданная жена, которая, едва только узнает, что Каупервуд любит Беренис, конечно не остановится ни перед чем, чтобы погубить ее. Затем — газеты. Они, конечно, с радостью предадут скандальной огласке ее связь с Каупервудом, если их будут часто видеть вдвоем. И наконец — мать: ведь надо же ей будет как-то объяснить, почему Беренис вдруг решилась на такой шаг; и потом еще брат, Ролфи, которого она теперь надеялась куда-нибудь пристроить с помощью Каупервуда.

Все это налагало на нее какую-то ответственность, обязывало ее быть постоянно настороже, взвешивать каждое свое слово, хитрить, вывертываться, никогда не терять самообладания и вместе с тем быть готовой на всякие жертвы и уступки.

И Каупервуд также частенько задумывался надо всем этим. Ведь Беренис теперь занимала главное место в его жизни, — как уберечь ее от неприятностей, сделать ее счастливой, устранить препятствия, которые не позволяют ему быть постоянной ней. Он начал всерьез подумывать о лондонском предложении. В следующее свиданье с Беренис, едва только она вошла, он сразу заговорил с ней обо всех этих делах.

— Знаешь, Беви, — сказал он, — а эта твоя идея насчет Лондона кажется мне очень заманчивой. Тут, несомненно, заложены кое-какие возможности.

И он рассказал ей все, что он за это время передумал, и припомнил разные подробности из своего разговора с лондонскими подрядчиками.

— И вот я сейчас думаю: пожалуй, в первую очередь мне надо будет послать кого-нибудь в Лондон, узнать, остается ли это предложение в силе? Если окажется, что да, тогда путь открыт и эта твоя замечательная идея может осуществиться.

Он посмотрел на нее с улыбкой, словно поздравляя ее с тем, что она так хорошо придумала.

— Однако мы с тобой должны действовать осторожно, нам надо опасаться, во-первых, газетной огласки, а во-вторых — какого-нибудь неожиданного сюрприза, который нам в любую минуту может преподнести Эйлин. Это существо сумасбродное, неуравновешенное; ее поступками управляют только чувства, а не рассудок. Я много лет пытался объяснить ей насчет самого себя: как человек помимо своей воли может измениться в течение жизни. Но она этого никак понять не может. Она считает, что человек меняется только потому, что он сам этого хочет.

Он замолчал и невольно усмехнулся.

— Она из той породы женщин, которые хранят вечную привязанность: полюбит — и всю жизнь будет любить одного человека.

— А тебе это не нравится? — спросила Беренис.

— Напротив! По-моему, это замечательно, но только беда в том, что я-то сам до сих пор никогда еще таким не был…

— И не будешь! — поддразнила его Беренис.

— Не говори так, — жалобно взмолился он. — Зачем ты меня дразнишь? Ведь я только хочу сказать тебе, что для нее просто непонятно, как это так может быть: вот я когда-то был в нее влюблен, а теперь почему-то этого больше нет. И у нее это так наболело, что любовь ее сейчас обратилась в ненависть, или, может быть, она просто старается убедить себя в этом. Но хуже всего то, что все это у нее смешано с чувством гордости, — она носит мое имя, она моя жена. Когда-то она мечтала блистать в обществе, да и мне тоже очень хотелось предоставить ей такую возможность; мне казалось, что мы оба от этого выиграем. Но я скоро убедился, что для этого у нее не хватает уменья, такта, и просто она недостаточно умна. А потом уж я и сам отказался от мысли обосноваться в Чикаго. Меня больше привлекал Нью-Йорк. Великолепный город, деловая столица, настоящее место для человека с деньгами. Дай-ка, думаю, попробую там. И тут-то мне пришло на ум, что, быть может, я не всегда буду жить с Эйлин, но, хочешь верь, хочешь нет, впервые эта мысль промелькнула у меня, когда я увидел твой портрет в Луисвиле — тот самый, который я теперь всегда ношу с собой. И вот после этого я и решил выстроить дом в Нью-Йорке и сделал из него настоящий музей, надеясь обосноваться в нем раз навсегда. Я думал, что если ты когда-нибудь обратишь на меня внимание…

— Так, значит, этот роскошный особняк, в котором я никогда не буду жить, — задумчиво сказала Беренис, — был выстроен для меня!.. Как странно!

— Такова жизнь! — вздохнул Каупервуд. — Но ведь мы с тобой и так будем счастливы.

— Конечно, — отвечала она. — Мне просто показалось это удивительным. Я не хочу доставлять никаких огорчений Эйлин, ни за что на свете!

— Да, я знаю, что у тебя нет никаких предрассудков. Ты умная, Беви, и, может быть, ты даже лучше меня придумаешь, как нам из всего этого выпутаться.

— Наверно что-нибудь придумаю, — спокойно промолвила она.

— Но, кроме Эйлин, надо еще иметь в виду и газеты. Ведь они мне просто жить не дают. Стоит им только пронюхать про этот лондонский проект, — предположим, что я действительно надумаю за это взяться, — тут такой поднимется звон! А если еще кто-нибудь догадается твое имя к моему приплести — ну, тогда тебя совсем заклюют, налетят, точно коршуны! Я пока что вижу только один выход — либо мне удочерить тебя, стать твоим приемным отцом, либо, если мы поедем в Лондон, выступить там в роли твоего опекуна. Это даст мне право находиться около тебя под тем предлогом, что я распоряжаюсь твоим состоянием. Что ты об этом скажешь?

— Ну что ж, — помолчав, ответила она, — других возможностей я пока не вижу; а насчет поездки в Лондон нужно будет еще хорошенько подумать. Ведь я забочусь не только о себе одной.

— Конечно, ты совершенно права, — сказал Каупервуд. — Но если нам хоть чуточку повезет, то все это мы с тобой преодолеем. Сейчас надо помнить об одном — чтобы нас как можно меньше видели вместе. Но прежде всего — надо придумать какой-нибудь способ отвлечь внимание Эйлин. Потому что она-то, конечно, знает о тебе решительно все. Ведь я тогда в Нью-Йорке часто бывал у вас, ну и ясно, она подозревала, что мы с тобой в связи. Конечно, я тебе не мог этого рассказать. Кажется, ты меня тогда недолюбливала.

— Вернее, не совсем понимала, — поправила Беренис. — Ты тогда был для меня слишком большой загадкой.

— А теперь?

— Боюсь, что и теперь тоже.

— Ну уж этому я не поверю! Однако насчет Эйлин мне что-то ничего в голову не приходит. Она до того подозрительна! Пока я живу здесь и только изредка наезжаю в Нью-Йорк, она как будто ничего, терпит. Но если я уеду надолго и поселюсь в Лондоне, а газеты будут изощряться в догадках… — он не договорил и задумался.

— Ты боишься, что она будет болтать? Или что она приедет к тебе и устроит сцену?

— Трудно сказать, что она может сделать или что ей придет в голову. Будь у нее какое-нибудь занятие или развлечение, может быть, она и ничего бы не стала делать. Но, принимая во внимание, что она за эти последние годы пристрастилась к вину, от нее можно ожидать всего. Несколько лет назад она как-то раз вот так с горя напилась и пыталась покончить с собой… (У Беренис невольно сдвинулись брови.) Хорошо, я подоспел вовремя, высадил дверь и ворвался к ней. Потом уже я как-то сумел на нее повлиять.

И он описал Беренис всю эту сцену, но постарался оставить себя в тени, боясь, что она упрекнет его в безжалостности.

Беренис слушала и только теперь убеждалась, что Эйлин действительно любит его без памяти, а она, Беренис, обрекает ее на новые неизбежные страданья! Но ведь что бы ни делала Эйлин, Каупервуд все равно не изменится! «А я, — думала Беренис, — для меня самое важное отомстить этому светскому обществу… И, конечно, я люблю Фрэнка». И, конечно, она по-своему любила его. Он действовал на нее словно какое-то сильно возбуждающее средство. Ее восхищала его мощь, его неукротимая энергия — в нем было какое-то неотразимое обаяние. Их союз может быть прочным, они могут положиться друг на друга, но только надо постараться не огорчать и без того несчастную Эйлин.

Она сидела молча, задумавшись.

— Да, в самом деле трудная задача, — наконец промолвила она. — Но у нас еще будет время подумать. Давай отложим ее пока: у меня это все равно в голове, не бойся, я не забуду.

Она окинула Каупервуда теплым, задумчивым взглядом. И мягкая, словно ободряющая улыбка скользнула по ее губам.

— Вдвоем-то мы с тобой что-нибудь да придумаем, — сказала она. И, встав со своего кресла у камина, подошла к нему, ласково провела ладонью по его волосам и села к нему на колени.

— Оказывается, на свете бывают не только финансовые проблемы, — целуя его в лоб, шутливо промолвила она.

— Да, бывают иной раз и другие, — так же шутливо отвечал он, растроганный ее сочувственным пониманием.

Накануне была метель, выпало много снега.

— Не поехать ли нам с тобой прогуляться, чтобы отвлечься от всех этих проблем? — предложил он. — Сейчас самое время прокатиться в санях. Вот мы с тобой и проведем вечер — поедем на Норс-Шор, там есть такая уютная гостиница на самом берегу; поужинаем, полюбуемся озером — оно очень красиво при луне.

Прогулка их затянулась, и Беренис приехала домой далеко за полночь. Сидя у себя в спальне перед камином, она снова и снова возвращалась мыслью все к той же неотвязной проблеме. Она уже послала телеграмму матери, чтобы та не откладывая ехала в Чикаго. Она проводит ее с вокзала в гостиницу на Северной стороне, и они там устроятся вместе… Когда мать будет здесь, тогда можно будет спокойно поговорить с ней и посвятить ее во все их планы.

Но, раздумывая об этом, Беренис неотступно видела перед собой Эйлин: Эйлин одна, совсем одна в своем громадном дворце в Нью-Йорке, Эйлин — все еще красивая, но уже отцветшая, обрюзгшая, ибо ей все так немило, что не хочется и следить за собой, и одета она как-то безвкусно — роскошно, а без всякого толку. Возраст, внешность, узкий умственный кругозор — все это, конечно, не оставляло Эйлин ни малейшей возможности соперничать с Беренис. И Беренис обещала себе, что она никогда, никогда не будет жестокой к Эйлин, как бы мстительно и враждебно ни поступала Эйлин по отношению к ней. Нет, она все равно будет относиться к ней сочувственно, великодушно и со стороны Каупервуда не потерпит никакой жестокости, никакого небрежения к Эйлин. У нее сжималось сердце от жалости, когда она представляла себе, сколько горя выпало на долю этой несчастной женщины. Ибо как ни молода была Беренис, она уже перенесла немало, она видела, как страдает мать, и достаточно выстрадала сама. И эти раны еще не совсем затянулись.

Итак, она решила, что ее роль в жизни Каупервуда должна быть как можно более незаметной со стороны. Она поедет с ним, куда бы он ни захотел; она знает, что она для него сейчас все, но они должны держать себя так, чтобы их отношения для всех оставались тайной.

Вот если бы найти какое-нибудь средство отвлечь Эйлин от ее горьких мыслей, тогда бы она не питала такой бурной ненависти к Каупервуду и даже, если бы узнала все, не так бы уж ненавидела и Беренис.

У нее мелькнула было мысль о религии, вернее, не столько о религии, сколько о каком-нибудь пасторе или духовнике, который своими душеспасительными беседами мог бы повлиять на Эйлин. Всегда можно найти такого благорасположенного, хотя на самом деле весьма расчетливого наставника душ, который в надежде на щедрую награду или на то, что его не забудут в завещании, охотно возьмется утешать и наставлять ее. Беренис даже припомнила, что в Нью-Йорке она знала одного такого священника — преподобный Виллис Стил, настоятель церковного прихода Сен-Суизина. Она не раз бывала в этой церкви, ее тянула туда не столько потребность молиться, сколько желание побыть в тишине, помечтать под этими высокими сводами, слушая величественные звуки органа. Преподобный Виллис, человек средних лет, приятной внешности, отличался необыкновенной вкрадчивостью и мягкостью манер; однако, при всем его светском лоске, денег у него, по-видимому, было не много. Беренис вспомнила, как он однажды попробовал наставлять ее, но это воспоминание только рассмешило ее и она оставила мысль о духовном наставнике. А все-таки нужно, чтобы кто-то развлек и занял Эйлин.

И тут ей пришло на ум, что для этой цели можно просто кого-нибудь нанять. В светских кругах в Нью-Йорке ей нередко приходилось встречать таких беспутных молодых людей с прекрасными манерами, но без всяких средств. Так вот, если заплатить такому молодому человеку хорошие деньги или предложить солидное содержание, он безусловно мог бы создать для Эйлин если и не совсем светское, то во всяком случае вполне приличное и интересное окружение, занять и развеселить ее. Но как разыскать такого молодого человека и как обратиться к нему с таким предложением?

Беренис сознавала, что эта ее идея может показаться несколько циничной, особенно если она сама преподнесет ее Каупервуду; но вместе с тем она считала, что это блестящая мысль и пренебрегать ею отнюдь не следует. Ведь Каупервуду достаточно только намекнуть, — это может сделать ее мать, — а уж он сам сообразит, как это можно устроить.

6

Генри де Сото Сиппенс — вот на кого пал выбор Каупервуда, когда он решил послать агента в Лондон, чтобы хорошенько обследовать и выяснить реальное положение вещей, финансовые и прочие возможности постройки лондонского метрополитена.

Он откопал Сиппенса много лет тому назад, и тот оказал ему поистине неоценимые услуги во время его первой кампании, когда он добивался концессии на проведение газа в Чикаго. Деньги, которые Каупервуд заработал на этой концессии, дали ему возможность скупить нужные ему участки и забрать в свои руки постройку городского транспорта. Он привлек к этому делу Сиппенса, обнаружив в нем истинный талант по части выуживания всяких необходимых сведений в любой отрасли городского хозяйства и организации различных общественно полезных предприятий. Сиппенс, человек нервный, раздражительный, легко выходил из себя и, нередко случалось, допускал некоторую бестактность. Но при всем своем неистребимом обывательском американизме, весьма ценном, но иной раз совершенно невыносимом, это был исключительно преданный человек, на которого можно было безусловно положиться.

Сиппенс был убежден, что Каупервуду на этот раз нанесен роковой удар, что он потерпел полный крах, лишившись своих долгосрочных концессий. Он не представлял себе, как сможет его патрон возместить убытки и рассчитаться с местными воротилами, которые вложили в его предприятия немало денег и вряд ли склонны были потерять на этом хотя бы один процент. С того самого вечера, когда Каупервуд потерпел поражение, Сиппенс не находил себе места и с ужасом думал, как он теперь встретится с патроном. Что ему сказать? Как можно решиться выразить свое сочувствие этому человеку, который всего какую-нибудь неделю назад казался несокрушимым гигантом в этом мире воротил и дельцов?

И вот на третий день после катастрофы Сиппенс неожиданно получил телеграмму от одного из секретарей Каупервуда с предложением немедленно явиться к прежнему патрону. Когда Сиппенс вошел в кабинет и увидел веселого, оживленного и прямо-таки сияющего Каупервуда, он просто остолбенел от удивления, не веря собственным глазам.

— С добрым утром, патрон! Приятно видеть вас в таком отменном настроении.

— Да, давно уж я себя так хорошо не чувствовал. Ну, а вы как поживаете, де Сото? Могу ли я по-прежнему рассчитывать на вас?

— Уж вам ли меня не знать, патрон! Я никогда от вас не отступался. Что бы ни случилось, я для вас готов на все.

— Знаю, де Сото, знаю! — улыбнулся Каупервуд.

Любовь Беренис, вознаградившая его за все неудачи, внушила ему уверенность, что для него теперь открывается новая, самая значительная страница жизни. Поэтому он был полон самых радужных надежд и расположен относиться добродушно ко всем на свете.

— Я тут задумал одно дело, де Сото, и хочу поручить его вам, потому что дело это совершенно секретное, а на вас, я знаю, можно положиться.

Губы его плотно сжались и в глазах появился тот холодный, непроницаемый металлический блеск, который невольно бросал в дрожь всякого, кто относился к Каупервуду враждебно или имел основания побаиваться его. Сиппенс, выпрямившись, выпятив грудь колесом, стоял не шелохнувшись; он весь обратился в слух. Это был маленький человечек, ростом не выше пяти футов, но он носил обувь на больших каблуках, высоченный цилиндр, который снимал только перед Каупервудом, и широкое длинное пальто, подбитое ватой на груди; все это, по его мнению, должно было придавать ему внушительную осанку и увеличивать рост.

— Спасибо, патрон, — пробормотал он, — для вас я хоть к дьяволу в преисподнюю. Сами знаете.

Голос у него прерывался, губы дрожали, — до такой степени он был взвинчен похвалой патрона, этим свидетельством доверия, и всем тем, что ему пришлось вынести за последние месяцы, да и за всю свою многолетнюю службу у Каупервуда.

— На этот раз обойдется без преисподней, — сказал Каупервуд, улыбаясь и откидываясь в кресле. — Довольно мы в ней жарились. Второй раз не полезем, баста. Вы сейчас сами увидите, де Сото, какие перед нами открываются райские перспективы: речь идет о Лондоне, о лондонском метрополитене. Нам с вами надо выяснить, какие там для меня есть возможности.

Он дружески поманил Сиппенса и указал ему на стул рядом с собой. А Сиппенс, совершенно ошеломленный, стоял не двигаясь и смотрел на него, разинув рот.

— Лондон? — наконец выговорил он. — Нет, в самом деле, патрон! Вот это замечательно! Сказать по совести, я знал, что вы что-нибудь да придумаете, клянусь вам, патрон, я чувствовал это с самого начала.

Голос его дрожал, руки тряслись, а лицо так и сияло, словно его вдруг осветили изнутри. Он опустился на стул, вскочил, потом снова сел — это всегда было у него признаком сильного волненья. Наконец, дернув свой длинный лихо закрученный ус, он замер на месте и уставился на Каупервуда восхищенным и вместе с тем внимательно настороженным взглядом.

— Спасибо, де Сото! — прервал молчание Каупервуд. — Я так и думал, что это может вас немножко встряхнуть.

— Меня встряхнуть! — вскричал Сиппенс. — Да ведь на вас, патрон, можно диву даваться! Подумать только! Едва вы отбились от всех этих чикагских стервятников — глядишь, у вас все снова на ходу, кипит, бурлит, ворочается! Ну разве не чудо это! Конечно, я всегда знал, что свалить вас никто не свалит. Но, признаться, после этой истории с концессиями, я думал, вы

скоро не вывернетесь. А глядишь, вы уж вон что задумали. Да разве вас что может согнуть? Нет, вы, патрон, вроде как дуб среди кустарника. Да я бы от такой штуки просто ко дну пошел, и следов бы от меня не осталось. А вы — вам все нипочем! Приказывайте, патрон, все выполню в точности. И ни одна душа ничего знать не будет, на этот счет можете быть…

— Да, это как раз одно из главных условий, де Сото, — перебил его Каупервуд, — строжайшая тайна; а затем, конечно, ваше замечательное чутье. Вот две вещи, с помощью которых мне, быть может, удастся осуществить то, что я задумал. И никто из нас, надеюсь, от этого в убытке не останется.

— Да что об этом говорить, что вы, патрон! — с искренним возмущением и весь передергиваясь запротестовал де Сото. — Подсчитать, сколько я получил благодаря вам — хватит мне до самой могилы, даже если я больше ни цента не заработаю. Вы только объясните мне, что вам требуется, а уж я сам обмозгую, постараюсь, как могу, а не удастся — так прямо вам и скажу — не вышло.

— Ну, этого я еще от вас никогда не слыхал, де Сото, да надеюсь, что и не услышу. Так вот, в двух словах: примерно с год назад, когда у нас здесь вся эта канитель заварилась из-за участков, ко мне приезжали два англичанина из Лондона, агенты какого-то там синдиката, что ли. Потом я вам все расскажу подробно, а сейчас только самую суть дела…

И он кратко пересказал Сиппенсу разговор с Гривсом и Хэншоу и кой-какие собственные соображения на этот счет.

— На мой взгляд, они засыпались с этим контрактом, де Сото. Они ухлопали в него что-то около полмиллиона долларов. А показать нечего — кроме этого самого контракта или подряда, ну, попросту сказать — разрешенья построить линию на участке в четыре-пять миль. И все! А ведь эту линию предстоит еще как-то связать с двумя другими, уже действующими линиями. Они это сами подчеркнули. Так вот что меня в этом деле интересует, де Сото: прежде всего не только вся ныне действующая система лондонского подземного транспорта, но и значительное ее расширение, если это осуществимо. Вы меня, конечно, понимаете: новые подземные линии, на большие расстояния, в районах, которых пока еще никто не догадался копнуть, ну, словом, что-то такое, что могло бы давать доход. Понятно вам?

— Понятно, патрон!

— Затем, — продолжал Каупервуд, — надо раздобыть карты — общий план с подробным описанием города, план уличного движения, наземной сети и подземной, — чтобы видно было начало и конец каждой отдельной линии; желательно еще и геологические карты и кой-какие сведения насчет почвы. Затем нужно обследовать соседние районы, куда можно будет подвести подземку, выяснить, кто населяет их, а если это еще нежилой район, кто может там поселиться в будущем. Вам ясно?

— Все ясно, патрон.

— Далее — в чьих руках находятся концессии на ныне действующие подземные дороги — контракты, как это у них там называется. Сроки их, протяженность линий, имена владельцев. Имена самых крупных пайщиков. Как идет эксплуатация, какой доход от нее. Словом, все, что можно разузнать, не привлекая к себе лишнего внимания и ни в коем случае не заикаясь обо мне. Ну, это-то вы, конечно, понимаете почему?

— Все понимаю, патрон.

— Затем, де Сото, меня интересует жалованье служащих и эксплуатационные расходы.

— Да, да, ясно, — поддакивал Сиппенс, уже соображая про себя, как ему приступить к делу.

— Потом стоимость подземных работ, расходы на оборудование. И какие могут быть убытки и издержки при переводе линий с паровой тяги — у них это, видите, до сих пор по старинке — на электричество. И нельзя ли там будет оборудовать тягу с «третьим рельсом», — говорят, на новом метрополитене в Нью-Йорке его уже вводят. Вы знаете, англичане — ведь это совсем другой народ, у них все не так, как у нас, и я бы хотел, чтобы вы мне и об этом все, что можно, разузнали. И, наконец, надо поинтересоваться, в какой у них там цене земельные участки, — ведь цены могут вскочить, чуть только начни строить, и, может быть, есть смысл скупить кое-какие участки заранее, как, помните, мы с вами делали в Лейк-Вью и в прочих местах?

— Еще бы мне не помнить! — сказал Сиппенс. — Я уже понимаю, что вам надо, патрон. Поеду, разузнаю и привезу все, что требуется, а может еще и побольше. Ну, это просто великолепно! И я так счастлив, я прямо горжусь тем, что вы меня вспомнили. А как вы считаете, когда я примерно должен выехать?

— Немедленное — отвечал Каупервуд. — Вам надо сейчас же подыскать кого-нибудь, чтобы передать ваши дела в пригороде.

Он говорил об управлении пригородной железнодорожной сети, где Сиппенс был директором.

— Я думаю, вам всего лучше сдать дела Китереджу; скажите, что вы собираетесь провести зиму в Европе или в Англии. И хорошо бы избежать всяких заметок о вашем отъезде в прессе; ну, а уж если не удастся, — придумайте какой-нибудь предлог, сделайте вид, что интересуетесь чем угодно, только не транспортом. И как только разузнаете, кто там из английских капиталистов подумывает заняться постройкой метрополитена или в какой-то мере связан с этим делом и с ним стоило бы столковаться, немедленно поставьте меня в известность. Потому что, разумеется, это будет отнюдь не американское предприятие, а английское с начала до конца. И вы должны это хорошенько усвоить, де Сото. Англичане, вы знаете, недолюбливают нашего брата американца, и я вовсе не желаю давать никаких поводов для разжигания вражды к американцам.

— Все ясно, патрон! У меня к вам только одна просьба: если окажется, что я смогу быть для вас как-то полезен в дальнейшем, вы уж меня там не забудьте; столько лет я с вами работаю, под вашим началом, не могу даже себе и представить, как я без вас стал бы…

Он замолчал, глядя на Каупервуда умоляющими глазами. И Каупервуд ответил ему дружески покровительственным, но вместе с тем ничего не обещающим взглядом.

— Хорошо, хорошо, де Сото! Все это я знаю и понимаю. Посмотрим, что из всего этого выйдет. Я для вас всегда сделаю, что смогу, и, разумеется, я о вас помню.

7

Покончив со всеми наставлениями Сиппенсу и выяснив, что для ликвидации чикагских дел ему необходимо будет съездить в Нью-Йорк, чтобы обсудить кой с кем из крупных финансистов, каким образом реализовать хотя бы некоторую часть своих вложений, Каупервуд решил дать себе временную передышку, и мысли его сами собой устремились к Беренис. Как бы устроить так, чтобы поехать с ней путешествовать вдвоем и жить с ней, не опасаясь огласки?

Разумеется, он представлял себе гораздо яснее, чем Беренис, какие прочные узы долгой совместной жизни, вместе пережитых событий, издавна установившихся привычек связывали его так тесно, так неразрывно с Эйлин. Это было нечто такое, чего Беренис была не в состоянии себе представить, тем более что она уже давно догадывалась о его пылких чувствах к ней. Для Каупервуда было совершенно очевидно, что, во избежание скандала, с Эйлин надо держаться только одной тактики — тактики умиротворения и обмана. Всякий другой способ действий будет чрезвычайно рискованным, в особенности, если у него выйдет что-нибудь с этим предприятием в Лондоне, и тем более сейчас, после всей этой скандальной шумихи в связи с созданными им компаниями и чересчур смелыми приемами, к которым он прибегал в Чикаго. Ведь его обвиняли во взяточничестве и чуть ли не в подрыве общественных устоев. И навлечь на себя сейчас обвинение в безнравственности или угрозу какой-нибудь публичной выходки со стороны Эйлин, — от нее можно всего ожидать, она способна в газеты сообщить о его отношениях с Беренис, — это будет уж совсем из рук вон плохо.

Кроме того, Каупервуда беспокоило еще одно обстоятельство, которое также могло повести к неприятностям с Беренис: это были его отношения с другими женщинами. Кое-какие из его прежних связей еще не совсем оборвались. С Арлет Уэйн, можно было считать, дело покончено. Но оставалась еще Керолайн Хэнд, жена Хосмера Хэнда, крупного чикагского акционера железнодорожной и мясо-консервной компаний. Керолайн в то время, когда Каупервуд только что познакомился с ней, была совсем юной и мало походила на замужнюю даму. Хэнд развелся с ней из-за Каупервуда, но закрепил за Керолайн недурной капитал. Она и сейчас еще была очень привязана к Каупервуду. Он купил ей дом в Чикаго. В годы своей ожесточенной борьбы за место среди чикагских дельцов он часто бывал у нее; ведь он в то время был совершенно убежден, что Беренис никогда его не полюбит.

Теперь Керолайн собиралась переехать в Нью-Йорк, она хотела быть поближе к нему, когда он окончательно развяжется с Чикаго. Керолайн была неглупая женщина, не ревновала его — во всяком случае никогда не показывала своей ревности. Она была очень хороша собой, только одевалась немного чересчур вызывающе. Веселая, остроумная, она всегда умела привести его в хорошее настроение. Ей минуло тридцать, но на вид ей можно было дать двадцать пять, а по живости характера она, пожалуй, могла бы поспорить с двадцатилетней. Вплоть до самого последнего времени, когда неожиданно появилась Беренис, и даже и теперь, хотя Беренис этого и не знала, Керолайн устраивала у себя приемы и рассылала приглашения всем, кого Каупервуду нужно было повидать. Вот об этом-то особнячке на Северной стороне и упоминалось в чикагских газетах, когда в прессе поднялась кампания против Каупервуда. Керолайн всегда говорила ему, что если он когда-нибудь ее разлюбит, он должен честно сказать ей об этом, и она не станет его удерживать.

Раздумывая теперь о своих взаимоотношениях с ней, Каупервуд спрашивал себя, а что если поймать ее на слове, поговорить с ней откровенно, начистоту и расстаться. Но даже при всей его любви к Беренис такой шаг казался ему чересчур крайним. Не лучше ли пока повременить, а потом, может быть, ему как-нибудь удастся объясниться и с той и с другой? Но во всяком случае

его отношения с Беренис надо оградить от всего этого. Он поклялся принадлежать ей одной и, насколько в его силах, должен сдержать свою клятву.

Но главным источником беспокойства все-таки оставалась Эйлин. Ему невольно вспоминались первые встречи с ней и все те события и случайности, которые привели их к такому длительному, прочному союзу. Какая это была бурная, неистовая любовь, когда она явилась к нему в Филадельфии, и как это потом печально обернулось для него, ибо эта история сыграла тогда немалую роль в его первом финансовом крахе. Веселая, безрассудная, влюбленная Эйлин, как пылко она отдавала ему всю себя! И жаждала получить взамен — вечную привязанность, гарантию верности, которой любовь на всем пути своего сокрушительного шествия еще никому не давала. И даже теперь, после стольких лет и всяких любовных историй в его, да и в ее жизни, она все такая же, не изменилась. И все так же любит его.

— Знаешь, дорогая, — сказал он Беренис, — я эти дни все думаю об Эйлин. Мне все-таки очень жаль ее. Подумай только, одна, в этом огромном доме в Нью-Йорке, никаких сколько-нибудь интересных знакомых, так, какие-то лоботрясы вертятся около нее; тащат ее в рестораны, устраивают кутежи да попойки, выманивают у нее деньги, потому что, разумеется, платит за все она. Я это знаю от слуг, они мне и сейчас преданы.

— Да. Конечно, это очень грустно, — отозвалась Беренис. — Но я понимаю ее.

— Мне вовсе не хочется быть жестоким по отношению к ней. Ведь, в сущности, кругом виноват я. Знаешь, мне пришло в голову — а что если подыскать какого-нибудь такого приятного молодого человека из нью-йоркского общества, ну, разумеется, не из высших кругов, но вполне приличного молодого человека, который за известное вознаграждение взялся бы познакомить ее с интересными людьми, ходил бы с ней в театры, словом, развлекал ее. Разумеется, я говорю это не в таком смысле…

Он посмотрел на Беренис, и губы его искривились невеселой улыбкой.

Беренис слушала его с самым невозмутимым видом, и по ее лицу нельзя было догадаться, что слова Каупервуда очень обрадовали ее, ибо она сама не раз об этом думала. У нее только чуть-чуть дрогнули уголки губ и в глазах мелькнуло удивленное выражение.

— Не знаю, — осторожно протянула она, — может, на свете и бывают такие молодые люди…

— Да ими хоть пруд пруди, — деловито продолжал Каупервуд. — Но, конечно, это должен быть американец. Эйлин терпеть не может иностранцев, ухаживателей иностранцев, я хочу сказать. Я только одно знаю: если мы хотим, чтобы у нас все шло мирно и нам с тобой можно было спокойно отправиться путешествовать, надо что-то придумать и как можно скорей.

— Мне как будто припоминается один такой человек, и, пожалуй, он мог бы подойти, — задумчиво промолвила Беренис. — Его зовут Брюс Толлифер. Он из виргинских и южно-каролинских Толлиферов. Ты, может быть, даже его знаешь.

— Нет, — отвечал он. — Но это действительно такой тип, какого я имею в виду?

— Очень красивый молодой человек, если ты это имеешь в виду, — продолжала Беренис. — Я с ним не знакома, видела его раз в Нью-Джерси у Денни Мур на теннисном корте. Эдгар Бонсиль тогда же и рассказал мне, что это жалкий паразит, что он всегда живет на содержании у какой-нибудь богатой женщины, ну вот, например, у Дении Мур.

Беренис рассмеялась и добавила:

— Мне кажется, Эдгар побаивался, как бы я не влюбилась в этого Толлифера. Он, правда, мне очень понравился, такой красивый!

И она посмотрела на Каупервуда и улыбнулась с таким видом, как если бы она только что вспомнила о существовании этого молодого человека.

— Стоит подумать! — заметил Каупервуд. — Его, наверно, прекрасно все знают в Нью-Йорке.

— Да, мне помнится, Эдгар говорил, что он часто встречает его на Уолл-стрите. Вряд ли он занимается какими-нибудь финансовыми делами, просто делает вид, что принадлежит к этим кругам. Наверно, чтобы произвести впечатление.

— Вот как! — воскликнул Каупервуд, очень довольный ее рассказом. — В таком случае я разыщу его без труда, хотя таких молодчиков много везде толчется. Да мне самому не раз приходилось с ними встречаться.

— По-моему, в этом есть что-то очень гадкое, — сказала Беренис. — Ужасно, что нам с тобой приходится говорить о таких вещах. И потом, если ты свяжешься с таким типом, какая у тебя может быть уверенность в том, что он не впутает Эйлин в какую-нибудь неприятность?..

— Но ведь я для нее же стараюсь, Беви, для ее пользы. Пойми это. Я просто хочу найти такого человека, который мог бы для нее сделать то, что ни она сама, ни я, ни даже мы с ней вместе не можем и не сумеем сделать.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на Беренис. А она ответила ему грустным и несколько недоумевающим взглядом.

— Мне нужен человек, который взял бы на себя труд развлекать и занимать ее. И я готов заплатить за это. И щедро заплатить.

— Ну, хорошо, хорошо, посмотрим, — сказала Беренис и, как бы желая прекратить этот неприятный разговор, стала рассказывать о своих делах: — Я жду завтра маму; поезд приходит в час. Я уже сняла номер в гостинице в Брендингхэме. Да, я хотела еще поговорить с тобой относительно Ролфи.

— А что такое?

— Да он ни к чему не пригоден. Его никогда ничему не учили. Я думала, хорошо бы найти для него какое-нибудь дело.

— Ну, насчет этого ты можешь не беспокоиться. Я мигом пристрою его к кому-нибудь из моих компаньонов. Пусть приезжает сюда, и я направлю его к кому-нибудь в качестве секретаря. Скажу Китереджу, он ему напишет.

Беренис посмотрела на него долгим взглядом, растроганная его готовностью прийти ей на помощь и той легкостью, с какою он все разрешал.

— Пожалуйста, не считай меня неблагодарной, Фрэнк! Ты так добр ко мне.

8

В то самое время, когда Беренис рассказывала Каупервуду о Брюсе Толлифере, объект этого щекотливого разговора, красивый шалопай без гроша за душой, нежил свою уже несколько потрепанную плоть — вместилище весьма изменчивого и изобретательного духа — в одной из самых крошечных комнатушек меблированного пансиона миссис Сельмы Холл на Восточной пятьдесят третьей улице. Некогда это был весьма фешенебельный квартал в Нью-Йорке, но, зажатый со всех сторон тесными рядами мрачных коричневых зданий, он теперь обратился в один из самых захудалых. Во рту у Толлифера был отвратительный вкус после попойки и бессонной ночи, но под рукой у него, на расшатанном табурете, стояла бутылка виски, сифон с содовой водой и валялась растрепанная пачка папирос. Бок о бок с ним на откидной половине дивана лежала хорошенькая молодая актриса, которая делила с Толлифером свои доходы, свой кров и стол и все, чем она располагала на белом свете.

Оба они дремали, хотя время уже приближалось к одиннадцати. Но прошло несколько минут, и Розали Харриген открыла глаза. Окинув взглядом убогую комнатку с потемневшими обоями, на которых кое-где проступал их первоначальный палевый цвет, и стоявший в углу низенький туалетный столик с трехстворчатым зеркалом, и старый облупленный комод, она решила, что пора вставать и немедленно приниматься за уборку. На стульях, на полу, всюду были разбросаны разные интимные принадлежности дамского и мужского туалета. Тут же в комнате был отведен уголок для кухни и умывальника. Направо от табурета стоял письменный столик, — сюда Розали подавала еду, если им случалось перекусить у себя дома.

Розали даже и в своем затрепанном халатике была несомненно обольстительна. Черные вьющиеся, пышно рассыпающиеся по плечам волосы, маленькое беленькое личико с небольшими, но пытливыми темными глазками, яркие губы, чуть-чуть вздернутый носик, грациозная, с округлыми формами соблазнительная фигурка — все это вместе пока еще удерживало в плену непостоянного, беспутного красавца Толлифера.

«Пожалуй, сейчас приготовить ему стакан виски с содой и дать закурить? — поспешно прибирая комнату, рассуждала сама с собой Розали. — А потом, если он захочет, сварить кофе и пару яиц, что ли… Но если он вот так будет притворяться спящим и не замечать ее, может быть ей лучше поскорей одеться и уйти на репетицию; как раз к двенадцати можно поспеть. А потом уж, вернувшись домой, можно спокойно сидеть и ждать, когда он соизволит глаза открыть». Розали была без памяти влюблена.

Дамский угодник по природе, Толлифер в высшей степени прохладно принимал эти нежные заботы о своей персоне. Ну что это ему, Толлиферу — отпрыску тех самых знаменитых виргинских и южно-каролинских Толлиферов! Ведь он мог бы вращаться в самых изысканных, в самых великосветских кругах! Да только беда была в том, что если бы не Розали или еще какая-нибудь такая же взбалмошная девчонка, он бы совсем пропал, спился, увяз в долгах. Но так или иначе, несмотря на все свои недостатки, Толлифер в глазах женщин обладал несомненным притягательным свойством, это был сущий магнит для женских сердец. Тем не менее после двадцати с лишним лет бесчисленных романтических приключений ему так и не удалось сделать то, что называется выгодной партией. И вот поэтому-то, когда ему теперь попадалась влюбленная жертва, он обращался с нею резко, насмешливо, пренебрежительно и повелевал ею как хотел.

Толлифер был южанин; предки его, крупные землевладельцы, занимали когда-то видное общественное положение. В Чарльстоне поныне сохранилась чудесная старинная усадьба, в которой жили последние уцелевшие после Гражданской войны потомки этого некогда знатного рода. Они до сих пор берегли тысячные закладные и облигации займов, оставшиеся от времен Конфедерации и ныне не стоившие ни гроша. Брат Толлифера, Вэксфорд Толлифер, служил капитаном в армии. Брюса он считал бездельником и шалопаем. Другой брат перебрался с Юга на Запад и обосновался в Сан-Антонио, в Техасе. Он купил себе ферму, женился, обзавелся семьей и мало-помалу сколотил недурное состояние. Надежды Брюса пробиться в нью-йоркский свет казались ему сущим бредом. Ведь если бы Брюс в самом деле мог чего-нибудь добиться, — ну, скажем, заполучить в жены какую-нибудь богатую наследницу, — так почему же он не сделал этого много лет назад? Правда, имя его иной раз попадалось в газетах. И одно время даже пронесся слух, что он вот-вот женится на одной только что вылетевшей в свет богатенькой девице, но ведь это было десять лет назад, когда ему было всего двадцать восемь лет! И ведь из этого так ровно ничего и не получилось! С тех пор оба его брата, да и все другие родственники махнули на Брюса рукой. Пропащий человек! И большинство его знакомых и приятелей из нью-йоркского общества постепенно склонялись к тому же мнению. Уж слишком он падок на удовольствия, не умеет себя обуздать, не дорожит ни своим именем, ни репутацией. И теперь ему не на кого было рассчитывать, ни один из его бывших друзей не дал бы ему ни цента взаймы.

И однако многие из его бывших знакомых, и мужчины и женщины, и молодые и старые, встретив его где-нибудь случайно, когда он был в трезвом виде и прилично одет, смотрели на него с невольным участием и искренне жалели, что ему не удалось подцепить какую-нибудь богатую наследницу. Как приятно было бы встретиться с ним в порядочном обществе — такой обаятельный человек! У него был мягкий, певучий южный акцент и удивительно подкупающая улыбка.

С Розали Харриген он сошелся всего каких-нибудь два месяца тому назад и отнюдь не собирался тянуть эту канитель. Простая хористка, Розали зарабатывала едва тридцать пять долларов в неделю. Это была веселая, покладистая, добрая девушка, но Толлифер чувствовал, что ей не хватает настойчивости и поэтому она никогда не сделает карьеры. Только ее прельстительная фигурка, ее любовный пыл и страстная привязанность к нему и удерживали его до поры до времени.

И вот сейчас, поглядывая на его всклокоченную черную голову, на его небритый подбородок и такие красивые, тонко очерченные губы, Розали чувствовала, как сердце ее замирает от блаженства, — и вместе с тем ее охватывал мучительный, непреодолимый страх: его отнимут у нее, им завладеет другая, она не сумеет его удержать. Она знала: вот он сейчас проснется злой, будет кричать, командовать ею, посыплются ругательства, проклятия, а все-таки нет для нее большего счастья на свете, как сидеть вот здесь, возле него часами и хоть изредка провести рукой по его волосам.

А между тем сознание Толлифера с трудом выходило из сонного оцепенения и нехотя возвращалось к мрачной действительности повседневного бытия. Кроме тех денег, которые он может взять у Розали, у него больше нет ничего. А она ему, в сущности, уже порядком надоела. Вот если бы найти какую-нибудь богатую женщину, зажить на широкую ногу (пусть даже для этого пришлось бы жениться), он показал бы всем этим нью-йоркским выскочкам, которые глядят на него теперь сверху вниз, что значит быть Толлифером, Толлифером с деньгами!

Несколько лет тому назад, вскоре после своего приезда в Нью-Йорк, он сделал одну неудачную попытку похитить влюбленную в него без памяти девчонку, дочку богатых родителей. Родители успели помешать ему, спровадили ее за границу. История наделала много шума, имя его трепали в газетах, его называли «охотником за приданым» и предостерегали против него всех добропорядочных отцов и матерей, которые хотят видеть своих дочек в благополучном супружестве. И вот этот-то его промах, или неудача, а потом пьянство, карты, беспутная жизнь постепенно закрыли для него двери всех домов, в которые он так стремился проникнуть.

Проснувшись окончательно, Толлифер начал одеваться и сразу накинулся на Розали за то, что она вчера затащила его на эту вечеринку. Они были у ее друзей, где Толлифер, напившись, задирал и поносил всех присутствующих, так что те были рады от него отделаться.

— Этакое хамье, сброд какой-то! — кричал он. — Почему ты мне не сказала, что там будут эти газетные писаки? Актеришки твои хороши, а уж эта гнусная порода, ищейки подлые, которых притащила с собой твоя приятельница! Ничего гаже и вообразить себе нельзя!

— Да разве я знала, что они придут, Брюс! — оправдывалась бледная, расстроенная Розали, поджаривая на сковородке хлеб для кофе. — Я думала, на этой вечеринке будут только наши звезды.

— Звезды! Нашла тоже кого назвать звездами! Уж если это звезды, тогда я, значит, целое созвездие! (Это замечательное сравнение не дошло до Розали, бедняжка понятия не имела, о чем он говорит.) Потаскушки, вот они кто! Да ты-то, конечно, и керосиновую коптилку от звезды не отличишь.

Тут он, потянувшись, зевнул и снова подумал с досадой: когда же он наконец решится покончить со всем этим? Так опуститься! Жить на содержании у девчонок, которые еле-еле на хлеб себе зарабатывают, пьянствовать, играть в карты с их приятелями, не имея ни гроша в кармане…

— Нет, я больше не в состоянии это выносить! — вырвалось у него. — Хватит! Сил моих больше нет жить в этой дыре. Нет, это чересчур унизительно!

Он шагал взад и вперед по комнате, засунув руки в карманы, а Розали молча смотрела на него; у нее точно язык отнялся от страха.

— Ты слышишь, что я говорю! — злобно крикнул он. — Что ты стоишь, как кукла? Экие дуры бабы! То дерутся, как кошки, то слова от них не добьешься. Боже мой! Если бы мне только посчастливилось найти женщину, у которой была бы хоть капля здравого смысла! Я бы… я бы…

Розали подняла на него глаза. Губы ее задрожали в жалкой улыбке.

— Ну и что бы ты тогда сделал? — тихо спросила она.

— Я бы от нее не ушел… Может быть, даже и полюбил бы ее. Ах, черт! Ну что говорить! Вот я торчу здесь, в этой дыре… Спрашивается, чего ради? Мне здесь совсем не место. Да, я хочу вернуться на свое место. И вернусь. Пора нам с тобой расстаться. Ничего не поделаешь. Не могу я так больше жить! Не могу!

И с этими словами он подошел к вешалке, схватил шляпу, пальто и ринулся к двери. Но Розали успела перехватить его и, бросившись к нему на грудь, прижалась щекой к его лицу.

— Не уходи, Брюс! Прошу тебя! — всхлипывала она. — Ну что я такого сделала? Неужели ты меня совсем разлюбил? Ведь я для тебя на все, на все готова. Я ничего от тебя не прошу. Не уходи, Брюс, милый, ну пожалуйста! Скажи мне — ведь правда, ты не уйдешь?

Но Толлифер грубо отпихнул ее и вырвался из ее объятий.

— Перестань реветь, Розали, перестань сейчас же! — прикрикнул он на нее. — Ты знаешь, я этого терпеть не могу! Меня этим не удержишь. Я ухожу, потому что мне надо уйти.

Он толкнул дверь, но Розали опять бросилась к нему и стала перед ним на пороге.

— Ты не можешь так уйти! — вскричала она. — Останься, ради бога, умоляю тебя! Послушай меня, Брюс, вернись! Я все, все для тебя сделаю, обещаю тебе. Достану еще денег; наймусь на другую работу. Я знаю, меня возьмут. Мы переедем на другую квартиру. Я все устрою, Брюс! Ну, пойдем, пожалуйста, прошу тебя!. Не гляди на меня так сердито. Если ты меня бросишь, я сейчас же покончу с собой.

Но Толлифер на этот раз был неумолим.

— Перестань, Рози. Не будь дурой. Ничего ты не покончишь с собой. И сама это отлично знаешь. Возьми себя в руки. Успокойся, я приду к тебе попозже, вечером, или, может быть, завтра. Но я должен найти себе какое-то дело, вот и все. Понятно тебе?

Розали вдруг как-то сразу обессилела. Она почувствовала, что ничего сделать нельзя; все равно уйдет, этого не миновать. Его теперь ничем не удержишь.

— Не уходи, Брюс! — в отчаянии твердила она, прижимаясь к нему всем телом. — Я тебя не пущу! не пущу! не пущу! Ты не можешь вот так: взять и уйти!

— Не могу? — засмеялся он. — А ну посмотрим!

Он оттолкнул ее и, переступив порог, быстро пошел вниз по лестнице. Розали, глядя перед собой невидящими глазами, стояла не двигаясь и с ужасом дожидалась, как хлопнет внизу, закрывшись за ним, тяжелая входная дверь. Потом она, как-то вся съежившись, повернулась, вошла в комнату и, затворив за собой дверь, уткнулась в нее, закрыла лицо руками и зарыдала.

Ей пора было уже отправляться на репетицию. Но она даже не могла и подумать об этом. Все равно теперь, жить не для чего: все кончено… Вот разве только что он, может быть, еще вернется?.. Ведь должен же он прийти за своими вещами…

9

Толлифер уже давно подумывал пристроиться агентом в какой-нибудь крупной маклерской фирме или в нотариальной конторе, ведающей опекой и делами богатых вдов и наследниц. Однако осуществить это было не так-то легко, ибо он совершенно оторвался от этого круга пронырливых молодых людей, которые не только соприкасались с лучшим нью-йоркским обществом, но и процветали в нем, пользуясь всеми его благами. Такие люди были мало того что полезны, но иной раз просто необходимы богатым дамам, мечтающим занять положение в обществе, однако не имеющим для этого никаких связей, а также перезрелым девицам, которые, несмотря на солидный возраст, все еще мечтали блистать в свете.

Для такого рода деятельности требовалось немало: хорошее американское происхождение, приятная внешность, светский лоск, обширная эрудиция по части всякого спорта — гонок на яхтах, скачек, тенниса, поло, верховой езды и езды в экипаже, а также по части таких развлечений, как опера, театры и всякого рода зрелища. Эти люди ездили с богачами в Париж, Биарриц, Монте-Карло, Ниццу, Швейцарию, Ньюпорт, на Палм-Бич, для них были открыты все двери — и тайных притонов на юге и разных аристократических клубов. В Нью-Йорке они подвизались главным образом в шикарных ресторанах, в опере, где неизменно красовались в ложах бенуара, и в других театрах. Разумеется, они должны были безупречно одеваться, соблюдать все правила этикета, обладать ловкостью и уменьем доставать лучшие места на скачки, на теннисные и футбольные матчи и на все модные премьеры. Желательно было, чтобы они могли составить партию в карты и посвятить в правила и тонкости игры неопытного партнера, а при случае дать полезный совет и по части дамских нарядов, ювелирных изделий и убранства комнат. Но самое главное, они должны были заботиться о том, чтобы имена их патронесс как можно чаще появлялись на страницах газет в отделе светской хроники.

Такого рода многосторонняя деятельность обычно вознаграждалась, и в этом, собственно, не было ничего предосудительного, ибо полезным молодым людям приходилось делать немалые усилия, а иной раз даже и жертвовать собой: они должны были противостоять всяческим искушениям и соблазнам юности, поскольку услуги их требовались главным образом стареющим дамам, таким, которые, подобно Эйлин, страшились остаться в одиночестве и изнывали от скуки, не зная куда себя девать.

Толлифер потрудился на этом поприще немало лет, но на тридцать втором году своей жизни почувствовал, что ему это начинает надоедать. И он стал отлынивать понемножку. Скука, отвращение все чаще толкали его в объятья какой-нибудь юной эстрадной красотки, которая бескорыстно дарила его настоящей пылкой любовью, или заставляли искать забвенья в пьянстве. Но сейчас он опять подумывал вернуться в эти рестораны, бары, роскошные отели и прочие злачные места, где толкутся богатые люди, на которых у него только и оставалась надежда. Он возьмет себя в руки на этот раз, бросит пить; раздобудет немножко денег, может быть даже у Розали, приведет себя в надлежащий вид — и, конечно, ему подвернется случай проявить себя на светском поприще.

И вот тогда… тогда пусть посмотрят!

10

Эйлин томилась в Нью-йорке и тщетно ломала себе голову, стараясь придумать, как бы устроить свою жизнь так, чтобы не пропадать от скуки. Хотя особняк Каупервуда — дворец, как его теперь называли, — был одним из самых красивых и роскошных домов во всем Нью-Йорке, для Эйлин он был все равно что пустая скорлупа, вернее могила — могила ее любви и ее светских успехов.

Теперь-то она хорошо понимала, сколько зла причинила она первой жене Каупервуда и его детям. В то время она, конечно, не представляла себе, каково приходилось бедной миссис Каупервуд. А вот теперь ей пришлось и самой этого отведать. Несмотря на то, что она пожертвовала ради Каупервуда и своими родными, и друзьями, и положением в обществе, и репутацией, — жизнь ее с ним разбита, и ничем этого не поправишь. Другие женщины, жестокие, безжалостные, отняли у нее Фрэнка и держатся за него не потому, что они его любят, а просто из-за его богатства, из-за его славы. А его, конечно, прельщает их молодость, красота, хотя всего каких-нибудь два-три года тому назад разве они могли бы сравниться с ней, с Эйлин! Но все

равно — она не отпустит его! Никогда! Ни одна из этих женщин не будет называться миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд! Она связана с ним нерасторжимыми узами любви, брака — и этого у нее никто никогда не отнимет. Он никогда не осмелится открыто порвать с ней или возбудить дело о разводе. Слишком много она о нем знает, да и другие тоже, и уж во всяком случае она позаботится, чтобы все узнали, если только он когда-нибудь сделает попытку разойтись с ней. Она не забыла, как он тогда откровенно заявил ей, что любит эту хорошенькую девчонку Беренис Флеминг. Где-то она теперь, интересно? Может быть, с ним! Но она никогда не будет его женой. Никогда!

Но какое ужасное одиночество! Этот роскошный дом, эти громадные комнаты с мраморными полами, лепные потолки, увешанные картинами стены, двери, украшенные резьбой! И эти слуги, — как знать, может быть, они только для того и наняты, чтобы шпионить за ней. И так день за днем, не знаешь, как убить время, не к кому пойти и к себе некого позвать. Обитатели всех этих пышных особняков, красующихся по соседству, не изволят даже и замечать ни ее, ни Каупервуда, невзирая на все их богатство!

Около нее вертелось несколько поклонников, которых она еле-еле терпела, да изредка появлялся кто-нибудь из родственников, в том числе два ее брата, жившие в Филадельфии. Это были люди старинного склада, очень религиозные; оба они были хорошо обеспечены и занимали видное общественное положение; их жены и дети не одобряли поведения Эйлин, поэтому и братья редко навещали ее. Обычно они приезжали к обеду или к завтраку и даже случалось иной раз оставались переночевать, когда дела задерживали их в Нью-Йорке, но никогда никто из домашних не бывал с ними. А затем они снова исчезали надолго. Эйлин отлично понимала, как они к ней относятся, и они также хорошо знали, что ей это известно.

Никаких сколько-нибудь интересных знакомых у нее не было. От времени до времени собиралась какая-нибудь шумная компания — актеры и с ними какие-то распущенные молодые люди; они приходили, конечно, главным образом для того, чтобы покутить на ее счет, а ухаживать предпочитали за молоденькими девчонками. Да разве могла бы она после Каупервуда влюбиться в кого-нибудь из этих ничтожеств, жалких искателей приключений? Поддаться минутному влечению — да. После долгих часов одиночества и мучительных мыслей, стоит ей выпить несколько бокалов вина, она способна броситься в объятья кому угодно, лишь бы забыться, чувствуя себя желанной, слушая нежную любовную болтовню. Ах, это одиночество! Старость! Пустая жизнь, из которой безвозвратно ушло все, что когда-то ее наполняло и красило!

Какая насмешка — этот великолепный дворец, со всеми этими картинными галереями, скульптурами, гобеленами. А Каупервуд, ее муж, так редко заглядывает теперь. А когда он здесь, как он осторожен и холоден, хотя и разыгрывает перед слугами заботливого супруга. А они пресмыкаются перед ним, потому что ведь он здесь хозяин, он распоряжается всем и все подчиняются ему. Когда же она, не выдержав, пыталась высказать ему свое негодование, он сразу становился таким предупредительным, вкрадчивым, так ласково гладил ее по руке и говорил: «Послушай, Эйлин! Ты не должна забывать: ты всегда была и будешь миссис Фрэнк Каупервуд. А следовательно, ты должна помнить наш уговор». И если она в негодовании начинала кричать или выбегала из комнаты, вся в слезах, с трясущимися губами, он шел следом за ней и уговаривал так мягко и убедительно, что она в конце концов соглашалась на все. А когда ему этого не удавалось добиться, он присылал ей цветы, предлагал ей пойти с ним вечером в оперу — и против этого она никак не могла устоять, а он пользовался ее слабостью и тщеславием. Потому что появляться с ним на людях — это все-таки означало, что она, как-никак, его жена, хозяйка его дома.

11

Де Сото Сиппенс отправился в Лондон, прихватив с собой нескольких расторопных помощников. Он снял дом в Найтсбридже и, оглядевшись, начал осторожно собирать разные сведения и данные, которые, по его мнению, могли пригодиться для Каупервуда.

Он сразу же сделал одно весьма ценное открытие, касающееся двух старых подземных лондонских линий — Метрополитен и Районной: эти линии образовывали собою большую петлю — обстоятельство, которым так выгодно для себя воспользовался Каупервуд при постройке городской уличной сети в Чикаго и которое нанесло такой ущерб его конкурентам и заставило их ополчиться против него. Эти лондонские линии первой подземной железной дороги в мире, очень скверно оборудованные и до сих пор пользующиеся паровой тягой, фактически охватывали и включали в свою сеть все главные деловые центры. Таким образом, они представляли собой ключ ко всей сети подземных железных дорог в Лондоне. Они шли параллельно друг другу примерно на расстоянии мили, смыкаясь концами, чтобы поезда той и другой линии могли совершать сквозные рейсы, и обслуживали весь район, начиная с Кэнсингтона и Пэдингтонского вокзала на западе, вплоть до Олдгэйта близ Английского банка на востоке. Таким образом, все главные улицы, деловой центр, кварталы, где находились магазины, театры, самые крупные и роскошные отели, вокзалы и здания парламента — все было охвачено этими линиями.

Сиппенс очень быстро выяснил, что эти линии при существующем ныне скверном оборудовании и неумелой эксплуатации едва окупают расходы на их содержание, но что их безусловно можно сделать гораздо более доходными, ибо, если не считать омнибусов, никакого иного удобного сообщения между всеми этими районами не было.

Устаревшая система паровой тяги на подземных железных дорогах вызывала все больше и больше неудовольствия у публики; мало того, в среде молодых финансистов, интересующихся строительством подземки, явно наблюдалось стремление

переоборудовать линии, пустить электрические поезда, словом, поставить дело на современную ногу. Одним из наиболее влиятельных лиц в этом небольшом меньшинстве был некий лорд Стэйн, крупный акционер Районной подземной дороги и весьма видная фигура в высшем лондонском свете. Сиппенс слышал о нем еще от Каупервуда.

Получив от Сиппенса длинное письмо с подробным изложением всех интересующих его обстоятельств и ясно представив себе положение вещей, Каупервуд воодушевился. Эта возможность использовать центральную петлю, если взяться за дело сейчас же и получить концессию или акты на постройку веток, даст ему как раз то, о чем он мечтал, — сосредоточит в его руках управление сетью и тем самым обеспечит ему руководство всей будущей системой подземных дорог.

Однако, если не вывернуть собственные карманы, откуда он достанет такую сумму наличными? Ведь в это дело надо вогнать не меньше ста миллионов долларов. Вряд ли он может сейчас кого-нибудь увлечь своей идеей и получить таким образом финансовую поддержку, тем более что ныне действующие лондонские линии едва окупают себя. Отважиться на такое предприятие в настоящий момент, конечно, дело крайне рискованное. Тут надо все предусмотреть и прежде всего пустить в ход очень умелую, ловко состряпанную и широко поставленную рекламу, которая представила бы его в самом выгодном свете.

Каупервуд мысленно перебирал в памяти всех крупных американских капиталистов, все их учреждения и банки — в особенности на Востоке, — где он, опираясь на свои прежние сделки, мог бы пощупать почву. Им надо внушить, что он на этом деле стремится получить отнюдь не какие-то чрезмерные прибыли, а доверие и признание. Потому что Беренис, конечно, права: это последнее и самое крупное из всех его финансовых предприятий, — если, разумеется, из этого что-нибудь выйдет! — несомненно должно носить более благопристойный характер, чем все его прежние авантюры, оно должно помочь ему загладить все его старые грехи и мошенничества.

В глубине души он, признаться, не собирался совсем отказываться от тех трюков, к которым он прибегал при организации и захвате городской железнодорожной сети. А так как его приемы были, конечно, не так широко известны в Англии, как у него на родине, он более чем когда-либо рассчитывал на возможность учредить несколько акционерных компаний — для каждого отдельного участка, для каждой ветки вновь проектируемой или требующей переоборудования подземной сети; доверчивая публика все равно бросится покупать эти «разводненные» акции. Так только и можно делать дела! Публике всегда можно всучить что угодно, если только внушить ей, что дело сулит верный и постоянный доход. Все, конечно, зависит от репутации, солидности и рентабельности предприятия, — качества, которые достигаются при помощи надлежащих связей. Решив теперь же предпринять кой-какие шаги, Каупервуд послал телеграмму Сиппенсу с изъявлением благодарности и приказом оставаться в Лондоне впредь до дальнейших его распоряжений.

Между тем к Беренис приехала мать, и они временно обосновались в Чикаго по-семейному. Беренис и Каупервуд, каждый по-своему, посвятили ее в последнее знаменательное событие, которое должно было сблизить всех троих и произвести переворот в их жизни. Хотя миссис Картер, разумеется, и всплакнула немножко после объяснения с Беренис, сокрушаясь, как всегда, о своем прошлом, которое, как она не без основания полагала, было главной причиной, толкнувшей ее дочь на такой рискованный шаг, — однако она была вовсе не так уж убита этим, как ей казалось в минуты угрызений совести. Ведь Каупервуд все-таки видный, влиятельный человек, а кроме того, он сам сказал ей, что Беренис не только получит по завещанию значительную часть его капитала, но, если Эйлин умрет или если она когда-нибудь согласится дать ему развод, он безусловно женится на Беренис. А пока пусть все остается по-прежнему: он друг миссис Картер и опекун ее дочери. И что бы там ни случилось, какие бы сплетни ни возникали на их счет, это всегда будет их единственным оправданием. Конечно, не следует слишком часто появляться вместе на людях и вообще надо стараться держать себя так, чтобы не вызывать никаких подозрений. Что бы они с Беренис ни задумали, это будет их частным делом, но они никогда не будут путешествовать в одном поезде или на одном пароходе, ни останавливаться в одном отеле.

В Лондоне все, конечно, будет значительно проще; а если к тому же все сложится хорошо и удастся связаться кой с кем из высоких финансовых кругов, тогда можно будет с помощью Беренис и ее матери принимать этих финансовых магнатов и расположенных к нему дельцов у себя дома, ибо Каупервуд считал, что миссис Картер сумеет создать такую домашнюю обстановку, которая будет вполне соответствовать положению почтенной богатой вдовы путешествующей со своей дочерью.

Беренис — а ведь она, в сущности, и придумала все — очень увлеклась этой затеей. И даже миссис Картер, забыв о том, что Каупервуд только что казался ей безжалостным эгоистом, который никогда не поступится ничем и думает только о своих личных удобствах, слушая его, почти готова была поверить, что все устраивается как нельзя лучше. Беренис очень деловито сообщила ей о своих новых взаимоотношениях с Каупервудом.

— Я очень люблю Фрэнка, мама, — сказала она. — И я хочу жить с ним, насколько это, конечно, возможно. Он никогда не пытался склонить меня к этому — ты знаешь. Я пришла к нему сама, и сама предложила. Мне, видишь ли, уже давно казалось, что это как-то нечестно — с тех самых пор, как ты мне призналась, что мы живем на его деньги. Ну, как же так — все брать и ничего не давать взамен? А потом я оказалась такой же трусихой, как когда-то была ты, слишком избалованной и неприспособленной, чтобы решиться жить, не имея никаких средств к существованию, — а ведь так бы оно и было, если бы он нас оставил.

— Ах, я знаю, ты права, Беви! — жалобным тоном перебила ее мать. — Пожалуйста, не обвиняй меня, я и без того мучусь этим беспрестанно. Прошу тебя, не упрекай! Ведь я всегда думала только об одном — о твоем будущем.

— Ну, полно, мама. Успокойся! — смягчившись, утешала ее Беренис, которая все-таки любила свою мать и прощала ей все ее заблуждения и безрассудства. Правда, когда Беренис была еще девчонкой, школьницей, она несколько свысока относилась к своей матери, к ее рассуждениям и вкусам; но, узнав все, она стала смотреть на нее совсем другими глазами; не то чтобы она совсем оправдывала мать, нет, но она прощала и жалела ее. Теперь она уже не разговаривала с ней пренебрежительно-снисходительным тоном, а, наоборот, старалась быть ласковой, внимательной, словно желая утешить ее, заставить забыть все обиды, которые выпали на ее долю.

Поэтому и сейчас, стараясь успокоить мать, Беренис говорила с ней ласково и мягко.

— Ты вспомни, мама, — продолжала она, — ведь я все-таки пыталась пробиться собственными силами и очень быстро поняла, что я просто не гожусь для этого, что мне не преодолеть тех препятствий, с которыми я неизбежно должна столкнуться. Меня чересчур холили, берегли. И я в этом не виню ни тебя, ни Фрэнка. Но какая у меня может быть будущность, особенно здесь, в нашей стране? Поэтому я и решилась, и, по-моему, это лучшее, что я могла сделать, — соединить свою жизнь с жизнью Фрэнка, потому что это единственный человек, который может мне помочь по-настоящему.

Миссис Картер, соглашаясь, кивала головой и смотрела на Беренис с грустной улыбкой. Она знала, что ей ничего другого не остается, как подчиняться всему, что ни вздумает Беренис. У нее нет собственной жизни, нет и не может быть никаких средств к существованию — она целиком зависит от своей дочери и Каупервуда.

12

Спустя некоторое время после того как все было переговорено и достигнуто полное взаимопонимание и согласие, Каупервуд и Беренис с матерью отправились в Нью-Йорк. Дамы поехали вперед, а следом за ними дня через два выехал и Каупервуд. В Нью-Йорке он намеревался пощупать почву и выяснить, кто среди американских предпринимателей мог бы заинтересоваться крупным капиталовложением, а кроме того, предполагал связаться с какой-нибудь международной маклерской фирмой, которая позаботилась бы о том, чтобы эти лондонские дельцы с их предложением насчет линии Чэринг-Кросс снова обратились к нему; для него важно было, чтобы никто не был осведомлен, что он интересуется этим.

Конечно, у него были и свои нью-йоркские и лондонские маклеры и комиссионеры: Джеркинс, Клурфейн и Рэндолф, но в таком важном и многообещающем деле он не мог на них вполне положиться. Джеркинс, главная фигура в американском отделении фирмы, хоть и очень ловкий и весьма полезный субъект, слишком уж заботился о собственных интересах, а кроме того, не всегда умел держать язык за зубами. Однако обращаться в незнакомую маклерскую контору тоже было небезопасно. Могло, пожалуй, выйти еще хуже. В конце концов он решил, что самое разумное — подослать какого-нибудь верного человека к Джеркинсу и намекнуть ему, что недурно было бы, если бы Гривс и Хэншоу попытались еще раз обратиться к Каупервуду.

И тут он вспомнил, что среди рекомендательных писем, которые Гривс и Хэншоу вручили ему при первом свидании, было письмо от некоего Рафаэля Коула, когда-то довольно крупного нью-йоркского банкира, который теперь отошел от дел. Несколько лет тому назад Коул пытался заинтересовать его нью-йоркским транспортом, но Каупервуд в то время был так поглощен своими делами, что не имел возможности подумать об этом предложении. Тем не менее у него сохранились дружеские отношения с Коулом, и тот впоследствии вошел пайщиком в кое-какие из его чикагских предприятий.

Хорошо бы привлечь Коула с его капиталом к этому лондонскому предприятию, да, пожалуй, через него можно будет подтолкнуть и Джеркинса и заставить тем самым Гривса и Хэншоу повторить свое предложение. Он решил пригласить Коула пообедать к себе на Пятую авеню, кстати и Эйлин представится случай выступить в роли хозяйки. Таким образом, он и Эйлин доставит удовольствие и на Коула произведет впечатление примерного супруга.

— Коул человек респектабельный, строгих правил. Ведь для того чтобы преуспеть в этой лондонской затее, нужно непременно заранее создать такой респектабельный фон, чтобы предупредить всяческие нападки. Вот и Беренис тоже перед самым отъездом в Нью-Йорк сказала ему: «Не забудь, Фрэнк, чем больше ты будешь проявлять внимания и предупредительности к Эйлин на людях, тем лучше будет для всех нас!..» И она так посмотрела на него своими невозмутимыми синими глазами, что ему показалось, словно в этом взоре скрывается вся извечная женская мудрость.

Поэтому по дороге в Нью-Йорк Каупервуд, помня наставления Беренис, послал Эйлин телеграмму, извещая ее о приезде. И тут же в связи с Эйлин он вспомнило некоем Эдварде Бингхэме, агенте по распространению акций, который когда-то часто к нему наведывался, — у него обширный круг знакомых, и, наверно, через него можно будет раздобыть кой-какие сведения об этом субъекте Толлифере.

Таким образом, составив себе дорогой полную программу действий и приехав в Нью-Йорк, Каупервуд прежде всего позвонил Беренис, на Парк авеню, в тот самый особняк, который он когда-то подарил для нее ее матери. Условившись, что он приедет попозже, он позвонил Коулу, а затем к себе в контору, в отель «Нэзерлэндс», где, справившись о разных делах, узнал между прочим, что Бингхэм уже интересовался, когда ему можно будет повидать Каупервуда. Вслед за этим он отправился к себе домой в весьма приподнятом настроении. Теперь это был совсем не тот человек, которого видела Эйлин несколько месяцев тому назад.

Когда он вошел к ней в спальню, она сразу по его походке, по его глазам почувствовала, что он чем-то очень доволен и готовит ей приятный сюрприз.

— Ну, как ты тут поживаешь, моя дорогая? — приветствовал он ее таким дружелюбным тоном, какого она уж давно от него не слышала. — Надеюсь, ты получила мою телеграмму?

— Да… — спокойно, но в то же время несколько насторожившись, отвечала Эйлин. И тут же украдкой поглядела на него с любопытством, ибо в ее чувстве к Каупервуду было столько же любви, сколько и ненависти.

— А! Детективные романы почитываешь! — шутливо заметил он, заглядывая в книжку на столике у ее кровати и мысленно сравнивая ее ограниченные интересы с кругозором Беренис.

— Да! — с раздражением отрезала Эйлин. — А по-твоему, мне что читать? Библию? Или, может, твои балансовые отчеты? Или каталоги музейные?

Она была возмущена и оскорблена до глубины души: за все время своих чикагских передряг он не удосужился написать ей ни слова.

— Сказать тебе по правде, дорогая, — продолжал он все так же мягко и невозмутимо, — я столько раз собирался написать тебе, но просто руки не поднимались, до такой степени я был всем этим замучен. Я правду тебе говорю. А потом я думал, ты ведь читаешь газеты. Ну а там все это со всеми подробностями было расписано. Да! Я получил твою телеграмму. И очень был тронут. Чрезвычайно. Мне казалось, что я ответил. Я хорошо помню, что собирался ответить.

Он говорил о сочувственной и ободряющей телеграмме Эйлин, телеграмме, которую она послала ему на другой день после его скандального провала с концессией.

— Очень хорошо, — сухо перебила Эйлин. — Допустим, ты собирался, ну что еще ты можешь сказать? — Было одиннадцать утра, а она только принималась за свой туалет.

Он обратил внимание на ее белоснежный кружевной капот — это был ее излюбленный цвет, он так хорошо оттенял ее пышные рыжие волосы, которыми Каупервуд когда-то восхищался. Он заметил, что она густо напудрена. И с грустью подумал, что ей без этого теперь уж нельзя обойтись и что ей, наверно, это еще более грустно. Время! время! Это его безостановочная разрушительная работа. Она стареет, стареет, стареет! И она ничего не может сделать, только огорчаться, потому что она прекрасно знает, как он ненавидит эти страшные признаки старости у женщин, хотя он никогда не говорил ей об этом и даже делал вид, что не замечает их.

Ему было ужасно жаль ее, и он старался говорить с ней поласковей. Глядя на нее, он думал, что ведь Беренис, в сущности, относится к ней без всяких предрассудков, так почему бы ему не поддержать видимость примирения с Эйлин и не повезти ее за границу. Конечно, не обязательно, чтобы она ехала с ним, но примерно в это же время, так, чтобы создалось впечатление, что его супружеская жизнь течет вполне благополучно. Ну, пусть даже она и поедет с ним, на одном пароходе, — может быть, к тому времени удастся заполучить этого Толлифера или еще кого-нибудь и в какой-то мере сбыть ее с рук. И, пожалуй, было бы даже желательно, чтобы этот человек, который возьмется развлекать ее, был бы при ней не только здесь, но и последовал за ней за границу, чтобы она там не мешала ему с Беренис.

— А что ты сегодня думаешь делать вечером? — любезно осведомился он.

— Ничего особенного, — холодно ответила она, чувствуя по его вкрадчивому тону, что он чего-то от нее домогается, но чего именно, она не могла догадаться. — А ты что, думаешь здесь пожить некоторое время?

— Да, поживу немножко. Во всяком случае буду наезжать. У меня тут кое-какие планы. Может быть, мне придется съездить за границу ненадолго; я вот и хотел с тобой об этом поговорить.

Он замолчал, не зная, как продолжать этот разговор. Все это было так сложно и трудно.

— И потом, мне, может быть, придется кой-кого пригласить к себе, пока я здесь, и я бы хотел, чтобы ты мне помогла принять гостей. Ты ничего не имеешь против?

— Нет, — коротко отвечала она, чувствуя, что все это не имеет никакого отношения к ней лично. Мысли его где-то далеко, он вовсе не думает о ней, — даже и сейчас, после того как они столько времени не виделись. И вдруг ее охватила страшная, усталость, — что толку говорить с ним, упрекать его.

— Может быть, мы бы пошли сегодня вечером в оперу? — спросил он.

— Ну что ж. Если ты хочешь… — Как бы то ни было, а все-таки это утешение, что вот он, хоть и ненадолго, здесь, с нею.

— Конечно, хочу… И именно с тобой! — отвечал он. — В конце концов, ведь ты моя жена. И ты здесь хозяйка. И как бы ты ко мне ни относилась, мы все-таки должны держать себя так, чтобы люди думали, что у нас все благополучно. Повредить это никому из нас не повредит. А помочь может обоим. Видишь ли. Эйлин, — дружески продолжал он, — после всех этих историй в Чикаго мне теперь остается одно из двух: либо я должен бросить все дела в наших краях и удалиться на покой, что мне, по правде сказать, вовсе не улыбается, либо мне надо попробовать заняться чем-то совсем в другом роде и где-нибудь подальше отсюда. Мне, знаешь, что-то совсем не хочется умирать заживо.

— Это ты-то — умирать заживо? — глядя на него с изумлением, воскликнула Эйлин. — Действительно, похоже на тебя! По-моему, ты любого мертвеца на ноги поставишь! Вот тоже выдумал!

Каупервуд улыбнулся.

— Ну, так или иначе, — продолжал он, — пока что я не вижу перед собой никаких возможностей. Единственное, о чем, может быть, стоило бы подумать, это предполагаемая постройка метрополитена в Париже, но это меня что-то не очень привлекает, — и затем…

Тут он замолчал и задумался. А Эйлин смотрела на него не сводя глаз, стараясь по его лицу догадаться, правду он говорит или…

— …и нечто в этом же роде в Лондоне… Так вот я и думаю: хорошо бы туда поехать да посмотреть на месте, как у них там обстоит дело с подземкой.

Не успел он еще договорить, как Эйлин, сама не зная почему, — может быть, тут было нечто вроде внушения или гипноза, — внезапно оживилась и просияла, словно почувствовав что-то неожиданно интересное для себя.

— Ну что ж! — сказала она. — Мне кажется, это довольно заманчивая перспектива. Но если ты действительно собираешься заняться новым делом, надеюсь, на этот раз ты постараешься оградить себя заранее от всяких неприятностей и скандалов. А то ведь, за что бы ты ни взялся, сейчас же впутываешься в какую-нибудь ужасную историю, — то ли ты сам их заводишь, то ли они возникают сами собой.

— Н-да, — продолжал Каупервуд, не обращая внимания на ее последние слова, — так вот я думаю, если мне ничего более заманчивого не подвернется, я, пожалуй, попробую пощупать почву в Лондоне. Одно только неприятно: я слышал, что англичане очень недоброжелательно относятся ко всяким американским предприятиям. А если это так, то вряд ли мне удастся там зацепиться, особенно после этого дурацкого скандала в Чикаго.

— Ну! Чикаго! — пренебрежительно воскликнула Эйлин, сразу готовая встать на защиту Каупервуда. — Стоит на это обращать внимание! Да всякий здравомыслящий человек прекрасно знает, что эти чикагские дельцы сущие шакалы, готовые разорвать кого угодно. По-моему, Лондон — самое подходящее место, если ты действительно думаешь взяться за что-то новое. Только ты непременно должен обо всем договориться заранее, чтобы не было потом таких неожиданностей, как с этой концессией в Чикаго. Мне всегда казалось, Фрэнк, — продолжала Эйлин, решившись высказаться откровенно (не для того, чтобы подольститься к нему, а потому что ее долголетняя жизнь с ним давала ей на это право), — что ты чересчур пренебрегаешь мнением других людей. Кто бы они ни были — неважно, — для тебя они просто не существуют! И вот отсюда-то и возникают все ссоры. И они у тебя всегда будут, если ты не пересилишь себя и не будешь повнимательнее к людям. Конечно, я не знаю, какие у тебя там планы, но я уверена, что если ты сейчас предпримешь какое-то новое дело и будешь хоть немного считаться с людьми, тебе с твоей изобретательностью, твоим уменьем убедить всякого, когда ты захочешь, нечего бояться никаких препятствий, ты можешь горы свернуть, вот что я тебе скажу.

И она замолчала, выжидая, что он ей на это ответит.

— Очень признателен тебе, — промолвил он. — Может быть, ты и права. Не знаю. Во всяком случае я всерьез подумываю об этой лондонской подземке.

Эйлин, чувствуя, что он уже несомненно что-то решил, заговорила снова:

— Конечно, что касается наших с тобой отношений, я прекрасно вижу, что я тебе совершенно не нужна, и не буду нужна, это дело конченное. И я это отлично знаю. Но я также хорошо знаю и чувствую, что я все-таки что-то значила в твоей жизни, и хотя бы из-за одного этого — вспомнить только, что мне пришлось перенести с тобой в Филадельфии и в Чикаго! — ты не можешь так просто выкинуть меня вон, выбросить, как какую-то ненужную рухлядь. Это было бы слишком несправедливо! И вряд ли ты от этого что-нибудь выиграл бы. Я всегда считала и считаю, что хотя бы для виду ты должен относиться ко мне прилично. Разве ты не мог бы оказывать мне хоть немножко внимания и не оставлять меня здесь в полном одиночестве? Подумать только, день за днем совершенно одна, а от тебя целые недели, месяцы ни слова, ни одного письма…

И тут он опять — в который раз — увидел, как глаза ее наливаются слезами и она, задыхаясь, стискивает губы, стараясь подавить рыданья. Она отвернулась, не в силах больше говорить. И в ту же минуту Каупервуд понял: Эйлин готова пойти на уступки, — ведь это то, о чем он мечтал с тех самых пор, как к нему пришла Беренис. Да, несомненно. Эйлин сдается, но на каких условиях с ней можно будет сговориться, это он еще не совсем ясно себе представлял.

— Мне сейчас надо подыскать для себя не только новое поле деятельности, — сказал он, — но и найти для этого капитал… Поэтому я и думаю пожить здесь некоторое время, возобновить кой-какие связи; и для меня важно, чтобы люди видели, что у нас с тобой все идет мирно, как полагается. Это произведет хорошее впечатление. Ты знаешь, было время, когда я серьезно подумывал о разводе. Но если ты в самом деле способна поставить крест на наших с тобой прежних отношениях, которые все равно не вернешь, и удовлетвориться тем, что я тебе предлагаю, и не пререкаться со мной из-за моей личной жизни, мае кажется, мы отлично могли бы с тобой поладить. Уверен, что могли бы. Я теперь уже не так молод, и если я даже и хочу сохранить за собой право распоряжаться своей личной жизнью, я, признаться, не вижу, чем, собственно, это мешает нам с тобой жить мирно; мы могли бы даже постараться сделать наши отношения лучше, чем они были до сих пор. Разве ты не согласна со мной?

И поскольку Эйлин ни о чем другом уж и мечтать не могла, как остаться до конца жизни его женой, и так как, несмотря на все его жестокосердие и бесчисленные измены, она всегда от всего сердца желала ему успеха в делах, — она не задумываясь ответила:

— А что же мне остается, как не согласиться? У тебя все карты в руках. А у меня что? Скажи, что у меня есть?

И тут Каупервуд решился заговорить о путешествии. Он сказал, что если Эйлин хочется прокатиться с ним, он охотно возьмет ее с собой и даже ничего не будет иметь против заметок в прессе — пусть раззвонят повсюду о поездке супругов Каупервуд, но только, разумеется, Эйлин не должна настаивать на своих супружеских правах и вмешиваться в его личную жизнь.

— Ну что ж, если ты так на этом настаиваешь… Во всяком случае я ничего от этого не теряю, — холодно ответила Эйлин, а про себя подумала: а что, если он ее обманывает и за всем этим опять скрывается какая-то женщина, и скорей всего, эта девчонка Беренис Флеминг? Ах, если так… ну нет, тогда она ни на какие уступки не пойдет! Ни за что! Чтобы он с этой Беренис!.. Нет, нет, она никогда не допустит такого позора, чтобы он открыто связался с этой нахальной и хитрой выскочкой.

И в то время как Каупервуд поздравлял себя с таким быстрым успехом и радовался, что все так хорошо вышло, Эйлин тоже не без торжества думала о том, что она все-таки кое-что выиграла: как ни тяжело ей подавлять свои чувства, но чем больше будет Каупервуд оказывать ей публично внимания, тем очевиднее будет для всех, что он принадлежит ей, и тем больше она может гордиться этим, если не про себя, так на людях.

13

Заинтересовать Коула лондонским предприятием не стоило Каупервуду никакого труда. Посидели за обедом, выпили, поговорили — и Коул сам вызвался подтолкнуть это дело и надоумить Гривса и Хэншоу еще раз обратиться к Каупервуду. Лондон, по мнению Коула, для человека с широким размахом, такого, как Каупервуд, несомненно может предоставить гораздо больше возможностей, чем Чикаго. И он, конечно, не прочь вложить деньги в настоящее дело, если Каупервуду удастся отхватить концессию в Англии.

Каупервуд остался очень доволен и своим разговором с Эдвардом Бингхэмом; он узнал от него все, что ему было нужно, о Брюсе Толлифере.

— Толлиферу сейчас приходится очень туго, — рассказывал Бингхэм. — Когда-то это был человек с хорошими связями и деньги у него водились, а потом все растерял. Красивый был малый, и сейчас недурен собой, ну, конечно, уж не то, опустился. Попал в дурную компанию, спутался с какими-то темными личностями; карты, пьянство, — все прежние его знакомые и приятели давно отвернулись от него, махнули рукой.

Однако последнее время он, кажется, взялся за ум и как-то пытается выправиться. Живет сейчас один, в недорогом холостяцком пансионе «Альков» на Пятьдесят третьей улице. Появляется иногда в самых шикарных ресторанах. Наверно ищет случая как-то пристроиться — подцепить дамочку с деньгами, которая рада будет оплатить его услуги, — или поступить агентом в какую-нибудь маклерскую фирму, которая, принимая во внимание его прежние связи, может предложить ему приличное жалованье.

Это ироническое заключение Бингхэма заставило Каупервуда улыбнуться. Толлифер хочет пристроиться — а ему это как раз и на руку.

Каупервуд поблагодарил Бингхэма и после его ухода тотчас позвонил Толлиферу в «Альков». Сей джентльмен лежал полуодетый у себя в номере, в мрачном унынье, не зная, как убить время до пяти часов, когда можно будет снова пуститься в поход. Так называл он свои хожденья по ресторанам, клубам, театрам и барам, где он толкался теперь изо дня в день, изредка раскланиваясь с кем-нибудь из старых знакомых и всячески пытаясь возобновить прежние связи, а при случае завязать новые.

В окно глядел хмурый, серый февральский день. Часы только что пробили три. Толлифера позвали к телефону. Он лениво поднялся и, шаркая стоптанными ночными туфлями, всклокоченный, с папироской в зубах, нехотя сошел в вестибюль.

«Говорит Фрэнк Каупервуд…» — Толлифер весь как-то сразу подтянулся. Это имя так часто мелькало жирным шрифтом на страницах газет.

— Да, да! К вашим услугам, мистер Каупервуд! Чем я могу быть вам полезен? — с величайшей предупредительностью отвечал он, и в голосе его слышалась стремительная готовность сделать все, о чем бы его ни попросили.

— У меня к вам есть деловое предложение, которое, я думаю, вас заинтересует, мистер Толлифер. Я буду рад вас видеть, если вы заглянете ко мне в контору завтра в половине одиннадцатого. Могу я ждать вас к этому часу?

В голосе Каупервуда, как тотчас же отметил про себя Толлифер, не было того покровительственно-пренебрежительного оттенка, который неизменно проскальзывает у сильных мира сего в их отношениях с низшими, но в нем было что-то необыкновенно внушительное, властное. Толлифер, при всем своем исключительном самомнении, не мог не разволноваться, до такой степени он был заинтригован.

— Разумеется, мистер Каупервуд. Я буду совершенно точен, — ни секунды не раздумывая, отвечал он.

Что бы это такое могло быть?.. Наверно, срочное распространенье каких-нибудь акций? Да он с восторгом ухватится за такое дело. Сидя у себя в номере, Толлифер раздумывал об этом неожиданном телефонном звонке и старался припомнить, что он такое недавно читал про Каупервуда. Много о нем писали в газетах, целые столбцы; да, что-то насчет того, как чета Каупервудов пыталась втереться в высшее нью-йоркское общество и как у них это не вышло… в чем-то его там изобличили. Но мысли Толлифера сами собой возвращались к загадочному звонку, к тем необыкновенным возможностям и новым знакомствам, которые могут за ним воспоследовать, и его охватывало чувство радостного волнения и подъема. Он подходил к зеркалу и внимательно разглядывал свою физиономию и всего себя; затем открыл шкап и так же внимательно осмотрел свои костюмы. Побриться надо будет в парикмахерской, да кстати уж и костюм надо будет отдать почистить и отутюжить. Пожалуй, сегодня вечером уж не стоит выходить. Лучше отдохнуть хорошенько, чтобы завтра утром выглядеть посвежее.

В половине одиннадцатого он явился к Каупервуду в контору выбритый, выглаженный, освеженный, словом, такой, каким он уже давно не бывал. Ведь, может статься, это — поворот в жизни! Так по крайней мере он надеялся и именно с таким чувством вошел в кабинет и увидел перед собой великого человека, восседавшего за необъятным письменным столом из палисандрового дерева. И тут Толлифер сразу съежился и почувствовал себя весьма неуверенно, потому что человек, сидевший перед ним, хотя его никак нельзя было упрекнуть в недостатке учтивости и даже некоторой дружелюбной приветливости, был до такой степени недосягаем, что невольно удерживал вас на расстоянии. «Да, — подумал Толлифер, — сразу видно, сильный человек; какое красивое властное лицо, и эти большие пронизывающие и в то же время совершенно непроницаемые светлые глаза, и руки какие сильные, красивые, а на правой руке, на мизинце, простое золотое кольцо…»

Это кольцо много лет назад подарила Каупервуду Эйлин. Он тогда сидел в филадельфийской тюрьме, докатившись до самой последней, самой крайней ступени своего падения (потом он уже снова пошел в гору), и Эйлин подарила ему это кольцо в знак своей неугасимой, неизменной любви. С тех пор Каупервуд никогда его не снимал.

И вот теперь он собирается нанять этого подозрительного молодчика со светскими замашками и поручить ему заботиться о своей жене, развлекать ее, чтобы она не мешала ему, Каупервуду, спокойно наслаждаться обществом другой женщины. Ну как это можно назвать — действительно разложение. Он и сам это понимает — но что ему остается делать? Ведь он идет на это, потому что иначе поступить нельзя, потому что его вынуждает к этому сама жизнь, условия, созданные ею, которые подчиняют себе и его и других людей, и изменить тут ничего нельзя. Слишком поздно. А раз другого выхода нет — нечего церемониться. Надо действовать решительно, беспощадно, так, чтобы никто не смел пикнуть, и тогда все признают твой способ действий как нечто совершенно неизбежное. Каупервуд смерил Толлифера спокойным холодным взглядом и, указывая ему на стул, сказал:

— Садитесь, пожалуйста, мистер Толлифер. Я позвонил вам потому, что хочу поручить вам одно дело, для которого требуется человек с большим тактом и со светскими навыками. Подробней я остановлюсь на этом потом. Признаюсь, что прежде чем позвонить вам, я навел о вас кое-какие справки, чтобы познакомиться с вашей биографией и с вашим теперешним положением; я сделал это, разумеется, не с целью повредить вам, уверяю вас. Напротив. Я полагаю, что могу быть вам полезен, если вы, со своей стороны, сумеете оказаться полезным мне.

И тут он поглядел на Толлифера с такой располагающей улыбкой, что Толлифер, хоть и несколько неуверенно, тоже улыбнулся в ответ.

— Надеюсь, что в этих справках, которые вы навели обо мне, не нашлось ничего столь предосудительного, чтобы вы сочли наш разговор излишним, — робко сказал он. — Я готов признать, что я не всегда вел что называется строго благопристойный образ жизни. Боюсь, что я для этого не создан.

— По-видимому, не созданы, — чрезвычайно любезно и сочувственно отозвался Каупервуд. — Однако, прежде чем судить об этом, мне бы хотелось, чтобы вы совершенно чистосердечно и откровенно рассказали мне все о себе. Дело, которое я имею в виду, требует безусловно, чтобы я знал о вас решительно все.

И он очень приветливо посмотрел на Толлифера, как бы ободряя его. Толлифер честно, ничего не прикрашивая, рассказал ему в немногих словах историю своей жизни с самого детства. Каупервуд слушал его с интересом и пришел к заключению, что этот тип, пожалуй, даже несколько лучше, чем можно было предположить, что он вовсе не такой уж расчетливый, а скорее — славный малый, бесшабашная голова, кутила, но отнюдь не хитрый и не своекорыстный человек. Поэтому Каупервуд решил, что может говорить с ним гораздо более откровенно, чем собирался вначале.

— Итак, значит, говоря о финансах, вы сейчас очутились на мели?

— Д-да, в этом роде, — криво усмехнувшись, отвечал Толлифер. — Сказать вам по правде, я по-настоящему никогда с этой мели и не съезжал.

— Да, там всегда тесновато, много на ней народу толчется, — философически заметил Каупервуд. — Но скажите мне, а вот последнее время вы действительно пытались выкарабкаться и снова войти в те круги, в которых вы когда-то бывали раньше?

Горькая гримаса, словно тень, промелькнула по лицу Толлифера.

— Да. Пытался, — с усилием выговорил он.

И снова на губах у него появилась та же кривая и немножко саркастическая усмешка.

— Ну и как? Идет дело на лад?

— Д-да, поскольку я сейчас в таком положении, похвастаться, в сущности, нечем. В том кругу, в котором я раньше вращался, надо иметь не такие деньги, как у меня сейчас, а много больше. Я рассчитывал устроиться агентом в какую-нибудь комиссионную контору или маклерскую фирму через кого-нибудь из моих прежних нью-йоркских знакомых. И тогда я бы мог кой-что заработать — заключить какую-нибудь выгодную сделку для фирмы и при этом получить возможность завязать связи с людьми, которые могли бы мне быть полезны.

— Понятно, — сказал Каупервуд. — Но поскольку вы растеряли ваши связи, восстановить все это не так-то просто. А вы думаете, если бы вы пристроились на такое местечко, вы сумели бы занять прежнее положение?

— Как я могу сказать?.. Не знаю. Может быть, и сумел бы.

Легкая нотка сомнения, прозвучавшая в тоне Каупервуда, сильно поколебала уверенность Толлифера. Но он сделал над собой усилие и продолжал:

— Не старик же я и уж не настолько опустился; мало ли на свете людей, которые попадали в такое положение, а потом как-то выкарабкивались. Вся беда в том, что у меня мало денег. Будь у меня достаточно денег, никогда бы я не сбился с дороги. Всему виной бедность. Это-то меня и погубило. Но во всяком случае я себя не считаю конченным человеком. Нет. Я еще попытаюсь, и я не теряю надежды выбиться — мое время не ушло.

— Мне нравится ваша бодрость, — сказал Каупервуд. — Надо думать, что она вас вывезет. А устроить вас в маклерскую контору — дело нетрудное.

Толлифер сразу оживился.

— Хорошо бы, если бы это вышло, — глядя на Каупервуда с надеждой, робко промолвил он. — Для меня это в самом деле было бы толчком к новой жизни.

Каупервуд усмехнулся.

— Ну что ж, — сказал он, — я думаю, что это можно устроить безо всяких хлопот. Но только при одном условии: не впутываться ни в какие истории и не водить компанию с подозрительными личностями. Это очень важно, принимая во внимание характер дела, которое я намерен вам поручить. Дело это отнюдь не налагает на вас никаких обязательств в отношении вашей личной, холостяцкой свободы, но оно все же потребует от вас, чтобы вы в течение некоторого времени оказывали усиленное внимание одной даме, то есть вернулись бы к тому самому занятию, которое, как вы мне только что рассказывали, обеспечивало вам недурной доход. Скажу попросту: возьметесь вы поухаживать за одной очаровательной женщиной, несколько постарше вас?

У Толлифера сразу мелькнула мысль, что это, вероятно, какая-нибудь богатая пожилая дама, знакомая Каупервуда, на которую у него имеются какие-то серьезные финансовые виды. Вот он и думает использовать его, Толлифера, в качестве приманки.

— Конечно, — отвечал он, — если я могу быть вам этим полезен, к вашим услугам, мистер Каупервуд.

Каупервуд, откинувшись на спинку кресла и задумчиво постукивая кончиками пальцев, смотрел на Толлифера холодным, оценивающим взглядом.

— Женщина, о которой я говорю, мистер Толлифер, это моя жена, — коротко, с циничной невозмутимостью сказал он. — Уже много лет мы с миссис Каупервуд находимся… не то, чтобы в дурных отношениях — это не совсем верно, — но в некотором… отдалении друг от друга.

Толлифер сочувственно кивнул, как бы уверяя, что он вполне понимает, но Каупервуд, не обращая на него внимания, продолжал:

— Это отнюдь не значит, что мы избегаем друг друга. Или что мне желательно получить против нее какую-нибудь законную улику. Нет. Она может распоряжаться своей личной жизнью, жить, как ей хочется, — но, конечно, в известных пределах. Ясно, что я не потерпел бы никакого публичного скандала и не позволил бы никому впутать ее в какую-нибудь грязную историю.

— Я понимаю, — вставил Толлифер, сообразив, что тут надо быть чрезвычайно осторожным и ни в коем случае не переступать границ и что ему, можно сказать, прямо счастье привалило, зубами надо держаться за такое предложенье.

— Полагаю, что не совсем понимаете, — сухо поправил Каупервуд, — но постараюсь объяснить так, чтобы вы поняли. Миссис Каупервуд когда-то была писаной красавицей, одной из самых красивых женщин, которых я видел на своем веку. И сейчас она еще очень хороша собой, хотя уж и не первой молодости. А могла бы быть и еще лучше, если бы так не расстраивалась и не предавалась всяким мрачным мыслям. Причиной этому — наш разрыв, и виноват в этом один я, ее я ни в чем не виню, — надеюсь, вы это хорошо усвоили…

— Да-да, — почтительно отвечал Толлифер, слушавший с напряженным интересом.

— Миссис Каупервуд несколько опустилась, не следит за своей внешностью, нигде не бывает — оправдание этому, может быть, и есть, но оснований для этого, на мой взгляд, решительно никаких нет. Она еще достаточно молода и впереди у нее еще много хорошего, ради чего стоит жить, что бы она там себе ни внушала.

— Мне кажется, я понимаю ее состоянье, — опять перебил Толлифер, словно пытаясь показать, что он не согласен с Каупервудом. И Каупервуду это даже понравилось — как-никак, это свидетельствовало о некоторой отзывчивости. Толлифер, по-видимому, сочувствовал Эйлин.

— Возможно! — отрезал Каупервуд и внушительно продолжал: — Дело, которое я намерен вам поручить, обеспечив вас, разумеется, для этого нужными средствами, будет заключаться в следующем: вы должны постараться сделать ее жизнь более интересной и яркой, — я при этом, разумеется, остаюсь в тени; жена моя ни в коем случае не должна ничего знать о нашем с вами разговоре. На нее плохо действует одиночество. Знакомых у нее мало, да и к тому же это люди мало подходящие для нее. Так вот я вас спрашиваю: если я предоставлю вам нужные средства, можете ли вы, не выходя из рамок житейских условностей и светских приличий, расширить как-то круг ее интересов, познакомить ее с людьми, которые подходили бы ей и по положению и по складу характера? Я отнюдь не имею в виду высшие круги общества, — ни ей, ни мне это не нужно. Но есть разные промежуточные слои, где можно завязать интересные знакомства, приятные для нее, да и для меня. Так вот, если вы меня поняли, может быть вы подумаете и скажете, что, собственно, вы могли бы в этом смысле сделать.

И Толлифер очень живо показал Каупервуду, какое приятное разнообразие можно внести в жизнь Эйлин и какими он для этого располагает возможностями. Каупервуд слушал его внимательно и убеждался, что Толлифер в самом деле хорошо понял, что именно от него требуется.

— Отлично, мистер Толлифер, — сказал он. — Так вот, ставлю вас в известность, что вашей работой в маклерской фирме, в которую я вас устрою, руководить буду я сам. Надеюсь, мы понимаем друг друга?

И с этими словами он приподнялся в кресле, давая понять, что аудиенция окончена.

— Да, мистер Каупервуд! — поспешно вставая, с улыбкой отвечал Толлифер.

— Отлично. Возможно, мы теперь с вами не так скоро увидимся. Но вы получите от меня указания. И я позабочусь о том, чтобы на ваше имя был открыт счет. Итак, полагаю, все. До свиданья.

Учтивый кивок и спокойный непроницаемый взгляд, которым Каупервуд проводил его до двери, заставили Толлифера еще раз остро почувствовать, какая глубокая пропасть отделяет его от этого человека.

14

Окрыленный этим необыкновенным свиданьем, Толлифер, выйдя из конторы Каупервуда, тотчас же отправился на Пятую авеню посмотреть на его роскошный дворец. Полюбовавшись со всех сторон внушительной архитектурой и лепными украшениями этого итальянского палаццо и почувствовав себя героем какого-то удивительного приключения, он окликнул кэб и направился в ресторан «Дельмонико», на углу Пятой авеню и Двадцать седьмой улицы. Днем, в часы завтрака, в этот ресторан стекались всякие театральные знаменитости и иные светила, и праздная светская публика, и видные адвокаты, и журналисты — словом, все те, кого прельщает блестящая сутолока, где можно и на людей поглядеть и себя показать. Толлифер пробыл там недолго, но успел раскланяться и перекинуться словцом по меньшей мере с пятью или шестью заметными представителями этого мира и своим оживленным и самоуверенным видом обратил на себя внимание и многих других.

Каупервуд тем временем отдал распоряжение в Центральное акционерное кредитное общество, где он был пайщиком и одним из директоров, сообщить некоему Брюсу Толлиферу, проживающему в пансионе «Альков» на Пятьдесят третьей улице близ Парк авеню, чтобы он немедленно явился в отдел специальных расчетов, где ему будут даны инструкции в связи с возложенным на него поручением. Явившись в тот же день по этому вызову и получив аванс в размере месячного жалованья из расчета двести долларов в неделю, Толлифер почувствовал себя на седьмом небе. Он решил, что ему необходимо ознакомиться с биографией Каупервуда и в особенности с его жизнью в Нью-Йорке, и стал осторожно наводить справки не только среди журналистов и репортеров, но и среди всеведущих завсегдатаев шикарных ресторанов и кабачков на Бродвее и на Сорок второй улице — в «Джилси-Хаус», в «Мартинике», в «Морлборо», в «Метрополитене» — этой Мекке всяких светских бездельников и фланеров.

Узнав, что Эйлин появляется иной раз в актерской компании в таком-то ресторане, на скачках или в других общественных местах, он решил, что для первого шага ему надо свести знакомство с кем-нибудь из ее приятелей: быть представленным ей по всем правилам — это будет самое успешное начало.

Каупервуд, подыскав себе такого удачного агента для развлечения Эйлин, почувствовал, что у него развязаны руки. Теперь он мог спокойно заняться ликвидацией своих чикагских предприятий и постараться сбыть хотя бы некоторые из них. В то же время он ждал, чем кончатся переговоры Коула с представителями линии Чэринг-Кросс. Каупервуд считал, что ему незачем торопиться с этими лондонскими подрядчиками. Чем больше он с ними будет тянуть и водить их за нос, тем скорее он может рассчитывать на выгодные для себя условия.

Поэтому, когда к нему явился Джеркинс и сообщил, что Гривс и Хэншоу очень хотели бы еще раз повидаться с ним, Каупервуд сделал вид, что это его мало интересует. Если бы это действительно было дельное предложение, а не просто болтовня, как в тот раз, тогда еще можно было бы подумать… Но если уж они так добиваются, пусть приезжают недельки через полторы, он будет посвободней…

Джеркинс после этого разговора тут же телеграфировал своему лондонскому партнеру Клурфейну, что действовать надо немедленно. Через двадцать четыре часа мистер Гривс и мистер Хэншоу уже сидели в каюте на океанском пароходе, направлявшемся в Нью-Йорк. После своего приезда они провели несколько дней, запершись в кабинете с Джеркинсом и Рэндолфом, обсуждая условия предложения, с которым они могут явиться к Каупервуду. Договорившись о дне приема и нимало не подозревая, что все это подстроено самим Каупервудом, они предстали перед ним в сопровождении Джеркинса и Рэндолфа, которые, конечно, тоже не могли предположить, что Каупервуд заранее распределил все роли.

Каупервуд был осведомлен, что Гривс и Хэншоу — крупные подрядчики по строительному делу, пользуются солидной репутацией у себя на родине. Это были довольно состоятельные люди, как сообщил ему Сиппенс. Сверх того контракта, который был заключен у них с Электротранспортной компанией на прокладку туннелей и постройку станций новой подземки, они недавно откупили у нее за тридцать тысяч фунтов стерлингов право на приобретение парламентской лицензии на все предприятие.

По всей видимости, Электро-транспортная компания находилась сейчас в весьма затруднительном положении. В число ее акционеров входили Райдер, лорд Стэйн, Джонсон и еще кое-кто из их друзей. Все это были люди весьма солидные, сведущие во всяких юридических и финансовых тонкостях, однако никто из них не имел ни малейшего представления о том, как финансировать и каким образом поставить на ноги подобное предприятие; а своих средств для финансирования этого дела у них не было. Лорд Стэйн в свое время вложил крупные деньги в две центральные линии — Районную и Метрополитен, но они не приносили ему никаких доходов. Поэтому он и постарался отделаться от линии Чэринг-Кросс и уговорил компанию переуступить право собственности на нее Гривсу и Хэншоу за тридцать тысяч фунтов стерлингов сверх тех десяти тысяч, которые они внесли ранее за подряд на прокладку и оборудование туннелей. Естественно, что Каупервуд, имея в виду проект новой кольцевой линии, был совсем не прочь прибрать к рукам линию Чэринг-Кросс, которую можно было бы эксплуатировать самостоятельно, а в случае, если бы ему удалось захватить контроль над старыми линиями, — создать единую сеть, присоединив новую линию к старым. Словом, то была для него отличная зацепка.

Но когда Гривс и Хэншоу, в сопровождении Джеркинса и Рэндолфа, которые положили немало труда, чтобы устроить это дело, явились к Каупервуду, в его контору, он встретил их довольно прохладно. Гривс, видный мужчина, рослый, цветущий, представлял собой типичный образец самоуверенного, самодовольного обывателя. Хэншоу — тоже высокий, но бледный, худой, производил впечатление человека более светского. Просмотрев планы и документы, которые они разложили перед ним на столе, и еще раз внимательно выслушав всю историю, как если бы он слышал ее впервые, Каупервуд задал им всего лишь несколько вопросов.

— Допустим, джентльмены, я заинтересуюсь этим делом настолько, что мне желательно будет познакомиться с ним вплотную, — сказал он, — какой срок могли бы вы предоставить мне на ознакомление с ним? Ибо, если я вас правильно понял, вы предлагаете мне ваш контрольный пакет акций вместе с контрактом на постройку дороги, так или нет?

Услышав это, Гривс и Хэншоу явно оторопели — ибо ничего подобного они и не думали предлагать. Они поспешили объяснить, что они предлагают ему купить за тридцать тысяч фунтов стерлингов половину акций. Остальные пятьдесят процентов и контракт на постройку они хотят удержать за собой. Но зато — как они наивно разъяснили ему — они готовы использовать свое влияние для сбыта акций достоинством по сто долларов, на общую сумму в восемь миллионов; акции эти были выпущены Электро-транспортной компанией, но она не имела возможности их распродать и уступила свою половину им. Они тут же добавили, что такой человек, как Каупервуд, несомненно сумеет поставить дело финансирования и эксплуатации дороги так, что она будет давать доход, на что Каупервуд только усмехнулся: его интересовала не постройка или эксплуатация новой линии, а контроль над всей сетью подземных железных дорог.

— Насколько я понял из нашей беседы, вы должны получить изрядный доход от постройки дороги для вашей компании, не менее десяти процентов? — спросил Каупервуд. — Так или нет?

— Мы рассчитываем на обычную при строительных подрядах прибыль, не более того, — ответил Гривс.

— Допустим, — любезно заметил Каупервуд. — Но если я вас понял правильно, вы, джентльмены, рассчитываете выручить по меньшей мере пятьсот тысяч долларов на постройке дороги, не считая доходов, которые вы получите как пайщики той самой компании, для которой вы строите?

— Но ведь за наши пятьдесят процентов мы обязуемся привлечь к делу кой-какие английские капиталы, — пояснил Хэншоу.

— А сколько же именно? — осторожно спросил Каупервуд, тут же прикидывая мысленно, что если бы ему удалось заполучить пятьдесят один процент акций Чэринг-Кросс, так оно, пожалуй, стоило бы и подумать. Но, как он сейчас же выяснил из их ответа, они и сами еще не знали, какую сумму составит этот капитал. Если Каупервуд войдет в дело, возьмет на себя обязательство внести требуемый залог в государственных ценных бумагах и придать всему предприятию, так сказать, характер реальности, возможно, что двадцать пять процентов всех расходов покроется от продажи акций — публика будет покупать.

— А можете вы гарантировать это? — поинтересовался Каупервуд. — Иначе говоря, согласны вы обусловить ваше участие в деле обязательством мобилизовать этот капитал, прежде чем получите акции?

Нет, на это они не могут рискнуть… Но если окажется, что они не соберут требуемую сумму, тогда, может быть, им придется уступить, и они оставят за собой меньше пятидесяти процентов акций, ну, скажем, тридцать или тридцать пять процентов, но при условии, что подряд на постройку останется за ними.

Каупервуд снова усмехнулся.

— Меня вот что удивляет, джентльмены, — сказал он, — вы так хорошо осведомлены во всем, что касается инженерной, технической стороны дела, а финансовую сторону вы почему-то считаете пустяками. А на самом деле это совсем не так. Как вам пришлось много лет учиться, а потом долго работать, прежде чем вы достигли того положения и той репутации, которые дают вам возможность получать такие подряды, какие вы получаете теперь, — точно так же и мне, финансисту, пришлось проделать тот же путь. И напрасно вы думаете, что какой-либо предприниматель, каким бы капиталом он ни располагал, согласится выложить из своего кармана деньги на постройку и эксплуатацию такой крупной дороги. Нет такого человека, который пошел бы на это. Слишком велик риск. Любой финансист вынужден будет действовать совершенно так же, как собираетесь действовать вы: заставит других людей вложить свои капиталы. И ни один финансист не станет вам доставать денег ни на какое предприятие, прежде чем он не обеспечит в первую очередь прибыли для себя, а во вторую уже — для тех, чьи капиталы он вложит в это дело. А для того чтобы иметь такую возможность, он должен обеспечить себе значительно больше, чем пятьдесят процентов акций.

Гривс и Хэншоу не нашлись, что ответить, и он продолжал:

— А вы хотите не только, чтобы я вложил капитал, или во всяком случае большую часть требуемой суммы, что даст вам возможность собрать остальное, — вы хотите, чтобы я заплатил вам еще за постройку, а после всего этого эксплуатировал выстроенную на мои деньги дорогу совместно с вами. Если вы на это всерьез рассчитываете, разумеется, нам больше говорить не о чем, меня это не может заинтересовать. Я мог бы купить у вас ваш опцион,[1] за который вы заплатили тридцать тысяч фунтов стерлингов, если это передаст в мои руки контрольный пакет акций, и тогда, пожалуй, можно было бы оставить за вами ваш пай в десять тысяч фунтов стерлингов и контракт на постройку, — но никак не более. Ведь помимо всего этого, насколько я знаю, там еще гарантийных бумаг на шестьдесят тысяч фунтов, по ним тоже надо выплачивать четыре процента.

Джеркинс и Рэндолф уныло молчали, чувствуя, что они чего-то не додумали в этом деле. А Гривс и Хэншоу растерянно смотрели друг на друга. Надо же было так промахнуться! Теперь они ничего не выгадали, только испортили все.

— Хорошо, — вымолвил, наконец, Гривс, — вам, конечно, самому видней, как вам лучше поступить, мистер Каупервуд. Но нам желательно, чтобы вы знали, что более разумного предложения, чем наше, и представить себе нельзя. Для строительства подземной железной дороги лучше Лондона места не придумаешь. У нас нет единой подземной сети, и такие линии, как эта, безусловно, необходимы; их так или иначе будут строить, и деньги на это найдутся.

— Возможно, — ответил Каупервуд, — но что касается меня, я предпочитаю подождать; если вы через некоторое время, взвесив и обсудив ваши возможности, убедитесь, что вам с этим делом не справиться, и пожелаете прибегнуть к моей поддержке, вы можете сообщить мне об этом письменно — и тогда посмотрим. Но я должен заранее сказать: вы можете рассчитывать на мое участие в этом деле только в том случае, если условия буду диктовать я. Разумеется, это не значит, что я собираюсь вмешиваться в ваши строительные работы или переписывать ваш контракт. Это, я думаю, может остаться так, как оно есть, при условии, конечно, что ваши сметы на оборудование окажутся удовлетворительными.

Он замолчал и забарабанил пальцами по столу, словно желая показать, что разговор кончен; но когда англичане поднялись и стали прощаться, он прибавил:

— Поскольку мы здесь ни до чего серьезного не договорились, я был бы вам весьма признателен, джентльмены, если бы этот наш сегодняшний разговор остался между нами.

Затем он сделал знак Джеркинсу подождать и, когда все вышли, обратился к нему, резко повысив голос:

— Вечная с вами история, Джеркинс, никогда вы не можете толком взяться за дело, которое само идет вам в руки. Ну вы только подумайте, что у нас здесь сегодня вышло! Вы приводите ко мне этих людей, которые, по вашим словам, и, как они сами говорят, имеют на руках такой крупный подряд на постройку метрополитена в Лондоне. Ведь если за это взяться с умом, то для каждого из нас такое предприятие могло бы принести неисчислимые выгоды. А эти люди являются ко мне, не имея ни малейшего представления о том, как я веду дела. Но ведь вы-то это прекрасно знаете: контроль, полный контроль должен быть безусловно в моих руках. Я не уверен, что они даже и сейчас поняли, какой у меня в этом смысле огромный опыт и как бы я мог развернуться, заполучив такой великолепный подряд. А они воображают, что я могу польститься на половину прибыли, а контролировать дело будут они со своими друзьями. Предупреждаю вас, Джеркинс, — тут Каупервуд метнул на него такой грозный взгляд, что у Джеркинса мороз пошел по коже, — если вы хотите быть мне полезным, бросьте канителиться без толку с этим дурацким предложением и потрудитесь представить мне подробные и исчерпывающие сведения о лондонской подземной сети и о том, какие там имеются возможности. А всякие ваши личные соображения по поводу меня и моих дел можете держать при себе. Если бы вы, прежде чем приводить этих людей ко мне, потрудились прокатиться в Лондон и выяснили на месте все, что о них требуется знать, вы бы не заставили ни меня, ни их терять даром время.

— Да, сэр! — пробормотал Джеркинс. Это был толстенький рыхлый человечек лет сорока, одетый с щеголеватой изысканностью, словно модель с витрины, но сейчас от сильного волнения он весь обливался потом. У него были черные бегающие глазки, маленький острый носик и мягкие пухлые губы. Он вечно мечтал о какой-нибудь крупной и удачной афере, которая сразу сделает его архимиллионером и выдвинет в ряды знаменитостей, привлекающих взоры избранных посетителей премьер, спортивных матчей, собачьих выставок и прочих великосветских зрелищ. В Нью-Йорке и в Лондоне у него были весьма обширные знакомства.

Каупервуд знал это и понимал, что Джеркинс ему еще может пригодиться; однако сейчас он не находил нужным раскрывать перед ним карты и ограничивался только намеками, полагая, что этого вполне достаточно, чтобы побудить Джеркинса броситься вдогонку за Гривсом и Хэншоу и постараться прийти с ними к соглашению. Пожалуй, он даже способен отправиться в Лондон, а если так… то в смысле рекламы лучшего агента и желать нечего.

15

И действительно, не прошло и недели со дня отъезда мистера Гривса и мистера Хэншоу, как Джеркинс уже покатил вслед за ними в Лондон: его била лихорадка, до такой степени ему не терпелось стать непосредственным участником этой грандиозной авантюры, которая наконец-то принесет ему желанные миллионы.

Хотя первый шаг, сделанный Каупервудом на пути к приобретению линии Чэринг-Кросс, иначе говоря его разговор с Гривсом и Хэншоу, не принес тех результатов, на которые он, казалось бы, рассчитывал, это отнюдь не поколебало его намерений; Сиппенс прислал ему достаточное количество весьма интересных сведений, и Каупервуд твердо решил добиться концессии на постройку подземной линии в Лондоне, даже в том случае, если у него ничего не выйдет с линией Чэринг-Кросс. В связи с этим у него дома происходили совещания, устраивались званые обеды, и у Эйлин создавалось впечатление, что супруг ее понемножку возвращается к прежнему образу жизни, к той прежней жизни в Чикаго, о которой у нее сохранились самые счастливые, самые яркие воспоминания. Она иногда спрашивала себя: а не могло ли так случиться, — мало ли чудес на свете! — что эта чикагская катастрофа подействовала на него отрезвляюще и ему захотелось вернуть, хотя бы внешне, прежние отношения с ней; и даже если она для него уже ровно ничего не значит, для нее это все-таки утешение.

В действительности же Каупервуд с каждым днем все больше увлекался Беренис. Он с удивлением открывал в ней новые, неожиданные черты. На нее иногда находила какая-то шаловливость, когда она становилась способной на всякие озорные выдумки, а ее здравомыслие не мешало внезапным удивительным сменам ее прихотливых настроений, и это всякий раз восхищало Каупервуда.

Однажды, еще в Чикаго, они поехали обедать в гостиницу, где они уже обедали несколько дней тому назад. Когда они вышли из саней, Беренис предложила ему пройтись в рощу, и там на опушке, среди усыпанных снегом сосенок и молодых дубков, он вдруг увидел вылепленную из снега фигуру, которая, когда они подошли ближе, оказалась чуть-чуть карикатурной, но совершенно точной копией его самого. Беренис нарочно приехала сюда рано утром и слепила этого снежного человека. Вместо глаз она вставила два блестящих голубовато-серых камешка, а нос и рот сделала из сосновых шишек, очень ловко подобрав их по форме и по величине. Еще накануне она стащила у Каупервуда одну из его шляп, и шляпа эта, лихо сдвинутая на затылок снежной фигуры, как-то особенно подчеркивала сходство с Каупервудом. Когда этот двойник внезапно вырос перед ним, среди деревьев, освещенный закатными лучами огненно красного солнца, Каупервуд даже вздрогнул от неожиданности.

— Что это, Беви? Как это тебе пришло в голову? Да когда же ты успела это сделать, плутовка? — И он расхохотался. Снежный Каупервуд смотрел на него совсем как живой, прищурив глаз, и нос торчал у него необыкновенно внушительно.

— Сегодня утром, — сказала Беренис. — Приехала сюда одна и вылепила моего милого человечка.

— А здорово похоже на меня! — с удивлением заметил Каупервуд. — И долго ты возилась с этим чучелом?

— Час наверно. Не больше.

Она отступила на шаг и с гордостью посмотрела на свое творение. Затем, выхватив у Каупервуда трость, приставила ее сбоку к снежной фигуре, набалдашником к карману, который был изображен при помощи мелких камешков.

— Посмотри, какой красавчик! Весь из снега, шишек и каменных пуговок.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала снежное чучело в губы.

— Беви! Если ты хочешь целоваться… — Каупервуд схватил ее в объятья, и ему казалось, что он держит в руках какого-то лесного эльфа. — Беренис! Ты меня с ума сводишь! Признайся, ты дух лесной, колдунья или волшебница?

— А ты не знал?

И она откинулась и потянулась к его лицу обеими руками, раздвинув пальцы.

— Я колдунья, да, да. И я могу обратить тебя в снег и лед.

И, пристально глядя на него, она тянулась к его лицу тонкими пальцами.

— Беренис!.. Что с тобой, брось дурить! А знаешь, мне кажется, ты сама заколдована. Но ты можешь колдовать надо мной, сколько угодно. Только… не покидай меня!

И, крепко прижав ее к груди, он поцеловал ее.

Но Беренис вырвалась из его объятий и снова подбежала к снежной фигуре.

— Ну вот! — воскликнула она. — Ты все испортил. Оказывается, он — не настоящий. А я-то старалась сделать его совсем живым. Он был такой большой, холодный. И стоял здесь и ждал меня. А теперь надо его уничтожить, бедняжку, чтобы никто не видел его и не знал, кроме меня.

И, схватив трость Каупервуда, она ударила ею со всего размаха и развалила фигуру.

— Вот видишь: я тебя сотворила, и я же тебя и уничтожаю.

И она, смеясь, разбрасывала снег своими затянутыми в перчатки ручками. А Каупервуд смотрел на нее с восхищением.

— Ну, идем, Беви, радость моя! Как ты сказала? Ты меня сотворила, ты и уничтожаешь? Хорошо, я согласен, только не покидай меня. Ты знаешь, с тобой я словно переношусь в какие-то неведомые края, точно ты передо мной новый мир открываешь — чудесный, непонятный, твой собственный! И для меня это такое счастье — окунуться в него! Ты мне веришь, Беви?

— Конечно, милый, конечно, — отвечала Беренис таким спокойным и рассудительным тоном, как будто она и не разыгрывала только сейчас этого представления со снежным чучелом. — Так ведь оно и должно быть. И так будет.

Она взяла его под руку, и они пошли. У Каупервуда было впечатление, словно она только сейчас очнулась или вернулась на землю из какого-то своего, странного мира видений, и ему хотелось расспросить ее об этом мире, но его как будто что-то удерживало, — он чувствовал, что этого нельзя делать.

И это чувство, а вместе с тем радостная уверенность, что вот она здесь, с ним, что он может осязать, видеть, слышать ее, что он в любую минуту может пойти к ней, вызывали у него чувство какого-то небывалого восторга, словно ему только теперь наконец-то открылось то, ради чего стоило жить.

Да разве это может быть, чтобы он когда-нибудь захотел расстаться с ней? Никогда в жизни ему еще не приходилось сталкиваться с таким удивительно многообразным, таким необычайно изменчивым и вместе с тем рассудительным и трезвым,

словом с таким необыкновенным существом! Несомненно, это артистическая натура. Мало ли всяких женщин перевидал он на своем веку, а все-таки ему еще никогда не попадалось такой блестящей, умной и обаятельной женщины.

И даже в минуты самой интимной близости она неизменно вызывала у него чувство восхищенного удивления. Она не отдавалась ему безвольно, слабея и замирая в его объятьях, не подчинялась ему, пассивно уступая неистовству его мужской страсти, нет, она трепетала и загоралась в ответ и словно сама держала его в плену, властно завораживая его своими чарами — разметавшимся золотом огненных волос, влекущим взором синих потемневших глаз, сладостью поцелуя.

И когда он потом, после бурных свиданий оставшись один, вспоминал эти чудесные минуты, у него было чувство, что это совсем не похоже на то, что он когда-либо переживал раньше. Это было не просто удовлетворение некоей физической потребности и не исступление страсти, а опять какой-то неведомый мир новых, головокружительных ощущений, который открывала ему волшебница Беренис.

16

Предвидя, что ему придется как-то согласовать с Толлифером дальнейший план действий в отношении Эйлин, Каупервуд решил объявить ей, что он недели через две предполагает отправиться в Лондон и что если ей хочется, она может поехать с ним. А затем он сообщит об этом Толлиферу и пусть тот уж сам придумывает, как лучше занять и развлечь Эйлин, чтобы она не изводила себя, как это было до сих пор, не огорчалась, непрестанно думая о том, что муж ее не любит. Каупервуд был сейчас в самом радужном настроении. Наконец, после стольких лет тягостного разрыва, он нашел способ облегчить ее жизнь, успокоить ее и создать какую-то видимость мирных отношений.

Когда он вошел к ней, помахивая тростью, такой цветущий, сияющий, уверенный, с гарденией в петличке, в серой шляпе, в серых перчатках. Эйлин пришлось сделать над собой усилие, чтобы подавить невольную радостную улыбку, которой он, по ее мнению, не заслуживал. Он сразу стал рассказывать ей о своих делах. А читала она сегодня газеты? Обратила внимание, что один из его самых заклятых чикагских врагов только что отдал богу душу? Туда ему и дорога — одной занозой меньше! А что у них сегодня на обед? Хорошо бы заказать Адриану морской язык под соусом маргери, если, конечно, не поздно. Да, он ужасно занят, никак не развяжется с делами. Ездил в Бостон, в Балтимор, а на днях придется ехать в Чикаго. А насчет этого лондонского дела… он уже кое-что нащупал, и, вероятно, в ближайшем будущем придется ему плыть в Англию. Не хочет ли она с ним прокатиться? Конечно, он там будет очень занят, но она может поехать в Париж или в Биарриц, а под воскресенье он к ней будет приезжать на отдых.

У Эйлин от радости глаза загорелись. Она даже рванулась к нему со стула, но тут же вспомнила, какие у нее отношения с мужем, и, сдержавшись, откинулась назад. Она столько натерпелась от него, столько видела всяких предательств и обмана, что теперь не решалась ему поверить. Но не лучше ли все-таки сделать вид, что она верит?

— Ну что ж, — сказала она. — А ты правда хочешь, чтобы я поехала с тобой?

— Зачем бы я стал тебе предлагать, если бы не хотел? Разумеется, хочу. Мне сейчас, видишь ли, предстоит сделать очень серьезный шаг. И он может для меня обернуться очень удачно, а может и нет. Но как бы то ни было, — тут Каупервуд, следуя своему излюбленному правилу, прибегнул к спасительной лжи, не постыдившись сыграть на самых заветных, самых сокровенных чувствах Эйлин, — ведь ты была со мной оба раза, когда я начинал первое и второе свое предприятие, мне кажется, ты должна быть со мной и на этот раз, когда я задумал третье. Разве не правда?

— О да, Фрэнк! Если это так, как ты говоришь, я хочу быть с тобой. Это будет просто замечательно. Я буду готова, как только ты скажешь. Когда мы поедем? Каким пароходом?

— Я скажу Джемисону, он все узнает, что надо, и тогда я дам тебе знать.

Эйлин подошла к двери и позвонила Карру, чтобы распорядиться насчет обеда. Она точно ожила. На нее вдруг пахнуло прежней жизнью, когда она делила с Каупервудом его могущество, его успех. Она тут же приказала Карру достать чемоданы и осмотреть их.

А Каупервуд выразил желание навестить тропических птиц, которых он привез для оранжереи. И он предложил Эйлин пойти вместе. Эйлин, вся сияя, направилась с ним в оранжерею и смотрела на него не сводя глаз, пока он возился с двумя резвыми попугаями с Ориноко и подсвистывал им, стараясь раззадорить самца, чтобы услышать его пронзительный крик. Внезапно он обернулся к Эйлин и сказал:

— Видишь ли, Эйлин, я всегда мечтал сделать из этого дома настоящий музей. Я и сейчас покупаю кое-что и уверен, что когда-нибудь это будет одна из самых замечательных частных коллекций. Последнее время я много думал, как бы это мне с тобой

уладить, чтобы после моей смерти, — ведь рано или поздно, а придется все же помереть, — дом этот сохранился не просто как память обо мне, а доставлял бы какую-то радость людям, которые любят такие редкости. Я собираюсь составить новое завещание — и вот надо подумать, как бы это внести туда.

На лице Эйлин выразилось удивление. С чего это ему пришло в голову?

— Мне вот-вот исполнится шестьдесят, — спокойно продолжал он, — и хотя я еще пока не собираюсь умирать, все-таки нужно как-то привести дела в порядок. В число моих душеприказчиков — их всего будет пять — я хочу включить Долэна из Филадельфии, мистера Коула и затем Центральное акционерное кредитное общество. Долэн и Коул превосходно разбираются в финансовой и формально-юридической стороне дела, и они сумеют выполнить все мои распоряжения. Но так как я собираюсь оставить тебе этот дом в пожизненное пользование, я думаю, не назвать ли мне и тебя вместе с Долэном и Коулом, и тогда ты сможешь либо сама открыть дом для посещений публики, либо позаботиться о том, чтобы это было сделано со временем. Мне приятно сознавать, что он радует своей красотой, и мне хочется, чтобы он остался таким же и после моей смерти.

Эйлин слушала его, взволнованная, гордая. Чем объяснить такое серьезное отношение к ней, да еще в таком важном деле? Она была польщена и обрадована. Может быть, он и правда несколько образумился и стал ко всему относиться серьезней?

— Ты знаешь, Фрэнк, — сказала она, пытаясь как-то совладать со своими чувствами, — я всегда очень близко принимаю к сердцу все, что тебя касается, даже всякую мелочь. У меня, в сущности, никогда не было никакой жизни помимо тебя — да мне и сейчас без тебя ничего не надо, хотя ты-то, конечно, теперь чувствуешь совсем по-другому. Так вот, то, что ты говорил насчет дома, — оставишь ли ты его мне, или сделаешь меня одним из твоих душеприказчиков, — ты можешь быть совершенно спокоен, я ничего не изменю, все будет сделано так, как ты хочешь. Я никогда не старалась показать, что я разбираюсь в таких вещах, что у меня такой вкус, как у тебя, твое понимание, но ты можешь быть уверен, что твое желание для меня свято.

Каупервуд, слушая это признание Эйлин, тыкал пальцем в зеленовато-оранжевого попугая макао, который своим пронзительным криком и яркой пестрой окраской, казалось, потешался над этой глубоко прочувствованной сценой. Но Каупервуд в самом деле был растроган словами Эйлин, он повернулся к ней и потрепал ее по плечу.

— Я знаю это, Эйлин. Ведь мне всегда только одного и хотелось, чтобы мы с тобой могли смотреть на жизнь одинаково, одними глазами. Но так как это у нас не получается, я, сколько могу, готов пойти тебе навстречу, потому что я знаю: что бы там ни было, ты все-таки привязана ко мне и будешь привязана до конца жизни. И мне, веришь ты этому или нет, всегда хочется отплатить тебе за это всем, чем я могу. И вот отсюда и этот наш сегодняшний разговор о завещании; есть и еще кое-что, о чем я хотел бы с тобой поговорить.

За обедом он рассказал Эйлин об одном своем проекте — ему хочется построить хорошую больницу и оборудовать ее всякими исследовательскими лабораториями, и вообще он давно подумывает вложить деньги в кое-какие благотворительные учреждения. Поэтому ему придется частенько наведываться в Нью-Йорк, и ему было бы удобно, если бы она жила здесь, чтобы он всегда мог приехать к себе домой. Ну, разумеется, от времени до времени и она тоже может прокатиться за границу.

И видя Эйлин такой довольной и веселой, Каупервуд мысленно поздравлял себя со столь благополучным разрешением своих семейных дел. Как ловко ему удалось уговорить ее. Ну, если у них и дальше так пойдет, тогда, можно сказать, все превосходно.

17

Мистер Джеркинс, приехав в Лондон, немедленно отправился к своему партнеру Клурфейну сообщить ему сногсшибательную новость, что великий Каупервуд, по-видимому, серьезно интересуется лондонской подземкой — и в самом широком масштабе. Он подробно пересказал ему все, что говорил Каупервуд, и сокрушенно покачивал головой, удивляясь, как это они с ним попали впросак и не сообразили, что для такого крупного воротилы, конечно, не может быть никакого интереса возиться с какой-то одной маленькой веткой. И смешно даже и подумать, что Гривс и Хэншоу вообразили, будто его можно прельстить половинным паем в их предприятии. Да лучше бы они и не заикались об этом, меньше пятидесяти одного процента пая даже и предлагать нечего. Ну, а как все-таки полагает Клурфейн, удастся Гривсу и Хэншоу раздобыть денег в Англии на эту их линию?

Клурфейн, тучный, жирный голландец, весьма пронырливый во всяких мелких делишках, был абсолютно лишен какого бы то ни было чутья и догадки в делах, требующих широкого размаха и смелости.

— Да нет! Где им! — отвечал он не задумываясь. — У нас здесь уйма этих контрактов. Столько всяких компаний грызутся между собой из-за одной какой-нибудь ничтожной линии. И ни одна не хочет объединиться с другой и обеспечить публику удобным сквозным транспортом, чтобы люди могли ездить куда им надо за доступную плату. Я ведь это все на себе испытал. Сколько уж лет приходится колесить по Лондону из конца в конец. Да вы сами подумайте, — у нас на весь Лондон всего-навсего две линии — Метрополитен и Районная. Обе они охватывают только деловой центр… — и он очень подробно начал

объяснять Джеркинсу всю непрактичность и нецелесообразность подобной системы и все проистекающие отсюда неудобства и убытки. — И ведь вот до сих пор не могут раскачаться — ни проложить новые линии, ни хотя бы переоборудовать и электрифицировать старые. Так и ходят эти паровички, где в туннелях, а где прямо по насыпи. Единственная компания, которая строила хоть с каким-то соображением, это акционерная компания Сити — Южный Лондон, — она выстроила линию от центра до Клэфем-Коммон и пустила по ней электрические поезда с третьим рельсом; светло, чисто, поезда ходят бесперебойно; но это единственная хорошо обслуживаемая ветка. И опять-таки она слишком коротка; людям приходится пересаживаться и еще раз платить за проезд по кольцу. Да, Лондону, конечно, нужен именно такой человек, как Каупервуд; ну, разумеется, и свои английские капиталисты тоже могли бы кое-что сделать, если бы они только сговорились между собой, вложили бы сообща деньги и как следует переоборудовали и расширили сеть.

Ну, а что касается новых линий, на которые Каупервуд мог бы получить концессию, — вот, к примеру сказать, был такой проект у одного лондонца, некоего Эбингтона Скэрра. Он получил подряд на постройку подземной линии от Бейкер-стрит до Ватерлоо, но вот уж прошло что-то около полутора лет, и ничего до сих пор так и не сделано. Ходят слухи, что Районная тоже собирается строить новые ветки. Да, как видно, ни там, ни здесь нет капитала.

— И я так полагаю, — заключил Клурфейн, — что если Каупервуд действительно захочет получить Чэринг-Кросс, он сможет этого добиться без особого труда. Электротранспортная компания уже два года назад отказалась финансировать это дело. Подряд перешел в руки к этим инженерам, но, насколько мне известно, у них, кроме вот этих переговоров с Каупервудом, никаких других видов или возможностей нет и не было. Да ведь они, в сущности говоря, даже и не специалисты по транспорту, и если им не посчастливится найти подходящего человека, да с таким капиталом, как у Каупервуда, сомневаюсь, что они когда-нибудь вообще смогут осилить это дело.

— Так что на этот счет можно пока не беспокоиться? — заметил Джеркинс.

— Да, я полагаю, что так, — важно подтвердил Клурфейн. — Но, пожалуй, нам следовало бы связаться кой с кем из акционеров, которые владеют двумя главными кольцевыми линиями — Районной и Метрополитен, — или потолковать со здешними банкирами на Трэднидл-стрит, может у них что-нибудь и удастся выведать. Вы знаете Кроушоу, фирму «Кроушоу и Воукс»? Они пытались раздобыть денег для Гривса и Хэншоу с тех самых пор, как те получили подряд. Но так, разумеется, ничего из этого и не вышло, так же как и у Электро-транспортной компании ничего не вышло еще до них. Слишком им много требуется.

— Электро-транспортная? — переспросил Джеркинс. — Это та самая компания, которая первой получила концессию на эту линию? А что там за публика?

Клурфейн, сразу оживившись, стал припоминать все, что он слышал и знал об этой компании. Это было далеко не все, что уже успел разнюхать Сиппенс, но тем не менее оказалось весьма интересным для обоих. Клурфейн называл имена — Стэйна, Райдера, Бэллока и Джонсона. Главную роль играли Джонсон и Стэйн. Они первые выдвинули проект линии Чэринг-Кросс — Хэмпстед. Стэйн, крупный акционер в компаниях Районной и Сити — Южный Лондон, принадлежал к самой верхушке английского аристократического общества. Джонсон, поверенный Стэйна и вместе с тем юрисконсульт Районной и Метрополитен, входил пайщиком в ту и в другую компании.

— А почему бы нам не попытаться потолковать с этим Джонсоном? — спросил Джеркинс, который после жестокой взбучки от Каупервуда старался теперь вытянуть из Клурфейна все, что можно. — Такой человек должен быть хорошо осведомлен.

Клурфейн стоял у окна и поглядывал на улицу, но тут он сразу повернулся и уставился на Джеркинса.

— Блестящая идея! — воскликнул он. — В самом деле? Почему нет? Только вот… — он запнулся и опасливо покачал головой. — А удобно это будет? Ведь мы с вами, сколько я понимаю, не имеем полномочий действовать от имени Каупервуда? Вы же, кажется, сами сказали, что он только потому согласился выслушать Гривса и Хэншоу, когда они приезжали в Нью-Йорк, что мы с вами его об этом просили? Ведь он, собственно, нам никаких поручений в связи с ними не давал?

— А мне думается, все-таки недурно было бы пощупать этого Джонсона, — возразил Джеркинс. — Мы можем ему от себя сказать, что вот, например, Каупервуд или там какой-нибудь другой известный американский миллионер интересуется подземными дорогами и в частности проектом расширения лондонской подземной сети, и тут можно будет ввернуть и насчет Чэринг-Кросс — мол если бы их компания взяла эту линию снова полностью в свои руки, ее можно было бы выгодно перепродать американцу. А мы с вами, если бы нам удалось их свести, здорово заработали бы, — подумайте-ка, комиссионные на этаком деле! А если нам еще посчастливится скупить акции, да перепродать их той же Электро-транспортной компании или Каупервуду, тогда уж мы совсем закрепимся в этом предприятии в качестве агентов по покупке и перепродаже. Ну как же упускать такую возможность?

— Н-да, это, конечно, неплохая идея, — заметно оживляясь, подхватил Клурфейн. — А что, если я сейчас попробую позвонить ему?

Он пошел в смежную комнату и уже совсем было взялся за трубку, но остановился и вопросительно взглянул на Джеркинса:

— Я думаю, всего проще попросить его принять нас для консультации. Скажем, что у нас тут такой сложный финансовый вопрос, который нельзя изложить по телефону. Он подумает, что это платный совет, ну и пусть думает, пока мы ему не объясним, в чем дело.

— Очень хорошо, — сказал Джеркинс. — Ну, звоните же.

После весьма неопределенного и в высшей степени осторожного разговора Клурфейн положил трубку и объявил:

— Может принять нас завтра, в одиннадцать.

— Великолепно! — воскликнул Джеркинс. — Полагаю, мы теперь с вами на верном пути. Во всяком случае это какое-то движение. И даже если он сам не заинтересуется, он может нам указать, к кому обратиться.

— Правильно. Совершенно правильно, — поддакнул Клурфейн, который в эту минуту думал только о том, как бы сорвать побольше, ибо ему по заслугам несомненно причитается львиная доля в этой заманчивой афере. — Я очень рад, что мне это пришло в голову. Тут может такое дело развернуться, каких нам с вами до сих пор еще не перепадало.

— Верно, верно! — подхватил ему в тон Джеркинс, вполне разделяя воодушевление своего партнера, но втайне сожалея, что не обошелся без его участия. Ибо Джеркинс воображал себя не только мозгом, но и движущей силой этой замечательной комбинации.

18

Контора фирмы «Райдер, Бэллок, Джонсон и Чэнс», так же как и контора лорда Стэйна, помещалась в одном из самых темных закоулков Стори-стрит, примыкавшей к зданиям адвокатских корпораций. Сказать по правде, весь этот квартал, если не считать зданий адвокатских корпораций, показался бы всякому американцу весьма неподходящим местом для конторы столь солидных и прославленных юристов Англии. Маленькие, неоднократно перестраивавшиеся трех — или четырехэтажные домики, где прежде ютились какие-то склады и мелкие торговые заведения, преобразились теперь в служебные и приемные кабинеты, в архивы и библиотеки. Здесь помещалось около дюжины юристов со всеми своими стенографистками, клерками, посыльными и прочими служащими.

Стори-стрит была до того узка, что по тротуару вряд ли можно было пройтись по-приятельски под руку, а на мостовой, пожалуй, могли разъехаться две ручные тележки, но уж никак не два более солидных экипажа. И однако в этот тесный проход с утра устремлялся поток рабочих и всякого иного люда, потому что здесь вы срезали наискосок и попадали прямо на Стрэнд и в другие близлежащие кварталы.

Фирма «Райдер, Бэллок, Джонсон и Чэнс» занимала все четыре этажа дома *N33 по Стори-стрит*. Фасад дома был шириной не более двадцати трех футов, но корпус его, длиной в пятьдесят футов, скрывался в глубине двора. В нижнем этаже, некогда приемной и гостиной жившего здесь в полном уединении весьма необщительного старого судьи, помещались теперь общая приемная и архив. Лорд Стэйн занимал небольшой кабинет в глубине бельэтажа. Во втором этаже находились кабинеты трех главных представителей фирмы — Райдера, Джонсона и Бэллока. Чэнс со своими многочисленными помощниками занимал весь третий этаж. Контора Элверсона Джонсона, в самой глубине второго этажа, выходила окнами на крохотный мощеный дворик, который некогда был частью старинного римского двора, но величие этой древности стало чересчур привычным и утратило свой блеск для тех, кому приходилось созерцать его изо дня в день.

Никакой подъемной машины — или лифта, как говорят англичане, — в доме не было. Большая вытяжная труба поднималась из середины второго этажа и выходила на крышу. В каждом кабинете в стене были по-старинному проделаны отдушники, которые, как предполагалось, способствовали очищению воздуха. Кроме того, в каждом кабинете был камин, который в туманные, ненастные зимние дни топили сырым каменным углем, отчего необыкновенно уютная атмосфера этого удобного помещения становилось еще более уютной. В кабинете у каждого поверенного стояли большие добротные письменные столы и стулья, а над камином красовалась мраморная полка, уставленная книгами и статуэтками. На стенах висели потускневшие изображения давно закатившихся светил английской юриспруденции или какие-нибудь бледные английские пейзажи.

Джонсон, весьма влиятельный компаньон фирмы, успешно продвигающийся на финансовом поприще, был прежде всего человек практический; он вел дела независимо от своих компаньонов и в большинстве случаев действовал вполне

самостоятельно, руководствуясь главным образом своими собственными интересами. Однако в каком-то маленьком уголке его сознания оставалось место и для отвлеченных размышлений — он интересовался вопросами религии и даже сочувствовал распространению нонконформистских догматов. Он любил рассуждать о лицемерии и духовном убожестве англиканской церкви, а также не только о земном, но и о небесном величии таких знаменитых сектантов, как Джон Нокс, Уильям Пенн, Джордж Фокс и Джон Уэсли. В его чрезвычайно запутанном и странном представлении о мире уживались самые противоречивые и даже, казалось бы, совершенно несовместимые понятия. Он считал, что в мире должен существовать правящий класс, которому надлежит господствовать и преуспевать при помощи необходимой и желательной, если даже и не всегда заслуживающей оправданья, тонкой хитрости. Поскольку в Англии этот класс уже опирается на законы о собственности, о наследовании, о первородстве, следовательно это и надлежит считать самым существенным, правильным и непреложным. Поэтому нищим духом, а равно и достоянием, не остается ничего другого, как смирение, послушание, труд и вера в отца небесного, который, надо полагать, в свое время как-то позаботится о них. С другой стороны, огромная пропасть между не всегда бесталанной бедностью и незаслуженным богатством казалась Джонсону чем-то жестоким и даже греховным. Это мировоззрение поддерживало в нем самые нетерпимые религиозные настроения, которые иной раз доходили до ханжества.

Выходец из низов, из среды обездоленных и униженных, Джонсон всю жизнь стремился пробраться поближе к верхушке, где если не он, так его дети — два сына и дочь — обретут незыблемое благополучие, как и те люди, которыми он так восхищался, но которых в то же время и порицал. Для себя он мечтал не более и не менее как о титуле: для начала получить скромного «сэра», а если судьба будет благоприятствовать, это впоследствии поможет ему снискать и более существенные знаки королевского внимания. Но чтобы достичь этого, как он хорошо понимал, требовалось располагать не только гораздо более значительным капиталом, чем был у него сейчас, но и благоволением тех, кто уже обладает и деньгами и титулами. Поэтому, желая угодить им, он инстинктивно направлял свою деятельность на благо и процветание этой привилегированной верхушки.

Он был маленький, но очень выносливый, держался важно и внушительно. Отец его, плотник из Саутворка, пропивал свой заработок и приносил домой гроши, на которые едва можно было прокормить семью в восемь человек. Джонсон совсем мальчишкой нанялся в услужение к пекарю, развозить хлеб по домам. Один из клиентов, типографщик, оценив старательность подростка, взял его к себе на посылки, обучил грамоте и посоветовал ему подыскать себе какое-нибудь выгодное занятие, которое даст ему возможность выбиться из нищеты и стать на ноги. Джонсон показал себя способным учеником. Развозя прейскуранты и объявления разным коммерсантам и предпринимателям, он познакомился с неким молодым поверенным, Лютером Флетчером, который, баллотируясь в члены совета Лондонского графства, проводил выборную кампанию в Саутворке и неожиданно обнаружил в юном Джонсоне задатки будущего юриста. Любознательный и смышленый юноша так заинтересовал Флетчера, что тот отправил его в вечернюю юридическую школу.

С той поры дела Джонсона пошли в гору. Фирма, в которую он впоследствии поступил клерком, не замедлила убедиться в его исключительном юридическом чутье; вскоре ему стали поручать всякую подготовительную работу по разным правовым вопросам, с которыми фирме приходилось сталкиваться: контракты, документы на право владения, завещания, учреждение компаний. Двадцати двух лет он сдал все полагающиеся экзамены и получил звание поверенного. Год спустя он познакомился с мистером Чэнсом из адвокатской конторы «Бэллок и Чэнс» и через некоторое время получил от них предложение — вступить компаньоном в их фирму.

Бэллок, у которого были обширные знакомства среди адвокатов, практикующих в суде, дружил с неким Велингтоном Райдером. У Райдера были, пожалуй, еще более влиятельные связи, чем у Бэллока. Он вел дела многих крупных землевладельцев, в том числе и лорда Стэйна, а кроме того, состоял юрисконсультом в акционерной компании Районной подземной дороги. Райдер тоже оценил Джонсона по достоинству и подумывал даже переманить его от Бэллока. Однако кой-какие личные соображения, а также и дружба с Бэллоком побудили его прибегнуть к другому способу, который давал ему возможность пользоваться услугами Джонсона. Потолковав с Бэллоком, он вошел компаньоном в их фирму, и с тех пор это содружество юристов существовало уже десять лет.

Вместе с Райдером в фирму вступил лорд Гордон Родерик Стэйн, старший сын пэра Англии графа Стэйна. Стэйн к этому времени только что окончил Кембридж, и отец его полагал, что этого вполне достаточно для старшего отпрыска, чтобы стать достойным преемником отцовского титула, главой знатного рода и наследником родовых поместий. Но молодой человек был не без странностей, он отличался несколько беспокойным характером и интересовался далеко не столь историческими, а гораздо более практическими жизненными вопросами. Он вступил в жизнь в ту пору, когда блеск финансовых светил стал не только состязаться с блеском и величием титула, но сплошь и рядом совершенно затмевать его. В Кембридже Стэйн увлекался политической экономией, социологией и прочими политическими науками и даже не прочь был послушать и социалистов фабианской школы, отнюдь не утрачивая при этом прочной уверенности в своих неоспоримых наследственных правах. Познакомившись с Райдером, чьи интересы были целиком поглощены деятельностью крупных акционерных компаний, дела которых он вел, Стэйн очень быстро усвоил его трезвый практический взгляд на вещи, — Райдер не сомневался, что будущее принадлежит финансистам. Мир нуждается в увеличении материальных и технических средств — и финансист, который посвятит себя этому делу и удовлетворит этот спрос, будет, несомненно, главной движущей силой в развитии общества.

Проникнувшись этими убеждениями, Стэйн засел за изучение английского права в применении к практике крупных акционерных компаний. Фирма «Райдер, Бэллок, Джонсон и Чэнс» оказалась как нельзя более подходящей для практического освоения этой науки. Ближе всего Стэйн сошелся с Элверсоном Джонсоном. Он ценил в нем проницательного дельца, который,

выбившись из самых низов, твердо и решительно поднимается по общественной лестнице, поставив себе целью достигнуть высших ступеней. Джонсон, в свою очередь, почитал в лице Стэйна обладателя и наследника всяких общественных и материальных благ, который, однако, считает нелишним для себя приобрести кой-какие полезные знания и найти им практическое применение в жизни.

Оба они — и Джонсон и Стэйн — с самого начала угадали, какие широкие перспективы и богатые возможности сулит развитие подземного железнодорожного транспорта в Лондоне. Их интерес к этому делу выразился не только в учреждении Электро-транспортной компании, в которой они составляли основное ядро; они горячо поддерживали проект постройки линии Сити — Южный Лондон, привлекли к этому делу кой-кого из своих друзей и сами вложили в него немало денег в расчете на то, что новую линию можно будет присоединить к двум старым линиям — Метрополитен и Районной, — обслуживающим деловой центр Лондона. Подобно Демосфену, взывавшему к афинянам, Джонсон взывал к английским капиталистам и старался убедить их, что человек, который найдет капитал на то, чтобы скупить акции этих двух линий, и обеспечит себе контрольный пакет, может считать себя полным хозяином всей подземной сети и распоряжаться лондонским метро как ему вздумается.

После смерти отца Стэйн кое с кем из своих друзей и Джонсоном пытался скупить акции Районной подземной дороги, надеясь таким образом заполучить в свои руки контроль над обеими линиями; но эта затея оказалась им не под силу. Слишком много акций разошлось по рукам, и скупить все у них не хватило капитала. Атак как эксплуатация дороги была поставлена скверно и акции не приносили дохода, они постарались сбыть их с рук и перепродали большую часть того, что купили.

Что же касается линии Чэринг-Кросс, с целью постройки которой они и организовали Электро-транспортную компанию, то и здесь им не удалось собрать требуемую сумму или распродать выпущенные ими акции, чтобы получить в руки необходимый для постройки капитал, а именно миллион шестьсот шестьдесят тысяч фунтов стерлингов. В конце концов они привлекли к этому делу Гривса и Хэншоу, рассчитывая найти сих помощью какого-нибудь капиталиста или группу предпринимателей, которые перекупили бы у них линию Чэринг-Кросс или, объединившись с ними, помогли им осуществить их давнишнюю мечту: захватить в свои руки всю центральную сеть, то есть линии Метрополитен и Районную.

Однако до сих пор ничего из этого не получилось. Джонсону тем временем стукнуло уже сорок семь лет, а лорду Стэйну — сорок. Оба они успели значительно охладеть к этому делу, ибо у них уже не было никакой уверенности в том, что им удастся осуществить эту грандиозную затею.

19

Таково было положение вещей, когда мистер Джеркинс и мистер Клурфейн явились в контору Элверсона Джонсона, дабы получить у него консультацию по весьма важному вопросу. Они начали с того, что дело их якобы непосредственно касается мистера Гривса и мистера Хэншоу, которые — как, вероятно, хорошо известно мистеру Джонсону — только что ездили в Нью-Йорк, где вели переговоры с клиентом их фирмы мистером Фрэнком Каупервудом, — имя, разумеется, хорошо известное мистеру Джонсону.

Джонсон подтвердил, что он кое-что о нем слышал. А чем, в сущности, он может быть полезен джентльменам?

День был солнечный, чудесный весенний день, какие не часто выпадают в Лондоне. Солнце ярко светило на выщербленный древнеримский дворик. Джонсон, когда они вошли, перебирал пачки документов, относившихся к тяжбе с компанией дороги Сити — Южный Лондон. Он был в отличном расположении духа — хороший солнечный денек, акции Районной немножко поднялись, а его речь, с которой он выступил накануне в методистской лиге Эпворта, весьма одобрительно упоминалась сегодня в двух или трех утренних газетах.

— Я постараюсь быть как можно более кратким, — начал Джеркинс. На нем был серый костюм, серая шелковая сорочка, яркий, белый с синим, галстук, котелок «дерби» и в руках трость. Он уже успел очень внимательно оглядеть Джонсона и решил про себя, что разговор с этим типом — дело нелегкое. Хитрая бестия этот Джонсон, сразу видно.

— Вы, разумеется, понимаете, мистер Джонсон, — продолжал Джеркинс с вкрадчивой и многозначительной улыбочкой, — что мы явились к вам без каких бы то ни было полномочий от мистера Каупервуда, но я смею думать, что, невзирая на это, вы сумеете оценить всю важность нашего визита. Как вы, конечно, хорошо знаете, Гривс и Хэншоу связаны с Электро-транспортной компанией, где вы, насколько мне известно, состоите поверенным.

— Одним из поверенных, — осторожно вставил мистер Джонсон. — Но компания уже давно не прибегала к моим советам.

— Так, так! — продолжал, не смутясь, Джеркинс. — Тем не менее, полагаю, вас это должно интересовать. Дело, видите ли, в том, что именно наша фирма явилась посредником при переговорах, состоявшихся между Гривсом и Хэншоу и мистером Каупервудом! Как вам известно, мистер Каупервуд располагает весьма солидным капиталом. Он финансировал в Америке

всевозможные виды транспорта. Говорят, он реализовал свои чикагские предприятия по меньшей мере на сумму в двадцать миллионов долларов.

Услышав эту приятную цифру, мистер Джонсон насторожился. Транспорт — это транспорт, будь то в Чикаго, Лондоне или еще где-либо. И человек, который сумел выжать из него двадцать миллионов долларов, надо полагать, хорошо разбирается в этом деле! Джеркинс сразу заметил, что попал в точку.

Но мистер Джонсон постарался сделать вид, что его это мало интересует.

— Возможно, — сухо отвечал он, — но я не понимаю, какое это может иметь отношение ко мне? Не забывайте, что я всего лишь один из поверенных Электро-транспортной компании и не имею ни малейшего касательства ни к мистеру Гривсу, ни к мистеру Хэншоу.

— Но вы имеете касательство к лондонской подземной сети, так я, по крайней мере, слышал от мистера Клурфейна, — настойчиво продолжал Джеркинс. — Иначе говоря, — дипломатично добавил он, — вы являетесь представителем людей, заинтересованных в развитии подземного транспорта.

— Действительно, мистер Джонсон, — вмешался молчавший до сего времени Клурфейн, — я взял на себя смелость сообщить мистеру Джеркинсу, что ваше имя нередко упоминается в газетах и что на вас обычно ссылаются как на представителя акционерных компаний Метрополитен, Районной, Сити — Южный Лондон и Центральной Лондонской.

— Правильно, — холодно и невозмутимо отвечал Джонсон. — Как юрист я действительно являюсь представителем этих компаний. Но я что-то не совсем ясно понимаю, что, собственно, вы от меня хотите. Если речь идет о покупке или продаже чего-либо, связанного с линией Чэринг-Кросс — Хэмпстед, вам, конечно, надо было обратиться не ко мне.

— Я попрошу вас уделить мне еще минутку внимания, — не унимался Джеркинс, наклоняясь всем корпусом к Джонсону. — Дело, видите ли, вот в чем. Мистер Каупервуд в настоящее время ликвидирует все свои чикагские транспортные предприятия, и, как только он с этим покончит, у него не будет никаких дел. Но не такой это человек, чтобы сидеть сложа руки. Он поставил транспортное дело в Чикаго и проработал в этой области больше двадцати пяти лет. Я отнюдь не хочу сказать, что он ищет, куда бы ему вложить капитал. Мистер Гривс и Хэншоу убедились, что это не так. А свели их с Каупервудом мы, наша фирма, «Джеркинс, Клурфейн и Рэндолф». Мистер Клурфейн является главой нашего отделения в Лондоне.

Джонсон кивнул; теперь он уже слушал внимательно.

— Разумеется, — продолжал Джеркинс, — ни мистер Клурфейн, ни я ни в какой мере не уполномочены говорить от лица мистера Каупервуда. Однако мы считаем, что существующее сейчас положение с лондонским транспортом таково, что если надлежащее лицо осведомит о нем должным образом мистера Каупервуда, это может повести к весьма и весьма ценным результатам для всех, кто заинтересован в деле. Ибо мне совершенно точно известно: мистер Каупервуд отклонил предложение насчет линии Чэринг-Кросс отнюдь не из тех соображений, что она не окупит себя, а только потому, что ему не предложили пятьдесят один процент акций, — то, с чего он привык начинать. Кроме того, ему, разумеется, показалось, что это очень небольшая ветка, которая в целой системе никакого серьезного значения иметь не может, ее можно эксплуатировать как небольшое обособленное предприятие, и только. А мистера Каупервуда можно заинтересовать не иначе как всей сетью городского транспорта в целом.

— И тогда я попросил мистера Клурфейна, — в голосе Джеркинса появился льстивый оттенок, — познакомить меня с таким человеком, который, будучи более других осведомлен в данном вопросе, мог бы оценить, сколь исключительно важно заинтересовать в этом деле мистера Каупервуда. Ибо если мы правильно разбираемся в положении вещей, — тут он вперил в Джонсона многозначительный взгляд, — вашу подземную сеть давно пора объединить и поставить на уровень современной техники, а мистер Каупервуд, как это все знают, истинный гений по части всякого транспорта. Он скоро должен быть в Лондоне. И мы считаем своим долгом подготовить почву для того, чтобы он мог встретиться и потолковать с таким человеком, который мог бы его убедить, что он в Лондоне просто необходим, что здесь действительно нуждаются в нем.

— И если вы, мистер Джонсон, сами не интересуетесь и не собираетесь принять участие в этом деле, — тут Джеркинс вспомнил о Стэйне и о его влиятельных друзьях, — вы, вероятно, могли бы нам посоветовать, к кому именно нам обратиться. Мы, как вы понимаете, маклеры, и нам важно заинтересовать мистера Каупервуда, с тем чтобы наша доля комиссионных не прошла мимо нас; в таком деле, вы сами знаете, без посредничества не обойдешься.

Джонсон сидел за своим письменным столом не глядя ни на Джеркинса, ни на Клурфейна, а уставившись в пол.

— Та-ак… — начал он, — мистер Каупервуд — американский архимиллионер… У него великий опыт по части городского транспорта и надземных железных дорог как в Чикаго, так и в других городах. Предполагается, что я должен заинтересовать его в разрешении проблемы нашего подземного транспорта. И если я это сделаю, я, по-видимому, должен буду заплатить вам — или во всяком случае позаботиться о том, чтобы вам заплатили — за то, что мистер Каупервуд поможет кое-кому из наших лондонцев, интересующихся транспортом, нажиться на этом деле.

Он поднял брови и поглядел на Джеркинса. Джеркинс ответил ему понимающим взглядом, но не сказал ни слова.

— Весьма практический подход к делу, нельзя не признаться, — продолжал Джонсон, — и я не сомневаюсь, что кое-кто может на этом нажиться, а может и нет. Проблема лондонского подземного транспорта — это в высшей степени сложная проблема. У нас столько всяких проектов, столько разных компаний, которые нужно еще суметь привести к соглашению! Столько подрядов роздано разным спекулянтам и прожектерам без единого шиллинга за душой.

Он мрачно поглядел на своих посетителей.

— Денег надо убить уйму. Миллионы фунтов. Я так полагаю, не меньше двадцати пяти миллионов фунтов.

Он с унылым видом стиснул руки: так велик был этот груз неизбежных издержек.

— Разумеется, мистер Каупервуд здесь небезызвестен, мы о нем кое-что слышали. Если не ошибаюсь, в Чикаго против него были выдвинуты самые разнообразные обвинения. Я готов согласиться, что все эти обвинения не должны создавать препятствий и тормозить такое крупное общественное дело, какое вы, джентльмены, имеете в виду, — однако, принимая во внимание консерватизм нашей английской публики…

— Ах, вы говорите об этих политических выпадах в Чикаго против его финансовых методов? — возмущенно воскликнул Джеркинс. — Но это же обычные уловки, все это подстроено его соперниками, которые завидовали его успеху.

— Знаю, знаю! — с тем же мрачным видом перебил Джонсон. — Люди из финансовых кругов, конечно, понимают все эти приемы конкурирующих противников. Но ведь и здесь тоже у него найдется немало противников. У нас здесь на острове свой очень сплоченный и очень консервативный мирок. И мы вовсе не так уж любим пришельцев, которые являются к нам устраивать наши дела. Возможно, как вы изволили заметить, что мистер Каупервуд действительно очень опытный и изобретательный человек. Но захочет ли наша публика работать с ним — этого я не могу сказать. Однако я могу сказать, что вряд ли у нас найдутся люди, которые согласились бы предоставить ему полный контроль в таком предприятии, какое вы имеете в виду.

Тут он поднялся и тщательно отряхнул с пиджака и брюк воображаемые соринки.

— Вы говорите, он отклонил предложение Гривса и Хэншоу? — спросил он.

— Да, отклонил, — ответили в один голос Джеркинс и Клурфейн.

— А что же они, собственно, хотели?

Джеркинс разъяснил.

— Понятно, понятно! Оставить за собой контракт и пятьдесят процентов акций. Так вот, пока у меня не будет возможности подумать и посоветоваться с моими компаньонами, я ничего не могу сказать вам по этому поводу. Но так или иначе, — помолчав, добавил он, — возможно, кой-кому из наших крупных пайщиков и будет желательно потолковать с мистером Каупервудом, когда он приедет.

В сущности, Джонсон уже решил про себя, что эти люди подосланы самим Каупервудом, чтобы разузнать заранее истинное положение вещей. Однако ему и в самом деле казалось весьма сомнительным, чтобы этому американцу Каупервуду, будь он хоть архимиллионер, удалось урвать у здешних владельцев транспорта хотя бы половину акций. Даже и подступиться-то к этому делу ему будет исключительно трудно. А с другой стороны, если подумать, сколько они со Стэйном убили денег на это дело, и вот теперь, похоже, эта проклятая Чэринг-Кросс опять свалится им на шею, вернувшись в Электротранспортную компанию, и это грозит новыми убытками всем, кто вложил в нее деньги. Н-да…

Он вышел из-за стола и, словно давая понять, что разговор окончен, сказал сухо:

— Мне надо будет хорошенько подумать об этом, джентльмены. Зайдите ко мне еще раз во вторник или в среду. И тогда я уже смогу твердо сказать, сумею ли я быть вам чем-нибудь полезен.

Он сделал с ними несколько шагов и позвонил у двери конторскому мальчику, чтобы тот проводил их к выходу. Оставшись один, он подошел к окну, выходившему на старинный римский дворик, все еще залитый лучами яркого апрельского солнца. У Джонсона была привычка, когда он задумывался, закладывать язык за щеку и прижимать ладонь к ладони, словно на молитве. Так он стоял довольно долго, не двигаясь и все глядя в окно.

А Джеркинс и Клурфейн шагали в это время по Стори-стрит и обменивались на ходу глубокомысленными восклицаниями:

— Замечательно! Да, да! Хитер, каналья! Да, явно заинтересовался! Но ведь это же для них выход, если они только хоть что-нибудь соображают.

— А эта чикагская история! Я так и знал, что она выплывет! Вечно ему припоминают эту его отсидку в Филадельфии и его слабость к женскому полу. Точно это имеет какое-то отношение к делу.

— Нелепо! Ужасно нелепо! — возмущался Клурфейн.

— А придется что-то предпринять в этом направлении! Придется нам с вами как-то обработать здешнюю прессу! — заявил Джеркинс.

— Вот что я вам скажу, послушайте меня, — возразил Клурфейн. — Если кто-нибудь из здешних богачей войдет в дело с Каупервудом, они сами мигом прекратят всю эту газетную болтовню. У нас ведь здесь несколько другие законы, не такие, как у вас. Здесь, если хотят завести скандал, не стесняются ничем, пускают в ход любую клевету, но если кому-нибудь из крупных воротил нежелательна огласка — тогда молчок, никто не осмелится и слова сказать. А у вас, как видно, все по-другому. Но я знаю многих здешних газетчиков и редакторов, если понадобится, можно будет намекнуть им, они живо все это притушат.

20

Результаты, которых достигли Джеркинс и Клурфейн своим визитом к Джонсону, выяснились достаточно определенно в разговоре, имевшем место в тот же день между Джонсоном и лордом Стэйном в кабинете Стэйна на втором этаже дома на Стори-стрит.

Надо сказать, что лорд Стэйн ценил Джонсона главным образом за его коммерческую честность и за его поистине исключительное здравомыслие. Джонсон в глазах Стэйна был олицетворением глубокой религиозности и нравственной прямоты, которая не позволяла ему преступать известного предела в своих хитроумных, но вполне легальных махинациях, сколь бы это ни казалось соблазнительным с точки зрения его личных интересов. Ярый блюститель закона, он всегда умел отыскать в нем лазейку, которая давала ему возможность обернуть дело в свою пользу или отнять козырь у противника. «Джонсон любит сводить баланс, но исключает из него крупные долговые обязательства», — сказал о нем однажды кто-то из знакомых Стэйна. И лорд Стэйн вполне согласился с этой характеристикой. Он привык к Джонсону; ему нравились даже его чудачества, и он от души потешался над его пылкой привязанностью к лиге Эпворта, со всей ее прописной моралью воскресной школы, и над его необыкновенной стойкостью и упорным воздержанием от каких бы то ни было спиртных напитков. Джонсон не проявлял никакой мелочности в денежных делах. Он щедро жертвовал на церкви, воскресные школы, больницы и деятельно опекал дом призрения для слепых в Саутворке, где он был одним из директоров и бесплатным юрисконсультом.

За очень скромное вознаграждение Джонсон заботился о делах Стэйна, о его вкладах, страховках и помогал ему разбираться во всяких сложных юридических вопросах. Они часто беседовали о политике, о международных делах, и Джонсон, как замечал Стэйн, всегда очень трезво оценивал события. Но в искусстве, архитектуре, поэзии, беллетристике, в женщинах и иных благах земных, не сулящих ему никаких выгод, Джонсон ровно ничего не понимал. Он когда-то откровенно признался Стэйну, еще в те годы, когда оба они были намного моложе, что он ничего не смыслит в такого рода вещах. «Я рос, видите ли, в таких условиях, которые не позволяли мне интересоваться подобными предметами, — сказал он. — Мне, конечно, приятно, что сыновья мои в Итоне, а дочка в Бэдфорде, и я лично ничего не имею против того, чтобы у них привились те вкусы, которые полагаются в обществе. Ну, а я что, я стряпчий, с меня довольно и того, чего я достиг».

И Стэйн улыбался, слушая Джонсона: ему нравилась грубоватая прямота этого признания. И в то же время он считал совершенно в порядке вещей, что они стоят с Джонсоном на разных ступенях общественной лестницы, — что он только изредка приглашает Джонсона к себе в усадьбу в Трегесол или в свой прекрасный старинный дом на Беркли сквере. И не иначе как по делу.

В этот день Джонсон, войдя к Стэйну, застал его в весьма непринужденной позе. Откинувшись на высокую спинку удобного чиппенделевского кресла с круглыми ручками, Стэйн лежал, вытянувшись во весь свой длинный рост и закинув ноги на громадный письменный стол красного дерева. На нем был превосходно сшитый шерстяной костюм песочного цвета, кремовая сорочка и темно-оранжевый галстук; от времени до времени он лениво стряхивал пепел с папиросы, дымившейся у него в руке. Он просматривал отчет акционерной компании «Южноафриканские алмазные копи Де-Бирс» — компании, в делах которой он был непосредственно заинтересован. Двадцать акций, своевременно приобретенных им, давали ему ежегодно около двухсот фунтов чистого дохода. У Стэйна было длинное желтоватое лицо, нос крупный, с едва заметной горбинкой, пронзительные темные глаза под низким лбом, большой рот с припрятанной в уголках лукавой улыбкой и слегка выдающийся подбородок.

— А, это вы! — воскликнул он, когда Джонсон, тихонько постучавшись, вошел в кабинет. — Ну что у вас нового, господин благочестивый методист? Я кстати что-то читал сегодня утром по поводу вашего выступления, в Стикни, что ли?

— А-а, вы про это, — пробормотал Джонсон, в волнении застегивая пуговицы своего рабочего сюртука из черной шуршащей материи. Он был очень польщен тем, что Стэйн все же обратил внимание на заметку. — У нас, знаете, вышел спор между священниками двух церквей в нашем приходе, так вот мне пришлось их мирить. А потом меня попросили сказать речь. Ну, я и

воспользовался случаем, прочел им маленькое нравоученье. — И он, вспомнив об этом, гордо выпрямился и принял весьма внушительный вид. Стэйн, конечно, сразу заметил это.

— Вам бы, Джонсон, в парламенте выступать или в суде, — шутливо сказал он. — Но только я, знаете, посоветовал бы вам начать с парламента. Мы здесь без вас пока еще никак не управимся, жалко вас отдавать в суд.

И он, добродушно посмеиваясь, посмотрел на Джонсона, а Джонсон весь просиял, довольный и растроганный.

— Да я, признаться, давно уже подумываю о парламенте. И наши дела здесь много бы от того выиграли. Райдер и Бэллок только и толкуют об этом. И Райдер, по правде сказать, прямо-таки требует, чтобы я выставил свою кандидатуру в его округе на сентябрьских выборах. Он считает, что я непременно пройду, надо только разок-другой выступить с речью.

— Ну, а почему бы и нет? Лучше вас кандидата и не сыщешь. И у Райдера, знаете, там большое влияние. Я вам серьезно советую. И если я или кто-нибудь из моих друзей сможем вам быть чем-нибудь полезны, вам надо только сказать. Я с удовольствием все сделаю.

— Вы очень добры, и, поверьте, я очень признателен вам. Да вот, кстати сказать, у меня сегодня в конторе… — тут Джонсон сразу понизил голос и перешел на конфиденциальный тон, — произошло кое-что для вас весьма небезынтересное.

Он замолчал, вытащил носовой платок, высморкался. Стэйн смотрел на него с любопытством.

— Что это у вас за секреты? Ну-ка, выкладывайте!

— Ко мне сегодня явились два субъекта: Виллард Джеркинс, американец, и Биллем Клурфейн, голландец. Агенты, маклеры: Клурфейн — в Лондоне, а Джеркинс — в Нью-Йорке. Рассказали мне кое-что весьма любопытное. Вы помните опцион на акции Чэринг-Кросс, который мы продали за тридцать тысяч Гривсу и Хэншоу?

Стэйн, которого несколько забавлял таинственный тон Джонсона, сразу заинтересовался. Он швырнул отчет, который держал в руках, снял ноги со стола и пристально посмотрел на своего компаньона.

— Опять эта проклятая Электро-транспортная! Ну что там еще такое?

— По-видимому, они только что ездили в Нью-Йорк, — продолжал Джонсон, — и вели там переговоры с этим архимиллионером Каупервудом. Похоже, они предложили ему половину своего тридцатитысячного опциона за то, чтобы он достал деньги на постройку дороги. — Джонсон презрительно усмехнулся. — Ну а сверх того он потом должен был бы уплатить им еще сто тысяч фунтов за их строительные работы.

Тут они переглянулись и многозначительно хмыкнули.

— Разумеется, он отказался, — продолжал Джонсон. — Однако он, по-видимому, не прочь приобрести Чэринг-Кросс, при условии, что он получит полный контроль, то есть все или ничего. Судя по тому, что рассказывают эти двое, он как будто интересуется такой реорганизацией транспорта, о которой мы с вами здесь думаем вот уже десять лет. Из Чикаго его, как вы знаете, выставили.

— Да, это я знаю, — сказал Стэйн.

— Между прочим, я тут прочел о нем статью, которую эти господа оставили мне. Вот она, — и, вытащив из кармана, Джонсон развернул страницу «Нью-Йорк сан», всю середину которой занимал громадный, сделанный пером и очень похожий портрет Каупервуда.

Стэйн расправил страницу и стал внимательно вглядываться в портрет.

— Очень занятная физиономия, — сказал он, переводя взгляд на Джонсона.

— Как по-вашему? Энергичная, волевая…

И снова уткнувшись в газету, он стал пробегать глазами таблички и схемы, изображающие чикагские предприятия Каупервуда.

— Двести пятьдесят миль… и все это в течение двадцати лет. — Затем он прочитал столбец с описанием его нью-йоркского дома. — Знаток как будто… интересуется искусством.

— Вы там посмотрите дальше насчет этой его истории в Чикаго, — сказал Джонсон. — У них все это с такой политико-общественной окраской подано…

— Он замолчал, дожидаясь, когда Стэйн кончит читать.

— Ну и грызня у них там идет! — воскликнул Стэйн, откладывая газету. — Подумайте, его капиталовложения оцениваются в двадцать миллионов!

— Да, да, так и эти маклеры говорили. Но вот что самое интересное: они говорят, что он сам пожалует сюда недели через две. И для этого-то они ко мне и явились — чтобы я с ним встретился и потолковал, и не только насчет линии Чэринг-Кросс, — между прочим, они, по-видимому, как-то разнюхали, что нам придется ее обратно взять, — но и насчет объединения системы подземного транспорта — словом, насчет того, о чем мы с вами думаем.

— А что это за господа, Джеркинс и Клурфейн? — поинтересовался Стэйн. — Кто они, собственно, такие? Друзья Каупервуда?

— Нет, нет, отнюдь! — поспешил объяснить Джонсон. — Они сами говорят, что они просто агенты по банковским делам. И рассчитывают на комиссионные — либо от Гривса и Хэншоу, либо от Каупервуда, либо от нас с вами, словом, от того, кого они могут в этом деле заинтересовать. А еще лучше, если от всех сразу. И никем они вовсе не уполномочены.

Стэйн иронически пожал плечами.

— По-видимому, они как-то пронюхали, — продолжал Джонсон, — что мы с вами интересуемся проектом объединения линий, и вот им хочется, чтобы я собрал акционеров и рекомендовал им Каупервуда на роль, так сказать, главного директора, хозяина всего дела, а ему постарался бы преподнести эту нашу с вами идею так, чтобы он ею заинтересовался. И, разумеется, они хотят получить за это комиссионные.

Стэйн смотрел на него с изумлением.

— Здорово это они придумали! — усмехнулся он.

— Разумеется, я эту комбинацию отклонил, — осторожно продолжал Джонсон, — но мне вот что пришло на ум: а не кроются ли тут и в самом деле кой-какие серьезные возможности, которых так сразу не разглядишь. Может статься, что у Каупервуда действительно есть интерес к этому делу, и мы с вами могли бы этим воспользоваться. Ведь этот жернов — Чэринг-Кросс — так до сих пор и висит у нас на шее. Конечно, я прекрасно понимаю, никто у нас здесь не допустит, чтобы американские миллионеры вмешивались в наши дела и распоряжались нашей подземкой. Но, может быть, мы сумели бы организовать какую-то единую компанию — ну, скажем, вы, лорд Эттиндж, Хэддонфилд — и выработать сообща удобную форму совместного контроля. — Он замолчал и выжидательно поглядел на Стэйна.

— Правильно, Элверсон, совершенно правильно, — сказал Стэйн. — Если среди наших акционеров есть люди, которые все еще интересуются этой проблемой, как несколько лет тому назад, их безусловно можно будет привлечь к делу. А без их помощи Каупервуд зацепиться никак не сможет.

Он встал и подошел к окну, а Джонсон продолжал говорить. Джеркинс и Клурфейн должны прийти к нему через несколько дней, он обещал дать им тот или иной ответ. Пожалуй, всего лучше припугнуть их немножко, сказать им, что если они рассчитывают иметь дело с ним или с кем бы то ни было, кто может заинтересовать Каупервуда, пусть помалкивают, чтобы это никуда не просочилось, и предоставят пока что действовать ему, Джонсону.

— Верно! — согласился Стэйн.

Ведь тут речь идет не только о Чэринг-Кросс, продолжал Джонсон, но и об Электро-транспортной компании, поскольку она-то, в сущности, и является хозяином этой линии, или ответственной за нее фирмой. И вот когда они со Стэйном прощупают хорошенько Хэддонфилда, Эттинджа и других, тогда только и можно будет решить, стоит ли заводить все это. И если они между собой сговорятся, разумеется, Каупервуд предпочтет иметь дело со Стэйном, Джонсоном и их друзьями, чем со всеми этими Джеркинсами, Клурфейнами, Гривсами и Хэншоу! Тоже предприниматели, торгуют вразнос, а вздумали куда соваться!

Стэйн слушал рассуждения Джонсона и во всем соглашался с ним. Так они беседовали до темноты. За окном сгустился серый лондонский туман. Стэйн вспомнил, что его ждут к вечернему чаю, а Джонсон — что ему пора идти на заседание. Они расстались — оба в несколько приподнятом настроении и с вновь оживившимися надеждами.

Выждав дня три, что, по мнению Джонсона, было необходимо для поддержания престижа, дабы произвести впечатление на этих маклеров, он пригласил к себе Джеркинса и Клурфейна и сообщил им, что он беседовал на интересующую их тему кой с кем из своих друзей и что они не прочь познакомиться с проектами и предложениями Каупервуда. В связи с этим он по получении личного приглашения от Каупервуда — не иначе — готов встретиться и потолковать с ним. Однако он ставит условием, чтобы Каупервуд до встречи с ним ни в коем случае не вступал ни в какие переговоры или какие бы то ни было деловые отношения ни с кем другим, потому что люди, которых он, Джонсон, пытается заинтересовать, — это крупные пайщики, которые, разумеется, никаких шуток над собой не потерпят!

На этом они и расстались, после чего Джеркинс и Клурфейн бросились сломя голову в ближайшее телеграфное отделение. Они вместе сочинили телеграмму, в которой уведомляли Каупервуда о блестящих результатах, которых им удалось добиться, торопили его как можно скорее ехать в Лондон и в весьма почтительных выражениях просили его отложить всякие другие переговоры до приезда сюда, ибо предстоящее здесь совещание будет, несомненно, носить всеобъемлющий характер.

Каупервуд прочитал эту телеграмму и невольно усмехнулся, вспомнив, как он тогда напугал Джеркинса, Он телеграфировал в ответ, что он сейчас очень занят, рассчитывает выехать в середине апреля и тогда охотно повидается с ними и поговорит об их предложении. Одновременно он послал шифрованную телеграмму Сиппенсу о том, что он скоро будет в Лондоне, что он отклонил предложение Гривса и Хэншоу, но пусть Сиппенс постарается сделать так, чтобы они стороной услышали о том, что он едет в Лондон в связи с крупным предложением насчет подземного транспорта, не имеющим никакого отношения к линии Чэринг-Кросс. Каупервуд полагал, что это известие подействует на Гривса и Хэншоу отрезвляюще и заставит их прийти к нему с таким предложением, которое он сможет принять, прежде чем ему предложат что-либо другое. Таким образом, у него будет в руках оружие, с помощью которого он сможет так или иначе управлять своими новыми партнерами.

Между тем Каупервуд спешно готовился к отъезду, устраивал дела Беренис и Эйлин и обдумывал в своих планах на будущее роль Толлифера.

21

Эйлин при всей своей подозрительности и мрачных сомнениях, одолевавших ее, не могла не поразиться внезапной перемене, происшедшей с ее супругом. Воодушевленный своими лондонскими проектами, близостью Беренис и предстоящим путешествием, Каупервуд и в самом деле стал гораздо мягче относиться к Эйлин. Его желание, чтобы она поехала с ним в Лондон, его завещание, в котором он поручал ей заботиться о его доме и назначал ее одним из своих душеприказчиков, — все это, как-то по-своему преломляясь в сознании Эйлин, казалось ей несомненным следствием чикагской катастрофы. Жизнь, рассуждала Эйлин, нанесла ему жестокий, но отрезвляющий удар, и в такой момент, когда он лучше всего мог почувствовать силу этого удара. И он вернулся к ней или во всяком случае на пути к тому, чтобы вернуться. Этого уже было почти достаточно, чтобы воскресить в ней веру в любовь и в прочность человеческих привязанностей.

Она с увлечением занялась своими туалетами, готовясь к предстоящему путешествию. Накупила великолепных чемоданов; целыми днями разъезжала по магазинам, ателье, модным мастерским, обнаруживая, как и прежде, поистине ненасытную страсть к бьющей на эффект роскоши и чрезмерному блеску. Но Каупервуд уже не удивлялся и смотрел на это с привычным ужасом. За ними были оставлены особые каюты люкс на океанском пароходе «Кайзер Вильгельм», отходившем в ближайшую пятницу. Эйлин с лихорадочной поспешностью готовила себе гарнитуры белья, подобающие разве что невесте, хотя она прекрасно знала, что ни о каких нежных супружеских отношениях между нею и Каупервудом и речи быть не может.

Между тем Толлифер, все попытки которого познакомиться с Эйлин пока что не увенчались успехом, неожиданно с чувством величайшего удовлетворения обнаружил в своем почтовом ящике ценный пакет: в нем оказался план пассажирского парохода «Кайзер Вильгельм», билет и, что больше всего потрясло и обрадовало его, — три тысячи долларов новенькими банкнотами. Это сильно повысило рвение и энтузиазм Толлифера к предстоящей ему ответственной миссии. Он решил приложить все усилия, чтобы произвести самое благоприятное впечатление на великого Каупервуда, — вот человек, который, по-видимому, хорошо знает, как пользоваться жизнью и брать от нее то, что хочешь! Поспешно пробежав несколько последних газет, Толлифер убедился, что чета Каупервудов отправляется в Европу на том же пароходе «Кайзер Вильгельм», отходящем в пятницу.

Беренис, которая, разумеется, была в курсе всех дел Каупервуда, решила выехать с матерью двумя днями раньше на пароходе «Саксония». Они условились с Каупервудом, что будут ждать его в Лондоне в отеле «Кларидж», где они уже останавливались в прежнюю свою поездку.

Каупервуд, преследуемый репортерами, сообщил, что он с женой отправляется в Европу на все лето, что с Чикаго его теперь ничто не связывает и что он на ближайшее время не строит никаких планов и не интересуется никакими предприятиями. Это заявление вызвало весьма оживленный отклик; в газетах снова появились заметки о его поразительной карьере, его называли гением и удивлялись, что такой исключительный финансист и с таким капиталом бросает дела и удаляется на покой. Каупервуд ничего не имел против этой газетной шумихи, во-первых, потому, что она на этот раз неожиданно обернулась ему на пользу, а во-вторых, потому, что она служила отличной ширмой для его истинных планов и таким образом давала ему возможность действовать не торопясь.

Итак, они отплыли. Эйлин прогуливалась на палубе с таким видом, как если бы занимать первенствующее положение в обществе рядом с Каупервудом было для нее вполне привычным делом.

Что же касается Толлифера, для которого теперь настало время приступить к исполнению своих новых обязанностей, он весь внутренне подобрался и чувствовал себя в полной боевой готовности. Каупервуд, когда они попадались друг другу на глаза, не обращал на него ни малейшего внимания и, разумеется, и вида не подавал, что знает его. Понимая, что так оно и должно быть Толлифер старался держать себя как можно более непринужденно: встречаясь на палубе с Эйлин, он украдкой поглядывал на нее и замечал, что и она тоже поглядывает на него — и не без интереса. Ему не нравились ее кричащие туалеты, отсутствие сдержанности, вкуса, она казалась ему несколько вульгарной. Его каюта находилась на палубе Б, но обедал он за капитанским табльдотом. Чете Каупервуд обед подавали в их собственные апартаменты. Однако капитан, которому весьма льстило присутствие на его корабле таких пассажиров, как супруги Каупервуд, жаждал создать из этого рекламу для себя и своего парохода. Оценив общительность и веселый нрав Толлифера, он постарался внушить ему интерес к знаменитому миллионеру и предложил познакомить его с супругами Каупервуд.

Итак, на второй день плавания капитан Генрих Шрейбер послал осведомиться о самочувствии мистера и миссис Каупервуд, прося их оказать ему честь воспользоваться его услугами. Не желает ли мистер Каупервуд осмотреть корабль? Среди пассажиров имеются его пылкие поклонники, в том числе и сам капитан, которые, если мистер Каупервуд не возражает, жаждут быть ему представленными.

Каупервуд, догадываясь, что тут не обошлось без Толлифера, передал это предложение Эйлин и ответил, что они очень рады и просят пожаловать к себе капитана и пассажиров, желающих познакомиться с ними. Капитан, отрекомендовавшись Каупервудам, представил им мистера Уилсона Стайлса, драматурга, мистера Куртрайта, губернатора штата Арканзас, и представителей светского нью-йоркского общества: мистера Брюса Толлифера и мисс Алассандру Гивенс, направляющуюся в Лондон к сестре. Толлифер, заметив в числе пассажиров хорошенькую Алассандру и припомнив, что отец ее видный человек в обществе, представился ей в качестве друга кого-то из ее знакомых, и Алассандра, плененная неотразимым Толлифером, без труда попалась на эту удочку.

Эйлин очень понравился этот неожиданный прием гостей. Когда они вошли, она поднялась с кресла и, отложив журнал, который она перед этим рассматривала, встала рядом с супругом приветствовать посетителей. Каупервуд сразу отметил Толлифера и его спутницу, изящную мисс Гивенс, в которой он с первого взгляда угадал девушку из хорошего общества. Толлифер представился Каупервуду с таким видом, как если бы он его до сих пор никогда в глаза не видал. Эйлин явно заинтересовалась им.

— Счастлив познакомиться с супругой такого замечательного человека, как мистер Каупервуд, — сказал он, глядя ей в глаза. — Вы, я полагаю, направляетесь на континент?

— Мы сначала остановимся в Лондоне, — отвечала Эйлин. — А потом уже поедем в Париж и дальше. У моего мужа всюду оказывается масса всяких финансовых дел, куда бы он ни поехал.

— Судя по тому, что пишут о мистере Каупервуде, иначе и быть не может, — обворожительно улыбнувшись, подхватил Толлифер. — Быть подругой такого многогранного человека — это поистине великое дело, миссис Каупервуд. Честное слово, я бы сказал, что это ответственная задача.

— Вы совершенно правы, — подтвердила Эйлин. — Это и в самом деле трудная задача. — И польщенная этим признанием ее великой роли, она благодарно улыбнулась ему в ответ.

— А вы не думаете пробыть некоторое время в Париже? — поинтересовался он.

— Да, конечно. Я еще не могу сказать, какие планы будут у моего мужа, когда мы приедем в Лондон, но сама я думаю поехать в Париж, — может быть, на несколько дней.

— А я предполагаю быть в Париже на скачках. Может быть, мы с вами еще увидимся. Если вы будете там в это же время и у вас не будет никаких дел, мы могли бы как-нибудь встретиться и провести вечер.

— Ах, это было бы замечательно! — У Эйлин даже заблестели глаза: так приятно было, что к ней проявляют интерес. Ведь внимание такого обаятельного человека, несомненно, возвысит ее и в глазах Каупервуда. — Но вы, кажется, еще не поговорили с моим мужем… Пойдемте к нему.

И она в сопровождении Толлифера направилась к Каупервуду, который стоял в другом конце салона, беседуя с капитаном и мистером Куртрайтом.

— Послушай, Фрэнк, — весело сказала она, — вот еще один из твоих поклонников, — и, обратившись к Толлиферу, прибавила: — Как мне ни лестно, я не могу считать себя главным объектом вашего внимания, мистер Толлифер.

Каупервуд повернулся к Толлиферу с самой любезной улыбкой и сказал шутливо:

— Поклонники народ приятный, мы всегда рады их приветствовать. А вас, мистер Толлифер, по-видимому, тоже можно считать одним из участников нашего весеннего нашествия на континент?

Каупервуд держал себя с такой непринужденностью, что Толлифер, невольно следуя его примеру, улыбнулся и так же шутливо ответил:

— Да, похоже, что так. У меня много друзей в Лондоне и в Париже, а потом я думаю отправиться куда-нибудь поближе к морю. Один из моих приятелей живет в Бретани. — И, повернувшись к Эйлин, он добавил: — Вот на что бы вам действительно следовало посмотреть, миссис Каупервуд! Такие чудесные места!

— Ну что ж, я не прочь, — сказала Эйлин, глядя на Каупервуда. — Ты как думаешь, Фрэнк, мы не могли бы включить Бретань в план нашего летнего путешествия?

— Пожалуй… За себя, конечно, я не могу поручиться, дела… Ну, а может и удастся выкроить несколько дней, — любезно прибавил он. — Вы надолго в Лондон, мистер Толлифер?

— Да я пока еще и сам не знаю, — невозмутимо отвечал Толлифер. — Может быть, поживу с неделю или около того.

В эту минуту Алассандра, которой надоело слушать мистера Стайлса, безуспешно пытавшегося произвести на нее впечатление, подошла проститься с Каупервудами, решив положить конец визиту.

— А вы не забыли наши планы на сегодня, Брюс? — спросила она Толлифера.

— Ах, да, да! Пожалуйста, извините нас, нам в самом деле уже пора. — И, обратившись к Эйлин, он добавил: — Надеюсь, миссис Каупервуд, мы с вами еще не раз будем иметь удовольствие встречаться?

Эйлин, уязвленная холодным, самоуверенным тоном чересчур миловидной юной Алассандры, откликнулась с преувеличенной любезностью:

— О да, конечно, мистер Толлифер, я буду очень рада, — и тут же, перехватив пренебрежительную усмешку на губах мисс Гивенс, прибавила: — Как жаль, что вам пора уходить мисс…

— Мисс Гивенс, — поспешил подсказать Толлифер.

— Ах, да… — улыбкой поблагодарила его Эйлин. — Я не разобрала имени.

Но Алассандра только чуть-чуть приподняла свои тонкие брови, взяла Толлифера под руку и, улыбнувшись на прощанье Каупервуду, направилась к двери.

Эйлин, оставшись наедине с Каупервудом, перестала сдерживаться.

— Ах, как я ненавижу этих светских выскочек, — с возмущением воскликнула она, — ведь у них нет ничего за душой, кроме их семейных связей, а почему-то они всюду лезут вперед и воображают, что все должны уступать им дорогу!

— Будет тебе, Эйлин, — успокаивал ее Каупервуд. — Сколько раз я тебе говорил — всякий старается блеснуть тем, что у него есть. Ее главный козырь — происхожденье, вот она им и кичится. Ведь сама-то она ровно ничего собой не представляет, просто глупенькая девчонка. Стоит ли тебе так из-за нее расстраиваться. Успокойся, пожалуйста.

А в то же время он мысленно сравнивал Эйлин с Беренис. С каким достоинством сумела бы Беренис поставить на место эту Аласcандру!

— Ну, как бы там ни было, — запальчиво сказала Эйлин, — а мистер Толлифер очень мил и внимателен. И, насколько я могу судить, он принадлежит к тому же обществу и во всяком случае ничем не хуже ее. Разве но правда?

— У меня, разумеется, нет никаких оснований сомневаться в этом, — отвечал Каупервуд, невольно усмехаясь про себя над простотой и наивностью Эйлин — не столько иронически, сколько грустно. — Во всяком случае мисс Гивенс, кажется, в восторге от мистера Толлифера, и если ты считаешь, что она что-то представляет собой в обществе, значит ты и его должна отнести к тому же кругу.

— Однако у него хватает такта, чтобы держать себя учтиво, а у нее нет, и так оно всегда бывает, когда женщина сталкивается с женщиной.

— Беда женщин в том. Эйлин, что они все, в сущности, заняты одним. А у мужчин, видишь ли, интересы довольно разнообразные.

— Ну, не знаю, но я тебе только одно могу ответить: мистер Толлифер мне очень нравится, а девчонка эта противная вовсе не нравится.

— Да ты можешь просто не замечать ее. А что касается Толлифера, ничто не мешает нам быть с ним любезными, если тебе этого хочется. Не забудь, что я хотел доставить тебе удовольствие этой поездкой. — И он вкрадчиво улыбнулся Эйлин.

Наблюдая за ней исподтишка час спустя, когда она переодевалась перед зеркалом для предобеденной прогулки по палубе, Каупервуд невольно поразился — она казалась такой оживленной и довольной. Просто удивительно, подумал он, как много можно сделать с человеком, если отнестись с должным вниманием к его вкусам, слабостям, к его желаниям.

А что если и Беренис проделывает с ним, в сущности, то же самое? Она вполне способна на это. Ну что ж, он все равно готов превозносить ее, как он только что, посмеиваясь, превозносил самого себя.

22

Плавание подходило к концу. Толлифер все эти дни проявлял массу изобретательности, всячески стараясь завоевать расположение Эйлин. В последние два вечера он очень удачно затеял игру в карты, предусмотрительно не включив в партию мисс Гивенс; он пригласил партнерами одну довольно известную актрису, молодого банкира с Запада, который был очень не прочь познакомиться с женой Каупервуда, и молоденькую вдовушку из Буффало, до такой степени плененную светскими манерами и приятной внешностью Толлифера, что, получив от него приглашение принять участие в партии, она с гордостью почувствовала себя приобщенной к самому избранному кругу.

Новое интересное общество, веселое времяпровождение и в особенности явное внимание к ней Толлифера — все это не только развлекало Эйлин, но и воскрешало в ней какие-то надежды, возвращало ей чувство уверенности в себе. И хотя Каупервуд и не принимал участия в этих развлечениях, он, по-видимому, относился вполне одобрительно к ее новым знакомым. Он уже сказал ей, что когда они приедут в Лондон и устроятся в отеле «Сесиль», она может, если ей хочется, пригласить Толлифера и его друзей на чашку чая или даже к обеду; а если у него будет время, он, может быть, и сам заглянет к ним ненадолго. Эйлин с радостью ухватилась за его предложение, и не столько потому, что ей нравился Толлифер и она дорожила его обществом, а потому что ей хотелось показать Каупервуду, что она способна поддерживать знакомство с полезными и приятными ему людьми.

Каупервуд к этому времени убедился, что Толлифера вполне можно предоставить его собственной изобретательности. Он, по-видимому, очень неглуп, думал Каупервуд, не лишен такта и, несомненно, умеет держать себя в обществе. А что, если он вздумает всерьез ухаживать за Эйлин, с тем чтобы вскружить ей голову, завладеть ею и подцепить положенный на ее имя недурной капиталец? Вряд ли ему это удастся. Эйлин такая преданная жена, она неспособна влюбиться в кого-нибудь по-настоящему.

А Толлиферу иной раз делалось как-то не по себе оттого, что он участвует в такой гнусной интриге, но вместе с тем он сознавал, что это самый счастливый случай во всей его неудачной жизни и упускать его никак нельзя. Уж если он дошел до

того, что не стыдился жить на скудный заработок каких-то жалких хористок, как это было еще совсем недавно, то теперь ему нечего стесняться — он получает деньги за то, что взял на себя нелегкую обязанность выступать в роли светского ментора, спутника и приятеля этой женщины! Разумеется, она не очень-то умеет себя держать, всегда от нее можно ждать какого-нибудь промаха, и, кроме того, она чересчур явно показывает свое желание нравиться. Ее надо бы приодеть со вкусом, натренировать как следует, чтобы она чувствовала себя уверенней. Но во всяком случае она относится к нему дружески, признательна ему, и вполне возможно, что он в самом деле сможет для нее кое-что сделать.

Прежде чем отправиться в это путешествие, Толлифер навел кой-какие справки и узнал, что Эйлин в отсутствие Каупервуда свела знакомство с какими-то ничтожными людишками; ее видели в очень сомнительной компании, и хотя она не занимала никакого положения в обществе, все же это компрометировало и ее самое и Каупервуда. Как же Каупервуд мог допустить это? — спрашивал себя Толлифер. Но, познакомившись с Эйлин и припомнив все, что он слышал и знал о Каупервуде, он решил, что в конце концов Каупервуду не оставалось ничего другого, для него это был единственный разумный выход. Потому что там, где дело касается чувств, Эйлин, по-видимому, способна на все, и если бы Каупервуд попытался вступить с ней в борьбу, чтобы отвоевать себе свободу, она не остановилась бы ни перед чем, камня на камне не оставила бы, только бы удержать его или отомстить ему, и это, конечно, могло бы весьма повредить его репутации.

А с другой стороны, может случиться, что в один прекрасный день Каупервуд, придравшись к какому-нибудь поводу или нарочно подстроив какую-нибудь штуку, обвинит его в интимной связи с Эйлин и таким образом получит возможность избавиться от нее. Однако если Толлифер сумеет доказать, что Каупервуд сам нанял его для этого, подобное разоблачение будет для него, наверно, столь же мало приятно, сколь и для Толлифера. Так чем же он, в сущности, рискует? Надо только постараться наладить такие отношения с Эйлин, чтобы не давать ее супругу никакого повода для придирок.

И, несомненно, он может быть ей очень и очень полезен. Вот, например, даже здесь, на пароходе, он заметил, что она не прочь выпить лишнее. Надо отучить ее от этого. Потом эта ее ужасная манера одеваться. В Париже найдутся первоклассные портные, которые рады будут отблагодарить его, если он предоставит им возможность одеть ее прилично. И, наконец, с ее-то деньгами сколько можно устроить разных увеселительных поездок — в Экс-ле-Бен, в Биарриц, в Дьеп, в Канны, Ниццу, Монте-Карло, надо только приручить ее, завоевать ее доверие. Можно будет пригласить старых друзей, расплатиться с долгами, завести новые знакомства!

Лежа у себя в каюте, покуривая папиросу и время от времени потягивая из высокого стакана виски с содой, Толлифер предавался самым радужным мечтам. Эта шикарная каюта! И двести долларов в неделю! А сверх того — три тысячи новенькими банкнотами!

23

«Кайзер Вильгельм» подошел к пристани Саутгэмптона в туманное апрельское утро; солнечные лучи едва пробивались сквозь плотный английский туман. Каупервуд в элегантном сером костюме стоял на верхней палубе и смотрел на пустынную пристань и на невзрачные домики, ютившиеся на берегу. Эйлин в своем самом роскошном весеннем туалете стояла рядом с ним. Около них суетились ее горничная Уильяме, лакей Каупервуда и личный секретарь Каупервуда мистер Джемисон. Внизу на пристани стояли Джеркинс с Клурфейном и несколько репортеров, жаждущих услышать из уст Каупервуда подтверждение слухов, распущенных Джеркинсом, о том, что американский миллионер приехал в Англию, чтобы купить знаменитую коллекцию картин, принадлежащих некоему английскому пэру, о существовании которого Каупервуд даже и не подозревал.

Толлифер в последнюю минуту заявил, — и Каупервуд про себя оценил это как весьма тактичный маневр, — что он не сойдет с парохода, а проедет дальше в Шербург и оттуда в Париж. Однако он тут же ввернул в разговоре для сведения Эйлин, что он предполагает быть в Лондоне в начале следующей недели, в понедельник или во вторник, и надеется, что еще будет иметь удовольствие повидаться с супругами Каупервуд до их отъезда на континент. Эйлин вопросительно взглянула на мужа и, прочтя поощрение в его взгляде, сказала Толлиферу, что они будут рады видеть его у себя в отеле «Сесиль».

Каупервуд сейчас с необыкновенной остротой ощущал, что жизнь его отныне становится на редкость значительной и полноценной. Как только они сойдут на берег и он устроит Эйлин, он сразу же отправится к Беренис; она с матерью ждет его в отеле «Кларидж». Он чувствовал себя молодым, бодрым — Улисс, отправляющийся в новое, неведомое плавание! Это радостное ощущение усилилось, когда к нему неожиданно подошел посыльный и подал ему телеграмму на испанском языке:

«Солнце всходит над Англией в миг, когда ты причалил. Серебряные врата открываются перед тобой на пути к великим деяниям и к великой славе. Море было серым без тебя, Oro del Oro[2]».

Ну, конечно, это Беренис, и он улыбнулся, подумав, что он вот-вот увидит ее.

Тут его со всех сторон обступили репортеры. Куда мистер Каупервуд думает направиться отсюда? Правда ли, что он ликвидировал все свои чикагские предприятия? В Лондоне прошел слух, что он приехал сюда с целью купить знаменитую

картинную галерею. Так ли это? На все эти вопросы он отвечал сдержанно, осторожно, но весьма приветливо и с любезной улыбкой. Если от него хотят точного ответа, — он предпринял это путешествие с целью хорошенько отдохнуть, у него давно не было настоящего отдыха. Нет, он не ликвидировал своих чикагских предприятий, он только реорганизует их. Нет, он приехал в Лондон не затем, чтобы купить коллекцию лорда Фэрбенкса. Он когда-то видел ее и чрезвычайно восхищался ею, но ему никогда и в голову не приходило, что ее можно купить.

В течение всей этой церемонии Эйлин стояла рядом с Каупервудом, упиваясь сознанием своего вновь обретенного величия. Художник, присланный «Иллюстрейтед ньюс», тут же сделал с нее набросок.

Когда репортеры несколько поутихли, Джеркинс с Клурфейном протиснулись вперед и, засвидетельствовав Каупервуду свое нижайшее почтение, попросили его не оглашать своих намерений до тех пор, пока он не предоставит им возможности поговорить с ним. И Каупервуд благосклонно ответил:

— Хорошо, если вам так угодно.

После этого, уже в отеле, Джемисон пришел к нему доложить о телеграммах, которые поступили на его имя, и о том, что мистер Сиппенс дожидается в номере 741, когда ему можно будет явиться к мистеру Каупервуду, и что лорд Хэддонфилд, с которым мистер Каупервуд встречался еще много лет тому назад в Чикаго, просит супругов Каупервуд пожаловать к нему в усадьбу на субботу и воскресенье, а некий известный южноафриканский банкир — барон из евреев, — находящийся сейчас проездом в Лондоне, просит мистера Каупервуда позавтракать с ним: у него к мистеру Каупервуду важное дело, касающееся Южной Африки. Германский посол приветствует мистера Каупервуда в Лондоне и просит пожаловать на обед в посольство. Из Парижа телеграмма от филадельфийского банкира Долэна:

«Если вы по приезде в этот городишко не кутнете со мной, клянусь задержать вас на границе. Не забудьте, я знаю о вас не меньше, чем вы обо мне».

Казалось, крылья богини судьбы рассекали воздух над самой его головой.

Заглянув к Эйлин и убедившись, что она прекрасно устроилась в отведенных ей апартаментах, Каупервуд послал за Сиппенсом. Сиппенс, в новом весеннем пальто, суетливый, похожий на птицу, сразу принялся выкладывать все, что, по его мнению, важно было знать Каупервуду: Гривс и Хэншоу запутались окончательно, они сейчас в совершенном тупике. Лучшей зацепки, чем эта концессия на линию Чэринг-Кросс, которую они держат в своих руках, для Каупервуда и быть не может. Мистер Каупервуд завтра же может поехать с ним осмотреть эту запроектированную ветку. Конечно, заполучить контроль над центральной кольцевой линией было бы куда важнее, — тогда можно было бы планировать любое объединение сети. Но Чэринг-Кросс очень удобно присоединить к кольцу, и, если она уже будет у него в руках, это даст ему несомненное преимущество, какие бы шаги он ни вздумал предпринять относительно центральной или какой-либо другой линии. Кроме того, тут много всяких концессий, или контрактов, скуплено спекулянтами в расчете на то, чтобы перепродать их потом за большие деньги каким-нибудь строителям или пайщикам; все это можно будет разузнать подробнее.

— Весь вопрос в том, как нам сейчас за это взяться! — задумчиво сказал Каупервуд. — Вы говорите, Гривс и Хэншоу в тупике? Но ко мне они больше не обращаются. А между тем Джеркинс успел, по-видимому, поговорить с этим Джонсоном из Электро-транспортной компании, и тот, при условии, что я пока ничего предпринимать не буду, обещал созвать группу пайщиков, заинтересованных в центральной линии, — туда как будто входит и этот ваш Стэйн, о котором вы мне писали. Так вот, Джонсон предполагает свести меня с ними, по-видимому для того, чтобы мы вместе могли обсудить эту проблему соединения с центральной линией или со всем подземным транспортом. И это значит, что я пока должен воздержаться от каких бы то ни было переговоров с Гривсом и Хэншоу и примириться с тем, что эта линия Чэринг-Кросс, за неимением средств, опять вернется к ним, в Электро-транспортную. А это мне совсем не улыбается, потому что они, конечно, воспользуются этим как дубинкой, которой они будут махать у меня над головой.

Тут Сиппенс вскочил, как ужаленный.

— Не допускайте этого, патрон! — срывающимся голосом вскричал он. — Ни в коем случае не допускайте! Послушайте, вы потом пожалеете. Эта здешняя публика так друг за дружку и держится! Между собой они и грызутся и ссорятся, но как только дело доходит до иностранца, они все скопом готовы на него наброситься. Тяжкое это будет для вас дело, если вы с ними голыми руками драться полезете. Вы лучше подождите до завтра или до послезавтра, может быть Гривс и Хэншоу еще дадут о себе знать. Они ведь сегодня в газетах прочтут о вашем приезде, и вот вы посмотрите, я хоть сейчас готов об заклад биться, — они непременно появятся, им нет никакого расчета тянуть с этим делом, никакого расчета. Скажите Джеркинсу, чтобы он погодил встречаться с Джонсоном, а сами пока займитесь другими делами, но только прежде давайте посмотрим со мной эту линию Чэринг-Кросс.

В эту самую минуту Джемисон, занимавший номер рядом с апартаментами Каупервуда, вошел с письмом, которое ему только что вручил рассыльный.

Прочтя имя отправителя на конверте, Каупервуд улыбнулся, потом быстро пробежал письмо и передал его Сиппенсу.

— Вы угадали, де Сото, — смеясь сказал он. — Ну, и что ж нам теперь с этим делать?

Письмо было от Гривса и Хэншоу:

«Дорогой мистер Каупервуд!

Мы узнали из сегодняшних газет о Вашем приезде в Лондон. Если Вы считаете это удобным и желательным, мы хотели бы встретиться с Вами в понедельник или во вторник на следующей неделе для обсуждения вопроса, о котором мы беседовали с Вами 15 марта в Нью-Йорке. Поздравляем Вас с благополучным прибытием и желаем приятного времяпровождения.

Искренне преданные Вам Гривс и Хэншоу».

Сиппенс торжествующе щелкнул пальцами.

— Что! Говорил я вам! — радостно воскликнул он. — Значит, они идут на ваши условия. Это самый важный участок в Лондоне. А когда он у вас будет в руках, вы сможете спокойно выжидать, в особенности если вам удастся подцепить еще кое-какие концессии, потому что, стоит только этим спекулянтам пронюхать про вас, они сами к вам явятся. А этот субъект Джонсон! Этакое нахальство — требовать от вас, чтобы вы и не шевелились, пока с ним не увидитесь!

В этом восклицании Сиппенса слышалось искреннее негодование, ибо он уже слышал, что Джонсон — властный и самоуверенный человек, и заочно невзлюбил его.

— Конечно, у него есть кое-какие связи, — продолжал он. — И у этого Стэйна — тоже. Но без вашего капитала и опыта, без вашей изобретательности что они могут сделать? Даже эту Чэринг-Кросс не могли пустить в ход, не говоря уж о других линиях. Ничего у них без вас не получится.

— Очень может быть, что вы и правы, де Сото, — сказал Каупервуд, весело улыбаясь своему преданному помощнику. — Я повидаюсь с Гривсом и Хэншоу, вероятно, во вторник. И можете быть уверены, я ничего не упущу. Ну а насчет Чэринг-Кросс — поедем завтра? По-моему, следовало бы сразу осмотреть не только эту, но и обе главные линии.

— Отлично, патрон! В час дня вам будет удобно? Я вам все покажу, и к пяти вы уже будете здесь.

— Идет! Да, вот еще что: вы помните Хэддонфилда? Лорда Хэддонфилда, который несколько лет назад приезжал в Чикаго и такой шум там поднял? Палмеры, Филды, Лестеры — как они тогда все вокруг него увивались, помните? Он как-то раз был у меня в моем загородном доме. Такой молодцеватый, самоуверенный тип.

— Как же! Конечно, помню, — сказал Сиппенс, — он, кажется, тогда хотел стать пайщиком этого мясоконсервного предприятия?

— Да, и к моим предприятиям он тоже хотел примазаться. Я вам об этом никогда не рассказывал?

— Нет, не рассказывали, — поспешно сказал Сиппенс, сгорая от любопытства.

— Так вот, сегодня утром от него пришла телеграмма: приглашает к себе в поместье, в Шропшир, кажется. На субботу и воскресенье.

Каупервуд взял телеграмму со стола.

— Бэритон-Мэнор, Шропшир.

— Любопытно! Ведь он из той публики, что входит в компанию Сити — Южный Лондон. Пайщик, не то директор, — словом, что-то в этом роде! Я вам к завтрашнему дню все о нем разузнаю. Может быть, он тоже заинтересован в расширении

лондонской подземки и хочет потолковать с вами об этом? Ну, если так и если он к вам расположен — так это находка! Для иностранца в чужой стране, сами понимаете…

— Да, да, ясно, — отвечал Каупервуд. — Может быть, это в самом деле удача. Надо поехать. Так вы попробуйте выяснить все, что можно, а завтра в час приезжайте за мной.

Выходя, Сиппенс столкнулся в дверях с Джемисоном, который нес еще целую пачку писем и телеграмм, но Каупервуд замахал на него руками.

— Нет, нет, Джемисон. Ничего больше слушать не буду до понедельника. Напишите Гривсу и Хэншоу, что я рад буду видеть их у себя во вторник утром, в одиннадцать; И еще свяжитесь с Джеркинсом и скажите ему, чтобы он ждал от меня распоряжений и пока ничего не предпринимал. Телеграфируйте лорду Хэддонфилду, что мистер и миссис Каупервуд с удовольствием принимают его приглашение, узнайте, как туда добраться, и закажите билеты. Если еще что-нибудь без меня придет, положите ко мне на стол. Я завтра посмотрю.

Он спустился в лифте и, выйдя на улицу, окликнул экипаж, сказав кучеру ехать на Оксфорд-стрит, но, проехав два квартала, приподнял окошечко и крикнул:

— Сверните на Юбери-стрит, за угол налево.

Кучер повернул и остановился; Каупервуд вышел, сделал несколько шагов, свернул в переулок и, выйдя на ту же улицу с другой стороны, подошел к отелю «Кларидж».

24

В чувстве Каупервуда к Беренис пылкость любовника сочеталась с отеческой нежностью. Молодость Беренис, ее одаренность и красота неизменно вызывали у него чувство восхищения, желание защитить ее, предоставить возможность развиться этой богатой натуре. Вместе с тем он Со свойственным ему пылом упивался ее любовью, хотя эта сторона их отношений иной раз невольно смущала его — так удивительно казалось ему сочетание его шестидесяти лет с ее непостижимой юностью. С другой стороны, ее трезвая предусмотрительность, ее здравомыслие — а в этом она иной раз не уступала ему самому — наполняли его гордостью, внушали ему уверенность в своей силе, ибо Беренис в этом смысле была ему поистине опорой. Ее самостоятельность, ее энергия, ее даровитость пробуждали в нем желание не просто растить капитал, а предоставить ей все возможности проявить себя, обеспечить ей положение в обществе. Вот почему он и решил поехать в Лондон, и это-то и придавало такое важное значение всему путешествию.

Когда она встретила его, цветущая, сияющая, и он схватил ее в свои объятья, он словно вдохнул в себя ее радостную уверенность, ее юность.

— Добро пожаловать в Лондон! Итак, Цезарь перешел Рубикон! — приветствовала она его.

— Спасибо, Беви, — сказал он, выпуская ее. — Я получил твою телеграмму и берегу ее. Ну-ка, дай мне посмотреть на тебя! Пройдись по комнате.

Он смотрел на нее с нескрываемым восхищением, когда она с задорной улыбкой побежала в другой конец комнаты, а потом медленно пошла к нему, слегка поворачиваясь на ходу, наподобие живой модели из модного магазина, и, наконец, остановившись перед ним, сделала реверанс и сказала: — Прямехонько от мадам Сари! И стоит всего — ах, это тайна! — и надула губки.

На ней было темно-синее бархатное платье, отделанное мелким жемчугом у ворота и на поясе.

Каупервуд взял ее за руку и подвел к маленькому диванчику, на котором только и можно было уместиться двоим.

— Чудесно! — сказал он. — Слов не нахожу, как я рад, что опять с тобой.

Он справился о здоровье ее матери, а затем продолжал:

— Ты знаешь, Беви, для меня это какое-то совершенно небывалое ощущение. Никогда мне, по правде сказать, не нравился этот Лондон, но в этот раз, зная, что ты здесь, я прямо одурел от восторга, когда увидел его!

— Ах, когда увидел *его*?

— Ну, и, разумеется — *тебя*! — и он стал целовать ее глаза, волосы и губы, пока она не отстранила его, сказав, что любовь надо пока отложить, пусть он сначала расскажет все.

Вынужденный подчиниться, он начал рассказывать, как они доехали и все, что за это время произошло.

— Эйлин со мной в отеле «Сесиль». Ее только что рисовали для газеты. А твой приятель Толлифер, надо сказать, действительно старался вовсю развлекать ее в дороге.

— Мой приятель! Да я с ним даже незнакома!

— Ну, разумеется, еще бы тебе быть с ним знакомой! Но во всяком случае он малый неглупый. Вот бы ты посмотрела на него, каким он пришел ко мне в первый раз в Нью-Йорке и какой это был блистательный кавалер на пароходе! Превращение Аладдина! А волшебная лампа-это пачка банкнотов. Кстати сказать, он поехал в Париж, вероятно с целью замести следы. Я, конечно, позаботился, чтобы денег у него было достаточно.

— А ты с ним встречался на пароходе? — полюбопытствовала Беренис.

— Да, он нам был представлен капитаном. Ну, это такой человек, который и сам сумеет все устроить. У него положительно дар нравиться женщинам. Он прямо-таки завладел всеми самыми хорошенькими.

— Так я и поверила! А где же в это время был ты?

— Ну, знаешь, бывают иной раз чудеса! Но это в самом деле чародей. У него на это какое-то особенное чутье. Я-то, признаться, мало его видел, но Эйлин он сумел так пленить, что она жаждет пригласить его к нам на обед.

Он многозначительно поглядел на Беренис, и она ответила ему довольной улыбкой.

— Я рада за Эйлин, — сказала она помолчав. — Искренне рада. Ей просто необходима была такая перемена. И давно уже.

— Верно, Беви, — отвечал Каупервуд. — Раз я не могу быть для нее тем, чем ей хочется, почему не найти для этой роли кого-нибудь другого. Во всяком случае, я надеюсь, что он не перейдет границ, он для этого достаточно благоразумен. Эйлин уже мечтает поехать в Париж, покупать себе наряды. Так что с этой стороны у нас все обстоит как нельзя лучше.

— Чудесно! — сказала Беренис улыбаясь. — Значит, пока что наши планы понемножку осуществляются. А кто всему виновник?

— По-моему, ни ты, ни я. Просто так оно должно было случиться, вот как и то, что ты ко мне пришла тогда на рождество, когда я меньше всего ожидал этого.

Он обнял ее и хотел поцеловать, но она, поглощенная своими мыслями, отстранила его.

— Нет, нет, подожди, сначала расскажи мне о Лондоне, а потом я тебе тоже кое-что расскажу.

— Ну что ж, Лондон! Перспективы пока самые блестящие. Я тебе, кажется, говорил в Нью-Йорке об этих англичанах, Гривсе и Хэншоу? О том, как я их выпроводил, отклонив их предложение? Так вот только сейчас, когда я уходил из гостиницы, мне подали от них письмо. Они просят принять их, и я уже условился, когда и как. Ну, а насчет более широких проектов, есть тут группа акционеров, с которыми я предполагаю встретиться. Как только у меня выяснится что-нибудь более или менее определенное, я сейчас же тебе расскажу. А пока что мне хотелось бы укатить с тобой куда-нибудь. Может быть, мы могли бы дать себе маленькую передышку, прежде чем я завертчусь со всеми этими делами. Вот только Эйлин… Пока она не уедет, видишь ли… — он помолчал. — Конечно, я постараюсь уговорить ее поехать в Париж, а мы с тобой могли бы тогда прокатиться к Нордкапу или на Средиземное море. Мне тут один агент говорил, что сейчас есть возможность раздобыть яхту на лето.

— О, яхта, яхта! — воскликнула Беренис, но тотчас же, спохватившись, прижала палец к губам. — Нет, нет, ты уже забираешься в мою область. Это буду устраивать я, а не ты. Вот видишь…

Но он не дал ей договорить и зажал ей рот поцелуем.

— Какой же ты нетерпеливый! — упрекнула его Беренис. — Ну подожди же…

И она повела его в соседнюю комнату, где около распахнутого настежь окна был сервирован стол.

— Смотри, повелитель! Мы с тобой сегодня пируем вдвоем; тебя приглашает твоя рабыня. Если ты сейчас сядешь и будешь сидеть смирно, мы выпьем с тобой по бокалу вина, и я тебе все расскажу. Веришь ты мне или нет — но у меня уже все готово, я все решила.

— Все? Вот как! — засмеялся Каупервуд. — И так быстро? Хорошо бы мне так уметь.

— Да-а. Все или… почти все! — сказала она и, взяв со стола графин с его любимым вином, налила два бокала. — Дело в том, что, как это ни странно, я тут в одиночестве размышляла. А когда я размышляю…

Она торжественно подняла глаза к небу.

Он вырвал бокал у нее из рук и бросился целовать ее, — она только этого и ждала.

— Смирно, Цезарь! — смеясь, прикрикнула она. — Подожди, мы еще не пьем. Сядь на место. А я сяду вот здесь. И сейчас я тебе расскажу все. Буду каяться, как на исповеди.

— Вот бесенок! Серьезно, Беви, перестань дурить…

— Да я в жизни своей не была серьезней. Ну хорошо, слушай. Дело было так. На пароходе с нами ехало с полдюжины англичан, старых и молодых, всяких, один красивее другого; по крайней мере те, с которыми я флиртовала, были очень недурны.

— Не сомневаюсь, — добродушно проронил Каупервуд с легкой ноткой сомнения в голосе. — Ну и что же дальше?

— А дальше, если ты проявишь некоторое великодушие, я признаюсь тебе, что флиртовала я исключительно ради тебя. Кстати сказать, флирт был совершенно невинный — впрочем, этому ты, конечно, можешь и не верить. Например, я разузнала об одном прелестном загородном местечке, Бовени, — это на Темзе, всего в каких-нибудь тридцати милях от Лондона. Рассказал мне об этом очаровательный молодой человек — разумеется, холостяк — Артур Тэвисток. Он там живет с мамашей, леди Тэвисток. Он уверен, что мне она очень понравится. А сам он очень понравился моей матушке! Так что видишь, как обстоят дела…

— Гм… вижу, что нам предстоит жить в Бовени: мне и матушке, — язвительно усмехнулся Каупервуд.

— Вот именно! — в тон ему отвечала Беренис. — И это чрезвычайно важный вопрос — ты и мама. С этих пор ты должен будешь уделять свое внимание главным образом ей. И как можно меньше мне. Но, конечно, ты сохраняешь за собой все обязанности опекуна. Вот.

И она ущипнула его за ухо.

— Иными словами, мистер Каупервуд — опекун и друг семьи! — произнес он с довольно кислой улыбкой.

— Совершенно верно! — подтвердила Беренис. — Так вот дальше. Предполагается, что я в скором времени отправляюсь с Артуром путешествовать на лодке. А кроме того… — тут она не удержалась и фыркнула, — он обещает достать очаровательный плавучий домик, как раз то, что нужно для нас с мамой. Нет, ты только представь себе: лунная ночь… или жаркий летний день — когда моя мама и его мама будут сидеть себе и вязать или прогуливаться по саду, а ты будешь читать да покуривать, — мы с Артуром…

— Да! Представляю себе, чудесная жизнь — плавучий домик, возлюбленный, весна, мамаша, опекун! Поистине рай земной!

— А что же может быть лучше? — с жаром воскликнула Беренис. — Он даже расписал, какие у нас там будут тенты — красные и зеленые! И кто из его друзей приедет, и какие они!

— Тоже красные и зеленые, я полагаю?

— Вот именно, ведь это же цвета спортивных и гребных костюмов! Словом, все, как полагается. Так он рассказывал маме; А друзей у него масса! И он их всех собирается представить маме и мне.

— А когда же приглашение на свадьбу?

— В июне, не позже. Могу обещать тебе совершенно точно!

— И я буду посаженным отцом?

— Да, это мысль! — серьезно сказала она.

— Черт возьми! — преувеличенно громко захохотал Каупервуд. — Я вижу, у тебя было на редкость удачное путешествие!

— Да ты еще и сотой доли не знаешь! — вскричала Беренис. — Сотой доли! Вот еще Мейденхед — мне даже неловко признаваться.

— Вот как? Запомним!

— И я еще тебе не рассказала о полковнике Хоксбери. Из королевской гвардии или чего-то там еще, не помню! — дурачась, продолжала она. — Ну, один из таких блестящих военных красавцев — а у него есть приятель офицер, у которого есть кузен… Так вот у этого кузена есть коттедж где-то там в парке на Темзе…

— Ах, уж теперь два коттеджа и два плавучих домика! Или у тебя, может быть, в глазах двоится?

— Во всяком случае коттедж, о котором я сейчас говорю, почти никогда не сдается. Этой весной чуть ли не в первый раз. И это настоящая мечта! Если его когда-нибудь и сдавали, то только близким друзьям. Но, конечно, маме и мне…

— Мы, кажется, намереваемся стать дочерью полка?

— Ну, хорошо. Оставим полковника. Еще есть некий Уилтон Брайтуэйн Райотсли — произносится: Ротислай. У него замечательные маленькие усики, а рост ровно шесть футов и…

— Послушай, Беви! Что за подробности! Я, знаешь, начинаю подозревать!

— Только не с Уилтоном! Нет, нет, клянусь тебе! С полковником — куда ни шло, но с Уилтоном — нет! — и она расхохоталась. — Ну, чтобы не перечислять всех подряд, скажу тебе коротко, что я узнала не только о четырех плавучих домиках на Темзе, но и о четырех прекрасно меблированных, комфортабельных особняках в самых замечательных кварталах Лондона, — и все их можно снять на сезон, на год или навсегда, если мы решим с тобой остаться тут навеки.

— Что ж, тебе надо только захотеть, милочка, — отвечал он. — Но какая же ты, однако, актриса!

— И все эти особняки, — продолжала Беренис, пропуская мимо ушей его восхищенное восклицание, — будут немедленно показаны мне любым моим поклонником на выбор — или всеми сразу, стоит мне только дать свой лондонский адрес, чего я еще пока не сделала.

— Браво, браво! — воскликнул Каупервуд.

— Так вот, пока еще никаких обещаний никому не дано, ни с кем ничего не условлено, но мы с мамой думаем поехать посмотреть один домик на Гроссвенор сквере, а другой — на Беркли сквере. И тогда уж будет видно, что делать.

— А тебе не кажется, что лучше было бы все же посоветоваться с твоим престарелым опекуном насчет, скажем, аренды и всего прочего?

— Что касается аренды — конечно. Ну а насчет всего прочего…

— Ну, хорошо. Насчет всего прочего — отступаю охотно. Довольно я распоряжался на своем веку, посмотрим-ка теперь, как это у тебя получится!

— Так вот, — продолжала она, все еще дурачась, — допустим, для начала, я сяду вот сюда…

И, усевшись к нему на колени, она взяла со стола бокал с вином и прикоснулась к нему губами.

— Смотри — я загадала желанье! — сказала она и отпила половину. — Вот и ты тоже загадай! — И она протянула ему бокал и смотрела, пока он не допил до дна. — А теперь ты должен бросить его об стену — через мое правое плечо — чтобы уже никто больше никогда из него не пил. Так поступали в старину датчане и норманны. Ну…

Каупервуд швырнул бокал.

— А теперь поцелуй меня — и все сбудется, как мы с тобой загадали. Потому что, ты ведь знаешь, я колдунья и могу сделать так, чтобы все сбылось.

— Я готов этому поверить! — с чувством сказал Каупервуд и торжественно поцеловал ее.

После обеда они принялись обсуждать, куда им поехать и что предпринять в ближайшее время. Беренис пока не хотелось никуда уезжать из Англии. Сейчас весна, а она всегда мечтала осмотреть все эти города с кафедральными соборами — Кентербери, Йорк, съездить в Уэльс, взглянуть на развалины римских бань в Бате, посетить Оксфорд, Кембридж и разные старинные замки. Хорошо бы отправиться в такое путешествие вдвоем! Разумеется, он сначала разузнает все что нужно относительно своего лондонского проекта. А она тем временем посмотрит эти коттеджи, о которых ей говорили. И как только все это устроится, они тотчас же могут и уехать.

А сейчас надо пойти повидаться с мамой; она немножко расстроена последнее время. Все чего-то опасается, а чего — и сама не знает. Ну, а потом он вернется сюда — и тогда…

Каупервуд обнял ее и прижал к груди.

— Хорошо, Минерва моя! — сказал он. — Может быть, и действительно удастся все устроить так, как тебе хочется. Пока еще я ровно ни в чем не уверен. Одно могу сказать наверняка — если здесь все это затянется надолго, мы с тобой не будем выжидать, а отправимся путешествовать. С Эйлин я как-нибудь да улажу. И если она будет даже недовольна — мы все равно уедем. Она мне всегда грозит оглаской, но это можно будет как-нибудь предотвратить. На этот счет я спокоен. Во всяком случае до сих пор мне это всегда удавалось.

Он ласково поцеловал ее и, смягченный, растроганный, прошел к миссис Картер. Он застал ее с романом Марии Корелли в руках. Принаряженная, напудренная, миссис Картер сидела у открытого окна, по-видимому поджидая его. Она встретила его радостной улыбкой. Но он сразу почувствовал в ней какое-то напряжение, беспокойство — она, видимо, опасалась, что это добром не кончится, что они зря все это затеяли — он и Беренис. Он даже уловил в ее глазах какой-то тоскливый страх, жалкое, безнадежное выражение. Обменявшись несколькими ничего не значащими фразами о том, как приятно будет провести весну в Англии, он сказал ей как бы между прочим, но довольно откровенно:

— На вашем месте, Хэтти, я бы не стал ни о чем беспокоиться. Мы с Беви отлично понимаем друг друга. И я думаю, что и себя она хорошо знает. Она умница, красавица, и я люблю ее. Если даже с нами и случится какая-нибудь неприятность, мы сумеем выпутаться. Приободритесь, Хэтти, все будет хорошо. Я, вероятно, буду очень занят и, пожалуй, не сумею приезжать к вам так часто, как мне этого бы хотелось. Но помните, что я всегда начеку. И она тоже. И вам нечего беспокоиться.

— Да я вовсе и не беспокоюсь, Фрэнк! — сказала миссис Картер почти извиняющимся тоном. — Конечно, я знаю, Беви — девушка решительная, находчивая, и я знаю, как вы заботитесь о ней. И я надеюсь, что все сложится так, как вам хочется. Она, правда, очень подходит вам, Фрэнк. Такая талантливая, обаятельная. Жаль, вы не видели, как она прекрасно держала себя на пароходе!. Как она всех умеет обворожить и в то же время держит себя с таким достоинством, с таким тактом. Вы у нас еще побудете? Я очень рада. Мне что-то нездоровится, но мы еще с вами увидимся попозже.

Она проводила его до дверей с видом хозяйки, которая провожает важного гостя — таким он, в сущности, и был в ее глазах. Когда он вышел и закрыл за собой дверь, она подошла к зеркалу и, грустно поглядев на себя, чуть-чуть подрумянила щеки — на случай, если заглянет Беренис, — потом открыла чемодан, достала бутылку с бренди и налила себе стаканчик.

В конце недели, в субботу, супруги Каупервуд приехали в гости к лорду Хэддонфилду, в его замок в Бэритон-Мэнор. Это было внушительное, массивное здание английской архитектуры XVI века, высившееся посреди обширного, прекрасно сохранившегося наследственного поместья, на юго-востоке Хардаун-Хис. С северо-запада к нему примыкала открытая, похожая на безбрежное море равнина, густо поросшая вереском. Эти простирающиеся на много миль, волнующиеся на ветру зеленые заросли пережили немало столетий, с ними не мог справиться ни плуг, ни сеятель, ни строитель. Их главная ценность как для богача, так и для бедняка заключалась в изобилии зайцев, оленей и прочей дичи. Это было излюбленное место охоты; сюда приезжали шумные компании с доезжачими в красных фраках, с гончими и борзыми. На юго-западе, куда глядел главный фасад замка, раскинулись пашни, покрытые лесами склоны, а посреди них виднелись камышовые крыши небольшого ярмарочного села — Литлбэритон; все вместе производило впечатление радушного сельского приюта.

Хэддонфилд встретил супругов Каупервуд на станции Бэритон. Это был все такой же веселый, несколько циничный джентльмен, каким Каупервуд знал его пять лет тому назад. У него сохранились приятные воспоминания об Америке, и он был очень рад видеть своих заокеанских друзей. По дороге к замку, показывая Эйлин великолепные газоны и тенистые аллеи, он сказал:

— Я опасался, миссис Каупервуд, что наша вересковая равнина покажется вам и вашему супругу унылым зрелищем. Поэтому я распорядился приготовить для вас комнаты с окнами в сад. В гостиной сейчас пьют чай, может быть вы хотите подкрепиться с дороги?

Хотя великолепный нью-йоркский особняк Каупервуда с множеством слуг был намного роскошнее этого замка, а владелец его Хэддонфилд был далеко не так богат, как Каупервуд, Эйлин — по крайней мере в первую минуту — оглядывалась по сторонам с восхищением и завистью. Ах, если бы иметь вот такое поместье и такое солидное положение, и блестящие связи, как у этого человека! Избавиться от необходимости отвоевывать себе место в обществе, жить в полном покое. Но Каупервуд, посматривая кругом с явным удовольствием, не испытывал никакой зависти. Блеск титула, богатство, доставшееся без всяких усилий, нимало не трогали его. Он, Каупервуд, сам создал себе имя и состояние.

Гости лорда Хэддонфилда, съехавшиеся к нему на субботу и воскресенье, представляли собой смешанное, но весьма изысканное общество. Накануне из Лондона приехал сэр Чарльз Стонледж, знаменитый лондонский артист, светило театрального мира, в высшей степени претенциозный и напыщенный субъект, пользующийся всяким случаем поддержать связь со своими аристократическими знакомыми. Он привез с собой артистку мисс Констанс Хэсэуей, которая с успехом выступала в это время в модной пьесе «Чувство».

Резкий контраст этой паре являли собой лорд и леди Эттиндж. Он — крупный акционер в железнодорожных и судоходных компаниях — рослый, цветущий, властного вида мужчина, любитель выпить и, будучи навеселе, склонный грубовато пошутить, тогда как в трезвом состоянии он говорил резко, отрывисто и скорее обрывал, чем поддерживал разговор. Леди Эттиндж, напротив, была особой в высшей степени дипломатичной, и лорд Хэддонфилд, посылая ей приглашение, просил ее на этот раз взять на себя роль хозяйки в его замке. Хорошо изучив привычки и настроения своего супруга, леди Эттиндж относилась к ним весьма терпимо, но при этом отнюдь не поступалась собственной персоной. Это была высокая, могучего сложения дама с румяными щеками, испещренными синими жилками, и с холодными голубыми глазами. Когда-то она была очень привлекательна и недурна собой, как всякая свеженькая девушка в шестнадцать лет, — по-видимому, она и по сию пору не забыла об этом, так же как и лорд Эттиндж. Он в свое время очень усиленно добивался ее руки. У леди Эттиндж было несомненно больше практического понимания жизни, чем у ее супруга. Старший отпрыск старинного богатого рода, лорд Эттиндж ценил титул и наследственные права выше каких бы то ни было личных достижений. Это не мешало ему участвовать весьма успешно в разных коммерческих операциях. Его супруга, не уступая ему знатностью происхождения, отличалась большей проницательностью — она следила за совершающимися на ее глазах переменами и появлением новой денежной знати и искренне восхищалась такими нетитулованными гигантами, как Каупервуд.

Затем здесь были лорд и леди Босвайк, оба молодые, веселые, пользующиеся всеобщей симпатией. Они увлекались всеми видами спорта, посещали бега, скачки, могли составить партию в карты и благодаря своей заразительной веселости и живости были желанными гостями в любом обществе. Они украдкой посмеивались над четой Эттиндж, но, отдавая должное их высокому положению, держали себя с ними как нельзя более любезно.

Весьма важным гостем в глазах Хэддонфилда, а также и супругов Эттиндж, был мистер Эбингтон Скэрр, личность довольно темного происхождения, — ни титула, ни родства, — однако сумевшая создать себе громкое имя в финансовом мире. За четыре года мистер Скэрр нажил изрядный капитал, организовав крупную скотоводческую компанию в Бразилии. Пайщики этой компании уже получали весьма недурные прибыли. Сейчас у него было не менее доходное овцеводческое предприятие в Африке, где благодаря каким-то неслыханным привилегиям, полученным от правительства, и удивительному умению сбивать цены и захватывать рынки, он уже считался без пяти минут миллионером. Ядовитые слухи, ходившие о его рискованных авантюрах, пока что не приобрели сколько-нибудь опасной гласности. Хэддонфилд и даже Эттиндж открыто восхищались его успехами, но благоразумно воздерживались от участия в его делах. Им не раз случалось делать выгодные обороты с акциями компаний Скэрра. Но они всегда старались как можно скорее сбыть их с рук. Сейчас Скэрр затеял совершенно новое предприятие, однако на этот раз ему почему-то не так повезло, как в прежних его авантюрах: он задумал построить новую

линию подземной железной дороги на участке Бейкер-стрит — Ватерлоо и сумел получить на это парламентскую лицензию. Поэтому он весьма заинтересовался, когда неожиданно для себя услышал о приезде Каупервуда.

Так как Эйлин очень долго возилась со своим туалетом, стараясь одеться как можно изысканнее, супруги Каупервуд сошли к обеду несколько позже положенного часа. Все гости уже собрались в гостиной, чтобы оттуда проследовать в столовую, и у многих на лицах выражалось явное неудовольствие, что их заставляют ждать. Эттиндж уже решил про себя, что он просто не будет обращать внимания на этих Каупервудов. Но когда они вошли и Хэддонфилд встретил их радостным приветствием, все повернулись в их сторону, все заулыбались, и американские гости сразу завладели вниманием всего общества. Эттиндж, когда их знакомили, медленно поднялся со стула и чопорно поклонился, но при этом не преминул внимательно осмотреть Каупервуда. А леди Эттиндж, которая читала все заметки об американском миллионере, появлявшиеся в английских газетах, тут же решила про себя, что, за исключением ее супруга, Каупервуд несомненно самый выдающийся человек в этом обществе. Она даже простила ему Эйлин — наверно, он женился очень молодым и потом уж ему волей-неволей пришлось примириться с этим неудачным браком.

Что касается Скэрра, он был достаточно проницателен, чтобы почувствовать несомненное превосходство этого выдающегося дельца, крупнейшего воротилы в финансовом мире.

Эйлин, после долгого вынужденного уединения в Нью-Йорке, попав в такое блестящее общество, чувствовала себя несколько неловко; она изо всех сил старалась казаться естественной, но это только производило впечатление какой-то преувеличенной любезности, почти восторженности, потому что она улыбалась всем без разбора. В каждом ее слове чувствовалась неуверенность в себе. Каупервуд заметил это, но решил, что в конце концов он как-нибудь управится за двоих, и с присущей ему дипломатичностью обратился к леди Эттиндж как к самой почтенной и, по-видимому, самой влиятельной из присутствующих дам.

— Я, знаете, впервые в английской усадьбе, — сказал он просто. — Но, должен признаться, даже то немногое, что я успел видеть сегодня днем, вполне оправдывает восхищение, с каким о ней отзываются.

— В самом деле? — сказала леди Эттиндж, которой было небезынтересно узнать его вкусы и склонности. — Вам правда кажется привлекательной наша сельская жизнь?

— Да, и, пожалуй, я даже могу объяснять почему. Это, так сказать, первоисточник всего, что есть лучшего в настоящее время в моей стране. — Она заметила, что он сделал ударение на словах «в настоящее время». — Ну, взять, например, итальянскую культуру, — продолжал он. — Мы ценим ее, как культуру нации, совершенно отличной от нас. И то же самое, я полагаю, можно сказать о культуре Франции и Германии. Но здесь мы, и даже те из нас, кто не может себя считать вполне английского происхождения, совершенно естественно, как нечто свое, узнаем источники нашей собственной культуры и развития.

— Вы что-то уж чересчур добры к Англии, — сказала леди Эттиндж. — А вы сами из англичан?

— Да. Мои родители были квакеры. Меня воспитывали строго, в суровой простоте, как водится у английских квакеров.

— Боюсь, что не все американцы относятся к нам так дружелюбно.

— Мистер Каупервуд может с полной осведомленностью говорить о любой стране, — сказал, подвигаясь поближе, лорд Хэддонфилд. — Он потратил немало лет и немалый капитал, собирая образцы искусства всех стран.

— У меня очень скромная коллекция, — улыбнулся Каупервуд, — я считаю, что я только-только сделал почин.

— И эта замечательная коллекция находится в самом великолепном музее, какой я когда-либо видел, — продолжал лорд Хэддонфилд, обращаясь к леди Эттиндж, — в доме мистера Каупервуда в Нью-Йорке.

— Я случайно имел удовольствие слышать разговор о вашей коллекции, когда я в последний раз был в Нью-Йорке, мистер Каупервуд, — вмешался Стонледж. — Правда ли, что вы приехали сюда, чтобы пополнить ее? Я, кажется, что-то читал недавно об этом в газетах.

— Нет, это пустые слухи, — отвечал Каупервуд. — Я сейчас не собираю ничего, кроме впечатлений. И в Англии я ведь только проездом на континент.

Эйлин, вне себя от восторга, что супруг ее пользуется таким успехом, чрезвычайно оживилась за обедом, так что Каупервуд несколько раз кидал в ее сторону выразительно вопрошающий взгляд — ему очень важно было произвести благоприятное

впечатление. Он, конечно, уже заранее разузнал, какого рода финансовыми операциями занимаются Хэддонфилд и Эттиндж, а теперь тут еще оказался этот Скэрр, который, как он слышал, интересуется постройкой подземной линии. Несомненно, лорд Эттиндж мог бы быть весьма полезным человеком, думал Каупервуд, беседуя с леди Эттиндж, — не мешало бы узнать, какие у него связи в парламенте, какие возможности. И тут леди Эттиндж сама пришла ему на помощь, заговорив о политической деятельности своего супруга. Он был тори и довольно тесно связан с лидерами этой партии. В ближайшее время ему предстояло получить крупное назначение в Индию. Это зависело от некоторых перемен в политической обстановке, связанных с бурской войной, которая в то время потрясала Англию.

— До сих пор англичане несли большие потери, — говорила леди Эттиндж, — но предпринятая сейчас кампания должна повернуть успех в нашу сторону.

Каупервуд из дипломатических соображений согласился с нею.

Непринужденно поддерживая разговор, любезно перекидываясь фразами то с тем, то с другим из гостей. Каупервуд спрашивал себя, кто из них может пригодиться ему и Беренис. Леди Босвайк пригласила его к себе, в свой домик в Шотландии; Скэрр, после того как дамы вышли из-за стола, сам подошел к нему и спросил, долго ли он намеревается пробыть в Англии и не окажет ли он ему честь пожаловать к нему в гости, в Кэлс. Даже Эттиндж к концу обеда настолько оттаял, что завел с ним беседу об американской политике и международных делах.

За два дня эти добрые отношения укрепились, а в понедельник, когда компания отправилась на охоту, Каупервуд вызвал всеобщее одобрение, неожиданно показав себя недурным стрелком. Короче говоря, к тому времени, когда супруги собрались уезжать, Каупервуд успел обворожить все общество Бэритон-Мэнор, чего, пожалуй, нельзя было сказать об Эйлин.

26

Вернувшись из Бэритон-Мэнор, Каупервуд тотчас же отправился к Беренис. Он застал ее уже совсем одетой, — она собиралась ехать за город смотреть коттедж, который полковник Хоксбери советовал ей снять на лето, уверяя, что это как раз то, что нужно для нее и ее матушки.

— Это на Темзе, между Мейденхед и Марлоу… И знаешь, кто владелец? — с таинственным видом спросила она.

— Понятия не имею, пока я еще не научился читать твои мысли.

— А ты попробуй!

— Нет, где мне! Слишком трудно! Но кто же это?

— Не кто иной, как тот английский лорд, о котором писал тебе мистер Сиппенс, если только не существует еще один с таким же именем. Лорд Стэйн.

— Нет, ты не шутишь? — удивленно спросил Каупервуд. — Ну, расскажи мне все. Ты что, познакомилась с ним?

— Нет. Но полковник Хоксбери страшно расхваливает этот коттедж, он говорит, что это совсем близко от Лондона, и потом такое соседство: «Рядом я и моя сестра», — важно добавила она, передразнивая полковника.

— Ну, если так, пожалуй действительно стоит посмотреть, — задумчиво протянул Каупервуд, окидывая восхищенным взглядом изящный костюм Беренис — длинную юбку, плотно облегающий жакет темно-зеленого цвета, отделанный золотым шнуром, и маленькую зеленую шапочку с красным перышком, кокетливо сдвинутую набок.

— Мне бы хотелось познакомиться со Стэйном, и, может быть, тут-то как раз и представится случай, — продолжал он. — Но нам надо быть крайне осторожными, Беви. Я слышал, что это очень влиятельный и очень богатый человек. Если бы нам удалось привлечь его, да так, чтобы он согласился войти в дело на наших условиях…

— Так ведь я как раз это и имею в виду, — сказала Беренис. — Отчего бы тебе сейчас не поехать со мной? Маме сегодня что-то нездоровится, и она хочет посидеть дома.

Беренис, как всегда, говорила шутливо, насмешливо, словно немножко поддразнивая, и Каупервуду очень нравилась эта ее манера — в ней проявлялась свойственная Беренис сила, находчивость и никогда не покидающий ее оптимизм.

— Неужели ты думаешь, что я могу отказаться от удовольствия сопровождать прелестную молодую девицу в таком очаровательном костюме? — смеясь, сказал он.

— Вот именно, — в тон ему отвечала Беренис, — я так и говорю всем, что я ничего не могу решить окончательно без согласия моего опекуна. Готовы вы приступить к своим обязанностям? — спросила она, окидывая его лукавым, насмешливым взглядом.

Каупервуд подошел к ней и тихонько обнял ее за плечи.

— Непривычно, признаться, но попробую, — сказал он, целуя ее.

— А я со своей стороны сделаю все, чтобы тебе это облегчить. Я уже сговорилась с агентом по найму, он встретит нас в Виндзоре. А потом мы можем отправиться в какую-нибудь уютную старинную гостиницу и позавтракать там.

— Отлично, но только сначала я должен поздороваться с твоей матушкой. — И он поспешно направился к миссис Картер.

— Добрый день, Хэтти, — приветствовал он ее. — Ну как вы тут поживаете? Как вам нравится славная старушка Англия?

По сравнению с веселой, цветущей Беренис мать ее показалась ему подавленной и даже какой-то измученной. Миссис Картер до сих пор никак не могла прийти в себя. Пребывать столько времени в счастливой уверенности, что Беренис вот-вот выйдет замуж и будет жить спокойной семейной жизнью — и вдруг неожиданно попасть в этот ослепительный, бурный круговорот, в эту авантюру, которая сейчас пьянит роскошью и богатством, но в любую минуту грозит кончиться неизвестно чем… Какая сложная штука жизнь! Правда, дочка у нее умница и самостоятельная, но такая же упрямая и своевольная, какой она сама была в ее годы. И поэтому-то никак не предугадаешь, как повернется ее судьба. И хотя Каупервуд давно уже, а не только теперь, поддерживал и выручал их и советами и деньгами, миссис Картер последнее время одолевали страхи. Ей казалось странным, зачем он привез их в Англию, — ведь он приехал сюда завоевать расположение английских дельцов, добиться общественного признанья, и приехал с женой? Беренис уверяет, будто это так и надо, даже если и не совсем удобно.

Однако такое объяснение далеко не удовлетворяло миссис Картер. Она в своей жизни когда-то попробовала рискнуть — и проиграла. И мысль об этом неотступно преследовала ее, и сердце ее сжималось от страха — ведь и Беренис тоже может проиграть. Причиной этому может быть и Эйлин, и непостоянство Каупервуда, и этот бездушный свет, который никого не щадит и никого не оправдывает. Потихоньку от Беренис она опять начала пить и только за несколько минут до прихода Каупервуда осушила до дна полный бокал бренди, чтобы подкрепиться для встречи с ним.

— Мне очень нравится в Англии, — сказала она, поздоровавшись с Каупервудом. — А Беви так просто очарована всем. Вы, наверно, поедете с ней посмотреть эти коттеджи? Ведь тут надо главным образом иметь в виду, много ли народу вы собираетесь принимать у себя или, вернее, кого вам надо остерегаться и не принимать, чтобы вас не видели вдвоем?

— Это уж относится к Беви, а не ко мне, — засмеялся Каупервуд. — Она у вас сущий магнит. Но вы что-то неважно выглядите, Хэтти. Что с вами? — Он заглянул ей в глаза пытливым, но вместе с тем сочувственным взглядом. — Встряхнитесь, Хэтти, ведь вам надо только немного взять себя в руки первое время. Я понимаю, что все это не так просто. Вам трудно далось это путешествие, вы устали. — Он наклонился и дружески положил руку ей на плечо и тут же почувствовал запах бренди. — Послушайте, Хэтти, — сказал он, — ведь мы с вами давно знаем друг друга и вам должно быть хорошо известно, что хотя я много лет был влюблен в Беви, я ни разу за все это время, до тех пор пока она сама не пришла ко мне в Чикаго, не позволял себе ни единого жеста, ни единого слова, ничего, что могло бы как-то скомпрометировать ее. Разве это не правда?

— Правда, Фрэнк.

— Вы ведь знаете, пока мне казалось, что она не любит и никогда не полюбит меня, единственным моим желанием было обеспечить ей положение в обществе, выдать ее замуж, помочь вам благополучно сбыть ее с рук.

— Да, знаю.

— Конечно, вы можете винить меня в том, что случилось в Чикаго, но и тут я уж не так виноват, потому что она пришла ко мне в то время, когда я действительно нуждался в ней. Если бы не это, может быть, я сумел бы устоять даже и тогда. Но, как бы там ни было, все мы теперь на одном плоту — вместе выплывем или вместе потонем. Вы считаете эту авантюру безнадежной, я это прекрасно вижу, а я думаю иначе. Не забывайте, что Беви исключительно одаренная, умная девушка, и мы в Англии, а не в Соединенных Штатах. Здесь люди умеют ценить ум и красоту, не то что у нас в Америке. Если вы только возьмете себя в руки, Хэтти, и войдете хорошенько в свою роль, все у нас пойдет как по маслу.

Он опять потрепал ее по плечу и заглянул ей в глаза, словно желая убедиться, подействовали ли его слова.

— Вы же знаете, я постараюсь сделать все, что могу, Фрэнк, — сказала она.

— Так вот, есть одна вещь, которой вы не должны делать, Хэтти, — это пить. Вы знаете эту вашу слабость. Подумайте, что будет, если об этом узнает Беви! Она может совсем пасть духом, и это испортит все, что мы с ней стараемся наладить.

— Хорошо, Фрэнк, я не буду. Я сделаю все, что в моих силах… если бы только этим можно было искупить прошлое!

— Крепитесь, Хэтти, и все будет хорошо, — сказал Каупервуд и, ласково улыбнувшись ей на прощанье, пошел к Беренис.

27

Когда они сели в поезд, Каупервуд заговорил с Беренис о страхах ее матери. Беренис уверяла, что все это пустяки, просто на нее подействовала внезапная перемена. Как только они здесь устроятся, у нее все это пройдет.

— Уж если откуда-нибудь и можно ждать неприятностей, то скорее от американцев, а никак не от англичан, — прибавила она задумчиво, глядя в окно на мелькавшие мимо живописные виды и не замечая их. — А я, конечно, не собираюсь ни заводить знакомство с американцами, ни встречаться с ними здесь, в Лондоне, если этого можно будет избежать, ни принимать их у себя.

— Правильно, Беви. Это, конечно, самое разумное.

— Вот эта-то публика и пугает маму. Американцы, знаешь, народ невоспитанный, у них нет ни такта, ни той терпимости, которая есть у англичан. Я по крайней мере здесь чувствую себя как дома.

— Тебе нравится их культурность, их уменье держать себя, — сказал Каупервуд. — У них нет этой нашей грубоватой откровенности, они так сразу не скажут, что у них на уме. Мы, американцы, захватили дикую страну и стараемся развивать ее, и приступили мы к этому, в сущности, совсем недавно, тогда как англичане культивируют свой маленький островок вот уже тысячу лет.

В Виндзоре их встретил мистер Уорбертон, агент по найму; он сообщил им подробно все интересующие их сведения и очень расхваливал дом, который они приехали смотреть.

— Великолепная вилла, в исключительно живописной местности, на самом берегу реки! Лорд Стэйн долго жил здесь, но после смерти отца стал уезжать на лето в свое родовое поместье Трегесол. Прошлое лето он сдавал эту виллу известной артистке, мисс Констанс Хэсэуей, но в этом году она едет в Бретань, и вот только месяца два назад лорд Стэйн сказал мне, что он согласен сдать коттедж, если найдутся подходящие люди.

— А большое у него поместье в Трегесоле? — спросил Каупервуд.

— Одно из самых больших в Англия, сэр, — отвечал агент. — Около пяти тысяч акров. Замечательная усадьба! Но он там подолгу не живет.

Каупервуд внезапно поймал себя на довольно-таки неприятной мысли. Хотя он постоянно внушал себе, что он никогда не будет ревновать, ему теперь приходилось сознаться, что с тех пор как в его жизнь вошла Беренис, он уже не раз испытывал муки ревности. Никогда еще ни одна женщина не была для него тем, чем была для него Беренис. И вот они теперь снимут эту виллу; а не приведет ли это к тому, что Беренис в конце концов предпочтет ему лорда Стэйна, — ведь он много моложе его, Каупервуда, и, говорят, тоже незаурядный и интересный человек! Может ли он надеяться сохранить ее привязанность, если она познакомится с таким человеком, как Стэйн? Эта мысль вносила в его чувство к Беренис что-то новое, чего он до сих пор за собой не замечал.

Вилла Прайорс-Ков оказалась в самом деле прелестной. Дом, стоявший в глубине тенистого парка, выстроен был больше ста лет назад, но внутри он представлял собой вполне благоустроенный особняк со всеми современными удобствами. Красивое строгое здание под купой вековых деревьев величественно возвышалось среди пышных газонов, цветников, усыпанных песком дорожек и цветущих изгородей. К задней его стороне, выходившей на юг, примыкали служебные постройки, птичий двор, конюшни и большая беговая площадка с искусственными препятствиями, изгородями и воротами, спускавшаяся прямо к реке. Мистер Уорбертон сказал им, что лошади, и экипажи, и все хозяйство — огороды, птичник и овцы со сторожевыми собаками

поступают в распоряжение того, кто здесь поселится, и что все это находится на попечении конюхов, садовника и фермера, которые будут обслуживать своих временных хозяев.

Каупервуд не меньше Беренис был очарован этим идиллическим приютом: зеркальная гладь медленно струившейся Темзы, зеленые склоны, спускающиеся к реке, плавучий домик с ярким пестрым тентом и развевающимися на ветру занавесками, за которыми были видны плетеные кресла, столики. Он загляделся на солнечные часы, стоявшие посреди дорожки, ведущей к пристани. Как время летит! Уж он, в сущности, почти старик. И вот Беренис познакомится здесь с этим человеком, ведь он много моложе его и может понравиться ей. Когда она несколько месяцев тому назад пришла к нему, в Чикаго, она сказала ему, что она сама за себя отвечает, сама распоряжается своей судьбой и что она пришла к нему по своей воле, а когда ей захочется уйти, она уйдет. Конечно, ему не следует снимать эту виллу и не следует вести никаких дел со Стэйном. Найдутся другие люди, другие возможности, хотя бы этот Эбингтон Скэрр и лорд Эттиндж. Но как можно поддаваться этому страху пораженья? Ведь до сих пор он никогда не робел, не пасовал перед жизнью, — будем же поступать так и впредь, что бы ни случилось.

Беренис, по-видимому, была в полном восторге. Ей так нравился этот живописный уголок! Не подозревая о мыслях Каупервуда, она с любопытством думала о владельце этой виллы. Должно быть, лорд Стэйн еще не стар, ведь он только что вступил во владение своим родовым поместьем после смерти отца. Но еще больше она интересовалась владельцами соседних вилл, о которых ей не преминул сообщить мистер Уорбертон. Ближайшими их соседями будут Артур Герфилд Ротислай Гоул, судья Королевской скамьи, сэр Гэбермен Кайпс из акционерной компании «Бритиш тайлс энд паттернс», достопочтенный Ренсимен Мэйнс из министерства колоний и многие другие более или менее высокопоставленные персоны из высшего лондонского света и деловых кругов.

Каупервуд, внимательно слушая словоохотливого Уорбертона, невольно задавал себе вопрос, как будут чувствовать себя в этом окружении Беренис и ее мать.

— Весной и летом здесь, наверно, очень весело, — заметила Беренис, — устраиваются пикники, из Лондона приезжают разные государственные деятели, министры, съезжается всякая светская публика, артисты, художники, так что, если иметь достаточно широкий круг знакомств, все двадцать четыре часа в сутки будут заполнены.

— Да, — отозвался Каупервуд, — обстановка как нельзя более благоприятная — тут можно с одинаковым успехом пойти в гору либо очутиться на дне, и то и другое может произойти очень быстро.

— Вот именно, — сказала Беренис, — но я-то как раз собираюсь пойти в гору.

И он опять невольно поддался ее невозмутимому оптимизму.

Тут агент, который отошел осмотреть, в порядке ли ограда, вернулся, и Каупервуд, так и не посоветовавшись с Беренис, заявил ему:

— Я только что говорил мисс Флеминг, что я охотно даю свое согласие на то, чтобы она с матерью сняли эту виллу, если она им нравится. Вы можете прислать все необходимые документы моему поверенному. Это, конечно, пустая формальность, но, вы понимаете, она входит в мои обязанности как опекуна мисс Флеминг.

— Понятно, мистер Каупервуд, — сказал агент, — но документы могут быть оформлены не раньше, чем через несколько дней, возможно в понедельник или во вторник, потому что агент лорда Стэйна, мистер Бейли, вернется только к этому времени.

Каупервуд почувствовал некоторое удовлетворение, услышав, что лорд Стэйн не изволит лично беспокоиться такого рода делами, — значит, пока что и его участие в этом деле не будет известно Стэйну. Ну а что будет дальше — об этом он предпочитал не думать.

28

После поездки с Сиппенсом и тщательного осмотра всех участков вновь проектируемых подземных линий Каупервуд окончательно убедился в необходимости заполучить концессию на Чэринг-Кросс — это безусловно даст ему в руки весьма важное преимущество. Он с нетерпением ожидал у себя в конторе Гривса и Хэншоу. Начало разговору положил Гривс:

— Мы желали бы знать, мистер Каупервуд, согласитесь ли вы взять пятьдесят один процент акций линии Чэринг-Кросс, при условии, что мы внесем соответственный нашей доле капитал для постройки линии.

— Соответственный? — переспросил Каупервуд. — Это зависит от того, что вы подразумеваете под этим. Если постройка обойдется в миллион фунтов стерлингов, можете ли вы гарантировать, что вы внесете примерно четыреста пятьдесят тысяч?

— Ну, конечно, не из нашего собственного кармана, — несколько нерешительно отвечал Гривс. — Но у нас найдутся люди, которые войдут с нами в пай и предоставят капитал.

— Насколько мне помнится, у вас не было таких людей, когда мы с вами виделись в Нью-Йорке, — сказал Каупервуд. — Поэтому я считаю, что тридцать тысяч фунтов стерлингов за пятьдесят один процент акций компании, которая не имеет на руках ничего, кроме концессии и долгов, — это предельная сумма, которую я могу предложить; Как я за это время выяснил, у вас здесь чересчур много всяких компаний с одними только правами и без шиллинга за душой. Если бы вы дали мне определенную гарантию внести четыреста пятьдесят тысяч, иначе говоря, примерно сорок девять процентов стоимости всей постройки, я бы, пожалуй, еще подумал о вашем предложении. Но поскольку вы просто хотите, чтобы я взял пятьдесят один процент, положившись на то, что вы потом соберете недостающий капитал и довнесете ваши сорок девять процентов, это меня отнюдь не устраивает. Ведь вы, в сущности, ничего не можете мне предложить, кроме ваших прав. А при таком положении вещей речь может идти только о передаче полного контроля. Потому что только контрольный пакет акций и даст мне возможность достать тот громадный капитал, который требуется на это дело. И вы, джентльмены, разумеется, должны понимать это лучше кого-либо другого. Поэтому, если вы еще не решили, подходят ли вам мои условия — тридцать тысяч фунтов за ваш опцион с сохранением за вами контракта на постройку дороги, а это мое последнее слово, — я полагаю, что нам с вами больше незачем продолжать разговор.

И он, достав из кармана часы, взглянул на циферблат, — этот красноречивый жест ясно дал понять Гривсу и Хэншоу, что если они сейчас же не дадут ему окончательного ответа, им придется уйти ни с чем. Они переглянулись, и после некоторой паузы Хэншоу сказал:

— Допустим, что мы согласимся уступить вам контроль, мистер Каупервуд, — но какая у нас будет гарантия, что вы немедленно приступите к постройке линии? Ведь если нам не будет предоставлена возможность развернуть строительные работы в пределах срока, указанного в контракте, я, признаться, не вижу, какая нам может быть от этого выгода?

— Я совершенно согласен с моим компаньоном, — вставил Гривс.

— На этот счет вы можете быть совершенно спокойны, джентльмены, — сказал Каупервуд. — Я готов дать вам письменное обязательство или подписать любой выработанный сообща договор, что если в течение шести месяцев со дня его подписания вам не будут предоставлены средства на постройку первого участка линии, наше соглашение с вами надлежит считать недействительным, и я сверх того обязуюсь уплатить вам десять тысяч фунтов неустойки. Вас это удовлетворяет?

Подрядчики, явно оживившись, снова многозначительно переглянулись. Они слышали, что Каупервуд в денежных делах хитер и прижимист, но что он в то же время аккуратно выполняет свои письменные обязательства.

— Тогда все в порядке! На такие условия можно согласиться, — сказал Гривс. — Ну, а как относительно дальнейшей работы на других участках?

Каупервуд захохотал.

— Вы плохо меня знаете, джентльмены. У меня в руках находятся две трети всего городского транспорта Чикаго. За двадцать лет я построил в этом городе тридцать пять миль наземных дорог, сорок шесть миль трамвайных путей и провел, кроме того, семьдесят пять миль загородных трамвайных линий, приносящих сейчас немалый доход. Я, так сказать, являюсь основным владельцем и хозяином этих предприятий. И ни один из моих пайщиков до сих пор не потерял на этом ни одного цента. Акции этих предприятий дают и сейчас свыше шести процентов прибыли. И если я расстаюсь с ними — не без выгоды для себя, — так это не потому, что предприятия эти недостаточно доходны, а исключительно из-за конкуренции и политических нападок, которыми меня донимали. Так вот, учтите, что ваша лондонская подземка интересует меня отнюдь не с денежной стороны. Вы сами затеяли это, не забывайте, что вы пришли ко мне, а не я к вам. Но не в этом дело. Я не имею привычки хвастаться и не собираюсь хвастаться. Что касается других участков — сроки и сумму издержек мы оговорим в контракте, но только вы, разумеется, по собственному опыту знаете, что тут надо будет учесть всякие непредвиденные задержки и случайности, которые неизбежно возникают в такого рода делах. Главное же, я полагаю, это то, что я готов заплатить вам сейчас наличными за ваш опцион и взять на себя все обязательства, вытекающие из контракта.

— Что вы скажете? — спросил Гривс, обращаясь к Хэншоу. — Я со своей стороны считаю, что мы сможем поладить с мистером Каупервудом не хуже чем с кем-нибудь другим.

— Отлично, — сказал Хэншоу. — Я готов.

— А как вы предполагаете оформить передачу мне вашего опциона? — осведомился Каупервуд. — Насколько я понимаю, вы должны сначала оформить ваши права на него в Электро-транспортной компании, прежде чем получить полномочия передать его мне.

— Совершенно верно, — ответил Хэншоу, мысленно прикидывая, как им в этом случае лучше поступить. Если они сначала будут оформлять дела с Электро-транспортной компанией, а потом с Каупервудом, это значит, что им придется не только выложить сейчас же наличными тридцать тысяч в уплату компании за опцион, но и раздобыть сверх того хотя бы на короткое время еще шестьдесят тысяч, чтобы осуществить передачу внесенного компанией гарантийного залога в государственных ценных бумагах.

А так как достать наличными такую громадную сумму — девяносто тысяч — дело нелегкое, Хэншоу решил, что куда проще было бы пойти к Джонсону и в правление Электро-транспортной компании и рассказать им все начистоту. Джонсон может созвать директоров, пригласить Каупервуда и его с Гривсом и оформить передачу прав за денежки Каупервуда. Эта идея показалась ему как нельзя более заманчивой.

— Я полагаю, что для обеих сторон всего целесообразнее было бы оформить передачу из рук в руки за один раз, — сказал он и тут же объяснил Каупервуду, каким образом это можно сделать, умолчав, разумеется, почему ему кажется это удобным. Но Каупервуд отлично понял и то, о чем Хэншоу предпочел умолчать.

— Хорошо, — сказал он, — если вы беретесь уладить это с вашими директорами, я не возражаю. Все это займет буквально несколько минут. Вы передаете мне ваш опцион и ценные бумаги государственного банка на шестьдесят тысяч или соответствующую расписку на эти бумаги, и я тут же передаю вам чеки на тридцать и на шестьдесят тысяч. А сейчас, я думаю, нам остается только набросать текст временного соглашения и вы подпишете его.

И он тут же позвонил секретарю и продиктовал основные пункты.

— Итак, джентльмены, — сказал Каупервуд, когда все они подписали документ, — я бы хотел, чтобы мы с вами теперь чувствовали себя не как продавцы и покупатели, но как союзники, взявшиеся сообща делать весьма важное дело, которое всем нам принесет хорошие плоды. Я даю вам слово отплатить за ваше ревностное сотрудничество не менее ревностным сотрудничеством со своей стороны. — И он крепко пожал руки обоим.

— Быстро мы с вами это провернули! — сказал Гривс.

Каупервуд улыбнулся.

— Надо полагать, это вот и называется у вас в Америке «ускоренный темп»? — прибавил Хэншоу.

— Просто трезвый подход к делу со стороны всех участвующих, — сказал Каупервуд. — Если это по-американски — хорошо, если по-английски — тоже хорошо. По не забудьте, что в данном случае это достигнуто при участии одного американца и двух англичан.

Как только они ушли, Каупервуд послал за Сиппенсом.

— Уж не знаю, де Сото, поверите ли вы мне, — сказал он вошедшему Сиппенсу. — Я только что купил эту самую вашу Чэринг-Кросс.

— Купили! — воскликнул Сиппенс. — Вот это здорово!

Он уже видел себя главным управляющим и организатором этой линии.

А Каупервуд в это время как раз думал, можно ли поручить такое дело Сиппенсу. Разве что на первое время, сдвинуть все это с места, а потом — вряд ли. Сиппенс такой непримиримый, заядлый американец, он, пожалуй, будет раздражать англичан, не сумеет ладить с воротилами лондонского финансового мира.

— Вот взгляните-ка, — сказал Каупервуд, протягивая ему лист бумаги, — предварительное, но тем не менее обязательное для обеих сторон соглашение Каупервуда с Гривсом и Хэншоу.

Сиппенс выбрал из пододвинутого ему Каупервудом ящика длинную в золотой обертке сигару и начал читать.

— Здорово! — воскликнул он, вынимая сигару изо рта и держа ее в вытянутой руке. — Ну и шум поднимется, когда об этом прочтут в Чикаго, в Нью-Йорке, да и здесь тоже! Да, черт возьми! Это прогремит на весь мир, стоит вам только сообщить в здешнюю прессу!

— Вот об этом-то я и хотел поговорить с вами, де Сото. Такая сенсация здесь, да еще сразу после моего приезда… Не знаю, какое это произведет впечатление… Боюсь, как бы это не отразилось… да нет, не у нас в Америке, — пусть они там себе удивляются и негодуют, — а вот на ценах здешних концессий… Они могут подскочить, и, по всей вероятности, так оно и будет, едва только это просочится в печать. — Он задумался. — В особенности, когда они прочтут, какая сумма будет выложена на стол сразу за одну эту крошечную линию. Подумайте, сто тысяч фунтов… И мне ведь и в самом деле придется тут же приступить к постройке или потерять на этом около семидесяти тысяч.

— Верно, патрон, — поддакнул Сиппенс.

— И сказать по правде, до чего все это бессмысленно, — задумчиво продолжал Каупервуд. — Лет нам с вами уже не мало, и вот мы зачем-то ввязываемся в эту новую авантюру, которая — удастся она или нет — ничего, в сущности, для нас с вами особенно интересного не представляет. Мы же не собираемся оставаться здесь навеки, де Сото, и ведь ни вы, ни я не нуждаемся в деньгах.

— Но вы же хотите построить дорогу, патрон?

— Да, я знаю, — сказал Каупервуд, — ну а что, собственно, нам это даст? Что человеку надо: поесть, выпить, развлечься, кто как умеет, вот, в сущности, и все. Я просто удивляюсь, с чего мы вдруг так взбудоражились. А вам это не кажется удивительным?

— Ну, что вы, патрон! Как я могу за вас говорить? Вы большой человек, и все, что вы делаете или не делаете, имеет значение. Ну а я — я смотрю на это как на своего рода игру, в которой я тоже участвую. Конечно, когда-то все это казалось мне гораздо более значительным, чем теперь. Может быть, так оно и было, потому что, если бы я не работал, не пробивался, жизнь прошла бы мимо меня; я не сделал бы многого того, что мне удалось сделать. И вот в этом-то, по-моему, вся суть: все время что-нибудь да делать. Жизнь — это игра, и хотим мы этого или нет, а приходится в ней участвовать.

— Так, так, — сказал Каупервуд, — ну, скоро вам придется напрячь все силы для этой игры, если мы возьмемся выстроить линию в срок.

И он дружески похлопал по спине своего маленького неутомимого помощника.

Беренис, когда он объявил ей о приобретении Чэринг-Кросс, решила отпраздновать событие: разве не она затеяла поездку в Лондон и новое начинание Каупервуда? И вот теперь, наконец, свершилось то, о чем она когда-то мечтала; она в самом деле приобщилась к настоящему деловому миру! Радуясь приподнятому настроению Каупервуда, она налила два бокала вина и предложила ему выпить за успех дела и пожелать друг другу удачи.

Когда они чокнулись, она не удержалась и спросила его с лукавым видом:

— А ты уже познакомился с этим твоим, или, вернее, нашим лордом Стэйном?

— Нашим? — расхохотался он. — Ты что, действительно считаешь его своим лордом?

— Своим и твоим, — ответила Беренис. — Ведь он может помочь нам обоим, разве не правда?

«Вот бесенок, — подумал Каупервуд, — сколько дерзости и самоуверенности у этой девчонки!»

— Правда, — спокойно ответил он. — Нет, я пока еще не познакомился с ним, но безусловно это весьма значительная фигура. Я убежден, что от него очень многое зависит. Но со Стэйном или без Стэйна, я уж теперь всерьез взялся за это дело.

— И со Стэйном или без Стэйна ты своего добьешься, — сказала Беренис. — Ты сам это знаешь, и я знаю. И тебе для этого решительно никто не нужен, даже и я! — И она тихонько погладила его по руке.

Весьма довольный состоявшейся сделкой, которая открывала ему перспективы для дальнейшей деятельности в Лондоне, Каупервуд решил нанести визит Эйлин. Он уже давно не имел никаких сведений о Толлифере, и это несколько беспокоило его, ибо он не видел возможности снестись с ним, не выдавая себя.

Входя в апартаменты Эйлин, расположенные рядом с его собственными, он услышал ее смех. Он прошел к ней в будуар и застал ее перед большим зеркалом, окруженную мастерицами и модистками из лондонского модного магазина. Она с озабоченным видом рассматривала свое отражение, в то время как горничная суетилась вокруг нее, оправляя складки нового платья. Кругом были разбросаны бумаги, картонки, кружева, образцы материй. Каупервуд с первого взгляда заметил, что элегантный наряд Эйлин отличается несомненно большим вкусом и изяществом, чем ее прежние кричащие туалеты. Две мастерицы, с булавками во рту, ползали вокруг нее на коленях, закалывая подол, под наблюдением весьма видной и прекрасно одетой дамы.

— Я, кажется, попал не вовремя, — сказал Каупервуд, останавливаясь в дверях, — но, если дамы не возражают, я не прочь изобразить собой публику.

— Иди сюда, Фрэнк, — позвала Эйлин, — я примеряю вечернее платье. Мы сейчас кончим. Это — мой муж, — сказала она, обращаясь к окружавшим ее женщинам. Они почтительно поклонились.

— Тебе очень идет этот светло-серый цвет, — сказал Каупервуд. — Он хорошо оттеняет твои волосы. Очень немногим женщинам к лицу такой цвет. Но я, собственно, зашел сказать тебе, что мы, по-видимому, задержимся в Лондоне.

— Вот как? — спросила Эйлин, слегка повернув голову в его сторону.

— Я только что заключил соглашение, о котором я тебе говорил. Остается еще оформить кое-какие подробности. Я думал, тебе интересно будет это узнать.

— Ах, Фрэнк, как замечательно! — радостно воскликнула Эйлин.

— Ну, я не хочу тебе мешать, у меня еще столько дела.

Эйлин сразу почувствовала его желание уйти, и ей захотелось показать ему, что она не собирается его удерживать.

— Да, кстати, — небрежно сказала она, — мне только что звонил мистер Толлифер, Он вернулся, и я пригласила его к обеду. Я сказала ему, что ты, может быть, не будешь обедать с нами, так как тебя могут задержать дела. Я думаю, он не обидится.

— Не знаю, удастся ли мне вырваться, во всяком случае я постараюсь, — сказал Каупервуд, но Эйлин прекрасно поняла, что эта фраза ровно ничего не значит.

— Хорошо, Фрэнк, — сказала она.

Каупервуд помахал ей рукой и вышел.

Она знала, что не увидит его теперь до утра, а то и дольше, но это его обычное равнодушие на сей раз не так огорчило ее. Толлифер, разговаривая с нею по телефону, извинился, что он так долго не давал о себе знать, и очень интересовался, не собирается ли она приехать во Францию. Эйлин несколько недоумевала, чем, собственно, она могла пленить такого блестящего молодого человека. Что может его привлекать в ней? Деньги, конечно! А все же он такой обаятельный! Приятно, когда такой человек интересуется тобой, и стоит ли задумываться о причинах.

Однако главная причина, почему Толлифер добивался приезда Эйлин во Францию — хотя это и вполне совпадало с желанием Каупервуда спровадить ее куда-нибудь из Лондона, — заключалась в том, что он сам чувствовал себя в плену головокружительного Парижа. В те времена, когда автомобили были еще редкостью, Париж представлял собой город, куда стекались для развлечения богачи со всего света — американцы, англичане, русские, итальянцы, греки, бразильцы, съезжавшиеся сюда швырять деньгами, которые позволяли существовать всем этим роскошным магазинам, великолепным цветочным павильонам, бесчисленным кафе с маленькими столиками, плетеными креслами и стульями под открытым небом, катаньям в Булонском лесу, скачкам в Отейле, опере, театрам, веселым кабаре, игорным заведениям и всяческим притонам.

Тогда-то и появился международный отель «Ритц», изысканные рестораны для ценителей тонкой кухни — «Кафе де ля Пэ», «Вуазен», «Маргери», «Жиру» и полдюжины других. А для поэтов, мечтателей, литераторов без сантима за душой был и оставался Латинский квартал. Для натуры артистической, для художника Париж был просто родной стихией, которая влекла и

вдохновляла в любое время года — в дождливые и снежные дни, солнечной весной и жарким летом и туманной осенью. Париж пел. Пела молодежь, песни ее подхватывали старики, и честолюбцы, и богачи, и даже неудачники и отчаявшиеся.

Не следует забывать, что в этом городе Толлифер впервые в своей жизни оказался с деньгами. Какое это было наслажденье — иметь возможность прекрасно одеться, остановиться в шикарном отеле, — вот как сейчас в «Ритце», — зайти, когда хочешь, в первоклассный ресторан, заглянуть в кулуары театров, в бары, раскланяться с друзьями, знакомыми!

Как-то раз в воскресенье в Булонском лесу Толлифер неожиданно встретился со своей бывшей пассией Мэриголд Шумэкер из Филадельфии, ныне миссис Сидни Брэйнерд. Когда-то девчонкой она была страстно влюблена в него, но он был беден, и она предпочла ему лонг-айлендского миллиардера Брэйнерда, к которому золото само текло рекой. Теперь у нее была своя яхта, стоявшая на якоре в Ницце. Увидя Толлифера, безупречно одетого, шествующего с видом победителя, она сразу вспомнила волнующее и романтическое увлечение своей юности. Она дружески окликнула его, познакомила со всей своей свитой и дала ему свой парижский адрес. Эта встреча с Мэриголд и ее друзьями распахнула перед Толлифером многие двери, которые столько времени были для него закрыты.

Но как же теперь быть с Эйлин? Не так-то все это просто. Ему придется пустить в ход всю свою изобретательность, чтобы, занимая Эйлин, не упускать из вида в то же время и собственных интересов. Придется поискать для нее какую-нибудь приманку, которая поможет ему создать для нее видимость светской жизни. Он сразу же бросился наводить справки в разных отелях о знакомых актрисах, музыкантах, танцовщицах, певцах. Ему без труда удалось сговориться с ними, так как он обещал им возможность попировать на чужой счет. Обеспечив, таким образом, средства для развлечения Эйлин, если она приедет в Париж, он перенес свое внимание на модных портных — туалеты Эйлин казались ему далеко не удовлетворительными, но Толлифер полагал, что если осторожно натолкнуть ее, дать несколько тактичных советов, это дело легко поправить, а тогда уж ему можно будет, не стесняясь, ввести ее в круг своих друзей.

Один из его чикагских приятелей представил его некоему аргентинцу, Виктору Леону Сабиналю, и это оказалось весьма полезным знакомством. Сабиналь, молодой человек из хорошей состоятельной семьи, приехал в Париж несколько лет назад с деньгами и рекомендательными письмами, которые сразу открыли ему доступ в самые разнообразные круги этой космополитической столицы. Но, очутившись в Париже, молодой аргентинец дал волю своей необузданной натуре и пустился во все тяжкие; он промотал все, что у него было, и в конце концов истощил терпение своих великодушных родителей. Они наотрез отказались давать ему деньги на его разгульную жизнь, и Сабиналю, так же как и Толлиферу, пришлось изворачиваться самому. Попытки поживиться на счет друзей мало-помалу привели к тому, что все приличные, солидные люди захлопнули перед ним двери.

Однако кое-кто из его друзей не забывал, что Сабиналь — сын весьма состоятельных родителей, которые, наверно, когда-нибудь сменят гнев на милость и простят своего сына. А это значит, что со временем у него будут деньги, и тогда кое-что перепадет и его друзьям. Поэтому около него остался кружок легкомысленных и более или менее способных на все руки приятелей: актеры, военные, прожигатели жизни всех национальностей, интересные молодые люди и дамы, искатели приключений и легкой наживы. В то время, когда Толлифер познакомился с ним, аргентинцу, благодаря его связям с французской полицией и политиканами, удалось открыть некое веселое, приятное и вполне приличное заведенье, куда допускались только его знакомые, которые в то же время являлись и попечителями этого предприятия.

Сабиналь был высокий стройный брюнет. В его длинном, узком, смуглом лице было что-то почти зловещее. Под необыкновенно высоким лбом один глаз, наполовину закрытый опущенным веком, казался узенькой черной щелкой, другой, блестящий, широко раскрытый и совершенно круглый, производил впечатление стеклянного. Верхняя губа у него была тонкая, а нижняя, не лишенная приятности, забавно выдавалась вперед; ровные крепкие зубы сверкали ослепительной белизной. Его длинные узкие руки и ноги, как и все его длинное, тонкое тело, отличались необыкновенной гибкостью и силой. В нем как-то странно сочетались неуловимая грация, хитрость и своеобразное, но весьма опасное обаяние. Чувствовалось, что этот человек не остановится ни перед чем, и плохо придется тому, кто перейдет ему дорогу.

Заведение Сабиналя на улице Пигаль было открыто и днем и ночью. Приходили днем выпить чаю и оставались до утра. Обширное помещение на третьем этаже, куда поднимались в маленьком лифте, было отведено для азартных игр. Во втором этаже помещался небольшой бар с весьма расторопным барменом, соотечественником Сабиналя; в случае надобности он брал себе одного-двух, а иногда даже и трех помощников. В нижнем этаже находились прихожая, гостиная, кухня, а кроме того, картинная галерея с очень недурными картинами и довольно занятная библиотека. При доме имелся прекрасный винный погреб. Шеф-повар, тоже аргентинец, отпускал закуски, чай, обыкновенные и экстренные обеды и даже утренние завтраки; за все это платы с гостей он не брал, а получал только чаевые.

Познакомившись с Сабиналем, Толлифер сразу почувствовал в нем родственную натуру, однако с гораздо более широкими возможностями. Он с удовольствием принял приглашение посетить его особняк; Он познакомился там с весьма интересными личностями: банкирами и законодателями Франции, русскими великими князьями, южноамериканскими миллионерами, греческими банкометами и тому подобной публикой и сразу решил, что здесь-то и можно будет найти для Эйлин компанию, которая покажется ей избранным великосветским кружком.

Воодушевленный этим знакомством, Толлифер приехал в Лондон в самом радужном настроении. Позвонив по телефону Эйлин и условившись с ней о свидании, он посвятил остаток дня заботам о своем гардеробе. Он побывал во всех модных магазинах на Бонд-стрит и полностью экипировался для летнего сезона. Вечером он отправился в отель к Эйлин, решив предусмотрительно, что на сей раз он не будет разыгрывать влюбленного. Он будет просто бескорыстным другом — она нравится ему как человек, и ему, безо всяких задних мыслей, по-дружески хочется предоставить ей возможность повеселиться, поскольку у него здесь широкий круг светских знакомых, а она тут одна и очень скучает.

Едва только Толлифер вошел и они поздоровались, Эйлин сразу начала рассказывать ему о своей поездке с Каупервудом в усадьбу лорда Хэддонфилда.

— Хэддонфилд?.. — перебил ее Толлифер. — Ах, да, припоминаю. Несколько лет тому назад он приезжал в Америку. Мы с ним познакомились, кажется, в Ньюпорте или в Саутгэмптоне. Забавная фигура. Он, знаете, очень любит умных людей.

Сказать правду, Толлифер никогда не встречался с Хэддонфилдом и знал о нем только понаслышке. Но он тут же заговорил о Париже, заметив вскользь, что, приехав сегодня в Лондон, он уж успел позавтракать с леди Лессинг, — Эйлин, наверно, читала о ней в утренней газете, в отделе светской хроники.

Эйлин слушала его с восхищением и все больше недоумевала — а почему, собственно, этот Толлифер так сильно интересуется ею. Ясно, что никакой поддержки в обществе ему от нее не требуется. Может быть, он рассчитывает добиться чего-нибудь от Фрэнка? Возможно, но только вряд ли у него из этого что-нибудь выйдет, не такой человек Каупервуд, чтобы к нему можно было подъехать и добиться чего-то, ухаживая за его женой. Эйлин терялась в догадках, но в конце концов, несмотря на всю свою подозрительность, решила остановиться на том, что, может быть, и впрямь этот Толлифер просто находит удовольствие в ее обществе…

Они пообедали в ресторане «Принц», и Толлифер в течение всего вечера занимал ее рассказами о том, как весело можно сейчас провести время в Париже, и уговаривал ее поехать туда. Он прямо-таки бредил Парижем!

— Ну, а почему бы — если ваш супруг так уж занят — вам не отправиться со мной? — спросил он. — В Париже так интересно! Вы сможете везде побывать, все посмотреть, накупить всяких вещей. В этом году в Париже так весело, как еще никогда не бывало.

— Мне, правда, ужасно хотелось бы поехать! — призналась Эйлин. — И в самом деле, мне надо кое-что купить. Но я не знаю, сможет ли муж поехать со мной.

Толлифер выслушал ее с улыбкой и очень мягко выразил свое удивление.

— Мне думается, — сказал он, — всякий занятой супруг может отпустить свою жену хотя бы на две недели за покупками в Париж.

И Эйлин, прельщенная возможностью развлечься в обществе своего новообретенного друга, воскликнула:

— Знаете что? Я завтра же спрошу Фрэнка и скажу вам!..

После обеда Толлифер предложил ей пойти на журфикс к Сесили Грант — актрисе из сатирического обозрения и, как он заметил вскользь, возлюбленной графа Этьена Лебара, очень милого француза, которого знает весь Лондон. По вторникам у Сесили собирался запросто интимный кружок. Толлифер сказал, что Сесили будет очень рада и ему и Эйлин.

Среди гостей, собравшихся у Сесили Грант, блистала некая эксцентрическая графиня, муж которой был пэром Англии. Эйлин, почувствовав себя приобщенной к высшему свету, теперь окончательно убедилась, что Толлифер безусловно принадлежит к самому избранному обществу и обладает такими связями, каким может позавидовать даже и Каупервуд. И тут же она решила, что непременно поедет в Париж.

30

Разумеется, Гривс и Хэншоу не замедлили посвятить Джонсона во все подробности своих переговоров и состоявшейся сделки с Каупервудом. Ибо Джонсон и лорд Стэйн, как и большинство пайщиков Электро-транспортной компании, были так или иначе заинтересованы во вновь проектируемых подземных линиях, и Гривсу и Хэншоу, как инженерам, важно было заручиться их расположением. Они считали, что как техническая сторона дела, так и соображения добропорядочности дают им право переуступить свой опцион кому угодно и поэтому не собирались делать из этого секрета. Прежде всего опцион принадлежал

им, и, следовательно, они могли распоряжаться своим опционом как угодно, а кроме того, если даже у них когда-то и был разговор с Джонсоном о том, чтобы поставить его в известность, если они найдут покупателя, — они ничего ему не обещали, а ответили просто, что подумают. О беседе Джонсона с Джеркинсом и Клурфейном им ничего не было известно. Джонсон, со своей стороны, когда ему доложили о Гривсе и Хэншоу, чрезвычайно заинтересовался и ждал с нетерпением, что они ему скажут.

В первую минуту, когда они сообщили ему о своей сделке, он с досадой подумал, что все козыри, с помощью которых он рассчитывал с самого начала осадить Каупервуда, ушли у него из рук. Но мало-помалу перспектива войти в дело с американцем стала казаться ему менее неприятной и даже вполне осуществимой. Особенно подкупило его в пользу Каупервуда то, что этот заокеанский воротила готов был разом выложить на стол тридцать тысяч фунтов стерлингов плюс еще шестьдесят тысяч за перечисление на его имя ценных бумаг и сверх того десять тысяч гарантийных, которых он не получит обратно, если не приступит к постройке в течение года. По всей видимости, покупка линии Чэринг-Кросс была для него только зацепкой, а на самом деле, как утверждал Джеркинс, у Каупервуда значительно более широкие планы: он несомненно имеет в виду объединение в дальнейшем всей лондонской подземной сети. А если так, то почему бы им в конце концов не взяться сообща за это дело и не войти со Стэйном в предприятие Каупервуда, прежде чем он успеет привлечь кого-либо другого? Во всяком случае ему и Стэйну необходимо побеседовать с Каупервудом, и об этом можно будет сговориться на заседании в конторе Каупервуда, где он, Джонсон, будет присутствовать в качестве официального лица при передаче линии Чэринг-Кросс.

В половине двенадцатого, в день заседания, Каупервуд сидел у себя в конторе, рассеянно слушая Сиппенса, который, расхаживая взад и вперед, излагал ему свои соображения. Каупервуд был как-то необыкновенно задумчив. Не поступил ли он несколько опрометчиво? Ведь это — чужая страна, и он не имеет ни малейшего представления о здешних порядках, обычаях. Разумеется, если он приобретет опцион, из этого еще не следует, что он потом не сможет сбыть его с рук, — но, с другой стороны, как ни верти, во всей этой истории есть что-то поистине неотвратимое. Потому что если теперь, после того как он заполучил этот опцион, он сам выпустит его из рук, это будет иметь такой вид, будто он, Каупервуд, попробовал взяться за дело, на которое у него не хватает ни мужества, ни средств.

Тут в кабинет вошли Джеркинс с Клурфейном. На лицах их было написано сознание важности порученной им роли — ведь сам Каупервуд обещал вознаградить их за проявленное ими необыкновенное рвение. Следом за ними появился секретарь Сиппенса мистер Дентон и агент Сиппенса — мистер Остэд. Затем явился мистер Китередж, преемник Сиппенса по управлению чикагскими пригородными дорогами Каупервуда, приехавший в Лондон, чтобы обсудить с патроном кое-какие чикагские дела. Последним пришел Оливер Бристол, молодой, но весьма пронырливый и дошлый юрисконсульт Каупервуда, командированный в Англию, дабы ознакомиться на месте с замысловатой системой ведения финансовых дел в Англии. Сегодня он впервые должен был выступить в роли юриста и законоведа. Каупервуд умышленно окружил себя на этот раз столь многочисленной свитой не только для того, чтобы иметь достаточное количество свидетелей при оформлении сделки, но и для того, чтобы создать возможно более торжественную обстановку и произвести впечатление на англичан.

Наконец ровно в двенадцать в дверях появились мистер Гривс и мистер Хэншоу в сопровождении группы полномочных представителей Электро-транспортной компании — Джонсона, Райдера, Келторпа и Делафилда. Мистер Келторп был не кто иной, как председатель компании, мистер Райдер — вице-председатель, мистер Джонсон — юрисконсульт. Когда они вошли в кабинет и очутились лицом к лицу с знаменитым миллионером, окруженным своими приближенными и поверенными, это внушительное зрелище явно возымело свое действие.

Каупервуд поднялся им навстречу и очень тепло и дружески поздоровался с Гривсом и Хэншоу, после чего те с помощью Джеркинса и Сиппенса познакомили друг с другом всех многочисленных участников этого знаменательного заседания. Больше всех других внимание Каупервуда, а также и Сиппенса привлек Джонсон. Каупервуд заинтересовался им, потому что был осведомлен о его связях, а Сиппенс — тот с первого взгляда почувствовал в нем соперника. Властная самоуверенность этого человека и что-то почти величественное в его фигуре, когда он, откашлявшись, внимательно оглядел всех собравшихся, словно ученый энтомолог, осматривающий свои коллекции насекомых, — все это ужасно возмущало Сиппенса. И не кто иной как этот Джонсон и открыл заседание.

— Итак, мистер Каупервуд, и вы, уважаемые джентльмены, — начал он, — я полагаю, что все мы достаточно осведомлены о существе дела, которое привело нас сюда. И потому осмелюсь заметить — чем скорей мы приступим, тем скорей мы и покончим с этим делом.

«Скажите на милость!» — презрительно фыркнул про себя Сиппенс.

— Дельное замечание, присоединяюсь… — сказал Каупервуд и, нажав кнопку звонка, приказал Джемисону принести чековую книжку и папку с договорами.

Джонсон вынул из большого кожаного портфеля, который подал ему стоявший позади него конторский мальчик, инвентарные и бухгалтерские книги Электро-транспортной компании, затем печать, опцион и положил все это на письменный стол Каупервуда. Каупервуд вместе с Бристолем и Китереджем тщательно ознакомился со всем этим.

После того как они внимательно проверили все документы, расходные ордера и платежные обязательства, Гривс вручил Каупервуду опцион, который они с Хэншоу уступали ему, а Электро-транспортная компания, в лице своих полномочных представителей, засвидетельствовала полную его законность. Мистер Делафилд, секретарь и казначей Электро-транспортной компании, предъявил копию акта, удостоверяющего право компании на постройку линии Чэринг-Кросс. После этого мистер Блэндиш из банка Лондонского графства предъявил документ, удостоверяющий, что Фрэнк Алджернон Каупервуд передал на хранение в этот банк государственные ценные бумаги на сумму в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов. Бумаги эти перейдут в собственность мистера Каупервуда тотчас же по представлении чека на указанную сумму.

Затем Каупервуд подписал и вручил мистеру Гривсу и мистеру Хэншоу чек на тридцать тысяч фунтов стерлингов, который тут же был заприходован Электро-транспортной компанией. Уполномоченный компании передал Гривсу и Хэншоу парламентскую лицензию на Чэринг-Кросс, а те, в свою очередь, сделав на ней передаточную надпись, тут же вручили ее Каупервуду. Засим Каупервуд выписал чек на шестьдесят тысяч фунтов стерлингов и получил в обмен на него от уполномоченного банка Лондонского графства документ, подтверждающий его право на владение ценными бумагами. Вслед за этим он вручил Гривсу заверенное должным образом непереуступаемое гарантийное обязательство на сумму в десять тысяч фунтов сроком на год. На этом заседание закрылось при всеобщем воодушевлении, которое едва ли могло быть отнесено на счет подобной деловой процедуры. Несомненно, оно относилось к Каупервуду и свидетельствовало о том впечатлении, какое он произвел на всех присутствующих. Наглядным доказательством тому был Келторп, председатель Электро-транспортной компании, тучный блондин лет пятидесяти, который явился сюда отнюдь не расположенный потакать этим американцам, протягивающим лапы к лондонской подземной сети. Однако столь молниеносный образ действий Каупервуда явно покорил его. Райдер внимательно разглядывал костюм Каупервуда, его превосходно сшитую песочного цвета пару, агатовые запонки в изящной золотой оправе, светло-коричневые ботинки. Да, Америка, как видно, вырастила новый, совершенно особый тип дельца. Такой человек, стоит ему только захотеть, может стать большой силой в лондонских деловых кругах.

Джонсон заключил про себя, что Каупервуд в данном случае проявил несомненную проницательность и даже некоторую вполне допустимую хитрость. Разумеется, это беспощадный делец, но при столкновении различных интересов и при всяких жизненных препятствиях таким, в сущности, и следует быть. Он уже совсем было собрался уходить, когда к нему подошел Каупервуд.

— Я слышал, мистер Джонсон, — сказал он, приветливо улыбаясь, — что вы сами интересуетесь вашим подземным транспортом.

— Да, до некоторой степени, — учтиво и вместе с тем осторожно отвечал Джонсон.

— Если я правильно осведомлен через моих поверенных, вы являетесь более или менее экспертом по вопросам, связанным с железнодорожными концессиями? Я прошел школу за океаном и, сказать вам по правде, чувствую себя здесь совсем новичком. Если вы ничего не имеете против, я был бы очень рад побеседовать с вами как нибудь на днях. Что, если бы мы с вами позавтракали или пообедали — хотя бы у меня в отеле или в каком-нибудь другом месте, где нам не помешают?

Они условились встретиться во вторник на следующей неделе в отеле «Браун».

Когда все вышли и в кабинете остался только Сиппенс, Каупервуд повернулся к нему и сказал:

— Ну вот, де Сото. Приобрели еще кучу хлопот. А что вы скажете про этих англичан?

— Да между собой-то они, может, и ничего, умеют поладить, — угрюмо отвечал Сиппенс, который все еще никак не мог подавить своего раздражения, так обозлил его этот Джонсон. — Но вам, патрон, надо быть с ними настороже. Вам надо около себя верных людей иметь, своих людей, патрон, чтобы было на кого опереться.

— Так-то оно так, де Сото, — протянул Каупервуд, прекрасно понимая, что, собственно, имеет в виду Сиппенс. — Но, с другой стороны, боюсь, что мне придется взять в дело кое-кого из здешней публики, без этого не обойдется. Нельзя же рассчитывать на то, что они так сразу и согласятся, чтобы в таком крупном предприятии орудовали одни американцы. Вы это и сами понимаете.

— Совершенно верно, патрон. Но только все-таки вам надо собрать побольше своих американцев, чтобы здешние дельцы вас не обморочили.

Но Каупервуд уже решил про себя, что разумней будет привлечь к делу группу вот таких добропорядочных и энергичных англичан, как Джонсон, Гривс, Хэншоу и даже этот невозмутимый тип Райдер, который рта не раскрыл на заседании, но так внимательно разглядывал его. Здесь, где ему придется сразу развернуть дело и действовать решительно, кое-кто из его давних американских сотрудников окажется ему неподходящим. Он хорошо знал, что в деловом мире в критическую минуту на одном

чувстве далеко не уедешь. Если жизнь чему-нибудь научила его, так именно этому. И он был отнюдь не склонен пренебрегать жестокими уроками своего беспощадного, но в высшей степени полезного, учителя.

31

Несмотря на то, что обе стороны условились не давать до поры до времени в прессу никаких сведений о продаже или покупке линии Чэринг-Кросс, тем не менее новость эта как-то просочилась, — возможно, в результате разговоров Райдера, Келторпа и Делафилда. Все трое — пайщики и члены правления Электро-транспортной компании, которая теперь выпустила из рук свое имущество, — будучи озабочены неопределенностью положения, частенько обсуждали этот вопрос. Короче говоря, не прошло и нескольких дней, как Каупервуда со всех сторон начали осаждать репортеры, жаждущие услышать из его уст подтверждение распространившихся слухов.

Каупервуд, не считая нужным молчать об этом, сообщил им, что передача Чэринг-Кросс уже оформляется и в ближайшее время будет должным образом зарегистрирована. Между прочим, он тут же добавил, что приехал в Лондон отнюдь не с целью что-либо покупать, ибо его предприятия в Америке требуют от него массу времени и сил, но что здесь, в Лондоне, кое-кто из предпринимателей, связанных с прокладкой подземной дороги, обратился за советом к нему как к специалисту в области финансирования и эксплуатации городского транспорта. В результате подобного рода совершенно частных разговоров он и приобрел линию Чэринг-Кросс и обещал посмотреть и обсудить кое-какие другие проекты. Выльется ли это в дальнейшем в объединение лондонского подземного транспорта и возьмется ли он за постройку сети, этого он сейчас сказать не может, ему прежде нужно основательно познакомиться с местными условиями и возможностями.

В чикагской прессе это заявление вызвало бешеную, остервенелую ругань. Этот прожженный плут, только что вышвырнутый из нашего города, осмеливается явиться в Лондон и с помощью своих капиталов и присущей ему хитрости и нахальства втирается в доверие к властям английской столицы, которые предоставляют ему разрешить проблему лондонского подземного транспорта! Нет, это что-то неслыханное! По-видимому, англичанам просто не пришло в голову поинтересоваться прошлым этого уголовника! Но как только они познакомятся с его биографией, — и, конечно, они с этим медлить не станут, — его там не потерпят ни минуты. Можно с уверенностью сказать, что в Лондоне его постигнет та же участь, что и в Чикаго, где он за время своего пребывания восстановил против себя всех и до сих пор вызывает всеобщую ненависть. Не менее лестные заметки появились вслед за тем во многих других городах, в целом ряде американских газет, чьи редакторы и репортеры следовали примеру Чикаго.

С другой стороны, в лондонской прессе отклик был как нельзя более благожелательный, — да оно, впрочем, и неудивительно, ибо ее общественные, финансовые и политические высказывания отличаются крайней деловитостью и отнюдь не руководствуются молвой. «Дейли мейл» выразила мнение, что такой финансист и организатор, как мистер Каупервуд, может блестяще разрешить проблему лондонского подземного транспорта, который с его устаревшим оборудованием давно уже не удовлетворяет потребностям населения столицы. «Кроникл» сетовала на отсутствие инициативы у английских финансистов и благочестиво уповала на то, что если американец по ту сторону океана, где-то в Чикаго, сумел понять, что им нужно, так, может быть, теперь лондонские предприниматели проснутся и начнут действовать сами. Примерно такого же рода заметки появились в «Таймс», «Экспресс» и других газетах.

На взгляд Каупервуда эти заметки с чисто финансовой точки зрения не предвещали ничего доброго. Они привлекут к его затее внимание не только английских, но и американских дельцов, и против него подымется травля. И он оказался прав. Как только слухи о продаже линии Чэринг-Кросс получили официальное подтверждение и в газетах появились новые заметки о том, что к Каупервуду обращаются с разными предложениями и что он, по-видимому, склонен уделять внимание вопросам лондонского подземного транспорта, — все крупные пайщики Районной и Метрополитен — двух линий, которые давно уже подвергались вполне справедливым упрекам, — пришли в яростное негодованье и единодушно решили противостоять его махинациям.

— Каупервуд! Каупервуд! — фыркал лорд Колвей, крупный акционер и один из двенадцати директоров компании Метрополитен и компании Сити — Южный Лондон; Колвей имел обыкновение читать газету за утренним завтраком; справа от него на столе — по соображениям чисто принципиальным — лежала «Таймс», но он сидел, уткнувшись в свою любимую «Дейли мейл». — Что эта за птица такая, этот Каупервуд? Не иначе как один из этих американских выскочек, которые таскаются по всему свету и суются не в свои дела. И какие-то у него уже советчики завелись! Любопытно, кто это? Уж не Скэрр ли с этим его дурацким проектом Бейкер-стрит — Ватерлоо? Или, может быть, Уиндэм Виллетс с его затеей Дептфорд — Бромлей? Ну и, разумеется, еще эти инженеришки, Гривс и Хэншоу! Им явно не терпится заполучить какой ни на есть подряд. А уж эта Электро-транспортная компания, ей только бы руки себе развязать — как ни как, лишь бы разделаться.

Не меньше Колвея возмущался сэр Гудспет Дайтон, директор Районной и пайщик Метрополитен. Ему уже перевалило за семьдесят пять, человек он был в высшей степени консервативный и отнюдь не склонен был поощрять какие бы то ни было нововведения в лондонском подземном транспорте, в особенности если это грозило серьезными расходами. Никогда ведь нельзя сказать — окупятся они впоследствии или нет. Он встал в половине шестого и, прочитав газету за утренним чаем, теперь потихоньку прохаживался среди цветочных грядок и клумб в своем поместье в Бренфорде. Что за народ эти американцы, откуда это у них такая страсть ко всяким новшествам? Конечно, лондонская подземка не дает того дохода, который она могла

бы давать, это так. И, разумеется, оборудование в известной мере можно было бы обновить, и даже с выгодой. Но с какой же стати «Таймс» и «Мейл» вздумали трезвонить об этом? И именно в связи с приездом этого американца, который безусловно смыслит в этом деле ничуть не больше, чем любой предприниматель из англичан. Ведь это не что иное, как дискредитация своих собственных британских возможностей. Просто нелепо. Англия всегда правила и будет править миром. Никакой посторонней помощи ей не требуется. Итак, сэр Гудспет Дайтон объявил себя решительным противником всякого вмешательства иностранцев в разрешение проблемы лондонского подземного транспорта.

Точно такую же позицию занял и сэр Уилминггон Джимс, живший в своем загородном доме в Уимбли-Парке. Он был тоже одним из директоров Районной и отнюдь не возражал против переоборудования и расширения подземной сети. Но при чем тут американец? Будет возможность, — и англичане отлично управятся с этим сами.

И примерно такого же мнения, как эти три почтенных джентльмена, придерживалось большинство директоров и крупных пайщиков акционерных компаний Метрополитен, Районной и некоторых других.

Больше всех энергии и решительности проявил Колвей. Он сразу перешел в наступление. С раннего утра в тот же день он отправился в обход директоров и прежде всего явился к Стэйну — выяснить его точку зрения и обсудить, какие следует принять меры. Но Стэйн, у которого по рассказам Джонсона и по газетным заметкам сложилось скорей благоприятное мнение о Каупервуде, отвечал Колвею в высшей степени осторожно. Проект Каупервуда, на его взгляд, вещь вполне естественная, то, что напрашивается само собой. И все, за исключением разве уж самых неисправимых ретроградов, прекрасно понимают, что так именно давно и следовало подойти к делу. А сейчас, в связи с этим американским проектом новой конкурирующей сети, разумеется, надо созвать совещание директоров обеих компаний и вместе найти какой-то выход.

От Стэйна Колвей отправился к сэру Уилмингтону Джимсу. Он застал его в полном расстройстве чувств.

— Сто шансов против одного, вы понимаете, Колвей, — сказал он, — сто против одного: если мы не объединимся с Метрополитен, этот субъект сумеет набрать себе достаточно пайщиков в обеих компаниях, и тогда, будьте покойны, он нас проглотит, как удав. Ну, разумеется, я готов примкнуть к вам, мы должны дать отпор этому американцу; можете на меня положиться, мы будем бороться до тех пор, пока наши дивиденды находятся под охраной закона.

Заручившись этой поддержкой, Колвей отправился дальше и обошел всех директоров, которых ему посчастливилось застать. Семеро из двенадцати оценили в должной мере важность его предупреждений. В результате та и другая компания созвали в ближайшую пятницу экстренные заседания директоров, и на этих заседаниях большинством голосов было решено провести на следующей неделе в четверг совместное совещание директоров обеих компаний, дабы обсудить создавшееся положение.

Стэйн и Джонсон, не ожидавшие такой прыти от своих компаньонов, встретились потолковать об этом событии. В связи с предстоящим свиданием Джонсона с Каупервудом это совместное совещание директоров обеих компаний представлялось Стэйну как нельзя более своевременным и в высшей степени любопытным.

— Будьте покойны, — заметил Джонсон, — ему все решительно о нас известно через этого Джеркинса, и теперь он хочет нас пощупать.

— Ну что ж, — сказал Стэйн, — пора поддать пару в котел! До тех пор, пока этот Каупервуд чего-нибудь не предпримет, ни Районная, ни Метрополитен с места не сдвинутся. Сейчас они как будто зашевелились, но вряд ли это приведет к каким-нибудь серьезным результатам. Ну, можно ли ожидать, что они решатся на полное переоборудование подземки, если они до сих пор не могут столковаться и объединить обе свои ветки кольцевой линии, не говоря уже о том, чтобы электрифицировать их общими силами и пустить сквозные поезда? Пока Каупервуд не сдвинет все это с мертвой точки, они и пальцем не шевельнут. По-моему, нам надо держаться за него до тех пор, пока мы не выясним, какие у него, собственно, планы и какие шансы на то, чтобы их осуществить. А тогда уж мы сможем решить, представляет ли это реальный интерес для нас с вами. Пока у нас нет полной уверенности, что наша публика из Метрополитен и Районной раскачается предпринять нечто в этом же роде и сделает нужные шаги, я полагаю, нам надо держаться Каупервуда, ну а потом — потом будет видно; тогда, если понадобится, можно будет и с нашими столковаться.

— Совершенно правильно! — вставил Джонсон. — Вполне разделяю вашу точку зрения, во всяком случае теоретически. Но не забудьте, что мое положение в этом деле несколько отличается от вашего. В качестве пайщика той и другой компании я безусловно присоединяюсь к вашему мнению, что от теперешних наших заправил многого не дождешься. Но в качестве юрисконсульта обеих компаний я должен быть весьма и весьма осторожен, ибо в моем двойственном положении необходимо взвешивать каждый шаг, и неизвестно, как это все может для меня обернуться. Вы сами понимаете, я не могу быть советником и той и другой стороны. Я считаю своим долгом и от души желаю, не становясь ни на ту, ни на другую сторону, тщательно разобраться в этом деле и постараться как-нибудь объединить английские и американские интересы. Полагаю, что меня, как юрисконсульта, не может скомпрометировать то, что мистер Каупервуд обратился ко мне, желая выяснить отношение к нему

здешних кругов. Ну а в качестве пайщика компаний, я думаю, мне не возбраняется решать самому, какой проект лучше, и на правах частного лица поступить соответственно. Надеюсь, у вас нет никаких этических возражений по этому поводу?

— Решительно никаких! — засмеялся Стэйн. — На мой взгляд, это вполне честная и правильная позиция для нас обоих. А если они будут возражать, — их дело. Нас это не должно беспокоить. Ну а мистер Каупервуд, конечно, сам может позаботиться о себе.

— Очень рад, что вы так думаете, — сказал Джонсон. — Меня, признаться, это несколько смущало, но теперь, я полагаю, все устроится. И во всяком случае от этой моей беседы с Каупервудом никому вреда не будет. А потом, если это покажется вам интересным, мы можем с вами предпринять в этом направлении кое-какие шаги — уже втроем, — осторожно добавил он.

— Ну да, разумеется втроем, — подтвердил Стэйн. — И как только у вас будет что-нибудь конкретное, вы сейчас же дайте мне знать. Во всяком случае, — прибавил он, потягиваясь и снимая со стола свои длинные ноги, — кое-чего мы с вами добились — подняли медведей от спячки. Вернее, Каупервуд сделал это за нас. Теперь нам надо притаиться и выждать, посмотрим, куда они ринуться.

— Вот и я так думаю! — сказал Джонсон. — А после разговора с Каупервудом во вторник я тотчас же к вам наведаюсь.

32

Обед в отеле «Браун» оказался чреват серьезнейшими последствиями не только для Джонсона и тех лиц, чьи интересы он представлял, но также и для Каупервуда и всего, чего он стремился достигнуть, хотя ни Джонсон, ни Каупервуд в то время отнюдь не сознавали этого.

Каупервуду, разумеется, очень скоро стало известно, что Джонсон сильно озабочен недовольством директоров и пайщиков акционерных компаний лондонского подземного транспорта и что если он сначала воодушевился широкими замыслами американского финансиста, то сейчас он предпочитает выждать и не становиться ни на чью сторону до тех пор, пока не будет знать определенно, что, собственно, намеревается предложить им Каупервуд. Однако Каупервуд с удовлетворением обнаружил, что Джонсона чрезвычайно прельщает перспектива крупных доходов от будущей переоборудованной и усовершенствованной подземной сети, и он, в сущности, очень не прочь стать его компаньоном, если это окажется возможным. А так как Каупервуд стремился восстановить свою репутацию в глазах общества и реабилитировать себя в финансовых кругах, он склонен был предоставить Джонсону эту возможность. Он начал разговор с того, что попросил Джонсона сказать ему прямо, не скрывая, какие затруднения и препятствия неизбежно возникают перед иностранцем, задумавшим взяться за подобного рода предприятие.

Такая откровенная постановка вопроса сразу обезоружила Джонсона, и он честно, без обиняков рассказал Каупервуду, как обстоит дело. Он, в сущности, повторил примерно то же, что говорил Стэйну о своем двойственном положении, и не счел нужным скрывать, что нежеланье его хозяев считаться с крупными социальными и экономическими переменами, которые как ни медленно, но с полной очевидностью совершаются в Англии, — это ничем не оправданное упрямство, даже, прямо сказать, тупоумие. Он сказал, что у них и до сего времени нет сколько-нибудь реального, трезвого представления о том, как подойти к этой задаче. А интерес, который у них теперь появился к подземке, вызван не серьезным намерением разрешить наболевший вопрос, а просто завистью и страхом, как бы чужеземец не выхватил это дело из их рук. Печально признаваться в этом, но это факт. И как бы ни хотелось ему примкнуть к Каупервуду и поддержать его безусловно разумное начинание — у него связаны руки, ибо если его, юрисконсульта Метрополитен и Районной, заподозрят в содействии иностранцу, задумавшему захватить лондонскую подземную сеть, — никому в голову не придет, что он руководствуется своими частными интересами пайщика, — он вызовет всеобщее негодование, лишится всех своих связей и возможности что-либо делать; так что его положение в высшей степени затруднительно.

Тем не менее Джонсон считал, что со стороны Каупервуда попытка прибрать дело к рукам вполне законна и что с чисто практической точки зрения так и следовало поступить. По этой причине он готов помогать ему, сколь это окажется возможно. Но для этого он должен ознакомиться с планом Каупервуда во всех подробностях, чтобы иметь представление, в какой мере он сможет участвовать в этом деле.

Но план Каупервуда, в который не была посвящена ни одна душа, отличался таким беззастенчивым цинизмом и коварством, что вряд ли Джонсон мог даже предположить нечто подобное. Учитывая преимущества и права, которые давало ему приобретенье в собственность одной только линии Чэринг-Кросс, и имея в виду еще кое-какие контракты, утвержденные парламентом и оказавшиеся в руках людей, заведомо не имевших денег для их осуществления, Каупервуд думал скупить их исподволь и, собрав все, что можно, попридержать до поры до времени, не говоря никому ни слова. А потом, если уж ему придется преодолевать слишком упорное сопротивление, он может прижать их всеми этими контрактами и предложить лондонцам свою собственную, новую подземную сеть, — такой ход безусловно заставит его врагов пойти на мировую. Однако, имея в руках Чэринг-Кросс — преемницу прежней Электро-транспортной компании, — он готов, если это окажется

необходимым, уступить значительную долю ее акций каким-нибудь пайщикам-англичанам, с тем чтобы они помогли ему захватить в свои руки контроль над Районной подземной дорогой.

И хотя Каупервуд и говорил Беренис, что он думает поставить лондонское предприятие на гораздо более бескорыстных началах, чем все его прежние предприятия, он по опыту знал: прежде всего необходимо обеспечить себе львиную долю дохода, по крайней мере до тех пор, пока у него не будет уверенности, что его на этом не околпачат, что излишняя честность с его стороны не поставит его в дурацкое положение и не приведет к краху. Он положил за правило: обеспечивать себе в любой акционерной компании, которую он возглавлял, по меньшей мере пятьдесят один процент акций и вдобавок пятьдесят один процент акций разных дочерних предприятий, которые он всегда учреждал и которыми управлял через подставных лиц.

Так, например, для электрификации задуманной линии он решил учредить особую компанию по оборудованию и постройке подземных станций, которая получила бы контракт специально на электрификацию линии Чэринг-Кросс. Подобным же образом он думал организовать дочерние компании по поставке вагонов, рельсов, стальных деталей, оборудования для станций и т. п. Разумеется, все это должно было давать громадные прибыли. Но, в то время как в Чикаго прибыль шла исключительно в его собственный карман, здесь, в Лондоне, где ему предстояло вести очень тяжелую борьбу, он был готов уступить некоторую долю этих солидных доходов тем, кто будет ему наиболее полезен.

Он был не прочь, если это окажется необходимым, посвятить Джонсона и Стэйна в план организации задуманной им компании по поставке оборудования; и если они действительно поддержат его и ему или, быть может, им втроем удастся получить в свои руки Метрополитен и Районную — он им откроет секрет, как с самого начала обеспечить себе верные и обильные прибыли при помощи вот такого рода вспомогательных компаний. А затем он им покажет на деле, что в процессе постройки и оборудования каждого отдельного участка сети доходы этих вспомогательных компаний будут неизменно расти; это-то и есть тот основной рычаг, при помощи которого можно выкачивать из дела колоссальную прибыль.

В этом дружественном разговоре с Джонсоном Каупервуд держал себя так подкупающе просто, как если бы он и впрямь решил ничего не скрывать от своего собеседника. Однако про себя он подумывал, что перехитрить такого дельца дело нелегкое! А как раз такой человек был бы ему очень кстати, вместо старика Сиппенса — как вот только это устроить? Осторожно прощупав Джонсона со всех сторон и убедившись, что, при всей своей сдержанности и уклончивости, англичанин явно готов пойти ему навстречу, Каупервуд спросил его прямо — не согласится ли мистер Джонсон стать его главным поверенным и советником в финансовых делах, связанных с важнейшими предварительными процедурами, которые помогут им добиться объединения всех линий и участков для постройки окружной лондонской сети? Он чистосердечно признался Джонсону, что покупка линии Чэринг-Кросс сама по себе не представляла для него ни малейшего интереса, если он не сможет воспользоваться ею как отмычкой, которая откроет ему доступ к другим линиям.

— Признаться вам откровенно, мистер Джонсон, — сказал он самым искренним, самым подкупающим тоном, — я, прежде чем приехать сюда, довольно подробно ознакомился с положением на вашей подземке. И не хуже вас понимаю, что ваша центральная кольцевая линия — это, в сущности, ключ ко всей сети в целом. Кроме того, мне известно также, что вы, как и лорд Стэйн, принадлежите к основному ядру крупных пайщиков в компании Районной линии. Так вот я желал бы знать, есть ли какая-нибудь возможность с вашей помощью добиться объединения Чэринг-Кросс с Метрополитен, Районной и прочими линиями?

— Это отнюдь не легкое дело, — с глубокомысленным видом протянул Джонсон. — У нас большую роль играют традиции, и англичане очень держатся за них. Если я вас правильно понял, вы имеете в виду такую систему, которая объединила бы вашу линию с другими и в частности с центральной кольцевой линией, и вы, разумеется, возглавили бы все это.

— Правильно, — отвечал Каупервуд, — и, смею вас заверить, вы об этом не пожалели бы.

— Вам нет надобности говорить мне это, мистер Каупервуд, но над этим надо основательно подумать, выяснить разные обстоятельства, навести кой-какие справки. И вот когда я все это досконально изучу, тогда мы с вами сможем еще вернуться к этому вопросу.

— Конечно, — отвечал Каупервуд. — Это я понимаю. Да я и сам думаю уехать куда-нибудь ненадолго. Давайте встретимся недели через полторы, через две?

На этом они расстались, крепко пожав друг другу руки. Джонсон возвращался к себе в сильно приподнятом настроении, воодушевленный мечтами о широкой деятельности и не менее широких доходах. Пожалуй, ему уж несколько поздновато праздновать победу в этом деле, которому он посвятил всю свою жизнь. Но сейчас, по-видимому, успех обеспечен.

А Каупервуд, оставшись один, погрузился в практические размышления о предстоящих ему финансовых операциях. В конце концов волшебное заклинание «Сезам, откройся» на сей раз оказывалось проще простого: выложить достаточное количество фунтов стерлингов. Потрясти полной мошной перед глазами ссорящихся между собой пайщиков, и, какие бы у них там ни

были разногласия, можно наверняка поручиться — все они ухватятся за эту мошну и забудут, о чем спорили. Предложить этим несговорчивым директорам и акционерам, скажем, два, три или даже четыре фунта стерлингов за каждый фунт акций, имеющихся у них на руках. Учредительская прибыль, которая в избытке потечет к нему от его дочерних компаний, и самый рост движения на подземке в таком громадном и быстро растущем городе, как Лондон, безусловно не только покроют эту баснословную цену, которую он готов им предложить, но со временем принесут ему такие проценты, какие этой публике и не снились. Итак, прежде всего — заполучить в руки контроль. А затем объединить все линии, каких бы денег это ни стоило. Время и все возрастающие мировые финансовые обороты постепенно окупят все это с лихвой.

Но, конечно, ему отнюдь не улыбается финансировать все эти предварительные расходы из собственного кармана, и придется, пожалуй, в ближайшее время поехать в Соединенные Штаты. Там уж он постарается изобразить это предприятие в самых заманчивых красках: нелегкое дело выцарапать из банков, синдикатов и у отдельных капиталистов, чьи алчные повадки он хорошо изучил, солидные займы для будущей контролирующей акционерной компании; но это даст ему возможность совершить оборот — завладеть лондонской подземкой, а потом, со временем, и вернуть долг своим заимодавцам-акционерам из расчета по меньшей мере два-три доллара за доллар.

Но сейчас ему прежде всего надо отдохнуть и съездить куда-нибудь с Беренис. А когда он вернется, тогда можно будет еще раз побеседовать с Джонсоном и встретиться с этим лордом Стэйном, потому что несомненно от этих двоих многое зависит.

33

Поглощенный всеми этими делами и хлопотами, Каупервуд едва урывал время, чтобы повидаться с своей возлюбленной. Эйлин между тем уехала в Париж, а Беренис с матерью перебрались в Прайорс-Ков. Беренис, по-видимому, была тоже очень занята — ездила по магазинам, что-то устраивала. Она с увлечением покупала всякие изящные пустячки, и это в глазах Каупервуда придавало ей еще больше очарования. «Сколько в ней жизни! — часто думал он. — Какая способность радоваться, какая жажда ко всему, она и меня заражает ею. Ее все решительно интересует и поэтому вполне естественно, что и с ней всем интересно».

Приехав к ней впервые в Прайорс-Ков, Каупервуд обнаружил, что у них уже все налажено и устроено как нельзя лучше. В доме целый штат прислуги: повар, горничные, экономка, дворецкий, не говоря уже о садовниках и пастухах, которых держал лорд Стэйн. И Беренис радовалась и от души наслаждалась прелестями сельской жизни; но искренне ли это было, или, может быть, только поза, Каупервуд наверное не мог сказать. Казалось, она не только любит природу, но как-то особенно чувствует ее. Какая-нибудь птичка, цветок, дерево, бабочка могли иной раз растрогать и потрясти ее. Если и это было игрой, пожалуй сама Мария-Антуанетта могла бы позавидовать такому мастерству. Когда Каупервуд приехал, Беренис стояла во дворе с пастухом, который пригнал стадо овец, чтобы показать ей ягнят. Увидев коляску Каупервуда, подкатившую по главной аллее, Беренис схватила на руки самого маленького, самого курчавого ягненка. Эта прелестная картинка восхитила, но нимало не обманула Каупервуда. «Позерство, — подумал он, — впрочем, ведь это для меня».

— Пастушка со своими овечками! — шутливо приветствовал он ее и, наклонившись, погладил ягненка у нее на руках. — Прелестные созданья — появятся на свет и тут же исчезают, как весенние цветочки.

Он сразу заметил ее изящное летнее платье и подумал, что она способна изобрести для себя и ввести в моду нечто совершенно необычайное, и самый фантастический наряд на ней будет казаться вполне естественным. У нее был какой-то особый дар входить в любую принятую ею на себя роль с такой непринужденностью, что трудно было сказать, поза это или просто у нее так выходит само собой.

— Если бы вы приехали чуть-чуть пораньше, — сказала Беренис, — вы бы застали нашего соседа, Артура Тэвистока. Он помогал мне устраиваться. Ему пришлось поехать в Лондон, но завтра он опять приедет мне помогать.

— Вот как, — засмеялся Каупервуд, — скажите, какая деловитая хозяйка! Заставляет работать гостей! Или здесь уж так принято, что работа считается главным развлечением? А меня что заставят делать?

— Бегать по поручениям. У меня столько их накопилось!

— Да ведь я с этого начал свою карьеру!

— Берегитесь, как бы вам не пришлось этим и кончить… Идем, милый, — тихонько шепнула она и тут же, подозвав пастуха, передала ему ягненка и взяла Каупервуда под руку.

Они пошли по зеленой лужайке к плавучему домику. Там на веранде под тентом был сервирован стол. В глубине у открытого окна сидела миссис Картер с книгой в руках. Каупервуд весело поздоровался с ней, и Беренис повела его к столу.

— Ну вот, садись и наслаждайся природой! — скомандовала она. — Отдыхай и выкинь из головы Лондон и все свои дела.

И она поставила перед ним графин с мятной настойкой — любимый его напиток.

— А теперь хочешь послушать, что я для нас с тобой придумала, если ты будешь свободен? Ты как думаешь, будет у тебя время?

— Сколько хочешь, милочка! — отвечал он. — Я все устроил. Мы с тобой вольные птицы; Эйлин в Париже, — прибавил он, понизив голос, — и, как она говорила, пробудет там по меньшей мере дней десять. Так что же ты такое придумала?

— Мы едем осматривать английские соборы — мама, дочка и ее почтенный опекун, — объявила Беренис. — Мне так всегда хотелось побывать в Кентербери, Йорке и в Уэльсе! Нет, правда, ты должен выкроить на это время, раз уж мы не можем поехать на континент.

— Прекрасная идея! Я, признаться, очень мало знаю Англию и для меня это будет большое удовольствие. И мы будем совсем одни, — он сжал ее руку, и Беренис поцеловала его в голову.

— Ты не думай, что я здесь сижу и ничего не знаю; о тебе так трезвонят в газетах, что и здесь слышно. У нас тут уже известно, что мой достопочтенный опекун и есть тот самый знаменитый Каупервуд; Мой агент по доставке мебели так прямо и спросил меня: правда ли, что мой опекун и американский миллионер, о котором напечатано в «Кроникл», это одно и то же лицо? Мне, разумеется, пришлось подтвердить. Но Артур Тэвисток, по-видимому, считает вполне естественным, что мой попечитель — такая выдающаяся личность.

Каупервуд усмехнулся.

— А что думает по этому поводу прислуга, этим ты, надеюсь, тоже поинтересовалась?

— Разумеется, милый. Это очень неприятно, но ничего не поделаешь. Поэтому мне и хочется уехать с тобой куда-нибудь. А теперь, если ты отдохнул, идем-ка, я покажу тебе что-то очень интересное.

Она поднялась и с улыбкой поманила Каупервуда за собой.

Они прошли через открытый холл в спальню, и Беренис, подойдя к столу, выдвинула ящик и вытащила оттуда две головных щетки с гербами графа Стэйна, выгравированными на серебряных спинках, запонку и несколько шпилек.

— Вот если бы по этим шпилькам можно было так же легко узнать, кому они принадлежат, как по этим графским щеткам, — перед нами открылся бы целый роман! — сказала она лукаво. — Но я, конечно, не выдам тайну благородного лорда.

В это время из-за деревьев, окружавших виллу, раздался звук овечьих бубенцов.

— Вот! — воскликнула она. — Когда услышишь эти колокольчики, где бы ты ни находился, не забудь, пожалуйста, это значит — пора идти обедать. Так у нас здесь заведено вместо почтительных приглашений дворецкого.

Маршрут экскурсии, задуманной Беренис, проходил к югу от Лондона. Первая остановка была намечена в Рочестере, потом в Кентербери. Почтив эту божественную поэму, запечатленную в камне, они отправятся в какое-нибудь тихое убежище на берегу реки Стур; не в какую-нибудь шумную гостиницу или отель, где сразу нарушится скромная, уединенная простота их поэтического паломничества, а в маленькую деревенскую харчевню, где им отведут комнатку с камельком и будут кормить самой простой английской пищей. Ибо Беренис читала Чосера и много других книг про эти английские соборы, и ей хотелось теперь погрузиться в тот мир, который их создал. Из Кентербери они отправятся в Винчестер, потом в Солсбери и в Стонхэндж; оттуда в Уэльс, в Гладстонбери, Бат, Оксфорд, Питерборо, Йорк, Кембридж — и домой. Но всюду — она это ставила условием — они будут избегать всяких специально построенных для туристов заведений, будут выбирать самые уединенные харчевни, самые глухие деревушки.

— Это будет очень полезно всем нам, — говорила Беренис, — мы слишком избаловались. И может быть, если ты поглядишь хорошенько на все эти прекрасные старинные здания, ты и сам станешь покрасивее строить подземные станции.

— Тогда и тебе уже придется довольствоваться простенькими холщовыми платьицами, — усмехнулся Каупервуд.

Для Каупервуда прелесть этой поездки заключалась отнюдь не в соборах, деревушках и харчевнях, а в необычайной восприимчивости Беренис, ее способности чувствовать красоту и жадно впитывать новые впечатления. Ну какая из его знакомых женщин, будь у нее возможность поехать весной в Париж и в Европу, предпочла бы такой поездке осмотр каких-то английских соборов? Но Беренис была не такая, как все. Казалось, она умела находить в самой себе источники радости, в которых она черпала то, что ей было нужно.

В Рочестере их водил гид, который рассказывал им о короле Иоанне, Вильяме Руфусе, Симоне де Монфоре, Уоте Тайлере; Каупервуд, зевая, отмахивался от этих призраков. Они отжили свое, эти люди или какие-то непостижимые существа; по-своему насладились жизнью, потворствуя своим прихотям и желаниям, и давно уже обратились в ничто, как случится и со всеми нами, кто живет на земле. Куда приятнее смотреть на солнечные блики, сверкающие на реке, дышать свежим весенним воздухом. Даже и Беренис как будто была несколько разочарована будничным видом этого мертвого великолепия.

Но в Кентербери настроение у всех сразу изменилось, даже у миссис Картер, которая, признаться, отнюдь не интересовалась тонкостями церковной архитектуры.

— Ах, вот здесь мне очень нравится! — неожиданно заявила она, когда они вышли на узкую извилистую кентерберийскую уличку.

— Как бы мне хотелось знать, какой из этих дорог шли пилигримы! — сказала Беренис. — Может быть, как раз этой? Смотрите-ка, вот он, собор!

И она показала на башню и стрельчатые арки, выступавшие вдалеке за крышей какого-то каменного здания.

— Недурно, — заметил Каупервуд. — И денек сегодня выдался подходящий… Ну как, сначала позавтракаем или будем наслаждаться собором?

— Сначала собор, — заявила Беренис.

— А потом довольствоваться холодной закуской, — язвительно заметила миссис Картер.

— Мама! — негодующе воскликнула Беренис; — И тебе не стыдно, в Кентербери!

— Ну, я достаточно хорошо знаю эти английские гостиницы. Лучше совсем не ходить к столу, чем прийти последней; всегда надо стараться прийти первой.

— Вот вам религия в тысяча девятисотом году, — усмехнулся Каупервуд. — Пасует перед какой-то деревенской гостиницей!

— Я ни одного слова не говорила против религии! — возмутилась миссис Картер. — Церкви — это совсем другое, ничего они общего с верой не имеют.

Кентербери. Монастырская ограда X века. Извилистые горбатые улички. А за стенами — тишина, величественные, потемневшие от времени шпили, башни, массивные контрфорсы собора. Галки взлетают с криком, ссорясь друг с дружкой из-за места повыше. А какое множество могил, склепов, надгробных памятников — Генрих IV, Фома Бекет, архиепископ Лод, гугеноты и Эдуард — Черный Принц. Беренис никак нельзя было оторвать от всего этого. Кучки туристов с проводниками медленно бродили среди могил, переходя от памятника к памятнику. В склепе под маленькой часовней, где когда-то скрывались гугеноты, где они совершали богослужения и сами пряли себе одежду, Беренис долго стояла задумавшись, с путеводителем в руке. И так же долго она стояла у могилы Фомы Бекета, погребенного на том самом месте, где он был убит.

Каупервуд, которому казалось вполне достаточным иметь общее представление о соборе, с трудом сдерживал зевоту. Что ему до этих давно истлевших мужчин и женщин, когда он так полно живет настоящим.

Походив немного, он незаметно выбрался за ограду. Ему доставляло больше удовольствия смотреть на тенистую зелень парка, бродить по дорожкам, обсаженным цветами, и отсюда поглядывать на собор. Эти тяжелые арки и башни, цветные стекла, вся эта старательно украшенная церковная обитель несомненно являла величественное зрелище, но ведь все это создано трудами, упорством, усилиями и стремлениями таких же себялюбцев, ожесточенно отстаивавших свои интересы, как и он сам. А сколько кровопролитных войн вели они между собой из-за этого самого собора! И вот теперь они мирно покоятся в его ограде,

осененные благодатью, глубоко чтимые — благородные мертвецы. Но разве человек может быть по-настоящему благороден? Была ли на свете хоть одна бесспорно благородная душа? Трудно поверить. Люди живут убийством, все без исключения. И предаются похоти, чтобы воспроизводить себе подобных. Подлинная история человечества — это, в сущности, войны, корыстолюбие, тщеславие, жестокость, алчность, пороки, и только слабые придумывают себе какого-то бога, спасителя, к которому они взывают о помощи. А сильные пользуются этой верой в бога, чтобы порабощать слабых, и с помощью как раз вот таких храмов и святынь, как эта… Так размышлял Каупервуд, прогуливаясь по дорожкам, чувствую себя даже как-то подавленным этой бесплодной красотой возвышавшейся перед ним старинной обители.

Но достаточно ему было взглянуть на Беренис, внимательно разглядывавшую по ту сторону ограды какую-нибудь надпись на кресте или могильную плиту, чтобы обрести привычное равновесие духа; Бывали минуты, вот как сейчас, когда в Беренис появлялось что-то почти отрешенное, какая-то внутренняя сосредоточенная духовная красота, которая затмевала в ней блеск языческой современности, придающей ей ослепительную яркость огненно-красного цветка. Возможно, думал Каупервуд, ее увлечение этими истертыми памятниками и призраками прошлого и при этом такая любовь к роскоши сродни его собственному увлечению живописью и той радости, какую он испытывает от сознания своей силы. Если так, он готов отнестись с уважением к ее чувствам. Ему тут же пришлось проявить это на деле, потому что, когда их паломничество окончилось и они уже собирались идти обедать, Беренис неожиданно заявила:

— Мы вернемся сюда после обеда. Вечером будет молодой месяц.

— Вот как! — удивленно протянул Каупервуд.

Миссис Картер зевнула и сказала, что она ни за что больше не пойдет. Она после обеда приляжет отдохнуть у себя в комнате.

— Хорошо, мама, — уступила Беренис, — но Фрэнк ради спасения своей души должен непременно пойти.

— Вот до чего дошло, — оказывается, у меня есть душа! — снисходительно пошутил Каупервуд.

— Итак, вечером, после непритязательного обеда в гостинице, они пошли вдвоем по сумеречным улицам. Когда они вошли в черные резные ворота монастырской ограды, тоненький белый серпик молодого месяца в темно-синем куполе неба казался каким-то резным орнаментом на верхушке шпиля, венчавшим высокий стройный силуэт собора. Сначала, повинуясь прихоти Беренис, Каупервуд покорно смотрел на все, что она ему показывала, но внезапно его захватило ее волнение. Какое же счастье быть молодым, так волноваться, так остро чувствовать каждый оттенок краски, звук, форму и всю непостижимую бессмысленность человеческой деятельности.

Но мысли Беренис были поглощены не только забытыми образами далекого прошлого, мечтами, надеждами, страхами, которые созидали все это, но и загадочной беспредельностью вечно безгласного времени и пространства. Ах, если бы все это можно было объять! Вооружиться знанием, проникнуть пытливой мыслью, найти какой-то смысл, оправдание жизни! Неужели и ее собственная жизнь сведется всего-навсего к трезвой, расчетливой, бездушной решимости занять какое-то общественное положение или заставить признать себя как личность? Что пользы от этого ей или кому-то другому? Разве это принесет красоту, вдохновенье? Вот здесь… сейчас… в этом месте, пронизанном воспоминаниями прошлого и лунным светом, что-то говорит ее сердцу… словно предлагая ей мир… покой… одиночество… стремление создать нечто невыразимо прекрасное, что наполнит ее жизнь, сделает ее осмысленной и значительной.

Боже, какие нелепые мечты… Этот лунный свет заворожил ее. Чего ей еще желать! У нее есть все, что только может желать женщина.

— Пойдем, Фрэнк! — сказала она, чувствуя, как что-то оборвалось в ее душе, как это пронзившее ее ощущение красоты вдруг исчезло. — Пойдем в гостиницу.

34

В то время как Каупервуд и Беренис осматривали старинные английские соборы, Эйлин с Толлифером наслаждались сутолокой парижских кафе, модных магазинов и разных увеселительных заведений.

Как только Толлиферу стало известно, что Эйлин едет в Париж, он тотчас же выехал из Лондона и, опередив ее на сутки, подготовил к ее приезду целую программу самых разнообразных развлечений, с помощью которых он надеялся задержать ее здесь как можно дольше. Он знал, что Эйлин не первый раз в столице Франции, что в прежние годы, когда Каупервуду самому было приятно доставить ей удовольствие, он возил ее по всяким модным курортам, она побывала с ним во многих городах Европы. Эйлин часто вспоминала об этой счастливой поре своей жизни. И здесь эти воспоминания вставали перед ней на каждом шагу.

Однако в обществе Толлифера ей не приходилось скучать. Вечером в день приезда он зашел к ней в отель «Ритц», где она остановилась со своей горничной. Эйлин была несколько растеряна и втайне недоумевала — зачем она, собственно, сюда приехала? Конечно, ей хотелось съездить в Париж, но ведь она мечтала поехать с Каупервудом. Правда, на этот раз у нее не было никаких оснований сомневаться в том, что супруг ее действительно занят по горло — он так много рассказывал ей о своих лондонских делах и о них столько шумели в прессе. Как-то раз она встретила Сиппенса в вестибюле отеля «Сесиль», и он, захлебываясь от восторга, стал рассказывать ей обо всех этих запутанных делах, которыми сейчас поглощен Каупервуд.

— Да если он это дело доведет до конца, он, миссис Каупервуд, прямо весь город перевернет! — сказал Сиппенс. — Боюсь только, как бы он не слишком заработался, — добавил он, хотя, сказать по правде, если он чего-нибудь и боялся, так отнюдь не этого. — Ведь он уж не так молод… Но знаете, по-моему, с годами он сделался еще энергичнее и проворней.

— Да, я знаю, знаю! — отвечала ему Эйлин. — Что бы вы мне ни сказали о Фрэнке, это для меня не новость. Такой уж это человек, у него всегда будут дела, пока в могилу не ляжет.

Этот разговор с Сиппенсом несколько успокоил Эйлин. Разумеется, он говорил правду, — а все-таки в душе у нее шевелилось подозрение: как ни занят Каупервуд, а наверно у него есть какая-нибудь женщина… может быть, эта Беренис Флеминг. Но кто бы там ни был, она. Эйлин, — миссис Фрэнк Каупервуд. Она утешалась сознанием, что где бы и когда бы ни произнесли ее имя, все оборачивались и с интересом смотрели на нее: в магазинах, отелях, ресторанах. А потом еще этот Брюс Толлифер… Едва только она приехала, и уж он тут как тут. И какой красивый, обаятельный.

— А вы все-таки послушались моего совета, — весело сказал он, входя в комнату. — Ну, теперь, раз уж вы здесь, я беру на себя полную ответственность за вас. Если вы в настроении, извольте немедленно одеваться к обеду. Я пригласил кое-кого из моих друзей, и мы хотим отпраздновать ваш приезд. Вы знаете Сидни Брэйнерда из Нью-Йорка?

— Да, — отвечала Эйлин в полном смятении чувств.

Она знала понаслышке, что Брэйнерды — люди очень богатые и с видным общественным положением Миссис Брейнерд, сколько она могла припомнить, это Мэриголд Шумэкер из Филадельфии.

— Миссис Брэйнерд сейчас здесь, в Париже, — продолжал Толлифер. — Она и еще кое-кто из ее друзей обедают с нами сегодня у «Максима». А потом мы поедем к одному презабавному аргентинцу. Он вам очень понравится, я уверен. Вы как думаете, через час вы будете готовы? — и он повернулся на каблуках с видом человека, который предвкушает очень весело провести вечер.

— Я думаю! — смеясь, отвечала Эйлин. — Но если вы хотите, чтобы я успела, вы должны сию же минуту уйти.

— Превосходно! — отвечал Толлифер. — Удаляюсь! Мне бы хотелось видеть вас во всем белом, если у вас есть, и, знаете, темно-красные розы. Вы будете просто ослепительны!

Эйлин даже вспыхнула от такой фамильярности. Какой, однако, самоуверенный этот кабальеро!..

— Хорошо, надену, — задорно улыбнувшись, отвечала она. — Если только мне удастся найти это платье.

— Великолепно! Итак, я возвращаюсь за вами ровно через час. А пока — до свиданья!

Он поклонился и исчез. Одеваясь, Эйлин снова и снова задавала себе вопрос — как объяснить это внезапное, настойчивое и самоуверенное ухаживанье Толлифера? По всему видно, что он не без денег. Но с такими прекрасными связями и знакомствами… чего он, собственно, добивается от нее? И почему эта миссис Брэйнерд принимает участие в вечеринке, которая устраивается, по-видимому, не ради нее? Но, как ни смущали ее все эти противоречивые мысли, все-таки дружба с Толлифером — какие бы у него там ни были виды — прельщала и радовала ее. Если даже это просто расчетливый авантюрист, домогающийся денег, как и многие другие, — во всяком случае он очень умен, прекрасно держит себя, и потом у него столько изобретательности по части всяких развлечений и такие возможности, каких ни у кого из тех, с кем она встречалась последние годы, и в помине не было. Все это были такие неинтересные люди, и их манеры иной раз страшно раздражали ее.

— Готовы? — весело воскликнул Толлифер, входя к ней ровно через час и окидывая взглядом ее белое платье и темные розы у пояса. — Если мы сейчас выедем, мы будем как раз во-время. Миссис Брэйнерд приедет со своим приятелем — греком, молодым банкиром. А ее подруга миссис Джюди Торн — я, правда, ее не знаю — приведет с собой настоящего арабского шейха Ибрагима Аббасбея, который бог ведает зачем приехал сюда в Париж. Но хорошо, что он хоть говорит по-английски. И грек тоже.

Толлифер был несколько возбужден и держал себя в высшей степени непринужденно. Он важно разгуливал по комнате, опьяненный сознанием, что вот наконец-то он снова чувствует себя по-настоящему в форме. Он очень насмешил Эйлин, когда вдруг ни с того ни с сего начал возмущаться меблировкой ее номера.

— Вы только посмотрите на эти портьеры! Вот на всем этом они здесь и наживаются! А сейчас, когда я подымался в лифте, он весь скрипел. Представить себе что-нибудь подобное в Нью-Йорке! И ведь это именно такие люди, как вы, и дают им возможность грабить.

— Разве уж здесь так плохо? — чувствуя себя польщенной, улыбнулась Эйлин. — А я, признаться, даже не обратила внимания. Да и где, собственно, можно было бы еще остановиться?

Он ткнул пальцем в шелковый абажур высокой алебастровой лампы.

— Смотрите, винное пятно! А вот кто-то тушил папироски об этот так называемый гобелен. И я, знаете, не удивляюсь!

Эйлин очень забавляла эта истинно мужская придирчивость.

— Да полно вам, — смеясь, сказала она. — Мы могли бы попасть в какую-нибудь гостиницу, где во сто раз хуже. И, знаете, мы заставляем ждать ваших гостей.

— Да, верно. Интересно, пробовал ли когда-нибудь этот шейх наше американское виски? Вот мы сейчас это узнаем!

Ресторан «Максим» в 1900 году. Навощенные до зеркального блеска черные полы отражают красные, в помпейском стиле, стены, вызолоченный потолок и переливающиеся огни трех огромных хрустальных люстр с бесчисленными подвесками. Массивные входные двери и еще дверь в глубине; все остальное пространство вдоль стен уставлено красновато-коричневыми диванчиками, и перед каждым маленький уютный столик, сервированный для ужина. Интимная, типично французская атмосфера, — она словно завладевает вашими чувствами, рассудком и погружает вас в сладостное забытье, которого все жаждут, все ищут в наши дни и обретают только в одном единственном месте — в Париже. Едва только вы входите — вы сразу переноситесь в какой-то блаженный мир видений: лица, типы, костюмы, пестрая сутолока, смешение всех национальностей, пышный парад богатства, славы, титулов, могущества, власти — и все это туго затянуто в привычную, традиционную форму светских условностей, кичится ими и вместе с тем жаждет освободиться от них. Потому-то и стекается сюда эта роскошная публика, ибо здесь, не нарушая светской благопристойности, она может вдосталь насладиться непристойным зрелищем — главной приманкой программы светских увеселений.

Эйлин, замирая от восторга, с любопытством смотрела на всю эту публику, чувствуя, что и на нее тоже смотрят. Как, собственно, и предвидел Толлифер, друзья его несколько запоздали.

— Наверно, этот шейх плутает где-нибудь, он первый раз в Париже, — сказал он.

Но через несколько минут появились две пары — миссис Брэйнерд со своим греком и миссис Торн со своим арабом. Шейх привлек всеобщее внимание, по столикам пронесся шепот, послышались возгласы, — ему смотрели вслед, оборачивались. Толлифер с важным видом принялся командовать полудюжиной официантов, которые, как мухи, кружили вокруг стола.

Шейх, к великому удовольствию Толлифера, сразу устремился к Эйлин. Ее округлые формы, золотистые волосы и белая кожа пленили его сильней, чем тонкая и менее пышная грация миссис Брэйнерд или миссис Торн. Он никого не замечал, кроме Эйлин, и, усевшись около нее, стал атаковать ее учтивейшими расспросами. Откуда она приехала? А ее супруг — он, наверное, тоже миллионер, как и все американцы? Не подарит ли она ему на память одну из своих роз? Ему так нравится этот темно-красный цвет! Была ли она когда-нибудь в Аравии? Ей бы наверное понравилась кочевая жизнь бедуинов. Аравия необычайно красивая страна!

Эйлин, чувствуя на себе пристальный взгляд его пылающих черных глаз, поглядывала на его смуглое лицо с длинным горбатым носом, красиво подстриженной холеной бородкой — и сладко робела. Представить себя возлюбленной такого человека… Что сталось бы с ней, если бы она действительно поехала в Аравию и попала в лапы такого чудовища? И хотя она улыбалась и отвечала на все его вопросы, ей было приятно чувствовать, что Толлифер и его друзья — здесь рядом, несмотря на то, что их насмешливые взгляды немножко задевали ее.

Шейх Ибрагим, выяснив, что она пробудет в Париже несколько дней, просил разрешения нанести визит… Он привез свою лошадь на парижские скачки, на Большой приз. Миссис Каупервуд должна непременно пойти с ним, поглядеть на его лошадку. А потом, может быть, они где-нибудь пообедают вместе. Она, конечно, остановилась в отеле «Ритц»? А-а… а он… у него особняк на улице Сайд, около Булонского леса.

Во время этой сцены Толлифер всеми силами старался очаровать Мэриголд, а та, кокетничая, подшучивала над его романтической привязанностью к Эйлин, хотя характер этой привязанности был для нее совершенно очевиден.

— Скажите, Брюс, — поддразнивала она его, — что же нам теперь, бедняжкам, останется делать, раз вы завели себе такую необъятно пышную пассию?

— Если речь идет о вас, вам стоит только шепнуть мне, и я к вашим услугам. Не могу похвастаться, чтобы меня так уж сильно осаждали.

— Вот как! Неужели бедняжка так одинок?

— Да, одинок. И больше, чем вы можете предположить, — грустно отвечал он. — А как же насчет вашего супруга? Он ничего не будет иметь против постороннего вмешательства?

— Ну, об этом можно не беспокоиться, — отвечала она, улыбаясь и подзадоривая его. — Просто он подвернулся мне прежде, чем я встретилась с вами. А кстати, ну-ка, напомните, сколько лет прошло с тех пор, как мы виделись с вами в последний раз?

— Да немало. А кто виноват? Но скажите мне, что это за разговоры о вашей яхте?

— Ах, это о моем капитане? Клянусь вам, просто шкипер на жалованье. Не хотите ли отправиться со мной в кругосветное плаванье?

Толлифер почувствовал себя в затруднительном положении. В кои-то веки ему подвернулся такой замечательный случай, то, о чем он мечтал всю жизнь, но сейчас он никак не может этим воспользоваться — потому что, если он откажется от взятого им на себя обязательства, все его благополучие сразу кончится, все полетит к черту.

— Охотно, — сказал он посмеиваясь, — надеюсь, вы не завтра отплываете?

— О нет!

— Но, если это серьезно, то, смотрите, берегитесь!

— Уверяю вас, никогда в жизни я не была более серьезна! — отвечала она.

— Посмотрим. Во всяком случае обещайте позавтракать со мной как-нибудь на этой неделе. Хорошо? А потом мы с вами прокатимся в Тюильри.

Подали счет, Толлифер расплатился, и они уехали.

Полночь. У Сабиналя. Как всегда полным-полно народу. Рулетка. Карты. Танцы. Оживленные группы и томно уединяющиеся парочки. Сабиналь сам вышел приветствовать Толлифера и его друзей и предложил расположиться в его собственных апартаментах до часу ночи, пока не приедет труппа русских танцовщиц и певцов.

У Сабиналя была недурная коллекция драгоценных камней, средневекового итальянского стекла и серебра, редких восточных тканей самой необычной расцветки. Но гораздо более сильное впечатление, чем все его коллекции, которые он показывал как бы между прочим, с очаровательной небрежностью, производил он сам: вкрадчивая, похожая на Мефистофеля, загадочная личность, от которой словно исходил какой-то магнетический ток, странная неуловимая сила, действующая, как наркотик. Он перевидал за свою жизнь столько интересных людей, бывал в таких любопытнейших местах. Осенью он намерен отправиться в путешествие. Закроет на время свой особняк и уедет на Восток собирать всякие редкости, которые потом перепродаст частным коллекционерам. Такие поездки приносят ему недурной доход!

Сабиналь прямо обворожил Эйлин, да и всех остальных. Ей ужасно понравился этот особнячок. Тем более что Толлифер никому из них не обмолвился ни словом о коммерческих началах этого интимного заведения. Разумеется, он потом пошлет чек Сабиналю, но они-то все ушли в полной уверенности, что Сабиналь просто его близкий друг!

35

Толлифер еще раз почувствовал всю важность возложенного на него поручения, получив на третий день после приезда Эйлин две тысячи долларов из парижского отделения Центрального нью-йоркского кредитного общества, которое еще в Нью-Йорке рекомендовало ему держать связь сих лондонским и парижским отделениями.

С Эйлин все обстояло как нельзя лучше. Она явно была расположена к нему. Когда он часов через пять после их визита к Сабиналю позвонил ей по телефону и предложил пойти куда-нибудь позавтракать, он безошибочно мог заключить по ее тону, что она рада его звонку. Ее и в самом деле радовала эта дружеская близость с человеком, который по всей видимости

действительно интересовался ею. В некоторых отношениях он даже чем-то напоминал ей прежнего Каупервуда: такой энергичный, заботливый и такой веселый.

Толлифер, посвистывая, отошел от телефона. Он и сам теперь относился к Эйлин несколько теплее и сердечнее, чем в то время, когда он еще только вступал в свои обязанности. Узнав ее ближе, он понял, что любовь Каупервуда была для нее всем в жизни и что ей нелегко примириться с такой утратой. Он и сам нередко бывал в удрученном состоянии — ведь ему тоже приходилось мириться со своим положением, и он искренне сочувствовал ей.

Накануне, у Сабиналя, когда Мэриголд и миссис Тори как будто ненароком не замечали ее и болтали друг с дружкой, он ловил на ее лице беспомощное и растерянное выражение. Он даже ненадолго увел ее из-за этого к рулеточному колесу. Безусловно, опекать ее нелегкое дело, но это его обязанность и от успеха в этом деле зависит вся его будущность.

Но, боже, рассуждал он сам с собой: ведь ей надо похудеть по меньшей мере фунтов на двадцать. И одеться как следует. И научиться держать себя с людьми. Она слишком робка. Ей надо внушить уважение к самой себе, тогда и другие будут ее уважать. «Если я не сумею этого сделать, мне от нее будет больше вреда, чем пользы, сколько бы мне ни платили».

Толлифер, если ему чего-нибудь хотелось, умел добиваться своего. Он решил не откладывать дела в долгий ящик. Задавшись целью воздействовать на Эйлин и полагая, что успех этого дела в значительной степени зависит от собственной его изящной внешности, он надел свой лучший костюм и постарался придать себе как нельзя более элегантный вид.

Когда он последний раз поглядел на себя в зеркало, он невольно усмехнулся, сравнив себя с тем жалким субъектом, каким он был всего полгода назад в Нью-Йорке. Розали Харриген! Эта убогая комнатенка, и его отчаянные усилия найти заработок…

Его квартира в Булонском лесу была всего в нескольких минутах ходьбы от отеля «Ритц». Когда он вышел из подъезда и зашагал по залитой утренним солнцем улице, всякий, глядя на него, сказал бы, что это беспечный парижанин, баловень судьбы. Он перебирал в уме разные модные ателье, парикмахерские и белошвейные мастерские, которым он рекомендует заняться Эйлин. Вот как раз здесь рядом, за углом — Клодель Ришар. Надо отвести ее к Ришару! Пусть он внушит ей, что она должна сбросить ну хотя бы фунтов двадцать лишнего жиру. И тогда он придумает для нее такие туалеты, что все будут смотреть на нее с завистью — она первая введет в моду новую модель Ришара! А вон там, на бульваре Осман, ателье Краусмейера. Его модельная обувь вне всякой конкуренции. Толлифер позаботился разузнать обо всем этом заранее. А на улице Мира — какие безделушки, духи, какие драгоценности! А на улице Дюпон — знаменитые салоны красоты. И самый привилегированный из них — салон Сары Шиммель. Эйлин необходимо познакомиться с ней…

В летнем ресторане Наташи Любовской, откуда открывался вид на парк и на собор Парижской богоматери, за стаканчиком замороженного кофе и гоголь-моголем а ля Суданов Толлифер посвящал Эйлин в тайны парижских вкусов и в новинки мод. Слышала ли она, что Тереза Бьянка, знаменитая испанская танцовщица, танцует в туфельках Краусмейера? А Франческа, младшая дочь герцога Толле, тоже покровительствует ему, она носит только его обувь. А знает Эйлин, какие чудеса по части восстановления женской красоты проделывает эта Сара Шиммель? И он приводил примеры, называл имена.

Они вместе отправились к Ришару, потом к Краусмейеру, потом к знаменитому парфюмеру Люти и оттуда зашли выпить чаю в кафе «Жермей». В девять вечера он заехал за ней и повез ее обедать в кафе де Пари; на обед были приглашены известная американская опереточная дива Рода Тэйер и ее сезонный покровитель бразилец Мелло Барриос, один из секретарей бразильского посольства, затем некая Мария Резштадт, родом не то из Венгрии, не то из Чехии. Толлифер познакомился с ней в одну из своих прежних поездок в Париж. Она была тогда женой представителя австрийской секретной военной миссии во Франции. Как-то на днях Толлифер зашел в кафе «Маргери» и там неожиданно столкнулся с ней; она была с знаменитым Сантосом Кастро, баритоном французской оперы, который выступал сейчас с новой оперной звездой, американкой Мэри Гарден. Тут Толлифер узнал, что Мария Резштадт давно овдовела, и по всему видно было, что и Кастро ей порядком надоел. Если Толлифер свободен, она рада будет встретиться с ним. И так как она была неглупая женщина и по складу своего характера и по летам больше подходила Эйлин, чем его молодые приятельницы, Толлифер решил познакомить их.

Мария Резштадт сразу обворожила Эйлин. Внешность ее невольно приковывала к себе внимание. Высокая стройная фигура, гладко причесанные черные волосы, насмешливые серые глаза и ослепительный вечерний туалет, похожий на тунику из красного бархата, ниспадающую живописными складками. Полная противоположность Эйлин — никаких украшений, гладкие волосы, стянутые узлом на затылке, открытый лоб. В ее обращении с Кастро сквозило полнейшее равнодушие; казалось, она держит его около себя только потому, что он пользуется громкой известностью и все оборачиваются на них, где бы они ни появлялись. Она сразу начала рассказывать Эйлин и Толлиферу, что они с Кастро только что вернулись из путешествия по Балканам, и Эйлин была даже несколько потрясена такой откровенностью, — Толлифер говорил ей, что Мария Резштадт и Кастро просто давнишние знакомые. Конечно, и за Эйлин водились грешки, но это было ее личное дело, это не мешало ей относится с благоговением к прописным правилам светской морали. А вот эта женщина, такая спокойная, самоуверенная, по-видимому вовсе не считается с этими правилами. Эйлин смотрела на нее зачарованная.

— Вы знаете, — рассказывала мадам Резштадт, — на Востоке женщины настоящие рабыни. Правда, правда! У них там только цыганки свободны, но у цыганок, конечно, нет никакого положения в обществе. А вот жены всяких сановников и титулованных людей настоящие рабыни, живут в страхе и трепете перед своими мужьями.

Эйлин грустно улыбнулась.

— Пожалуй, это не только на Востоке… — сказала она.

Мария Резштадт внимательно посмотрела на Эйлин, и губы ее дрогнули в улыбке.

— О нет, — отвечала она, — не только! У нас и здесь есть рабыни. А в Америке тоже?

И она блеснула своими ослепительно-белыми зубами. Эйлин, не зная, что ответить, расхохоталась. Она подумала о своей рабской привязанности к Каупервуду. Но как же так? Почему эта женщина чувствует себя так независимо, живет как хочет, ни к кому не привязана, а если даже у нее и есть какая-нибудь привязанность, это не доставляет ей никаких мучений… А она, Эйлин… И ей очень захотелось познакомиться поближе с этой Марией Резштадт, чтобы научиться у нее этому спокойствию, равнодушию и пренебрежению ко всяким условностям.

Мадам Резштадт со своей стороны тоже, по-видимому, заинтересовалась Эйлин. Она расспрашивала ее о жизни в Америке, осведомилась, долго ли она пробудет в Париже, где она остановилась, и предложила встретиться на другой день и пойти куда-нибудь вместе позавтракать. Эйлин с радостью ухватилась за это предложение.

Однако мысли ее беспрестанно возвращались к утренней прогулке с Толлифером, ко всем их бесчисленным походам по разным ателье и магазинам. Советы и рекомендации, которых она наслушалась во всех этих модных заведениях, открыли ей глаза: оказывается, она недостаточно следит за своей внешностью, она выглядит совсем не так, как ей подобает. Разумеется, ей постарались внушить, что это отнюдь не поздно исправить, и тут же рекомендовали доктора и массажистку. И теперь ей прописана диета и какой-то совершенно чудодейственный массаж. Говорят, она сделается неузнаваемой, преобразится. И все это придумал Толлифер. А с какой целью? Зачем ему это нужно? Она до сих пор не замечала, чтобы он позволял себе с нею какие-нибудь вольности. У них просто очень хорошие дружеские отношения. Эйлин никак не могла объяснить себе, что это значит? Ах, не все ли равно! Каупервуд живет своей жизнью и не обращает на нее ни малейшего внимания. Надо же и ей как-нибудь заполнить свою жизнь.

Вернувшись к себе в отель, Эйлин внезапно почувствовала приступ тоски — ах, если бы у нее был хоть один близкий человек на свете, с которым она могла бы поделиться всеми своими горестями, друг, которому она могла бы довериться, не опасаясь насмешек. Эта Мария Резштадт, как крепко она пожала ей руку, когда они прощались, — может быть, она могла бы стать ее другом…

Десять дней, которые Эйлин предполагала пробыть в Париже, промелькнули так быстро, что она не успела и опомниться. И, сказать по правде, все складывалось так, что она сейчас никак не могла вернуться в Лондон. Поддавшись настояниям Толлифера, Эйлин отдала себя в руки целой армии специалистов-косметиков и модных мастеров, которые должны были не только восстановить ее красоту во всем блеске, но и создать для нее подобающую оправу. Разумеется, на это требовалось время, но зато какие перспективы, — как знать, быть может это даже приведет к полной перемене ее отношений с Каупервудом? Молодость еще не ушла, говорила себе Эйлин, и сейчас, когда Каупервуду приходится вести такую трудную борьбу в лондонском деловом мире, может быть, ему приятно будет иметь около себя близкого человека, даже если он и не питает к ней никаких пылких чувств. Здесь, в Англии, где ему нужно создать себе устойчивое общественное положение, для него важно иметь возможность устроиться по-домашнему, жить в добром согласии с женой, и, так как это в его же интересах, он даже будет доволен этим.

Окрыленная надеждами, Эйлин подолгу просиживала перед зеркалом, мужественно переносила голод, строго соблюдая диету, и тщательно выполняла все косметические предписания под бдительным руководством Сары Шиммель. Она теперь поняла, какое неоценимое преимущество носить платья, сшитые по специальной модели, созданной художником. С каждым днем крепла ее уверенность в себе, она стала как-то спокойнее, сдержаннее; все мысли ее были устремлены к Каупервуду, она жила радостным предвкушением встречи с ним. Как он удивится, увидев ее такой, и, кто знает, может быть это будет для него приятный сюрприз.

Она решила остаться в Париже до тех пор, пока не убавит в весе по крайней мере двадцать фунтов, — тогда только сможет она облечься в те восхитительные новинки, которые создала для нее изобретательная фантазия мосье Ришара. Тогда же она

попробует сделать новую прическу, которую придумал для нее ее парикмахер. Ах, если бы только все это не оказалось напрасным!

Эйлин написала Каупервуду, что она так хорошо проводит время в Париже благодаря мистеру Толлиферу, что останется здесь еще недели на три, на месяц. Она закончила свое письмо в шутливом тоне: «Первый раз в жизни я прекрасно обхожусь без тебя, — обо мне очень заботятся».

Когда Каупервуд прочел эту фразу, его охватило какое-то странное щемящее чувство — ведь он сам все это так ловко устроил. Но помогала ему Беренис. В сущности, это была ее идея, за которую он с радостью ухватился, потому что это была единственная возможность оградить свои отношения с ней. Но какой же все-таки надо обладать особенной натурой, чтобы проявить такую дальновидность, такой беспощадный цинизм. А что, если это в один прекрасный день обернется против него? Ведь он так привязан к Беренис… Ему стало не по себе, и он тут же отмахнулся от этой мысли. Мало ли всяких неприятностей видел он на своем веку, переживет и это, что волноваться заранее.

36

В результате своего разговора с Каупервудом в отеле «Браун» мистер Джонсон решил, что вопрос относительно участия его и лорда Стэйна в предприятии Каупервуда можно будет обсудить всесторонне только после того как лорд Стэйн сам побеседует с американским миллионером.

— Вы ничем не рискуете, если поговорите с ним, — сказал он Стэйну. — Разумеется, мы дадим ему понять, что если мы согласимся войти в его предприятие и поможем ему приобрести контроль над центральной кольцевой линией, наша поддержка обойдется ему в пятьдесят процентов общей суммы контрольного пакета, какова бы ни была эта сумма. А потом нам, может быть, удастся сговориться с кое-какими нашими пайщиками из компаний Метрополитен и Районной, чтобы они помогли нам как-нибудь дотянуть до пятидесяти одного процента — и таким образом контроль в конце концов все-таки останется за нами.

Лорд Стэйн одобрительно кивнул.

— Этим мы закрепим свою позицию, — продолжал Джонсон, — и тогда, что бы ни случилось, мы с вами, объединившись, скажем, с Колвеем, Джимсом и, может быть, с Дайтоном, будем хозяевами. А Каупервуду уже придется иметь с нами дело на паритетных началах как с совладельцами центральной линии.

— Да… это пожалуй, самое разумное, — с невозмутимым видом протянул Стэйн. — Ну что ж, я не прочь потолковать с этим американцем. Можете пригласить его ко мне, когда найдете это удобным. Только предупредите меня заранее. Во всяком случае после разговора с ним картина для нас с вами будет яснее.

Итак, в один погожий июньский день Каупервуд с Джонсоном сели в коляску и покатили по ровным лондонским улицам к особняку лорда Стэйна.

Каупервуд еще не решил, может ли он доверять этим людям настолько, чтобы познакомить их — конечно, в известных пределах — со своими тайными хитроумными планами. Признаться, он все же подумывал о том, что, как бы удачно ни обернулся разговор с Джонсоном и Стэйном, все же неплохо было бы пощупать и Эбингтона Скэрра, попытаться войти с ним в соглашение и заполучить его контракт на постройку линии Бейкер-стрит — Ватерлоо. А если с помощью Хэддонфилда и лорда Эттинджа удастся выудить еще кое-какие контракты, тогда у него будет полная возможность диктовать свои условия всем этим хозяевам кольцевой линии.

Когда они подъехали к дому лорда Стэйна на Беркли сквере, строгая благородная красота этого внушительного здания невольно поразила Каупервуда. Оно казалось таким надменным в своем незыблемом благополучии, которое, разумеется, не имело ничего общего с коммерцией. Ливрейный слуга распахнул перед ними дверь; чинная тишина огромной гостиной первого этажа дохнула на Каупервуда отрадным спокойствием, что, впрочем, отнюдь не поколебало его критического отношения ко всему окружающему. Что ж, он правильно поступает, этот человек, бережет свое благополучие, как умеет. Но и он, Каупервуд, со своей стороны тоже правильно поступает, стараясь втянуть его в свое дело, ну а там уж как повернется: может быть, благодаря ему лорд Стэйн приумножит свое богатство, а может быть, если он не проявит достаточной ловкости, Каупервуд проглотит его, и тогда все это благополучие рассыплется в прах.

Джонсон предложил Каупервуду посмотреть картинную галерею, так как дворецкий пришел доложить, что лорд Стэйн звонил по телефону и передал, что немного задержится. Бедняга стряпчий, вынужденный взять на себя роль хозяина, старался быть как нельзя более предупредительным. Каупервуд сказал, что он с удовольствием посмотрит картины, и Джонсон повел его в огромный зал, примыкавший к вестибюлю.

Они медленно прохаживались по галерее, останавливаясь перед изумительными портретами кисти Ромнея и Генсборо, и Джонсон посвящал Каупервуда в родословную Стэйнов. Покойный лорд был серьезный человек, вечно, бывало, над книгами сидит; интересовался хеттскими раскопками и хеттской письменностью, сколько денег на это ухлопал, — ну, конечно, ему ученые историки всякие благодарственные адреса подносили. Молодой Стэйн к этим антикварным интересам родителя никакой склонности не обнаружил. Он смолоду вел рассеянный образ жизни и сейчас любит общество, всякие светские развлечения; ну а что касается серьезных умственных интересов — и тут он нашел себе занятие по душе: взялся изучать финансы. Теперь лорд Стэйн видная фигура в свете, влиятельный человек и в финансовых кругах тоже солидной репутацией пользуется. А здесь, в этом доме, когда наступит сезон, какие балы, вечера, какие приемы задаются! Родовое поместье Стэйнов Трегесол — это одна из достопримечательностей Англии. Кроме того, у лорда Стэйна есть еще прелестный загородный дом в Прайорс-Кове, около Марлоу на Темзе, я винодельческая ферма во Франции.

Каупервуд, услышав название приюта Беренис, подавил невольную улыбку и только хотел было о чем-то спросить Джонсона, как позади них раздался чей-то веселый голос, и они, обернувшись, увидели лорда Стэйна.

— А! Вот вы где, Джонсон! А с вами, смею думать, не кто иной, как сам мистер Каупервуд?

Он протянул руку, и Каупервуд, окинув его быстрым проницательным взглядом, энергично пожал ее.

— Очень рад, поверьте! Считаю за честь познакомиться, — промолвил он.

— Что вы! Что вы! — отвечал Стэйн. — Элверсон мне столько рассказывал о вас. Я думаю, нам всего удобнее будет расположиться в библиотеке… Идемте.

Он позвонил и приказал лакею принести вино. Они вошли в просторную комнату с высокими стеклянными дверями, выходившими в сад. Пока лорд Стэйн любезно усаживал своих гостей и отдавал распоряжения лакею, Каупервуд внимательно приглядывался к нему. Безусловно, этот человек располагал к себе. В его непринужденной учтивости была какая-то подкупающая простота и вместе с тем осмотрительность, на которую человек, завоевавший его доверие, мог вполне положиться. Но завоевать это доверие, по-видимому, не так просто. С ним надо действовать напрямик, честно, учитывая его интересы не менее, чем свои собственные.

Однако Каупервуд все-таки решил на этот раз не открывать Стэйну своих махинаций. У него невольно мелькнула мысль о Беренис; ведь у них был уговор, что она будет помогать ему поддерживать отношения вот именно с такими людьми, как лорд Стэйн. Но теперь, после того как Каупервуд на себе испытал бесспорное обаяние Стэйна, ему вовсе не улыбалось знакомить его с Беренис. Он заставил себя не думать об этом и стал слушать Джонсона, — тот говорил о положении, в котором находился в настоящее время лондонский подземный транспорт.

Когда Джонсон закончил свой обзор, Каупервуд спокойно и обстоятельно изложил свой план объединения подземных линий. Он распространялся главным образом насчет электрификации, освещения, новой системы электротяги, воздушных тормозов и автоматической сигнализации и блокировки. Лорд Стэйн только один раз позволил себе перебить его:

— Вы, простите, имеете в виду личный контроль над всей этой единой сетью или контроль директората?

— Безусловно, контроль директората, — не задумываясь, отвечал Каупервуд, который на самом деле отнюдь не имел этого в виду. — Я полагал, если мне удастся осуществить это Объединение подземных дорог, — продолжал он, между тем как Джонсон и Стэйн молча наблюдали за ним, — учредить новую компанию, включив в нее Чэринг-Кросс, которая теперь является моей собственностью. Чтобы привлечь пайщиков центральной кольцевой линии, я готов предложить им за каждую их акцию, которой они сейчас владеют в своих карликовых компаниях, по три акции в этой вновь учрежденной объединенной компании. А поскольку постройка линии Чэринг-Кросс обойдется по меньшей мере в два миллиона фунтов стерлингов, вы сами можете судить, насколько возрастет стоимость акций.

Он сделал паузу, чтобы проверить, какое это произвело впечатление, и, убедившись, что оно в его пользу, продолжал:

— Вы не находите, что это весьма выгодная перспектива во всех отношениях, в особенности, если мы оговорим заранее, что все линии этой новой компании будут оборудованы по последнему слову техники и будут эксплуатироваться как единая система? И при этом — учтите, безо всяких дополнительных затрат со стороны учредителей, а просто за счет распродажи новых акций.

— Да, это безусловно выгодно, — отозвался лорд Стэйн.

Джонсон молча кивнул, соглашаясь с ним.

— Так вот, в общих чертах, — сказал Каупервуд, — в этом и заключается мой план. Разумеется, эту сеть можно впоследствии расширить, присоединить новые ветки, но это уже будет решать директорат.

Каупервуд не упускал из виду возможность перекупить контракты у Скэрра, Хэддонфилда и еще кое у кого — и тогда, если он соберет все это в своих руках, директора объединенной компании волей-неволей вынуждены будут выкупить у него эти контракты.

Но тут лорд Стэйн задумчиво почесал за ухом.

— Мне представляется, — сказал он, — что ваше предложение обменять акции из расчета три за одну может показаться заманчивым кой-кому из пайщиков, которые пожелают войти в ваше предприятие на столь выгодных условиях. Но я должен сказать, что вы упускаете из виду одно очень важное обстоятельство, а именно: отношение к вам, которое уже и сейчас заставило очень многих объединиться против вас. Так вот, если вы это учтете, можете быть уверены, что ваше предложение — три акции за одну — не привлечет к вам достаточного количества пайщиков, готовых принять все ваши условия и позволить вам распоряжаться по своему усмотрению, иными словами, предоставить вам полный контроль. Насколько я понимаю, вы это именно и имели в виду. А у нас, видите ли, на этот счет держатся вполне определенного мнения — управлять предприятием должны англичане. Оба мы, и я и Джонсон, имели возможность убедиться в этой тенденции, с тех пор как о приобретении вами Чэринг-Кросс стало официально известно. Более того, пайщики Метрополитен и Районной обнаруживают явное стремление сплотиться против вас. Признаться, до сих пор директора этих компаний отнюдь не проявляли друг к другу каких-либо дружеских чувств.

Джонсон язвительно хмыкнул.

— Так что, если вы не сумеете проявить в этом деле необходимую осторожность и такт, — продолжал Стэйн, — не будете знать, как подойти к тем или иным нужным людям, как убедить их, действуя при этом скорее через английских, а не американских посредников, — вы очень скоро почувствуете себя припертым к стене, вам не дадут сделать ни шагу.

— Совершенно верно, — отвечал Каупервуд, который отлично понимал, куда клонит Стэйн: если они возьмут на себя труд вытащить для него из огня этот английский каштан, они потребуют не добавочной компенсации, нет, — больше того, что он уже предлагает, вряд ли можно требовать, — но, видимо, какой-то новой формы совместного с ним контроля на паритетных началах. А если это не выйдет, они будут добиваться прочных гарантий для своих капиталовложений и, по всей вероятности, равномерного распределения барышей в соответствии со вложенным капиталом и с учетом постепенного расширения проектируемой сети. Ну а как это можно оформить? Каупервуд не мог на это ответить и, чтобы уяснить себе и свою и их точку зрения, осторожно прибавил: — Вот именно в связи с этим я и думал: чем, собственно, я мог бы заинтересовать вас обоих? Я отлично понимаю, что для вас все это ясно как на ладони, и если вы согласитесь участвовать со мной в этом деле, я безусловно могу рассчитывать на более благожелательное отношение к себе. Итак, кроме этого обмена, — три акции за одну, — скажите, что именно я мог бы вам предложить? Какого рода частное соглашение между нами тремя было бы для вас желательным?

Но тут началось обсуждение таких тонких и сложных вопросов, что передавать эту беседу было бы слишком долго и затруднительно. Речь шла главным образом о той предварительной работе, которая предстояла сейчас Стэйну и Джонсону. А это, как они объясняли Каупервуду, заключалось прежде всего в том, чтобы ввести его в известные круги лондонского общества. Без этого финансовые его дела не сдвинутся с места.

— У нас в Англии, — говорил Стэйн, — успеха можно добиться главным образом благодаря покровительству и поддержке финансовых и общественных кругов, а отнюдь не собственными усилиями отдельных личностей, как бы они ни были одарены. Если вы не приняты в известных кругах, не пользуетесь их расположением, у вас на каждом шагу будут возникать затруднения. Вы понимаете меня?

— Вполне, — отвечал Каупервуд.

— И затем, что бы вы ни предпринимали, у нас это никогда не носит характера просто голого, расчетливого делячества. Нет, в любом деле у нас стараются достигнуть взаимопонимания, внушить уважение к себе. А этого ведь нельзя добиться за полчаса. И зависит это не только от рекомендаций, но и от личных отношений как частного, так и светского характера. Вам это ясно?

— Вполне, — отвечал Каупервуд.

— Так вот, прежде чем заняться всем этим, нужно совершенно точно установить, на какого рода компенсацию, не считая обмена акций, могут рассчитывать лица, взявшие на себя труд обеспечить такую общественную поддержку и благожелательный прием вам и вашему делу?

Каупервуд сидел, небрежно откинувшись в кресле и слушая лорда Стэйна, и, казалось, вполне соглашался со своим собеседником. Однако зоркий наблюдатель, внимательно приглядевшись к нему, заметил бы, что в глазах его появился жесткий металлический блеск, а плотно сжатые губы превратились в твердую линию.

Он отлично понимал, что, читая ему эти наставления, Стэйн милостиво снисходит к нему. Ибо благородный лорд, несомненно, осведомлен обо всех скандалах, связанных с деятельностью Каупервуда, а также и о том, что Каупервуд не принят в порядочном обществе ни в Чикаго, ни в Нью-Йорке. И как бы дипломатично и учтиво ни держал себя лорд Стэйн, Каупервуд не строил себе на этот счет никаких иллюзий и принимал его наставления за то, чем они и были на самом деле: это были наставления человека, занимающего видное положение в высшем обществе, человеку, отвергнутому этим обществом. Но Каупервуд не испытывал ни досады, ни возмущения. По правде сказать, его это даже забавляло, ибо он чувствовал себя хозяином положения. Он делает возможным для Стэйна и его друзей то, чего никто Другой не мог для них сделать.

Когда Стэйн кончил говорить, Каупервуд задал ему несколько вопросов относительно условий предполагаемого соглашения. Но лорд Стэйн в высшей степени учтиво уклонился от ответа, сказав, что, по его мнению, эти подробности лучше предоставить Джонсону. Однако он уже достаточно ясно представлял себе, каким образом не только гарантировать этот обмен принадлежащих ему акций Метрополитен и Районной из расчета три на одну, но и достичь не подлежащего огласке соглашения между ними тремя, в котором их права, его и Джонсона, будут четко обусловлены, ограждены и закрепят за ними на будущее постоянный прочный доход во всех оборотах и эксплуатации этого несомненно прибыльного предприятия.

Вскинув монокль, лорд Стэйн привычным жестом вдел его в правый глаз и невозмутимо уставился на своего собеседника.

Каупервуд, изобразив на своем лице искреннюю признательность, поблагодарил Стэйна за проявленные им участие и доброту; его благожелательное отношение и личный интерес к делу помогли осветить всю эту крайне запутанную, сложную обстановку, в которой постороннему человеку было бы чрезвычайно трудно разобраться.

Он убежден, что их взаимное соглашение приведет к полному удовлетворению обеих сторон. Однако перед ним стоит сейчас задача финансировать предприятие и ему надо как-то позаботиться об этом. По-видимому, прежде чем вступить в переговоры с пайщиками англичанами, ему придется съездить в Америку, чтобы собрать необходимый капитал; Стэйн вполне согласился с этим.

У Каупервуда уже давно созрел проект — организовать новую держательскую компанию, в которой он будет владеть пятьдесят одним процентом акций; а она уже будет кредитовать эту английскую акционерную компанию, обеспечив себе полный контроль и гарантировав захват ее на случай вполне возможного краха. Ну, об этом он еще успеет подумать.

Что же касается Беренис и Стэйна, с этим пока тоже лучше повременить; там видно будет. Ведь ему уже стукнуло шестьдесят, — еще несколько лет, и, пожалуй, кроме славы и общественного признания, ему ничего уж не будет нужно. В этом беспощадном круговороте неотложных дел, совершенно поглотившем его, он уже и сейчас чувствует что-то похожее на усталость. Иногда, после напряженного делового дня эта лондонская авантюра, в его возрасте, представлялась ему совершенно нелепой затеей. Ведь всего два года назад, в Чикаго, он думал, что если ему удастся продлить свои концессии, он откажется от управления, выйдет из дела и отправится путешествовать. Одно время он даже подумывал — если Беренис отвергнет его, он примирится с Эйлин и будет жить в своем доме в Нью-Йорке; придумает себе какое-нибудь интересное занятие, какое-нибудь дело, которое можно приятно сочетать с заслуженным отдыхом.

А теперь — что он затеял? И ради чего? Что это даст ему, если не считать удовольствия быть с Беренис? Но ведь если бы она только захотела, они могли бы просто поехать куда-нибудь вдвоем и жить гораздо спокойнее. Нет, она почему-то настаивала на этом, да и он тоже внушал себе, что это его долг перед самим собой, перед своей собственной жизнью и репутацией — они оба считали, что он представляет собой не только выдающегося финансиста, но и незаурядного предпринимателя с широким размахом, и поэтому он должен идти вперед и завершить свою карьеру таким вот головокружительным взлетом. А удастся ли это сделать, не рискуя всей своей репутацией и состоянием? Как можно поручиться, что при установившемся о нем сейчас мнении в Америке он сможет, приехав туда, собрать в сравнительно короткий срок необходимый капитал?

Короче говоря, его положение сейчас, с какой стороны ни подойти, в высшей степени затруднительно и шатко. Он чувствовал себя усталым и подавленным. Быть может, это было первое дуновение приближающейся старости.

Вечером после обеда он поделился своими планами с Беренис. Он полагал, что ему, вероятно, придется взять с собой в Нью-Йорк Эйлин. Ему предстоит принимать у себя массу народа, и, пожалуй, во всех отношениях будет удобнее, если жена будет с ним. Ведь у него сейчас, можно сказать, все висит на волоске, и поэтому особенно важно сохранить добрые отношения с Эйлин.

Эйлин за месяц пребывания в Париже так изменилась, что, по единодушному мнению своих новых друзей, стала «совсем другим человеком». Она сбавила двадцать фунтов в весе; румянец и блеск ее глаз стали ярче, а настроение бодрее; причесана она была а ля шантеклер, как выражалась Сара Шиммель; платья шила по моделям мосье Ришара, туфли у мосье Краусмейера, — словом, все шло так, как было задумано Толлифером. У нее завязалась настоящая дружба с мадам Резштадт, а шейх немало забавлял ее, хотя его внимание было иногда уж слишком назойливым и утомительным. Ему явно нравилась она сама, а не ее богатство и положение. Право, он, как видно, не прочь был завязать с нею роман. Но этот его костюм — белый, из тончайшей шерсти, отделанный шелком и подпоясанный белым шелковым шнуром! А маслянистые черные волосы, которые делали его столь похожим на дикаря! А маленькие серебряные кольца в ушах! А длинные и отнюдь не маленькие узкие туфли из красной кожи с загнутыми кверху острыми носами! А этот ястребиный нос и темные глаза, которые словно видят вас насквозь! Стоило появиться с ним рядом, все тотчас начинали глазеть на вас, словно и вы были каким-то седьмым чудом света. Когда же Эйлин оставалась с ним вдвоем, она только и делала, что всячески старалась уклониться от его нежностей.

— Послушайте, Ибрагим, — говорила она, — не забывайте, что я замужем и люблю мужа. Вы мне нравитесь, право нравитесь. Но вы не должны просить меня о том, чего я не хочу и не стану делать, и если вы будете и дальше так себя вести, я вообще перестану с вами встречаться.

— Но, помилуйте, — настойчиво сказал он на вполне сносном английском языке, — у нас столько много общего. Вы любите игру — я тоже. Мы оба любим поговорить, покататься, поиграть в карты, ставить понемножку на скачках. И все-таки вы, как и я, человек рассудительный, не… не…

— Ветреница? — подсказала Эйлин.

— Что это значит «ветреница»? — спросил он.

— М-м… не знаю, как вам сказать, — у нее было такое чувство, словно она говорит с ребенком. — Непоседа, непостоянный… — она сделала неопределенный жест рукой, как бы желая изобразить нечто неустойчивое, непрочное, легковесное.

— Ах, вот что! Гм! Ветреница! Вот как! Понимаю! Нет, вы не ветреница! Ни-ни! И вы мне нравитесь, очень. Гм… гм… Очень, очень. А я вам? Вам нравлюсь я — шейх Ибрагим?

Это рассмешило Эйлин.

— Да, нравитесь, — сказала она. — Только, по-моему, вы слишком много пьете. И, конечно, вы вовсе не хороший человек — жестокий, эгоист и все такое… Но тем не менее вы мне нравитесь и…

— Тц… тц… тц, — зачмокал шейх. — Это совсем немного для такого мужчины, как я. Без любви я заснуть не могу.

— Ах, перестаньте говорить глупости! — воскликнула Эйлин. — Лучше налейте себе чего-нибудь выпить, а потом уходите и возвращайтесь вечером: поедем вместе обедать. Мне хотелось бы съездить еще раз к этому мистеру Сабиналю.

Так протекали дни Эйлин — в общем весело и приятно. Владевшая ею ранее склонность к меланхолии прошла, и ей даже стало казаться, что ее положение не так уж безнадежно. Каупервуд написал ей, что приедет в Париж, и, готовясь к встрече с ним, Эйлин решила удивить его самым потрясающим из творений мосье Ришара. А Толлифер посоветовал, когда приедет Каупервуд, устроить ему обед у Орсинья, в премилом ресторанчике, который он недавно обнаружил. Уютное местечко, и совсем рядом с собором Парижской богоматери. Сабиналь снабдит для этого случая Орсинья винами, бренди, ликерами, аперитивами и сигарами. А Орсинья под руководством Толлифера приготовит такой стол, на который не посетует даже самый привередливый гурман. На сей раз Толлифер решил превзойти самого себя. Они пригласят мадам Резштадт, верного шейха и Мэриголд, которая, увлекшись Толлифером, решила остаться в Париже и, по его настоянию, примирилась с существованием Эйлин.

— Вы с вашим супругом бывали во всех знаменитых ресторанах, — сказал Толлифер Эйлин, — и этим вас не удивишь. Поэтому, мне кажется, оригинальнее было бы устроить что-нибудь совсем простенькое для разнообразия.

И он принялся объяснять ей свой план.

Чтобы заручиться согласием Каупервуда, Толлифер заставил Эйлин послать ему телеграмму с настоятельной просьбой прибыть на обед, который они устраивают в его честь. Каупервуд, получив это приглашение, улыбнулся и в ответ телеграфировал, что согласен. А когда он приехал, то к своему искреннему удивлению обнаружил, что Эйлин на редкость похорошела, — он даже и не предполагал, что она может так выглядеть, в ее-то годы, а главное — после всего, что ей

пришлось пережить. Ее прическа была поэмой из локонов, оттенявшей все, что было лучшего в ее лице. А мастерски сшитое платье выгодно подчеркивало линии ее значительно похудевшей фигуры.

— Ты просто восхитительна, Эйлин! — воскликнул Каупервуд, увидев ее. — Ты никогда еще так не выглядела! Как тебе удалось этого достичь? Это платье удивительно эффектно. И мне нравится твоя прическа. А чем ты питалась? Одним воздухом?

— Почти что, — отвечала, улыбаясь, Эйлин. — Я уже целый месяц ем так, что это даже нельзя назвать едой! Но можешь быть уверен: больше полнеть я не намерена — хватит. Ну, а как переезд через Ла-Манш? Легко перенес?

Болтая с ним, она наблюдала за Уильяме, которая в ожидании гостей расставляла на столе бокалы и графинчики с ликерами.

— Переезд через Ла-Манш был сущим пустяком, прокатились как по пруду, — рассказывал Каупервуд, — если не считать какой-нибудь четверти часа, когда казалось, что все мы пойдем ко дну. Но когда сходили на берег, все чувствовали себя великолепно.

— Ох, этот ужасный Ла-Манш! — сказала Эйлин, не переставая ощущать на себе взгляд мужа и невольно волнуясь от его комплиментов.

— А что это за банкет ты задумала сегодня?

— Просто мы с мистером Толлифером решили устроить небольшой вечер. Знаешь, этому Толлиферу просто цены нет. Мне он ужасно нравится. И, мне кажется, тебе интересно будет познакомиться кое с кем из приглашенных, особенно с моей приятельницей мадам Резштадт. Мы с ней много бываем вместе. Она очаровательна — я еще ни разу не встречала такой женщины.

Проведя месяц в обществе Толлифера и его пестрого окружения, Эйлин научилась владеть собой и сейчас могла со спокойным сердцем обратить внимание Каупервуда на такую красивую женщину, как мадам Резштадт, тогда как раньше из побуждений ревности она приняла бы все меры к тому, чтобы скрыть от мужа свою интересную приятельницу. Каупервуд мысленно отметил происшедшую в ней перемену, эту уверенность в себе, доверие к нему, добродушие и вновь пробудившийся интерес к жизни. Если и дальше так пойдет, всякие поводы к взаимному ожесточению могут исчезнуть. Но у него тут же мелькнула мысль, что эта перемена в ней — дело его рук, — она здесь ни при чем, она даже и не подозревает об этом. Однако, не успел он об этом подумать, как тут же вспомнил, что всем происшедшим он обязан, собственно, Беренис. Он чувствовал, что приподнятое настроение Эйлин объясняется не столько его присутствием, сколько присутствием человека, которого он специально нанял для этой цели.

Но где же сам виновник этой чудесной перемены? Каупервуд сознавал, что не имеет права спрашивать об этом. Он был в положении человека, который затеял спектакль, маскарад, но не имеет права назвать себя режиссером. Его вывел из раздумья голос Эйлин.

— Фрэнк, ты, наверно, хочешь переодеться, — услышал он. — А мне нужно еще кое-что сделать до прихода гостей.

— Совершенно верно, — ответил Каупервуд. — Но у меня есть для тебя новость. Ты могла бы расстаться сейчас с Парижем и вернуться со мной в Нью-Йорк?

— Что ты хочешь этим сказать?

В ее голосе было безграничное удивление. А она-то надеялась, что этим летом они побывают хотя бы на нескольких модных курортах Европы! И вдруг он говорит о возвращении в Нью-Йорк. Может быть, он решил совсем отказаться от своих лондонских планов и навсегда вернуться в Америку? Она немного растерялась, — это не только осложняло, но даже ставило под угрозу все то, чего ей за последнее время удалось достичь.

— Ничего особенного, — сказал с улыбкой Каупервуд. — В Лондоне все по-прежнему благополучно. Никто меня оттуда не изгонял. Больше того: они, пожалуй, даже хотели бы, чтобы я остался. Но только при условии, что я съезжу домой и вернусь с мешком денег.

Он иронически усмехнулся, и Эйлин, облегченно вздохнув, улыбнулась ему в ответ. Зная по опыту прошлого, как он ведет свои дела, она не могла не разделять его цинизма.

— Меня это ничуть не удивляет, — сказала она. — Но давай поговорим об этом завтра. А теперь пойди-ка переоденься.

— Прекрасно! Я буду готов через полчаса.

Эйлин проводила его внимательным взглядом, пока он не скрылся в соседней комнате. Какой он довольный, преуспевающий и все такой же веселый, ловкий и энергичный! Он все-таки нашел, что она похорошела, и ему, несомненно, понравилось, что она стала держать себя так непринужденно. В этом она была уверена, хотя ни га минуту не забывала о том, что он не любит ее, и по-прежнему побаивалась его. Какое счастье, что жизнь столкнула ее с этим веселым красавцем Толлифером! Но если ей придется вернуться сейчас в Нью-Йорк, что же станет с этой необъяснимой дружбой, которая теперь так прочно установилась между нею и этим молодым повесой?

38

Каупервуд не успел еще вернуться, когда Толлифер впорхнул в апартаменты Эйлин. Отдав цилиндр и палку Уильяме, он быстро подошел к двери, ведущей в спальню Эйлин, и постучал.

— Хелло! — послышался ее голос. — Мистер Каупервуд приехал. Он переодевается. Подождите меня секунду — я сейчас.

— Отлично! Все остальные должны вот-вот прийти.

В эту минуту дверь позади него слегка скрипнула, и, обернувшись, Толлифер увидел входившего в гостиную Каупервуда. Они бросили друг на друга быстрый понимающий взгляд. Толлифер, отлично помня, как должно себя держать, поспешил навстречу Каупервуду, намереваясь любезно приветствовать всесильного магната. Но Каупервуд опередил его.

— Ну вот, мы опять и встретились, — сказал он. — Как вам нравится в Париже?

— Очень! — ответил Толлифер. — Нынешний сезон на редкость веселый. Такая интересная публика съехалась. А погода — просто великолепная. Вы же знаете, каков Париж весной. По-моему, это самое веселое и приятное время года.

— Я слышал, мы сегодня в гостях у моей жены.

— Да, и еще кое-кто соберется. Боюсь, я пришел слишком рано.

— Не выпить ли нам пока чего-нибудь?

Итак, весело болтая о всяких пустяках, о Лондоне, о Париже, оба старались не думать о связывавших их отношениях, и обоим это вполне удавалось. Вошла Эйлин и поздоровалась с Толлифером. Затем появился Ибрагим и, не обращая на Каупервуда ни малейшего внимания, словно это был пастух с его пастбищ, стал усиленно ухаживать за Эйлин.

Каупервуд сначала несколько удивился, а потом даже заинтересовался. Сверкающие глаза араба забавляли его. «Любопытно! — сказал он себе. — Толлифер в самом деле кое-чего добился. А этот разряженный бедуин увивается за моей женой! Занятный будет вечерок!»

В комнату вошла Мэриголд Брэйнерд. Она понравилась ему, и он ей, по-видимому, тоже. Но это обоюдное тяготение было вскоре нарушено появлением холодно-спокойной и экзотической мадам Резштадт, — она была закутана в кремовую шаль, перекинутую через плечо, длинные шелковые кисти ее спускались почти до полу. Каупервуд одобрительно оглядел ее оливково-смуглое лицо, красиво обрамленное гладко причесанными черными волосами; тяжелые серьги из черного янтаря свисали у нее чуть не до плеч.

Мадам Резштадт, на которую он произвел сильное впечатление, как, впрочем, почти на всех женщин, приглядевшись к нему, сразу поняла, в чем несчастье Эйлин. Этот человек не способен принадлежать одной женщине. От этой чаши можно только пригубить и удовольствоваться уже такой малостью. Эйлин следовало бы это понять.

Меж тем Толлифер, которому не сиделось на месте, не переставал твердить, что пора ехать, и, повинуясь его настояниям, вся компания отправилась к Орсинья.

Их ввели в отдельный кабинет с фонарем, — из его огромных распахнутых настежь окон открывался великолепный вид на собор Парижской богоматери и зеленый сквер перед собором. Но едва только они вошли, у всех невольно вырвались возгласы

удивления: в кабинете не было заметно и следов приготовлений к обеду — посредине стоял лишь простой деревянный стол, и притом даже не накрытый.

— Что за черт? — воскликнул Толлифер, который вошел последним. — Ничего не понимаю. Что-то тут не то. Они ведь знали, что мы приедем! Подождите, пожалуйста, я сейчас все выясню, — и, быстро повернувшись, он исчез.

— Право, ничего не понимаю, — сказала Эйлин. — Мне казалось, что мы обо всем договорились.

Она нахмурилась, надув губы, и от этого стала еще привлекательней.

— Нас, очевидно, провели не в тот кабинет, — сказал Каупервуд.

— Они не ждут нас, а? — спросил шейх, обращаясь к Мэриголд, но тут дверь в соседнюю буфетную вдруг распахнулась и в кабинет ворвался клоун с чрезвычайно озабоченным лицом.

Это был настоящий Панталоне, длинный, нелепый, в традиционном одеянии, расшитом звездами и луной, с пышными рюшами вокруг шеи и запястий; на голове у него красовался остроконечный колпак, из-под которого во все стороны торчали всклокоченные волосы, на руках были огромные белые перчатки, на ногах — несуразные башмаки с острыми носами; уши его были вымазаны желтой краской, глаза подведены зеленым, щеки — багрово-красные. Оглядевшись по сторонам с видом безумца, ввергнутого в пучину отчаяния, он воскликнул:

— Ах ты, боже мой! Что за чертовщина! Ах, леди и джентльмены! Это же… право, это… Не нахожу слов!.. Ни скатерти! Ни серебра! Ни стульев! Пардон! Пардон! Что же теперь делать? Пардон, медам, месье, здесь какое-то недоразумение. Сейчас что-нибудь придумаем… Эй!

Он хлопнул в ладоши и впился глазами в дверь, словно ожидая, что полчища слуг тотчас откликнутся на его зов, но напрасно — никто не показывался. Он снова хлопнул в ладоши, склонил голову набок, прислушался. Но из-за двери не доносилось ни звука, — тогда клоун повернулся к гостям, которые, наконец, поняли все и отступили к стенам, чтобы дать ему место.

Приложив палец к губам, клоун подошел на цыпочках к двери. По-прежнему — ни звука. Он быстро нагнулся, припал к замочной скважине — сначала одним глазом, потом другим, обернулся к гостям, скорчил невероятнейшую гримасу, снова приложил палец к губам и опять приник к замочной скважине. Наконец, отпрянув от двери, он шлепнулся на живот, но мигом вскочил и попятился, уступая дорогу чинной и деловитой процессии официантов, которые появились из распахнувшихся дверей, неся скатерти, блюда, подносы с серебром и бокалами; они быстро принялись накрывать на стол, не обращая внимания на прыгающего вокруг и без умолку болтающего клоуна.

— Так, так! — восклицал он. — Явились наконец? Свиньи вы этакие! Бездельники! Расставляй тарелки! Расставляй же тарелки, говорят тебе! — Эти слова относились к официанту, который и так уже быстро и ловко расставлял их.

— Раскладывай серебро, слышишь! — кричал он другому официанту, раскладывавшему серебро. — Да смотри, чтоб не громыхать у меня! Вот свинья!

Тут он схватил нож и с важным видом положил его на то же самое место.

— Нет, нет, не так! — закричал он, обращаясь к официанту, расставлявшему бокалы. — Тупица! И когда только ты научишься делать как надо? Гляди!

И, подняв бокалы, он поставил их точно так, как они стояли. Потом отступил немного, окинул стол критическим взглядом, опустился на колени, посмотрел, прищурясь — и передвинул маленькую ликерную рюмочку на какую-нибудь сотую дюйма.

Эта пантомима необычайно развеселила всех присутствующих (всех, кроме Ибрагима, который, вытаращив глаза, в изумлении взирал на происходящее), одни улыбались, другие смеялись от души; когда же клоун принялся подражать метрдотелю и ходить за ним следом, чуть не наступая ему на пятки, а тот делал вид, что ничего не замечает, — все так и покатились со смеху. Наконец метрдотель направился к выходу, — клоун за ним.

— Вот так-так! — крикнул он на ходу. — Заговор! Ай-яй-яй!

— Неплохо разыграно! — заметил Каупервуд, обращаясь к мадам Резштадт.

— Ведь это Грелизан из «Трокадеро», самый остроумный клоун во всей Европе, — проронила она.

— Неужели! — воскликнула Мэриголд, чье мнение об искусстве комедианта сразу повысилось, стоило ей узнать, что он знаменит.

Эйлин, сначала опасавшаяся за успех своей затеи, теперь так и сияла от удовольствия — она была в восторге от того, что все сошло удачно. Каупервуд соблаговолил похвалить ее изобретательность, а заодно и Толлифера, и теперь все, что бы Грелизан ни вытворял, казалось ей забавным, хотя компания и замерла в испуге, когда клоун, войдя с большой серебряной миской, наполненной чем-то ярко-красным, похожим на суп с томатом, вдруг споткнулся и упал. В воздух взвился, осыпая гостей, рой блестящих оранжевых конфетти, искусно подброшенных рукою клоуна, — раздались возгласы удивления, визг и смех.

Клоун снова бросился в буфетную и вскоре вынырнул оттуда, неся в сахарных щипчиках крошечный гренок; весь обед он то исчезал, то появлялся, с озабоченным видом следуя за официантами и передразнивая каждое их движение.

На третье было подано нечто, похожее на суфле в раковинах. Под верхней створкой раковины каждый обнаружил крохотный воздушный шарик с сюрпризом внутри; проколов его вилкой, Каупервуд нашел ключи Лондона; Эйлин — кланяющегося и улыбающегося мосье Ришара с ножницами в руках; мадам Резштадт — маленький земной шар, где пунктиром была нанесена линия, отмечавшая все города, которые она посетила; Ибрагим — шейха верхом на крошечном коне; Толлифер — колесо миниатюрной рулетки с указателем на нуле; Мэриголд — горсть игрушечных человечков: воина, короля, денди, художника и музыканта. Все до упаду смеялись над этой выдумкой; после кофе Грелизан откланялся; все захлопали, а Каупервуд и мадам Резштадт даже кричали: «Браво! Браво!»

— Восхитительно! — воскликнула мадам Резштадт. — Я непременно напишу ему и поблагодарю.

Потом, в полночь, в театре «Гран-Гиньоль» они смотрели, как прославленный Лялут изображает по очереди всех знаменитостей дня. После этого Толлифер предложил отправиться к Сабиналю. А на рассвете они разошлись, единодушно решив, что изумительно провели эту ночь.

39

Из всего этого Каупервуд заключил, что в Толлифере он нашел человека даже более изобретательного, чем можно было надеяться. Он просто талант, этот Толлифер. Стоит только слегка намекнуть ему — ну и, конечно, снабдить его деньгами, и он окружит Эйлин таким занимательным обществом, что она не станет слишком уж горевать, если ей придется расстаться со своим невнимательным супругом. Но об этом нужно еще подумать. В самом деле, если Эйлин узнает о существовании Беренис, она, по всей вероятности, обратится к Толлиферу за советом. И тогда хлопот не оберешься. Ну и заварил же он кашу! К тому же у Эйлин свой собственный круг знакомых, она постоянно бывает на людях и почти всегда без мужа: постепенно пойдут разговоры о том, где же он проводит все это время, и в конце концов неминуемо выплывет имя Беренис. Пожалуй, лучше всего уговорить Эйлин вернуться с ним в Нью-Йорк, а Толлифера оставить в Европе. Это, разумеется, положит предел дальнейшему сближению Эйлин с Толлифером, а то их отношения уж слишком стали бросаться в глаза и могут послужить поводом для всяких сплетен.

Оказалось, что Эйлин ничего не имела против этой поездки. На то было много причин. Она опасалась, что если она откажется ехать, Каупервуд возьмет с собой другую женщину или заведет какую-нибудь интрижку в Нью-Йорке. К тому же — какое сильное впечатление произведет такая поездка на Толлифера и его друзей! Ведь имя Каупервуда никогда еще так не гремело, и какая завидная роль — быть его общепризнанной женой! Но больше всего ее интересовало, последует ли за нею Толлифер, — ведь эта поездка может продлиться с полгода, а то и больше.

Поэтому Эйлин не замедлила сообщить Толлиферу о своем предстоящем отъезде. Новость пробудила в нем самые противоречивые чувства: как же быть с Мэриголд, которая предлагала ему отправиться на яхте к мысу Нордкап? Часто встречаясь с нею в последнее время, он понял, что если и впредь оказывать ей внимание, она, пожалуй, решится на развод и выйдет за него замуж, а у нее есть собственные средства, и не маленькие. Правда, он не любил ее и все еще мечтал о романе с какой-нибудь молоденькой девушкой. И к тому же вставал вопрос о том, на что жить сейчас и в ближайшем будущем. Стоит источнику его нынешних поступлений иссякнуть — и конец беззаботному существованию. Он считал почему-то, хотя ни малейшего намека на это сделано не было, что Каупервуд предпочтет иметь его под рукой в Нью-Йорке. Но Толлифер понимал, что, поедет он или останется, его отношения с Эйлин дальше так продолжаться не могут: он должен что-то сказать ей о своих чувствах, иначе его поведение может показаться ей странным. Он не сомневался, что Эйлин не поддастся на его пылкие речи, но это польстит ей, а значит, игра стоит свеч.

— Вот как? — воскликнул он, услышав от нее эту новость. — А я как же? Остался за бортом?

И он принялся шагать из угла в угол, всем своим видом изображая величайшее огорчение и разочарование.

— Что с вами? — участливо спросила Эйлин. — Чем вы недовольны?

Она заметила, что Толлифер подвыпил (действительно, он зашел к Эйлин после завтрака с Мэриголд в баре мадам Жеми), — хмель, конечно, мог омрачить его настроение, но не настолько, чтобы он совсем уж потерял самообладание.

— Ужасно! — сказал он. — И надо же этому случиться именно сейчас, когда мне только что начало казаться, что наши отношения могут стать какими-то иными.

Эйлин, изумленная этой тирадой, широко раскрыла глаза. Конечно, ее отношения с Толлифером были не совсем обычными, и она все сильнее привязывалась к нему. Она и сама не сознавала, как глубоко было это увлечение. Однако, присмотревшись, как он ведет себя в обществе Мэриголд и других, она пришла к заключению — и даже не раз высказывала это вслух, — что он и пяти минут не может быть верен женщине.

— Не знаю, чувствуете ли вы это, — продолжал меж тем Толлифер, взвешивая каждое слово, — но нас с вами связывает не только светское знакомство. Признаюсь, когда я впервые встретил вас, я не предполагал, что так будет. Вы заинтересовали меня как миссис Каупервуд — женщина, с именем которой связывалось у меня представление о тех кругах общества, куда я не имел доступа. Но после нескольких бесед с вами у меня возникло иное чувство. Я прожил очень трудную жизнь. У меня были свои взлеты и падения, и, наверное, они всегда будут. Но в те первые дни нашего знакомства на пароходе что-то заставило меня подумать, что и вы, пожалуй, знавали их. Вот поэтому я и стал искать вашего общества, хотя, вы сами знаете, там было много других женщин, которые могли бы составить мне компанию.

Он лгал с видом человека, который никогда не говорил ничего, кроме правды. И эта умелая актерская игра произвела впечатление на Эйлин. Она подозревала, что Толлифер из тех, кто гоняется за богатым приданым. Пожалуй, так оно и есть. Но если она ему на самом деле не нравится, с чего бы ему так заботиться о ее внешности, о том, чтобы вернуть ей прежнее обаяние? Яркое, сильное чувство внезапно вспыхнуло в Эйлин — в нем были и материнская нежность и воскресший пыл молодости. Этот бездельник просто не мог не нравиться: он был такой приветливый, веселый, такой милый и внимательный.

— Но что же изменится от того, что я вернусь в Нью-Йорк? — с удивлением спросила она. — Разве это помешает нам остаться друзьями?

Толлифер задумался. Он сказал о своих чувствах, — ну, а дальше что? Мысль о Каупервуде не давала ему покоя. Чего, собственно, хотел бы от него сейчас Каупервуд?

— Но вы только подумайте, — начал он, — вы исчезаете в самое чудесное время — июнь и июль здесь лучшие месяцы. И как раз самый разгар веселья!

Он закурил папиросу и налил себе вина. Почему Каупервуд не дал ему понять, хочет ли он, чтобы Эйлин оставалась в Париже, или нет? Может быть, он еще и сообщит что-нибудь на этот счет, но не мешало бы ему поторопиться.

— Фрэнк просил меня поехать с ним, и я не могу поступить иначе, — спокойно сказала Эйлин. — Ну а вы… не думаю, что вы тут будете страдать от одиночества.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Без вас Париж потеряет для меня всю свою прелесть. Вот уже много лет жизнь не давала мне столько радости и счастья, как сейчас. А если вы уедете, все рухнет.

— Какие глупости! Пожалуйста, не болтайте вздора! Откровенно говоря, я с удовольствием осталась бы. Но не представляю, как это можно устроить. Вот я приеду в Нью-Йорк, немного осмотрюсь и напишу вам. Впрочем, я уверена, что мы скоро вернемся, а если нет и если ваши чувства останутся неизменными, возвращайтесь домой, мы ведь и в Нью-Йорке сможем встречаться.

— Эйлин! — с нежностью воскликнул Толлифер, решив воспользоваться представившимся случаем. Он подошел к ней и взял ее за руку. — Какое чудо! Вот этих слов я и ждал от вас, мне так хотелось их услышать. Вы в самом деле так думаете? — спросил он, вкрадчиво заглядывая ей в глаза.

И, прежде чем она успела воспротивиться, он обвил руками ее талию и поцеловал — не слишком пылко, но как будто вполне искренне. Эйлин ничего так не хотелось, как удержать его при себе, и все же она мягко, но решительно высвободилась из его объятий, хорошо понимая, что не следует давать Каупервуду серьезного повода к неудовольствию.

— Нет, нет, нет, — сказала она. — Вспомните, что вы мне только что говорили. Мы должны быть друзьями и только друзьями, если вы, конечно, хотите, чтобы наши отношения продолжались. Кстати, почему это мы сидим тут? Я сегодня еще не выходила, а мне хотелось бы надеть свое новое платье.

Толлифер, отнюдь не стремившийся ускорять события, был очень доволен таким оборотом дела и предложил прокатиться в окрестности Фонтенебло, где Эйлин еще ни разу не была. Она с радостью согласилась, и они тотчас уехали.

40

Нью-Йорк. Каупервуд и Эйлин сходят на пристань с парохода «Саксония». Обычная толпа репортеров. Газеты, проведав о намерении Каупервуда прибрать к рукам лондонскую подземку, спешат разузнать, кто будут основные вкладчики, кого он намечает в качестве директоров компаний, кого в управляющие, и не его ли это люди вдруг начали усиленно скупать акции Районной и Метрополитен — как обыкновенные, так и привилегированные. Каупервуд ловко опроверг эти слухи, и, когда его заявление было опубликовано, иные лондонцы, а также и американцы не могли сдержать улыбки.

В газетах и журналах — портреты Эйлин, описание ее новых туалетов; вскользь упоминается, что в Европе она была принята в кругах, близких к высшему свету.

А в это время Брюс Толлифер с Мэриголд плывут на яхте к мысу Нордкап. Но об этом, естественно, в газетах ни слова.

А в Прайорс-Кове Беренис одерживала успех за успехом. Она так умело скрывала свою изворотливость под покровом простоты, невинности и благопристойности, чти все были убеждены: в недалеком будущем она сделает блестящую партию. У нее положительно было какое-то внутреннее чутье, которое помогало ей избегать людей неинтересных, заурядных и непорядочных, — она окружает себя только самыми респектабельными мужчинами и женщинами. Больше того: ее новые знакомые заметили, что она особенно симпатизирует непривлекательным женщинам — покинутым женам, закоренелым синим чулкам и старым девам, хотя и принадлежащим по рождению к сливкам общества, но не избалованным чьим-либо благосклонным вниманием. Не опасаясь соперничества более молодых и привлекательных женщин, Беренис полагала, что если ей удастся завоевать расположение этих скучающих добропорядочных дам, она сможет проложить себе путь в самые влиятельные круги общества.

Не менее удачна была и пришедшая ей в голову мысль открыто восхищаться неким отпрыском титулованной и всеми уважаемой семьи — молодым человеком безупречного поведения и совершенно безобидным. Вот почему-то юная гостья Прайорс-Кова и приводила в умиление своей разборчивостью и рассудительностью всех молодых пасторов и приходских священников на многие мили вокруг. Самый ее вид, когда она скромно появлялась в воскресное утро в одном из ближайших приходов англиканской церкви, всегда в сопровождении матери или какой-нибудь пожилой женщины, известной строгостью своих взглядов, уже достаточно красноречиво подтверждал все самые лестные отзывы о ней.

В это время Каупервуд в связи со своими лондонскими планами побывал в Чикаго, Балтиморе, Бостоне, Филадельфии; заходя в святая святых самых почитаемых в Америке учреждений — в банки и кредитные общества, он беседовал с теми, кто мог быть ему наиболее полезным, располагал наибольшим влиянием и в то же время легче всего поддавался бы на уговоры. А как вкрадчиво уверял он собеседника в доходности своего будущего предприятия, — ни одна подземная дорога никогда еще не давала такой постоянной и все возрастающей прибыли. И несмотря на совсем недавние разоблачения его махинаций, Каупервуду внимали с почтительным интересом и даже искренним уважением. Правда, в Чикаго были и такие, кто презрительно отзывался о нем, но в этих злобных перешептываниях по углам чувствовалась явная зависть. Каупервуд — это была сила, а сила всегда притягивает; газетная молва окружала его настоящим ореолом славы.

Не прошло и месяца, как Каупервуд убедился, что его основные проблемы решены. Он заключил во многих местах предварительные соглашения на приобретение акций держательской компании, которую он намерен был организовать с целью слияния компаний, владеющих отдельными линиями лондонской подземки. За каждую акцию такой компании его держательская компания будет отдавать три своих акции. Вообще говоря, если не считать нескольких небольших совещаний, которые ему предстояло провести в связи со своими чикагскими капиталовложениями, Каупервуд покончил с делами и смело мог вернуться в Англию. Он бы так и поступил, если бы не одна неожиданная встреча, которая, как всегда, привела к обычному концу. В прежние времена, когда имя его превозносили во всех газетах, честолюбивые красавицы, привлеченные его богатством, известностью и личным обаянием, не раз искали знакомства с ним. А теперь такая волнующая встреча произошла у него в Балтиморе, куда ему пришлось поехать по делам.

Это случилось в отеле, где он остановился. И Каупервуду даже на первых порах показалось, что это никак не повлияет на его чувство к Беренис. В полночь, вернувшись от президента Мерилендского кредитного общества, Каупервуд сел к своему письменному столу, чтобы сделать кое-какие заметки в связи с происшедшим между ними разговором; в это время в дверь постучали. На его вопрос женский голос ответил, что с ним хочет поговорить родственница. Каупервуд улыбнулся: за всю его жизнь еще никто не знакомился с ним под таким предлогом. Он отворил дверь и увидел девушку, которая с первого взгляда

возбудила его любопытство, — он тут же решил, что таким знакомством не следует пренебрегать. Девушка была очень молода и необычайно привлекательна; тоненькая, среднего роста, она держалась свободно и уверенно. Она была хороша собой и изящно одета.

— Так, значит, вы моя родственница? — с улыбкой спросил Каупервуд, впуская ее в комнату.

— Да, — спокойно ответила она. — Я ваша родственница, хотя, быть может, вы этому сразу и не поверите. Я внучка вашего дяди, брата вашего отца. Только фамилия моя Мэрис. А фамилия моей мамы была Каупервуд.

Он предложил ей кресло и сам сел напротив. Она в упор разглядывала его — глаза у нее были серо-голубые, с металлическим блеском.

— Откуда вы родом? — поинтересовался он.

— Из Цинциннати, — последовал ответ. — Но моя мама родом из Северной Каролины, а ее отец родился в Пенсильвании — недалеко от того места, где родились и вы, мистер Каупервуд. Он из Дойлстауна.

— Правильно, — сказал Каупервуд. — У моего отца в самом деле был брат, который когда-то жил в Дойлстауне. К тому же, разрешите вам сказать, глаза у вас — каупервудовские.

— Благодарю, — проронила она, отвечая на его пристальный взгляд не менее пристальным взглядом.

Наступило недолгое молчание; потом она сказала, нимало не смущаясь тем, что он так бесцеремонно разглядывает ее:

— Вам может показаться странным, что я зашла к вам в такой поздний час, но, видите ли, я тоже живу в этом отеле. Я балерина, и труппа, с которой я выступаю, гастролирует здесь эту неделю.

— Да неужели? Как видно, мы, квакеры, стали проникать в самые чуждые для нас области.

— Да, — согласилась она и улыбнулась теплой, сдержанной и вместе с тем такой многообещающей улыбкой; в этой улыбке угадывалось и богатое воображение, и впечатлительность, и сильная воля, и чувственность. И Каупервуд тотчас поддался ее обаянию.

— Я только сейчас из театра, — продолжала девушка. — Я много читала о вас и видела ваши портреты в здешних газетах. Мне давно хотелось с вами познакомиться, вот я и решила зайти к вам не откладывая.

— Вы хорошо танцуете? — поинтересовался Каупервуд.

— А вы приходите к нам и посмотрите — тогда сможете сами судить.

— Я собирался утром уехать в Нью-Йорк, но если вы согласитесь позавтракать со мной, я, пожалуй, останусь.

— О, конечно соглашусь, — сказала она. — А знаете, я уже много лет представляла себе, как я буду когда-нибудь разговаривать с вами, — вот так, как сейчас. Однажды, года два назад, когда я нигде не могла получить работу, я написала вам письмо, но потом разорвала его. Видите ли, я из бедных Каупервудов.

— И очень плохо, что вы его не отправили, — заметил Каупервуд. — О чем же вы мне писали?

— Ну, что я очень талантливая и что я ваша двоюродная племянница. И что если мне дадут возможность проявить себя, из меня наверняка выйдет незаурядная танцовщица. Но сейчас я даже рада, что не отправила того письма: теперь мы встретились, и вы сами увидите, как я танцую. Кстати, — продолжала она, не спуская с него своих лучистых серо-голубых глаз, — наша труппа будет выступать этим летом в Нью-Йорке, и, я надеюсь, там вы тоже придете посмотреть на меня.

— Если вы пленяете вашими танцами так же, как и вашей внешностью, вы должны пользоваться огромным успехом.

— Посмотрим, что вы скажете завтра вечером. — Она сделала движение, словно собираясь встать и уйти, но потом передумала.

— Как, вы сказали, вас зовут? — наконец спросил он.

— Лорна.

— Лорна Мэрис, — повторил он. — Вы и на сцене выступаете под этим именем?

— Да. Одно время подумывала, не изменить ли мне его на Каупервуд, чтоб вы услышали обо мне. А потом решила, что такая фамилия подходит больше для финансиста, чем для танцовщицы.

Они продолжали внимательно разглядывать друг друга.

— Сколько вам лет, Лорна?

— Двадцать! — просто ответила она. — Вернее, будет двадцать в ноябре.

Наступившее вслед за тем молчание было полно значения. Их глаза говорили друг другу все, что только может сказать взгляд. Секунда, другая — и Каупервуд, не сводя с нее глаз, просто поманил ее пальцем. Она поднялась, гибкая, как змея, и, быстро подойдя к нему легкой, скользящей походкой, бросилась в его объятия.

— Какая ты красавица! — сказал он. — И подумать только, что ты пришла ко мне вот так… чудесно…

41

В голове у Каупервуда была полная сумятица, когда на следующее утро, часов в двенадцать, он расстался с Лорной. Угар, который накануне одурманил его и до сих пор владел всем его существом и всеми чувствами, не мог вытеснить из его памяти мысль о Беренис. Но как описать его состояние? Смешно было бы утверждать, что огонь, которому ничто не препятствует, не может сжечь дом. А сил, которые препятствовали или хотя бы могли воспрепятствовать Каупервуду или Лорне поддаться влечению чувства, не было. Но когда она ушла в театр, мысли Каупервуда потекли по своему обычному руслу, и он задумался над тем, как странно и неестественно, что в его жизни, до сих пор всецело заполненной Беренис, появилась еще и Лорна. Целых восемь лет он жаждал Беренис и терзался мыслью, что она для него недосягаема, а последнее время был весь во власти ее физической и духовной красоты. И однако он позволил менее утонченным, но все же властным чарам другой женщины не только затмить, но на какое-то время даже вытеснить из его сердца и мыслей Беренис.

Оставшись один в своей комнате, Каупервуд спросил себя, заслуживает ли он порицания. Он ведь не искал этого искушения, оно само пришло к нему, и притом так внезапно. Он всегда стремился разнообразить свои впечатления, разнообразить источники и почву, питающие их, — такова уж была его натура, иначе он не мог. Правда, он говорил Беренис в дни своего наивысшего увлечения ею, да и не раз потом, что в ней он обрел все, о чем мечтал годами, — всю свою долгую жизнь. В сущности, так он думал и сейчас. Но только теперь появилась еще и Лорна, которая с необоримой, всепобеждающей силой влекла к себе таинственным, неотразимым очарованием нового и неизведанного, всем, что сулит женская молодость и красота.

Ее предательскую власть, говорил себе Каупервуд, пожалуй, нетрудно объяснить — эта власть сильнее человека, он не в состоянии бороться с ней, каковы бы ни были его намерения. Она приходит, неся с собою лихорадку, зажигает пожаром кровь и делает свое дело. Так было у него с Беренис, а теперь так же получилось с Лорной Мэрис. Но одно Каупервуд отчетливо понимал даже сейчас: увлечение Лорной никогда не сможет вытеснить из его сердца любовь к Беренис. Он по-разному относился к этим женщинам, — он это сознавал и чувствовал, — потому что они сами были очень разные как по характеру, так и по складу ума. Почти ровесница Беренис, Лорна прошла суровую школу жизни, больше испытала и довольствовалась тем немногим, что могла принести ей ее физическая и чисто чувственная красота: славой, подношениями и аплодисментами, какими награждает публика соблазнительную и воспламеняющую танцовщицу.

У Беренис был совсем другой склад характера и соответственно с этим совсем иные запросы: это была гораздо более яркая и многообразная натура, с широким кругозором, обогащенным культурой и тонким пониманием прекрасного. Как и Каупервуд, она прежде всего руководствовалась разумом и художественным чутьем. Поэтому-то она и сумела так непринужденно и с таким изяществом держать себя в Англии, примениться к ее атмосфере, ее обычаям и традициям. Несмотря на всю живость Лорны и ее волнующую чувственную прелесть, обаяние Беренис, ее власть над Каупервудом были, несомненно, глубже, прочнее. Иными словами, ее переживания, ее стремления воспринимались им как нечто несравненно более значительное. И когда Лорна уйдет из его жизни, — хотя Каупервуду не хотелось сейчас думать об этом, — Беренис по-прежнему будет занимать в ней большое место.

Но как же ему все-таки быть дальше? Сумеет ли он скрыть эту связь, которую ему вовсе не хочется сейчас же обрывать? И если Беренис узнает об этом, что он ей скажет? Бреясь перед зеркалом, принимая ванну и одеваясь, он так и не сумел решить эту задачу.

Придя на спектакль, Каупервуд понял, что Лорна Мэрис не столько талантливая, сколько модная танцовщица — из тех, что несколько лет блистают на сцене, а потом, при случае, выходят замуж за богатого человека. Но сейчас, глядя, как она исполняет танец клоуна, в широчайших шелковых шароварах и перчатках с длинными пальцами, он находил ее очень соблазнительной. При свете прожекторов, отбрасывающих гигантские тени, под аккомпанемент причудливой музыки, она пела и танцевала, изображая злого духа, — берегись, того и гляди сцапает! Затем следовал танец языческий жрицы. В короткой тунике из белого шифона, так выгодно подчеркивавшей красоту ее обнаженных рук и ног, в вихре обсыпанных золотою пудрой волос, перед ним была исступленная вакханка. А в следующем танце Лорна предстала невинной девушкой, которая в ужасе пытается скрыться от преследователей, покушающихся на ее честь. Танцовщицу вызывали столько раз, что дирекция принуждена была прекратить ее выступления на бис. И в Нью-Йорке все только и говорили о ней, несомненно она была самой яркой звездою летнего сезона, эмблемой для всех влюбленных этого огромного города.

В самом деле, к немалому удивлению и удовольствию Каупервуда, о Лорне говорили ничуть не меньше, чем о нем самом. Оркестры повсюду играли ее песенки, актрисы в модных водевилях подражали ей. Достаточно было появиться с нею, чтобы пошли разговоры, — это было главным затруднением, с которым приходилось считаться Каупервуду, ибо те самые газеты, которые ежедневно прославляли Лорну, прославляли и его. Это побуждало его действовать с величайшей осторожностью и в то же время приводило в полное отчаяние: ведь Беренис может прочесть об этом или услышать, или кто-нибудь шепнет ей, что его видели с Лорной, а роман их был в самом разгаре, и они естественно стремились как можно больше бывать вместе. Зато Эйлин Каупервуд решил откровенно признаться, что встретил в Балтиморе внучку своего дяди, очень способную девушку, выступающую в труппе, которая гастролирует в Нью-Йорке. Не возражает ли Эйлин, если он пригласит ее к ним?

Эйлин, которая уже читала о Лорне и видела ее фотографии в газетах и журналах, разумеется, любопытствовала посмотреть на нее и потому охотно согласилась послать приглашение. Но танцовщица показалась ей слишком красивой, слишком самоуверенной, — скажите, пожалуйста, сама разыскала Каупервуда, сама познакомилась с ним! Этого было уже достаточно, чтобы озлобить Эйлин и пробудить в ней старые подозрения. А что, собственно, интересует Каупервуда в этой девушке? Молодость — нет такой силы, которая могла бы ее вернуть! Красота — призрачная тень совершенства, неверная и так быстро от нас ускользающая! А какую бурю они могут вызвать, какой пожар страстей! Эйлин без особого удовольствия водила Лорну по галереям и садам каупервудовского дворца. Она завидовала Лорне, понимая, что та обладает таким богатством, которое не нуждается в оправе, тогда как сама Эйлин… что ей в этих вещах, когда ей не хватает главного. Жизнь — там, где красота и желание; где их нет, там нет ничего… Каупервуд жаждет красоты и умеет находить ее — он живет полной, яркой жизнью, у него есть и слава и любовь. А у нее…

Вынужденный изображать занятого человека, придумывать несуществующие совещания и дела, чтобы сохранить в тайне и безопасности свой новый рай, Каупервуд вспомнил о Толлифере, — неплохо бы иметь его под рукой, — и тут же отдал распоряжение Центральному кредитному обществу о вызове его в Нью-Йорк. Он, пожалуй, сумеет отвлечь Эйлин от мыслей о Лорне.

И вот Толлифер, крайне разочарованный тем, что его отзывают в Америку в самый разгар веселого путешествия у мыса Нордкап в компании Мэриголд и ее друзей, должен был объявить, что неотложные финансовые дела требуют его немедленного возвращения в Нью-Йорк. Вернувшись, он сразу окунулся в веселую, рассеянную жизнь, стараясь развлечь себя, а заодно и Эйлин, и тут до него дошли слухи о Лорне и Каупервуде, которые, естественно, не могли не заинтересовать его. Впрочем, хотя Толлифер и завидовал неизменному везению Каупервуда, он всякий раз старался преуменьшить, а то и вовсе свести на нет доходившие до него сплетни, а главное — оградить своего патрона от каких-либо подозрений со стороны Эйлин.

К несчастью, он прибыл слишком поздно, чтобы предупредить неизбежное — в светской хронике появилась статейка, которая не замедлила попасть в руки Эйлин. Эта статейка вызвала в ней обычную реакцию, подняла со дна души старую горечь, накопившуюся за долгие годы жизни с человеком, который так и не избавился от своего возмутительного порока. Подумать только — человек с таким положением, прославившийся своей предприимчивостью и достижениями, дает повод всякой мелкой сошке, которая и в подметки-то ему не годится, порочить и пятнать свою репутацию, — а ведь она могла бы быть столь блистательной и незапятнанной!

Одно утешало Эйлин: если ей суждено еще раз пережить подобное унижение, так и Беренис Флеминг не избежать его. Эйлин давно уже раздражала эта Беренис, вечно стоявшая незримой тенью между нею и Фрэнком. Узнав, что нью-йоркский дом Беренис пустует, Эйлин сделала вывод, что Каупервуд, должно быть, забыл и о ней: он явно не собирался уезжать из города.

Каупервуд объяснил свое пребывание в Нью-Йорке, между прочим, тем обстоятельством, что на пост президента намечался Уильям Дженнингс Брайан, который на предстоящих выборах мог одержать победу; этот политический смутьян с помощью своих экономических и социальных теорий, шедших несколько вразрез с господствующими в капиталистическом мире взглядами на то, как следует обращаться с деньгами и как их распределять, думал преодолеть непреодолимую пропасть между

богачами и бедняками. Поистине панический страх охватил торгово-промышленные и финансовые круги Соединенных Штатов: что, если такой человек в самом деле станет президентом? Это дало повод Каупервуду сказать Эйлин, что он не решается покинуть в такое время страну, поскольку от поражения Брайана, которое поставит все на свое место, зависит и его финансовая деятельность. Так он писал и Беренис. Однако Беренис очень скоро усомнилась в правдивости Каупервуда. Виной тому была Эйлин: она вырезала статейку из светской хроники и послала ее на нью-йоркский адрес Беренис, и спустя некоторое время статейка была получена в Прайорс-Кове.

42

Из всех мужчин, которых до сих пор встречала на своем пути Беренис, Каупервуд был самым сильным, самым ярким, самым преуспевающим. Но сейчас она не думала о мужчинах, не думала даже и о Каупервуде с окружающей его атмосферой довольства и успеха, — такой необычной, такой красочной оказалась жизнь в Прайорс-Кове. Здесь она впервые почувствовала, что проблемы, связанные с ее двусмысленным положением в обществе, если и не решены, то во всяком случае могут быть на время забыты, и она может предаться влечениям своей до крайности эгоистичной и самовлюбленной натуры и сколько угодно играть и позировать.

Жизнь в Прайорс-Кове протекала в приятном уединении и безделье. Утром, после долгих часов, проведенных в ванне, а потом у зеркала, Беренис любила разглядывать свои наряды и выбирать себе костюм подстать настроению: вот эта шляпа придает ей томный вид, а эта лента — игривый, и тогда нужны вот эти серьги, этот пояс, эти туфли. Порой она усаживалась перед своим туалетным столиком и, опершись локтем о его мраморную в золотистых прожилках доску, склоняла голову на руку и подолгу разглядывала в зеркале свои волосы, губы, глаза, грудь, плечи. С величайшей тщательностью подбирала она серебро, фарфор, скатерти, цветы, неизменно заботясь о том, чтобы и стол выглядел как можно эффектнее. И хотя обычно никто, кроме ее матери, экономки миссис Эванс и горничной Розы, не любовался плодами ее трудов, она наслаждалась ими прежде всего сама. Беренис любила пройтись при луне по маленькому, обнесенному стеною садику, куда выходила ее спальня, и помечтать; она вспоминала Каупервуда, и нередко ей страстно хотелось поскорее быть с ним. Впрочем, ее утешала мысль, что за недолгой разлукой последует тем более радостная и счастливая встреча.

Миссис Картер нередко поражалась столь замкнутому образу жизни, не понимая, почему дочь стремится к одиночеству, тогда как светское общество все шире и шире распахивает перед нею свои двери. Но вскоре их уединение нарушил лорд Стэйн. Это произошло через три недели после отъезда Каупервуда; Стэйн ехал на автомобиле из Трегесола в Лондон и по дороге заехал в Прайорс-Ков — будто бы за тем, чтобы взглянуть на лошадей, а заодно и познакомиться с новыми обитателями поместья. Они вызвали в нем тем больший интерес, когда он узнал, что опекуном девушки, жившей в Прайорс-Кове, был сам Фрэнк Каупервуд.

Беренис, которая столько слышала о Стэйне от Каупервуда, узнав о приезде этого англичанина, сразу загорелась любопытством; не без усмешки вспомнила она при этом про головные щетки с графскими гербами и про весьма таинственные шпильки. Она вышла к нему оживленная и уверенная в себе. Ее эффектный туалет — белое платье с голубой лентой вокруг талии, голубая бархатка, перехватывающая пышные рыжие волосы, и голубые туфельки — произвел должное впечатление на Стэйна. Склоняясь над ее тонкой рукой, он подумал о том, что перед ним женщина, для которой каждая минута в жизни полна глубокого смысла, и что честолюбивый и могущественный Каупервуд выбрал вполне подходящий объект для опеки. И взгляд его, в котором он постарался скрыть любопытство, выдавал восхищение.

— Надеюсь, вы извините своему хозяину столь бесцеремонное вторжение, — начал он. — У меня здесь несколько лошадей, которых я собираюсь отослать во Францию, и мне нужно было взглянуть на них.

— Мы с мамой все время ожидали случая познакомиться с владельцем этого очаровательного уголка, — сказала Беренис. — Здесь так хорошо — просто нет слов. А о вас я много слышала от своего опекуна, мистера Каупервуда.

— Я ему весьма обязан за это, — сказал Стэйн, очарованный ее манерой держаться. — Что же до Прайорс-Кова, то я никак не могу принять ваши похвалы на свой счет: это, видите ли, наследственное владение, одно из сокровищ нашей семьи.

Его пригласили на чай, и он остался. Он спросил, как долго они намерены пробыть в Англии. Беренис, сразу же решив быть с ним поосторожнее, ответила, что не знает: это будет зависеть от того, насколько им с мамой здесь понравится. Стэйн не сводил с нее глаз, и ее невозмутимый взор снова и снова сталкивался с его пристальным взглядом. Он держался так просто, что и она позволила себе некоторые, впрочем вполне невинные, вольности, которых никогда не допустила бы, веди он себя иначе. Он намерен посмотреть своих лошадок? Так, может быть, и ей можно взглянуть на них?

Стэйн был в восторге, и они вместе направились к выгону позади конюшен. Он спросил, довольна ли она прислугой и порядком в Прайорс-Кове. Быть может, она и ее матушка пожелают воспользоваться лошадьми, чтобы покататься в коляске или верхом? Или, может быть, ей хочется, чтобы садовник или управляющий фермой что-нибудь изменили или переделали? На ферме, пожалуй, слишком много овец. Он уже подумывал распродать часть. Беренис тут же заявила, что она обожает овец и

вообще ей все очень нравится и она не желает никаких перемен. Недели через две-три, сказал Стэйн, он вернется из Франции и по дороге в Трегесол, если они все еще будут здесь, опять навестит их. Быть может, и мистер Каупервуд приедет к этому времени. Если да, он будет очень рад снова встретиться с ним.

Стэйн явно предлагал ей свою дружбу, и Беренис решила извлечь из этого все, что можно. Не исключено, что это начало флирта, — мысль о такой возможности еще и раньше мелькала у Беренис, с тех самых пор, как она узнала, что Стэйн — хозяин поместья, где им предстоит жить, и, возможно, будущий партнер Каупервуда. Когда он ушел, она замечталась, вызывая в памяти его высокую стройную фигуру, безукоризненный летний шерстяной костюм, красивое лицо, руки, глаза. Все в нем — внешний вид, походка, манера держаться — было полно своеобразного обаяния.

Но он связан деловыми отношениями с Каупервудом! Об этом следовало подумать, как и о том ложном положении, в каком находятся она и ее мать. Ведь он может догадаться! Он не полковник Хоксбери и не Артур Тэвисток, которых нетрудно провести, как и всех этих сельских священников и старых дев. Это так же несомненно, как и то, что ни ее, ни Каупервуда не удалось бы в подобном случае обмануть. Если сейчас дать Стэйну хоть малейший повод к флирту, он, пожалуй, поведет себя с нею, как с женщиной определенного типа, какою она, собственно, и была, — одной из тех, кем можно пополнить перечень своих побед, вовсе и не помышляя о браке. Нет, она слишком привязана к Каупервуду и слишком заманчиво участвовать в осуществлении его грандиозных планов, — она и думать не хочет о таком предательстве. Ее измена была бы для него слишком тяжелым ударом. Притом он, пожалуй, жестоко отплатил бы ей. Она даже задумалась, разумно ли вообще встречаться со Стэйном.

Но однажды, ранним августовским утром, когда она, словно Нарцисс, любовалась собою в зеркале, ей принесли письмо от Стэйна. Его грум с двумя лошадьми уже находится на пути в Прайорс-Ков, сам он тоже выезжает из Парижа и хотел бы, если она позволит, прибыть следом. Беренис ответила короткой запиской: разумеется, ее матушка и она сама будут рады видеть его. Волнение, которое Беренис при этом почувствовала, заставило ее призадуматься и невольно вспомнить о Каупервуде, который, кстати сказать, в это самое время упивался чарами Лорны Мэрис.

Стэйн, финансист менее проницательный и ловкий, чем Каупервуд, в области чувств был ему достойным соперником. Стоило этому англичанину всерьез увлечься, как он становился на редкость изобретательным и напористым. Он любил красивых женщин и, какими бы делами ни были заняты его мысли, вечно искал все новых и новых приключений. Беренис пленила его с первого взгляда. В этом чудесном уголке, одна с матерью, она казалась ему вполне подходящим объектом для его пылких чувств, однако Стэйн понимал, что придется считаться с Каупервудом и действовать осторожно. Но, поскольку Каупервуд ни разу не обмолвился, что является опекуном Беренис, а она живет сейчас здесь, в его доме, — так почему бы ему, владельцу поместья, не наведываться к ней и впредь, по крайней мере до тех пор, пока он не узнает чего-либо нового? Итак, когда настало время уезжать из Парижа, Стэйн с истинным удовольствием собрался в путь, решив извлечь как можно больше из представившегося случая побыть подле Беренис.

Со своей стороны Беренис тоже приготовилась к встрече. Она надела свое любимое бледно-зеленое платье, была оживлена и держалась куда менее официально, чем в прошлый раз. Хорошо ли он провел время во Франции? Какая лошадь победила — гнедая с белым пятном у глаза или большая вороная с белыми ногами? Оказалось — большая вороная; она принесла Стэйну приз в двенадцать тысяч франков, а заодно и выигрыш нескольких пари, — в общем и целом тридцать пять тысяч франков.

— Достаточно, по-моему, чтоб превратить в аристократов целую семью французских бедняков, — весело заметила Беренис.

— Что ж, французы, знаете ли, народ бережливый, — сказал Стэйн. — С такой суммой какой-нибудь французский крестьянин вполне мог бы стать барином, да и наш тоже. В Шотландии, откуда родом предки моего отца, с такими деньгами, говорят, выходили в графы. — Он задумчиво улыбнулся. — Первый граф Стэйн, — добавил он, — начинал с меньшими капиталами.

— А вот нынешний выигрывает такие деньги за одни скачки!

— М-м, на этот раз — да, но ведь не всегда так бывает. В прошлый раз скачки обошлись мне вдвое дороже.

Они сидели на палубе плавучего домика и ждали, пока им подадут чай. Мимо проплыла плоскодонка с кадкой-то веселой компанией, и Стэйн спросил Беренис, каталась ли она в его отсутствие на байдарках или на лодках, — ведь их сколько угодно на его лодочной станции.

— О да, — сказала она. — Мы с мистером Тэвистоком и с полковником Хоксбери — знаете, с тем, что живет близ Уимблдона, — обследовали всю реку, доплывали до Виндзора, а в обратном направлении — далеко за Марлоу. Думали добраться даже до Оксфорда.

— На плоскодонке? — поинтересовался Стэйн.

— Да, даже на двух или на трех. Полковник Хоксбери хотел подобрать компанию.

— Милейший человек этот полковник! Так вы знакомы с ним? Мы дружили мальчишками. Но я давно не видел его. Он, кажется, был в Индии?

— Да, он мне рассказывал.

— А знаете, окрестности Трегесола много живописнее, — сказал вдруг Стэйн, отмахиваясь от Хоксбери и Тэвистока. — Кругом море, скалы — самое скалистое место на побережье Англии — суровое, величественное, а подальше — вересковые заросли и болота, оловянные и медные рудники и старинные церкви. Вы этим не интересуетесь? И погода — чудесная, особенно сейчас. Я бы очень хотел, чтобы вы с матушкой приехали в Трегесол. Там у нас есть недурная бухточка, где я держу свою яхту. Мы могли бы съездить на острова Силли, — они всего милях в тридцати оттуда.

— Как мило! Вы очень любезны! — сказала Беренис, думая, однако, о Каупервуде и о том, как он отнесся бы к такому приглашению. — Мама, у тебя нет желания прокатиться на яхте к островам Силли? — спросила она, заглянув в открытое окно. — У лорда Стэйна есть яхта и своя пристань в Трегесоле, и он уверен, что нам понравится такая прогулка.

Она продолжала весело болтать, впрочем не без легкой снисходительности в голосе. Стэйн слегка удивился, что она так небрежно отнеслась к его приглашению, которого многие добивались бы как величайшей милости.

В окне появилась миссис Картер.

— Вы должны извинить мою дочь, лорд Стэйн, — сказала она. — Она очень своенравная девица. Она никогда меня не слушалась, да и не только меня, а вообще никого. Ну, а что касается меня, — тут миссис Картер посмотрела на Беренис, словно спрашивая у нее позволения, — по-моему, ваше предложение очень заманчиво! И я уверена, что и Беви думает так же.

— Давайте-ка пить чай, — не обращая внимания на мать, продолжала Беренис. — А потом можете покатать меня на лодке, хотя я, пожалуй, предпочитаю кататься сама — и на байдарке. А то, хотите, пройдемся немного или сыграем до обеда в теннис. Я много упражнялась и теперь, наверно, сыграю неплохо.

— Не слишком ли жарко для тенниса? — возразил Стэйн.

— Лентяй! А я-то думала, англичане способны пожертвовать чем угодно, лишь бы вволю побегать по корту да помахать ракеткой. Нет, Британская империя, как видно, приходит в упадок!

И тем не менее в теннис этим вечером не играли; зато Стэйн с Беренис катались на байдарке по Темзе, а потом — не спеша обедали при свечах. Стэйн описывал красоты Трегесола — правда, поместье несколько старомодно и не так нарядно, как многие английские усадьбы, зато из окон открывается вид на море и скалистый берег — странный и даже жуткий в своей величавой, дикой красоте.

Но Беренис все еще побаивалась принять приглашение, хотя ей и хотелось посмотреть на поместье, — уж очень красочно описал его Стэйн.

43

В характере Стэйна было много общего с Беренис. Он был более податливый, не такой напористый, как Каупервуд, и безусловно менее практичный. Букашка по сравнению с Каупервудом в мире крупных афер, где тот блистал, Стэйн, однако, представал в чрезвычайно выигрышном свете в той атмосфере, которая так прельщала Беренис, — в обстановке изысканной роскоши, подчиненной требованиям самого утонченного вкуса. Она сразу разгадала его — ей достаточно было десять минут походить с ним вечером по парку и послушать, как он рассказывает о себе, чтобы понять, каковы его склонности и взгляды. Как и Каупервуд, он считал свою судьбу вполне сносной и даже не желал ничего иного. Что ж, он богат. Знатен. И не бездарен.

— Но сам я не сделал ровно ничего, чтобы добыть или заслужить хоть что-то из того, что у меня есть, — признался он.

— Этому нетрудно поверить, — рассмеялась Беренис.

— Но тут уж ничего не поделаешь, — продолжал он, словно не заметив ее реплики. — Таков мир — все в нем несправедливо: одни одарены сверх меры, а у других нет ничего.

— Как это верно! — сказала Беренис, став вдруг серьезной. — В жизни столько рокового и столько нелепого: бывают судьбы прекрасные, а бывают страшные, позорные, отвратительные…

Стэйн принялся рассказывать ей о себе. Его отец хотел, чтобы он женился на дочери их соседа, тоже графа. Но их не слишком влекло друг к Другу, деликатно заметил он. А позже, в Кембридже, Стэйн решил во что бы то ни стало отложить женитьбу и сначала поездить по свету, чтобы лучше узнать жизнь.

— Но беда в том, — продолжал Стэйн, — что я слишком привык переезжать с места на место. А в промежутках между большими путешествиями хочется еще побывать и в моем лондонском доме, и в парижском, и в Трегесоле, и в Прайорс-Кове, когда он никем не занят.

— А вот, по-моему, беда в другом: непонятно, что может делать одинокий холостяк со столькими резиденциями, — сказала Беренис.

— Они мне служат для развлечения; я люблю в них устраивать званые вечера и балы, — ответил он. — У нас это очень принято, как вы сами, должно быть, заметили. И избежать этого невозможно. А кроме того, я, знаете ли, работаю, и порой очень усердно.

— Ради удовольствия?

— Да, пожалуй. Во всяком случае это придает мне бодрости, создает какое-то внутреннее равновесие, которое, по-моему, идет мне на пользу.

И Стэйн начал излагать свою излюбленную теорию о том, что сам по себе титул очень мало значит, если он не подкреплен личными достижениями. Сейчас всеобщее внимание привлекают прежде всего те, кто работает в области науки и экономики, а как раз экономика его особенно интересует.

— Но я совсем не о том хотел с вами говорить, — в заключение сказал он.

— Давайте лучше поговорим о Трегесоле. Это место, к счастью, слишком удаленное и слишком пустынное для обычного званого вечера или бала, поэтому, когда я хочу собрать много народу, мне приходится поломать себе голову. Трегесол ничем не напоминает окрестности Лондона, ничего подобного вы там не увидите, — я часто пользуюсь им, как убежищем, куда можно скрыться от всех и вся.

Беренис сразу почувствовала, что он хочет установить с ней более близкие, дружеские отношения. Быть может, самое лучшее — сразу же положить всему конец, вот сейчас, не сходя с места, отрезать пути ко всякому дальнейшему сближению. Но как обидно, что она должна оттолкнуть от себя человека, который по-видимому, так широко смотрит на жизнь, — почти так же, как она сама. И, глядя на шедшего рядом Стэйна, Беренис подумала, что он, пожалуй, способен дать волю чувству и побороть свои предрассудки, даже если она расскажет ему о своих отношениях с Каупервудом. Ведь теперь он связан с Каупервудом делами и, пожалуй, относится к нему с достаточным уважением, чтобы уважать и ее.

Но к тому же Стэйн очень нравился ей. Поэтому, чтобы избежать искушения, Беренис решила перевести разговор на другую тему и больше в этот вечер не возвращаться к Трегесолу. Но на следующий день, когда они встретились рано утром за завтраком, — они собирались поехать кататься верхом, — этот разговор возобновился. Стэйн сказал, что намерен сбежать в Трегесол — ему хочется отдохнуть несколько дней, а главное, спокойно обдумать некоторые серьезные финансовые проблемы, требующие его внимания.

— Видите ли, я взял на себя немалый труд, связавшись со строительством метрополитена, которое затеял ваш опекун, — признался он. — Быть может, вам известно, что мистер Каупервуд разработал очень сложную программу и считает нужным заручиться моей помощью. А я пытаюсь решить, смогу ли я быть ему в самом деле полезен.

Он умолк, словно выжидая, что она на это скажет. Их лошади спокойно шли бок о бок.

Беренис молчала, покачиваясь в седле: она твердо решила не высказывать собственных мыслей.

— Хоть мистер Каупервуд и мой опекун, — прервала она, наконец, молчание, — но его финансовая деятельность для меня тайна. Меня куда больше интересуют чудесные вещи, которые можно приобрести за деньги, чем то, как эти деньги добываются.

И по лицу ее скользнула улыбка.

Стэйн на мгновение придержал лошадь и, повернувшись, внимательно посмотрел на Беренис.

— Честное слово, мы с вами совершенно одинаково думаем! — воскликнул он. — Я часто спрашиваю себя, зачем обременять себя всякими делами, когда так любишь красоту. Подчас я даже злюсь на себя за это.

И Беренис мысленно снова сравнила Стэйна со своим энергичным и безжалостным возлюбленным. В Каупервуде — финансисте и стяжателе — любовь к искусству и красоте существовала лишь в той мере, в какой она не мешала его стремлению к власти и богатству. У Стэйна же чувство прекрасного преобладало над всем остальным, и в то же время он, как и Каупервуд, был человек незаурядный, к тому же богатый. Но при этом у него было и еще одно: титул, знатность, а стало быть, такое положение в обществе, какого Каупервуду никогда не добиться. Беренис было тем интереснее сравнивать этих людей, что она видела, какое сильное впечатление произвела она на Стэйна. Английский аристократ — и Фрэнк Каупервуд, американский финансист, магнат городского железнодорожного транспорта!

Проезжая под нависшими ветвями деревьев на своей серой в яблоках лошади, Беренис пыталась представить себя в роли леди Стэйн. Возможно, у них даже будет сын, и он унаследует графский титул. Но тут — увы! — Беренис вспомнила о своей матери — небезызвестной Хэтти Стар из Луисвиля, и о собственных не слишком благовидных отношениях с Каупервудом, которые того и гляди могут стать известны, и тогда — скандал… Ведь от Эйлин можно ожидать всего, а если еще рассердить Каупервуда, бог весть, чем это может кончиться: он так неистощимо изобретателен, так мстителен. И ее недавнее волнение рассеялось, как туман при беспощадном свете дня. На миг она похолодела, осознав всю сложность своего положения. Но тут она услышала слова Стэйна:

— Разрешите сказать вам, что ваш блестящий ум и душевная чуткость не уступают вашей красоте.

Это звучало утешительно — и Беренис, несмотря на грустное настроение, весело махнула рукой.

— Отчего же? Вы думаете, я неспособна принять то, чего не заслуживаю?

Она интересовала Стэйна все больше и больше, и потому он склонен был думать, что отношения между Беренис и ее опекуном — самые обычные. Ведь Каупервуду, должно быть, стукнуло все пятьдесят пять, а то и шестьдесят. А Беренис выглядит не старше восемнадцати-девятнадцати. Может быть, она его незаконная дочь. С другой стороны, вполне возможно, что ее молодость и красота пленили Каупервуда, и, осыпая мать и дочь подарками и всевозможными знаками внимания, он попросту добивается благосклонности Беренис. Наблюдая за миссис Картер, Стэйн почувствовал какое-то смутное сомнение. Безусловно, она действительно родная мать Беренис, они так похожи друг на друга. И все же Стэйн недоумевал. Но сейчас ему больше всего на свете хотелось увезти Беренис в Трегесол. Как бы это сделать?

— Одно скажу вам, мисс Флеминг: вас можно поздравить с таким опекуном. На мой взгляд, он — выдающийся, замечательный человек.

— Да, это верно, — ответила Беренис. — Как интересно, что вы теперь его компаньон или, кажется, собираетесь стать компаньоном.

— Кстати, — спросил Стэйн, — вы не знаете, когда мистер Каупервуд возвращается из Америки?

— Последнее письмо мы получили от него из Бостона, — ответила она. — И ему предстояла еще уйма дел в Чикаго и в других местах. Право, не знаю, когда он может вернуться.

— Когда он приедет, я, надеюсь, буду иметь счастье видеть вас всех у себя, — сказал Стэйн. — Но мы так и не договорились относительно Трегесола. Неужели уж так обязательно ждать возвращения мистера Каупервуда?

— Думаю, что да, во всяком случае недели три-четыре придется подождать. Мама неважно себя чувствует, и ей хочется посидеть здесь в тишине и отдохнуть.

Она ободряюще улыбнулась Стэйну и тут же подумала, что если Каупервуд вернется или даже просто если написать или телеграфировать ему, все устроится. Ей очень хотелось принять приглашение. К тому же ее дружба со Стэйном, которую Каупервуд заранее одобрил, хотя она и завязалась в его отсутствие, пожалуй, даже поможет ему вести дела с этим англичанином. Надо сейчас же написать Каупервуду.

— Но недели через три вы сможете приехать? — спросил Стэйн.

— Наверно. И я не сомневаюсь, что это будет очень приятная поездка.

Волей-неволей Стэйну пришлось сделать вид, что он в восторге от ее обещания. Эта юная красавица-американканка явно не нуждается ни в нем, ни в Трегесоле, ни в его высокопоставленных знакомствах. Такая уж это независимая натура, привыкла поступать по-своему, с этим надо считаться.

44

Хотя Беренис была далеко не уверена, разумно ли продолжать дружбу со Стэйном, укреплению этой дружбы отчасти способствовал сам Каупервуд, который отнюдь не спешил возвращаться. Он уже сообщил — причиной этому была Лорна, — что до исхода президентских выборов не сможет вернуться в Лондон. Если же, предусмотрительно добавил он, ему придется задержаться надолго, он вызовет Беренис к себе в Нью-Йорк или в Чикаго.

Письмо это наводило на размышления, но подозрений не вызывало. И, может быть, все так бы и обошлось, если б не газетная заметка, вырезанная Эйлин и дошедшая до Беренис примерно через неделю после ее разговора со Стэйном. Как-то утром, разбирая почту в своей спальне, выходившей окнами на восток, Беренис увидела простой конверт, адресованный на ее нью-йоркскую квартиру и пересланный в Прайорс-Ков. В нем оказалось несколько фотографий Лорны Мэрис и газетная вырезка — заметка из светской хроники. Эта заметка гласила:

«Во всем городе только и говорят, что о всемирно известном архимиллионере и его последнем увлечении — популярной танцовщице, звезде сезона. Если верить слухам, эта история носит крайне романтичный характер. Говорят, что сей джентльмен, прославившийся своими успехами на финансовом поприще в некоем городе на Среднем Западе, а также своей слабостью к молодым и красивым девушкам, встретил в одном из отдаленных городов нашей страны очаровательнейшую представительницу балетного искусства, ныне звезду сезона, и будто бы одержал над ней мгновенную победу. Хотя сей меценат и очень богат и, как всем известно, не жалеет денег и осыпает дорогими подарками тех, кому посчастливилось привлечь его внимание, — он все же не потребовал, чтобы балерина ушла со сцены и последовала за ним в Европу, откуда сам он недавно возвратился в поисках капиталов для задуманного им предприятия. Пожалуй, наоборот: он настолько увлечен, что, по всей видимости, позволил уговорить себя остаться здесь. Европа зовет его, но он отложил завершение крупнейшего в своей

жизни финансового начинания, чтобы всласть понежиться в лучах недавно открытого им светила. Напрасно франты в шелковых цилиндрах толпятся у артистических подъездов, — частный автомобиль уносит предмет их поклонения к таким радостям и восторгам, о которых мы можем только догадываться. Во всех клубах, ресторанах, барах только и разговоров, что об этом романе. Чем он может кончиться — предугадать, разумеется, невозможно. Несомненно одно: Европу нельзя заставлять ждать до бесконечности.

Пришел, увидел, победил!»

В первую минуту Беренис была не столько шокирована, сколько удивлена. Восторженное преклонение Каупервуда, то огромное удовлетворение, которое он как будто находил в ее обществе и в своей деятельности, — все это давно усыпило ее сомнения: казалось, в ближайшем будущем ей ничто не угрожает. Но, изучая фотографию Лорны, она сразу заметила, сколько чувственного огня в этой новой фаворитке Каупервуда. Неужели это правда? Неужели он нашел другую — и так скоро? Нет, этого она ему ни за что не простит. Каких-нибудь два месяца назад он называл ее самой прелестной женщиной на свете и говорил, что ей-то уж меньше чем кому-либо следует опасаться мужского непостоянства или соперничества женщины. И вот, однако, он все еще в Нью-Йорке, где ничто не удерживает его, кроме Лорны. И еще хочет провести ее болтовней о президентских выборах!

Мало-помалу холодная ярость овладела Беренис. Ее голубые глаза стали как льдинки. Но в конце концов здравый смысл снова пришел ей на помощь. Разве не в ее власти пустить в ход самое острое свое оружие? К ее услугам Тэвисток — он хоть и хлыщ, но занимает столь видное положение в свете, что его вместе с матерью часто приглашают даже ко двору. Да не только он, есть и другие, — откровенно восторженные взгляды многих и многих видных и интересных мужчин в этом новом для нее обществе красноречиво говорили: «Выбери меня — я того стою!» И, наконец, есть еще Стэйн.

Впрочем, сколько бы Беренис ни злилась на Каупервуда в эти первые минуты, какие бы планы ни строила, ей и в голову не приходило предпринять какой-либо отчаянный шаг. В конце концов он дорог ей. Они оба успели почувствовать и понять, как необходимы они друг другу. Она не знала, как отнестись к этой измене, она была поражена, уязвлена, злость так и кипела в ней, но пойти на разрыв она не решилась бы. Разве сомнение в том, удастся ли ей удержать его, заставить его забыть прежние привычки и влечения, не волновало ее частенько и раньше? В глубине души она допускала, была почти уверена, что это ей не удастся. В лучшем случае сходство характеров и общность интересов, надеялась она, помогут им сохранять если не нежные, то хотя бы выгодные обоим отношения. А теперь… Неужели ей придется сознаться себе — и так скоро, — что все рухнуло? Нет, не может быть! Не так она представляла себе свое будущее и будущее Каупервуда. Ведь до сих пор все было так чудесно…

Она уже написала Каупервуду о приглашении Стэйна и намеревалась дождаться его ответа, а пока что не говорить насчет поездки в Трегесол ни «да», ни «нет». Но теперь, когда перед ней такое доказательство неверности Каупервуда, — решено: как бы она ни сочла нужным вести себя с ним дальше, она примет приглашение его светлости и будет всячески поощрять его ухаживания. А там видно будет, как поступить. Любопытно, что-то скажет Каупервуд, когда увидит, как увлекся ею Стэйн.

Итак, Беренис написала Стэйну, что матушка чувствует себя лучше и ей полезно было бы сейчас переменить обстановку, а потому она с радостью принимает его вторичное приглашение, полученное всего несколько дней назад.

Что до Каупервуда, она пока не станет больше писать ему. Она отнюдь не собирается держать себя со Стэйном так, чтобы вызвать нежелательные разговоры, и поездка эта не должна привести к разрыву с Каупервудом. Надо выждать и посмотреть, как подействует на него ее молчание.

45

Тем временем в Нью-Йорке Каупервуд все еще предавался своей новой страсти, но в глубине его сознания — ни на минуту не давая ему покоя — неотступно маячила мысль о Беренис. Как это почти всегда с ним бывало, его чувственные восторги длились недолго. В самой его крови было нечто такое, отчего он со временем — неизбежно и неожиданно для себя — почему-то терял всякий интерес к предмету недавнего увлечения. Однако после знакомства с Беренис он впервые в жизни почувствовал, что здесь он будет не победителем, а побежденным, — уверенность, от которой он не мог отделаться и которая не на шутку встревожила его, ибо его отношения с ней не ограничивались просто физической близостью, а отнимали немало душевных сил. В противоположность всем женщинам, каких он знал прежде, Беренис вносила в его жизнь не только страсть и радость обладания, но и какую-то частицу красоты и творческой мысли.

Еще два обстоятельства заставили Каупервуда призадуматься. Первым и наиболее важным было письмо от Беренис — она сообщала, что в Прайорс-Ков приезжал Стэйн и что он приглашал ее с матерью к себе в Трегесол. Это известие крайне взволновало Каупервуда, — он знал, что Стэйн несомненно обаятельный, отнюдь не заурядный человек, и при этом — очень недурен собой. Безусловно, Беренис может увлечься таким человеком. Как же ему поступить: покончить немедленно с Лорной и вернуться в Англию, чтобы помешать Стэйну завоевать симпатии Беренис? Или подождать еще немного и уж вполне насладиться близостью с Лорной, а заодно показать Беренис, что он вовсе не ревнует ее к Стэйну и нимало не опасается этого

блестящего высокопоставленного соперника? Это заставит ее подумать, может ли Стэйн быть для нее такой надежной опорой, как он, Каупервуд.

Наряду с этим настроение Каупервуда омрачало еще одно обстоятельство. Совсем неожиданно и очень серьезно заболела Керолайн Хэнд. Из всех предшественниц Беренис ни одна так не понимала его, как Керолайн, не была ему так близка. Керолайн до сих пор писала ему дружеские, остроумные письма, уверяла его в своей неизменной преданности и желала ему успеха в его лондонском предприятии. А теперь он получил от нее коротенькую записку: Керолайн сообщала, что ей предстоит операция аппендицита. Пусть он приедет — хотя бы на час, на два. Ей так много нужно сказать ему. Раз уж он в Америке, он, наверно, может приехать. И Каупервуд счел своим долгом съездить в Чикаго и повидаться с ней.

Каупервуду еще никогда в жизни не приходилось сидеть у постели какой-либо из своих возлюбленных не только во время серьезной болезни, но даже при пустячном недомогании. Его в таких случаях не приглашали: все его мимолетные романы были всегда пронизаны ощущением молодости, веселья, красоты. И теперь, приехав в Чикаго и увидев Керри (так он называл Керолайн), страдающую от нестерпимых болей, — ее должны были вот-вот отправить в больницу, — он невольно задумался над бренностью человеческого существования. Керолайн, оказывается, попросила его приехать еще и потому, что хотела с ним посоветоваться.

— Кто знает, чем это кончится? — сказала она, стараясь казаться бодрой.

— На всякий случай прошу тебя исполнить одно мое желание. У меня в Колорадо есть сестра с двумя детьми, я к ней очень привязана, и мне бы хотелось перевести на ее имя кое-какие облигации.

Приобрести эти облигации ей посоветовал в свое время сам Каупервуд, и теперь они лежали на хранении в его нью-йоркском банке.

Он поспешил превратить все в шутку: она что-то рановато начинает помышлять о смерти, что же тогда делать ему — ведь он старше ее на двадцать пять лет! А про себя он подумал, что все возможно. Что говорить — конечно, она может умереть, все могут — и Лорна, и Беренис, и кто угодно. И как же тщетна, как кратковременна борьба, которую ведет человек! Вот он, в шестьдесят лет, снова чуть ли не с юношеским задором вступает в эту борьбу, — а Керолайн, в тридцать пять, с ужасом думает о том, что очень скоро, быть может, для нее все кончится. Как нелепо. И как грустно.

Опасения Керолайн сбылись — она умерла через двое суток после того, как ее привезли в больницу. Услышав о ее смерти, Каупервуд счел благоразумным тотчас уехать из Чикаго, поскольку весь город знал, что она была его любовницей. Однако перед отъездом он послал за одним из своих чикагских адвокатов и подробно объяснил ему, что и как нужно сделать.

И все же смерть Керолайн не выходила у него из головы. В этой женщине было столько жизни, блеска, задора, даже когда она уезжала в больницу! Он пожалел тогда, что не может проводить ее, и она сказала — это были последние слова, которые он от нее услышал:

— Ты же знаешь меня, Фрэнк. В этом случае я могу обойтись и соло, без всякого сопровождения. Только не уезжай, пока я не вернусь. Меня еще хватит на несколько дуэтов.

Но она не вернулась. А с ней ушло навсегда и то, что напоминало ему о лучшей поре его жизни в Чикаго, — о днях, когда он с таким воодушевлением вел свою яростную борьбу и урывал свободную минутку, чтобы повидаться с ней. И вот Керолайн не стало. Ушла, в сущности, из его жизни и Эйлин, хотя она как будто и рядом. Ушла и Хейгенин, и Стефани Плейто, и другие. А он живет. Сколько же ему еще осталось? И его вдруг охватило неудержимое желание вернуться к Беренис.

46

Однако отделаться от Лорны оказалось не так-то легко. Как и Беренис, и Арлет Уэйн, и Керолайн Хэнд, и любая из многих прелестниц, скрашивавших в прошлом жизнь Каупервуда, Лорна была не лишена хитрости. И она искусно прибегала ко всякого рода уловкам, чтобы удержать при себе знаменитого Каупервуда: слишком уж было лестно иметь такого поклонника, чтобы отпустить его без борьбы.

— Долго ты думаешь пробыть в Лондоне? Ты будешь часто писать мне? Разве ты не вернешься к рождеству? Или хотя бы к началу февраля? Знаешь, уже решено: мы остаемся в Нью-Йорке на всю зиму. Говорят даже, будто мы потом поедем в Лондон. А ты будешь рад, если я приеду?

Она сидела у него на коленях и тихонько шептала ему всякие нежные словечки. Он может быть спокоен: когда она приедет в Лондон, она не будет надоедать ему — она понимает: ведь там Эйлин, и к тому же у него столько дел. Умела же она вести себя в Нью-Йорке.

Но Каупервуд, у которого из головы не выходили Беренис и Стэйн, был другого мнения. Правда, Лорна способна была пробудить в нем бурю страсти, но по своему духовному облику, уму и умению держаться в обществе она не шла ни в какое сравнение с Беренис, и вот эту-то разницу между ними Каупервуд и начал теперь ощущать. Надо положить конец этой связи, оборвать ее резко и решительно.

От Беренис не было ни строчки, хотя после ее письма, в котором она сообщала о визите Стэйна и намекала на то, что ей хотелось бы съездить в Трегесол. Каупервуд несколько раз писал и телеграфировал ей. Мало-помалу он начал думать, что ее молчание может быть связано с заметкой в светской хронике. Чутье подсказывало ему не писать ей больше, а ехать в Лондон — и немедленно.

И вот однажды утром, после ночи, проведенной с Лорной, когда она одевалась, чтобы идти куда-то на званый завтрак, Каупервуд сделал первый шаг к отступлению.

— Лорна, — начал он, — давай поговорим. Ты знаешь, нам предстоит расстаться: я уезжаю в Англию…

И он рассказал ей все начистоту, не упоминая, конечно, имени Беренис; время от времени Лорна пыталась прервать его, но он пропускал мимо ушей все ее вопросы и возражения. Да, существует другая женщина. Он был счастлив с нею, и для него сейчас самое главное, самое необходимое — сохранить их отношения. Кроме того, нельзя забывать и об Эйлин и об особых условиях его деятельности в Лондоне. Лорна не должна и думать, что их связь может длиться вечно. В их отношениях было много хорошего. И сейчас есть. Но…

Невзирая на мольбы и даже горькие слезы Лорны, Каупервуд говорил с ней, как король с некогда любимой, но теперь уже надоевшей фавориткой. Она сидела словно в каком-то оцепенении, глубоко уязвленная, подавленная, пристыженная. Неужели все так быстро кончилось? И однако, глядя на Каупервуда, она понимала, что это так. Ведь ни разу за все время, что они были вместе, он не сказал ей, что любит ее, что не уйдет от нее. Он не из тех, кто говорит такие вещи. Да, но ведь она так хороша, такая блестящая актриса, — может ли это быть, чтобы мужчина, пусть даже такой, как Каупервуд, однажды испытав блаженство ее любви, был в силах расстаться с нею? Как только может он предлагать ей это? Он — Фрэнк Каупервуд, ее двоюродный дядя, человек, родной ей по плоти и крови, и притом ее любовник!

Но вот он стоит перед ней, властный, решительный, хладнокровный — возлюбленный и палач! Да, конечно, говорит он, их связывают узы кровного родства, он к ней искренне расположен, так что они вовсе не станут чужими друг другу. Но ни о каких других отношениях не может быть и речи.

И он поставил на своем. Правда, в последние дни перед его отъездом у них еще было немало долгих разговоров: Лорна доказывала, что Каупервуд все же должен встречаться с ней, — ведь она его родственница, и она никак не будет вмешиваться в его жизнь. Там видно будет, отвечал он. В мыслях же он был все время с Беренис. Он достаточно хорошо знал ее и понимал, что она вряд ли уйдет от него, даже узнав про Лорну. Но она может почувствовать себя свободной от всяких обязательств, и тогда он лишится ее дружеской поддержки и сердечной привязанности. А тут еще этот Стэйн… Надо поторопиться с отъездом — ведь Беренис не зависит от своего «опекуна» и вольна распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению. Надо как можно скорее помириться с нею.

Только покончив со всеми приготовлениями, Каупервуд нашел нужным сказать Эйлин, что они возвращаются в Лондон. Как-то вечером, придя домой, чтобы сообщить ей об этом, он столкнулся на пороге с Толлифером. Каупервуд любезно раскланялся с ним и, задав два-три вопроса о том, как тот проводит время в Нью-Йорке, как бы невзначай заметил, что они с Эйлин через день-два возвращаются в Лондон. Этого было вполне достаточно, чтобы Толлифер понял, что и он должен ехать. Он был в восторге: теперь он может вернуться в Париж и, по всей вероятности, в объятия Мэриголд Брэйнерд.

Но до чего же ловко обделывает этот Каупервуд свои дела! Развлекается с Лорной в Нью-Йорке, черт его знает с кем за границей, и тут же отдает распоряжение Эйлин и ему, Толлиферу, — и они следуют за ним в Лондон или на континент! И при этом у него такой невозмутимый вид, который поразил Толлифера с первой же встречи. А вот он, Толлифер, выслушав это неожиданное приказание, обязан ломать и перестраивать все свои планы, лишь бы тот, другой, мог наслаждаться жизнью, уверенно и быстро добиваться своего!

47

На исходе сентября Беренис провела четыре дня в Трегесоле, наслаждаясь красотами природы и седой древностью, которой дышало все в этом поместье. Стэйн пригласил к себе на это время мистера и миссис Уэйлер, веселую и приятную пару,

живущую по соседству, а также Уоррена Шарплеса, богатого рыбопромышленника, давно уже перешедшего из разряда дельцов в джентльмены. Все трое должны были помогать хозяину развлекать миссис Картер.

Беренис при ближайшем знакомстве со Стэйном убедилась, что он действительно, как он и говорил ей, уделяет развлечениям не меньше внимания, чем делам. Иными словами, он умеет брать от жизни все, что можно. Стэйн любил и свое поместье и его окрестности — бескрайнюю, поросшую вереском равнину, с одной стороны окаймленную лесами, а с другой — спускающуюся к отмелям и утесам изрезанного бухтами западного побережья Англии. Он старался возможно больше бывать вдвоем с Беренис, водил ее в поля смотреть гигантские камни, которые высились рядами или образовывали круги: должно быть, им поклонялись в древности друиды или иные жрецы — от них веяло чем-то таинственным и первобытно суровым. Он рассказал Беренис о медных и оловянных рудниках, существовавших здесь еще до римского владычества, о больших рыболовных флотилиях, выходивших в открытое море из залива Сент-Айвз и из Пензанса, что в заливе Маунтс, и о древнем племени, все еще живущем в окрестных деревнях, — у него самого в поместье есть несколько человек из этого племени, они говорят на почти забытом теперь языке и до сих пор верны обычаям прадедов. В заливе Маунтс стояла на приколе яхта Стэйна, — на ней, как убедилась Беренис, могла бы разместиться компания человек в двенадцать. А с самого высокого холма в окрестностях Трегесола видны были Ла-Манш и пролив св. Георга.

Беренис вскоре заметила, что Стэйн гордится этим диким краем не меньше, чем своими владениями в нем. Именно здесь он чувствовал себя настоящим лордом — всеми признанным и почитаемым. Возможно, когда он совсем остепенится, думала Беренис, его потянет в родное гнездо и он решит навсегда осесть здесь. Ее, однако, такая перспектива не соблазняла. Уж слишком здесь голо и дико, хоть Беренис и восхищалась этой первобытной красотой. Трегесол-холл — длинное, серое, мрачное здание — спасала в глазах Беренис лишь пышность внутреннего убранства: пестрые занавеси и ковры, старинная французская мебель, картины старых французских и английских мастеров и вполне современное электрическое освещение и водопровод. Больше всего поразила Беренис библиотека, она оглядывала ее с чувством благоговения, — графы Стэйны собирали книги из поколения в поколение свыше полутора веков, и теперь это было настоящее сокровище.

Время в Трегесоле проходило в непрерывных развлечениях: катались на яхте, купались, устраивали пикники на берегу моря, среди скал, — и Беренис все больше удивлялась Стэйну: в нем чувствовалась какая-то грубоватая простота, которая как-то не вязалась с его любовью к роскоши и удобствам. Он был ловок и силен — с легкостью мог подтянуться на руках шесть раз кряду, ухватившись за сук какого-нибудь дерева, Он оказался и отличным пловцом: даже когда по морю ходили высокие волны, Стэйн отваживался заплывать так далеко, что Беренис могла лишь со страхом и изумлением следить за ним глазами. Он без конца допытывался, как она относится ко всему, что ему нравится, и очень радовался, если их мнения совпадали. И он строил планы на будущее, придумывая для Беренис все новые развлечения, если они будут встречаться и впредь.

Но как ни обаятелен был Стэйн, как ни интересно было знакомство с ним — да еще в пику изменнику Каупервуду, — пораздумав, Беренис решила, что ему все же не хватает кипучей энергии Фрэнка. Стэйна не окружал ореол власти и больших начинаний. Ему довольно было солидного положения, без этого оглушительного рева фанфар и кликов толпы, что сопровождают деятельность великих мира сего, их стремительное продвижение по пути славы. А ведь именно за это она преклонялась и всегда будет преклоняться перед Каупервудом. Сейчас он не с нею, он увлечен другой женщиной, и в разлуке образ его словно потускнел, — и все же она непрестанно думает о нем даже теперь, когда так сильно обаяние Стэйна — человека более мягкого и менее напористого. Но, может быть, ей придется побороть в себе влечение к Каупервуду и направить все усилия на то, чтобы женить на себе Стэйна или еще кого-нибудь и таким путем завоевать прочное положение в обществе? К чему отрицать, — да, ей хотелось бы иметь хоть какую-то точку опоры. Кто знает, на что отважится Эйлин, если узнает, что Беренис в Англии и с Каупервудом? А может быть, она уже знает? Почти наверняка это Эйлин послала ей заметку из светской хроники… А прошлое матери — разве удастся вечно скрывать его? Однако ведь Стэйн в самом деле увлечен ею. Быть может, он женится на ней, если только некоторые истины не обнаружатся. Но, может быть, даже если ему и все станет известно, он постарается помочь ей скрыть то, что способно помешать их счастью.

Как-то рано утром они возвращались со Стэйном в Трегесол после прогулки верхом по его голым, пустынным владениям, и Беренис поймала себя на мысли: а способен ли он пожертвовать всем ради того, чтобы удержать подле себя любимую женщину? Или он слишком крепко связан традициями и обычаями своего класса?

48

Лондон. Обычная шумиха по поводу возвращения мистера и миссис Каупервуд. Беренис из полученных ранее телеграмм уже знала о его приезде, а Каупервуда в это время интересовало только одно — примирение с Беренис и ее любовь.

Стэйн пребывал в самом радужном настроении: пока Каупервуд отсутствовал, он значительно преуспел не только в делах, связанных со строительством метрополитена, но и в завоевании симпатий подопечной этого американца. По правде говоря, Стэйн был чуть что не влюблен. Уже после того как Беренис гостила у него в Трегесоле, он несколько раз побывал в Прайорс-Кове. Надежда на успех подстегивала его, прибавляла упорства. Может быть, он и добьется своего. Беренис полюбит его и согласится стать его женой. Каупервуд вряд ли будет против. Это только упрочит их деловые отношения. Конечно, надо будет побольше разузнать о Беренис и о том, каковы на самом деле ее отношения с Каупервудом. Пока что Стэйн не потрудился

осведомиться на этот счет. Но даже если прошлое Беренис и не безупречно, это не мешает ей быть самой очаровательной женщиной, какую он когда-либо знал. Во всяком случае она не пыталась увлечь его — это ясно; он ведь сам неотступно преследовал ее.

Беренис тем временем и радовали и тревожили два обстоятельства: одно — что Стэйн, как видно, сильно увлечен ею, и другое — что после ее визита в Трегесол он, среди прочих развлечений, предложил ей увеселительную прогулку на его яхте «Айола»; он пригласит ее с матерью и чету Каупервудов. Они покатаются, пока стоит хорошая осенняя погода. Можно будет заехать в Каус — там в это время, по всей вероятности, будут король Эдуард и королева Александра, и Стэйн будет счастлив представить своих гостей их величествам, — ведь король с королевой старинные друзья его отца.

Услышав имя Эйлин, Беренис похолодела. Если Эйлин выразит согласие, то уже ни сама Беренис, ни ее мать не смогут поехать. А если Эйлин откажется, придется как-то правдоподобно объяснить Стэйну ее отсутствие. Притом, если они с Каупервудом примут приглашение и поедут вместе, им прежде надо прийти к какому-то соглашению, пусть не полюбовному, но все же соглашению. А этого-то Беренис сейчас и не хотела. Не поехать же с Каупервудом или, наоборот, поехать без него, значит навсегда его оттолкнуть. А это опять-таки повлечет за собой объяснения и перемену в отношениях, которая может оказаться роковой для обоих.

Но как ни досадовала Беренис на Каупервуда, не такое у нее было положение, чтобы решать что-либо сгоряча. Сколько бы она ни мечтала о браке со Стэйном, ей было совершенно ясно, что без доброжелательного отношения Каупервуда ей не выпутаться из бесчисленных затруднений и осложнений, грозящих ей со всех сторон. Если Каупервуд выйдет из себя, он попросту уничтожит ее. Если же она станет ему безразлична и он на все махнет рукой — ее уничтожат Эйлин и прочие. Снова и снова обдумывая все это, Беренис поняла, что и по своему характеру и по взглядам на жизнь Каупервуд ей неизмеримо ближе Стэйна. С ним она сама становится сильнее. И хотя очень многое говорит в пользу Стэйна, ясно одно — в главном он не может сравниться с Каупервудом: тот гораздо энергичнее, умнее, изобретательнее, гораздо проще и прямее смотрит на жизнь. Именно это, а не что другое, заставило Беренис осознать, что она хочет быть только с Каупервудом и ни с кем больше, хочет слышать его голос, видеть его, чувствовать его неиссякаемую энергию, его бесстрашие перед жизнью. Когда он рядом, ее силы утраиваются, а каково ей придется, если она лишится возможности в любую минуту опереться на его твердую руку? Вот почему Беренис не давала окончательного ответа Стэйну, ссылаясь на то, что ее опекун бывает иной раз упрям и несговорчив, — нельзя сказать заранее, как он отнесется к такой поездке. Она вынуждена повременить с ответом до его возвращения в Англию. Но ей самой, с улыбкой сказала она Стэйну, прогулка на яхте кажется очень заманчивой. Пусть он предоставит все ей, она, пожалуй, сумеет это уладить.

Беренис встретила Каупервуда весело, хотя, быть может, чуть официально, и ничем не показала, что у нее неспокойно на душе. Однако Каупервуд не только умел сразу почуять опасность, но и безошибочно угадывал, как к нему относятся окружающие, а потому тотчас ощутил враждебную настороженность Беренис. Недаром задолго до прибытия в Англию он уже был уверен, что Беренис известен его роман с Лорной. Он просто физически чувствовал это и теперь, готовый к любой неожиданности, был начеку. Он ничего не станет скрывать, не попытается избежать разговора на опасную тему, — надо только посмотреть сначала, как настроена Беренис и как она будет держать себя.

И вот он в Прайорс-Кове — кругом осенние краски, багряные и золотые пятна листвы. Над рекой, даже в полдень, когда он приехал, белели клочья тумана. Подъезжая к дому, Каупервуд с сожалением подумал о солнечных летних днях, которые он мог бы провести здесь с Беренис. Главное сейчас — быть с ней откровенным, пусть она снова почувствует, какой он есть на самом деле. Этот прием уже столько раз сослужил ему добрую службу и помог разрешить столько трудностей, что, наверно, выручит и сейчас. Ну да, у него была Лорна, но разве Беренис не увлекалась тут без него Стэйном? Виновата ли она перед ним, нет ли, но он сумеет заставить ее призадуматься над своим поведением.

За оградой Каупервуд увидел садовника Пиггота, подрезающего кусты, — тот почтительно ему поклонился. В загоне, прилегающем к конюшням Стэйна, грелись в лучах осеннего солнца лошади, а у дверей конюшни два грума чистили сбрую. По лужайке навстречу Каупервуду спешила миссис Картер, сияя радушной улыбкой, — по-видимому, она и не подозревала о тех проблемах, которые волновали ее дочь и его. По любезному приему миссис Картер Каупервуд догадался, что Беренис, очевидно, не склонна была откровенничать с матерью:

— Ну-с, как поживаете? — спросил он, выходя из экипажа и протягивая миссис Картер руку.

Беренис, по словам матери, чувствовала себя, как всегда, отлично.

— Сейчас она у себя — занимается музыкой, — добавила миссис Картер.

В самом деле, сквозь открытые окна слышались звуки рояля: Римский-Корсаков, «Сценки с ярмарки».[3]

Каупервуд подумал, что вот теперь, как бывало с Эйлин, надо идти объясняться, заискивать, пожалуй, вспыхнет ссора… Но тут музыка смолкла, и в дверях показалась Беренис, как всегда спокойная и улыбающаяся. О, он вернулся! Вот хорошо! Ну, как он себя там чувствовал? Доволен ли путешествием? Она так рада, что он вернулся! Каупервуд заметил, что Беренис хоть и выбежала к нему навстречу, однако не поцеловала его; по ее виду никак нельзя было сказать, что она чем-то недовольна. Больше того, она, казалось, была в восторге от его возвращения, — он вернулся как раз вовремя, чтобы полюбоваться чудесными осенними пейзажами; здесь с каждым днем становится все красивее. И, глядя на нее, Каупервуд тоже стал играть, спрашивая себя, однако, долго ли осталось до настоящей бури. Но когда Беренис все так же непринужденно предложила пойти в их плавучий домик и выпить по коктейлю, он не выдержал:

— Пройдемся к реке, хорошо, Беви? — и, взяв Беренис под руку, он повел ее по тенистой аллее. — Послушай, Беви, — начал он, — прежде всего я хочу кое-что рассказать тебе.

Он пристально посмотрел на нее холодным, жестким взглядом, и ее сразу точно подменили.

— Одну минуту, Фрэнк, я только скажу два слова миссис Эванс…

— Нет, — решительно сказал он, — не уходи, Беви. Наш разговор куда важнее и миссис Эванс и всего прочего. Я хочу рассказать тебе о Лорне Мэрис. Ты, очевидно, уже слышала о ней, но я все же хочу рассказать тебе сам.

Она молча спокойно шла рядом с ним.

— Ты знаешь о Лорне Мэрис? — спросил он.

— Да, знаю. Мне кто-то прислал из Нью-Йорка газетную вырезку и несколько ее фотографий. Она очень красивая.

Каупервуд отметил про себя сдержанный тон Беренис. Никаких упреков. Ни единого вопроса. Тем важнее выяснить, что же она на самом деле думает.

— Несколько неожиданный поворот после всего, что я говорил тебе, Беви, правда?

— Да, пожалуй. Но, надеюсь, ты не станешь оправдываться. — Уголки ее губ тронула едва заметная ироническая усмешка.

— Нет, Беви, я только хочу рассказать тебе все, как было. А дальше — суди сама. Ты хочешь выслушать меня?

— Не очень. Но если тебе так уж хочется поговорить об этом — пожалуйста. Мне кажется, я понимаю, как все случилось.

— Беви! — воскликнул он, останавливаясь и глядя на нее с восхищением и искренней любовью. — Мы не можем, во всяком случае я не могу так разговаривать. Знаешь, для чего я рассказываю тебе об этой истории? Чтобы ты поняла: думай обо мне, что хочешь, но знай — я по-прежнему люблю тебя. Может быть, это звучит нелепо и фальшиво после всего, что случилось за то время, пока мы не виделись, но, по-моему, ты и сама знаешь, что я говорю правду. Мы оба понимаем, что человеческие достоинства не ограничиваются физической красотой или чувственным обаянием. Если, к примеру, взять двух хорошеньких женщин и послушать, что скажут о них двое мужчин, то мнения будут очень разные — тут играет роль и характер, и наличие взаимопонимания, и единство целей и стремлений, и…

— В самом деле? — ледяным тоном прервала Беренис. — Это так важно, что можно пойти на измену, на вероломство, забыть свое слово?

Глаза ее на миг вспыхнули негодованием, и Каупервуд понял, что надо бросить увертки.

— Это очень важно, Беви. Как видишь, я здесь с тобой, правда? А десять дней назад, в Нью-Йорке…

— Да, знаю, — прервала его Беренис. — Ты чудно провел с нею лето, а потом бросил ее. Теперь она тебе надоела — вот ты и вспомнил о Лондоне, о своих планах, о том, как восстановить свою репутацию… — Презрительная усмешка искривила ее красивый рот. — Право, Фрэнк, незачем мне это разъяснять. Я сама во многом похожа на тебя, — ты же знаешь. Я могу объяснить что угодно не хуже тебя, — разница лишь в том, что я тебе многим обязана и готова, пожалуй, идти на кое-какие жертвы, чтобы сохранить то, что у меня есть, а значит, мне нужно быть более осмотрительной, чем ты, куда более осмотрительной. Или… — она остановилась и посмотрела на Каупервуда; у него было такое ощущение, словно он получил пощечину.

— Но, Беренис, это же правда. Я в самом деле расстался с ней. Я вернулся к тебе. Я готов все объяснить, а могу и не объяснять — как хочешь. Но одного я непременно хочу — помириться с тобой, получить твое прощение и больше никогда не расставаться с тобой. Ты можешь этому не верить, но я обещаю: подобные вещи больше не повторятся. Разве ты этого не чувствуешь? Неужели ты не поможешь мне хоть отчасти восстановить наши прежние честные и открытые отношения? Подумай, чем мы были друг для друга! Я могу помогать тебе, хочу и буду помогать, все равно — решишь ли ты порвать со мной или нет! Неужели ты не веришь этому, Беви?

Они стояли под старыми деревьями на маленькой зеленой лужайке, спускавшейся к самой Темзе, — впереди виднелись низкие тростниковые кровли далекой деревушки, из труб подымался голубоватый дымок. Все кругом дышало миром и тишиной. Но не это занимало сейчас Каупервуда — он думал о том, что Беренис, хоть и сохраняет внешнее спокойствие и явно не намерена учинять скандал, ничего не простила ему. В то же время он невольно сравнивал ее с другими женщинами — как вели бы они себя на ее месте, — Эйлин, например? Беренис не дулась, не проливала слез, не устраивала сцен. И однако — эта мысль впервые пришла ему в голову, — когда женщина глубоко, по-настоящему любит, она дуется, проливает слезы, устраивает сцены, как бы пагубно ни действовали они на любимого — и в конце концов ее прощаешь!

С другой стороны, в его отношениях с Беренис было бесспорно много такого, что нельзя ни зачеркнуть, ни преуменьшить. Конечно, он сам виноват, что все это потускнело в ее памяти… И он мгновенно стал тем хитрым, проницательным, изворотливым и напористым Каупервудом, каким его привыкли видеть финансисты на заседаниях и во время деловых переговоров.

— Выслушай меня, Беви! — твердо сказал он. — Примерно двадцатого июня я отправился по делам в Балтимору…

И он рассказал ей все, что произошло потом. Как он вернулся к себе в номер поздно ночью. Как постучала Лорна. Все. Он рассказал, как она захватила его своей красотой, где он бывал с нею и как ее развлекал, как комментировала это пресса. Он упорно оправдывал себя тем, что Лорна прямо околдовала его — совсем как в свое время Беренис. Он вовсе не собирался изменять Беренис. Это налетело на него как ураган, и для полной ясности он принялся излагать ей теорию, до которой додумался на опыте и этого и прежних своих романов: чувственное влечение обладает такою силой, что способно восторжествовать и над разумом и над волей. Так вышло и на этот раз — оно спутало все планы, уничтожило все расчеты.

— Говоря начистоту, — добавил тут Каупервуд, — пожалуй, есть только один способ избежать подобного рода срывов: не встречаться с интересными женщинами. А это, конечно, не всегда возможно.

— Да, конечно, — сказала Беренис.

— Сама понимаешь, — продолжал он, решив довести разговор до конца, — уж если столкнешься с такой Лорной Мэрис, надо быть настоящим святошей, чтоб не поддаться соблазну. Ну, а я, ты знаешь, далеко не святой.

— О да! — сказала Беренис. — Но я согласна: она действительно очень хороша. Ну, а как ты смотришь на мои отношения с другими мужчинами? Ты согласен предоставить мне такую же свободу? — Она пытливо посмотрела на него, и он ответил ей спокойным, твердым взглядом.

— Теоретически — да, — ответил он. — Я люблю тебя, и потому должен буду примириться с этим и терпеть, пока выдержу, пока будет смысл терпеть. А потом, очевидно, отпущу тебя, как и ты отпустила бы меня, если бы почувствовала, что я не так уж тебе дорог. Но сейчас я хочу знать, — после всего, что случилось, любишь ли ты меня, дорогая? Для меня это очень важно, ведь я-то люблю тебя по-прежнему.

— Ну, Фрэнк, ты задал мне такой вопрос, на который я сейчас ничего не могу ответить, — я и сама не знаю.

— Но ты же видишь, это было просто мимолетное увлечение, — настаивал Каупервуд, — иначе меня бы не было здесь. И я говорю это тебе не для того, чтоб оправдаться, это на самом деле так.

— Другими словами, — сказала Беренис, — она не приехала с тобой на одном пароходе.

— Она всю зиму танцует в Нью-Йорке. Ты можешь прочесть об этом в любой американской газете. Пойми, Беви, мое чувство к тебе не только сильнее, но и серьезнее, глубже. Ты мне нужна, Беви. Мы одинаково думаем, одинаково чувствуем. Вот почему я сейчас снова здесь и хочу здесь остаться. То, другое, было неизмеримо мельче, я все время чувствовал это. Когда ты перестала писать, я понял, что ты мне неизмеримо дороже Лорны. Ну вот, теперь, кажется, все. Так что же ты мне скажешь, Беви?

Сгущались сумерки. Он подошел к ней совсем близко, крепко обнял и поцеловал в губы. И она почувствовала, что сдается, слабеет и душой и телом. Но нет, она должна сказать ему все, что думает!

— Я люблю тебя, Фрэнк, да, люблю. Но для тебя ведь это только прихоть. И когда это у тебя пройдет… когда пройдет…

И они забылись в объятиях друг друга, дав чувству и желанию на время угасить слабый огонек, именуемый человеческим разумом, и одолеть вышедшую из повиновения, не управляемую рассудком человеческую волю.

49

Позже, ночью, в спальне у Беренис, Каупервуд продолжал доказывать, что самое разумное — оставаться на прежних ролях опекуна и подопечной.

— Понимаешь, Беви, — говорил он, — ведь именно так привыкли смотреть на нас и Стэйн и все прочие.

— Ты что же, пытаешься выяснить, не уйду ли я от тебя? — спросила она.

— Не скрою, мне приходило в голову, что ты, возможно, подумываешь об этом. Ведь этот Стэйн в состоянии дать тебе все, чего бы ты ни пожелала.

Он сидел у нее на постели. Лунный свет, пробивавшийся сквозь щели в ставнях, не мог разогнать царивший в комнате сумрак. Беренис полулежала, облокотясь на подушки, и курила.

— И все же он не может дать мне то, что мог бы дать ты, если бы ты действительно хотел, — сказала она. — Но если уж тебе так нужно знать, то изволь: я сейчас ни о чем другом не думаю, кроме той задачи, которую ты сам же мне навязал. Между нами был уговор, и ты его нарушил. Чего же ты от меня ждешь после этого? Чтобы я предоставила тебе свободу, не требуя ничего взамен?

— Я не жду от тебя ничего, что могло бы быть тебе неприятно или невыгодно, — твердо сказал Каупервуд. — Я просто предлагаю — в случае, если ты заинтересуешься Стэйном — подумать, как нам остаться для всех опекуном и опекаемой до тех пор, пока ты не утвердишься в своем новом положении. С одной стороны, — он говорил это вполне искренне, — я был бы рад видеть тебя женой такого человека, как Стэйн. С другой стороны, если говорить о планах, которые мы с тобой строили, то без тебя, Беви, откровенно говоря, они меня не слишком привлекают. Возможно, я доведу это дело до конца, а возможно и брошу. Все зависит от настроения. Я знаю, после этой истории с Лорной Мэрис ты думаешь, что я в любую минуту могу создать себе приятную жизнь. Но я-то думаю иначе. Я ведь тебе уже говорил: это просто случайный эпизод, чувственное увлечение — и только. Будь ты со мной в Нью-Йорке, этого никогда бы не случилось. Но уж раз так вышло, остается одно — прийти к какому-то наиболее приемлемому соглашению. Говори, чего ты хочешь, ставь любые условия. — Он встал и начал шарить на столе, отыскивая сигары.

Беренис слушала в смятении. Что ответить на такой прямой вопрос? Каупервуд очень дорог ей — его дела, его успех для нее чуть ли не важнее, чем ее собственные. А все же надо подумать и о своей жизни, о своем будущем. Вряд ли он будет с ней, когда ей стукнет тридцать пять или сорок. Она лежала молча и думала, а Каупервуд ждал. И вот она ответила, подавив смутные предчувствия, шевельнувшиеся в душе. Да, все будет, как было; да, конечно — в их отношениях ничто не изменится, во всяком случае сейчас. А там кто знает? Ни он, ни она не могут предвидеть, какие еще планы и намерения у него возникнут.

— Для меня ты — единственный, Фрэнк, — сказала она, — другого такого нет на свете. Лорд Стэйн мне, конечно, нравится, но я еще очень мало знаю его. Сейчас об этом смешно и думать. Вообще же он человек интересный, даже обаятельный. И если ты и впредь намерен держать меня на задворках своей жизни, с моей стороны было бы очень непрактично пренебрегать Стэйном, ведь он в самом деле может жениться на мне. А полагаться на тебя — об этом и думать нечего. Я могу, конечно, остаться с тобой и постараюсь помочь тебе осуществить все, что мы задумали. Но ведь и в этом случае мне приходится рассчитывать на себя — только на себя. Я дарю тебе свою молодость, любовь, все силы ума и сердца и ничего не прошу взамен.

— Беви! — воскликнул Каупервуд, пораженный справедливостью ее слов. — Это неправда!

— Тогда докажи мне, что я ошибаюсь. Допустим, все остается по-прежнему, — так, очевидно, и будет. Ну, и что дальше?

— Да, признаюсь, это серьезный вопрос, — сказал Каупервуд, усаживаясь в кресло напротив кровати. — Я не так молод, как ты, и, оставаясь со мной, ты, бесспорно, многим рискуешь: о нашей связи могут узнать, и тогда все от тебя отвернутся. Этого отрицать не приходится. А чем я могу обеспечить тебя? Только деньгами. Но ты можешь не сомневаться: на чем бы мы сегодня

ни порешили, я готов немедленно позаботиться об этом. Я оставлю тебе столько денег, что, если ты будешь разумно распоряжаться ими, тебе вполне хватит, чтобы жить припеваючи до конца своих дней.

— Да, я знаю, — ответила Беренис. — Что и говорить, когда ты кем-нибудь увлечен, ты сама щедрость. В этом я и не сомневалась. Меня тревожит другое — я боюсь, что ты не любишь меня по-настоящему. И мне, по-видимому, не только предстоит жить без любви, но и дорого заплатить за мою любовь к тебе.

— Я понимаю тебя, Беви, поверь, отлично понимаю. И я не вправе просить тебя о чем-либо — довольно и того, что ты сама пожелаешь мне подарить. Поступай так, как для тебя будет лучше. Но обещаю тебе, дорогая: если ты останешься со мной, я постараюсь быть верным тебе. И если ты когда-нибудь решишь расстаться со мной и выйти замуж, я обещаю не мешать тебе. Вот все, что я хотел тебе сказать. Я ведь уже говорил — я люблю тебя, Беви. Ты это знаешь. Ты для меня не просто возлюбленная, а точно родное дитя.

— Фрэнк! — она подозвала его к себе. — Ты же знаешь, я не могу уйти от тебя. Это выше моих сил. Это все равно, что душу разорвать пополам.

— Беви, любимая моя девочка! — И он, как ребенка, взял ее на руки. — Как чудесно, что ты опять со мной!

— Но один вопрос, Фрэнк, мы должны непременно решить, — спокойно сказала она, приглаживая растрепавшиеся волосы, — я имею в виду это приглашение покататься на яхте. Что ты на это скажешь?

— Пока еще не знаю, дорогая, но, думаю, раз Стэйн так увлечен тобой, он вряд ли будет с особой неприязнью относиться ко мне.

— Ах ты, негодник! — рассмеялась Беренис. — Был ли когда-нибудь на свете другой такой отъявленный плут?

— Ничего подобного. Перед вами просто молодой честолюбивый американский бизнесмен, который пытается проложить себе путь в английских финансовых джунглях! Но мы поговорим об этом завтра. А сейчас меня интересуешь только ты — ты и никто больше…

50

Словно искусный шахматист, Каупервуд обдумывал ходы, с помощью которых можно было бы перехитрить всех, кто из желания поддержать национальный престиж или из чисто эгоистических побуждений противодействовал его планам прибрать к рукам лондонскую подземку. Он разработал обширную и исчерпывающую программу действий, которую предполагал провести в жизнь следующим образом.

Прежде всего к существующей линии Чэринг-Кросс нужно будет присоединить центральную петлю — линии Районной и Метрополитен, где пока хозяйничает такая непрактичная и склочная публика. Если дела пойдут хорошо, то все это скоро окажется в руках у него, Стэйна и Джонсона — в сущности, у него.

Затем, если ему удастся захватить контроль над компаниями Районной и Метрополитен, он, очевидно, сольет с ними свою компанию по строительству железнодорожного оборудования и прокладке железных дорог и тогда создаст объединенную компанию подземных дорог, подчинив ей все остальные компании.

Кроме того, Каупервуд решил втайне от своих компаньонов перекупить у Эбингтона Скэрра его концессию на линию Бейкер-стрит — Ватерлоо, а также приобрести линию Бромптон — Пикадилли (он знал, что она примерно в таком же состоянии, как линия Чэринг-Кросс), а заодно и некоторые другие, уже существующие и еще только проектируемые линии, право на владение которыми он скупит через подставных лиц.

Вот тогда-то он сможет создать новую компанию — Всеобщую лондонскую подземную, куда вольются все предприятия Объединенной компании подземных дорог, а также все концессии и линии, которые он сумеет приобрести; он опояшет весь Лондон подземными железными дорогами и, захватив в свои руки контрольный пакет акций, станет подлинным хозяином всей системы. И если даже ему не удастся занять пост председателя правления этого гигантского предприятия, роль закулисного заправилы ему уж во всяком случае обеспечена. Он постарается поставить в качестве директоров компании своих людей, а если ему это не удастся, во всяком случае, он сумеет устроить так, чтобы те, кто будет руководить делами, не могли нанести ни малейшего ущерба его интересам.

Со временем, если все пойдет хорошо, он спокойно продаст свои акции и предприятия с огромной выгодой, и пусть компания существует дальше как хочет. Он создаст себе имя — не только как организатор, но и как строитель, давший столице Англии разветвленную сеть подземных дорог, построенных по последнему слову техники, — на системе лондонского метрополитена, как и на чикагской трамвайной сети, будет лежать отпечаток его личности. И тогда он употребит свое богатство на содержание и пополнение своей картинной галереи, займется благотворительной деятельностью, построит больницу, — он так давно уже собирается это сделать. Кроме того, он оставит солидные суммы всем, кому он чем-либо обязан. Увлекательные мечты! Каких-нибудь пять, ну — шесть лет энергично поработать, и он осуществит все, что задумал!

Но проследить за всеми поступками Каупервуда и описать, что он делал для выполнения своих широких замыслов, было бы не легче, чем уследить за всеми трюками и быстрыми, неуловимыми движениями фокусника. Во-первых, Каупервуд, конечно, вел переговоры с Джонсоном и Стэйном. Встреча с Джонсоном, последовавшая сразу за примирением с Беренис, показала, что англичане идут на соглашение гораздо охотнее, чем это было раньше. За время отсутствия Каупервуда, заявил Джонсон, они со Стэйном все как следует обдумали, но выводы, к которым они пришли, он предпочел бы сообщить мистеру Каупервуду в присутствии Стэйна.

Очень скоро после этого состоялось совещание на Беркли сквере, где царила не столько деловая, сколько светская атмосфера. Джонсон где-то задерживался, и, когда Каупервуд приехал, его еще не было. Стэйн встретил гостя радушно и весело и засыпал вопросами. Что происходит в Соединенных Штатах? Что предвещают выборы? Нравится ли мистеру Каупервуду Лондон? Как поживает его подопечная — мисс Флеминг? А ее матушка? Он довольно часто наведывался к ним в Прайорс-Ков, — впрочем, мистеру Каупервуду это, наверно, известно. А какие они обе обаятельные — и мать и дочь! Тут Стэйн выжидательно замолчал, не спуская глаз с Каупервуда. Но тот принял вызов.

— Вас, несомненно, интересует, в каких они со мной отношениях, — сказал он самым любезным тоном. — Видите ли, я уже много лет знаю миссис Картер. Она была замужем за одним моим дальним родственником, который назначил меня исполнителем своей последней воли и опекуном in loco parentis.[4] Естественно, я очень привязался к Беренис. Она большая умница.

— Признаться, я тоже так думаю, — подтвердил Стэйн. — Я очень рад, что Прайорс-Ков пришелся по душе миссис Картер и ее дочери.

— Да, они от него в восторге. Там и в самом деле очень красиво.

Тут, как нельзя более кстати, появился Джонсон и прервал этот щекотливый разговор. Он шумно и торопливо вошел в комнату и, извинившись за опоздание, — задержали срочные дела, — прежде всего спросил, как поживает мистер Каупервуд; потом, приняв угодливую мину человека, готового к любым услугам, стал отчитываться в том, что было за это время проделано. Сжато и точно он обрисовал положение.

— В Лондоне только и разговору, что о вас, мистер Каупервуд, и о том, что вы намерены захватить всю нашу систему подземных железных дорог в свои руки, — заявил он. — За редким исключением, почти все директора и акционеры обеих старых компаний настроены очень враждебно. По-моему, они решили сами воспользоваться вашей идеей. Останавливает их сущий пустяк, — тут Джонсон хитро подмигнул, — никак не могут договориться между собой, и, конечно, их немножко беспокоит, что эта затея будет стоить таких денег. Они понятия не имеют, как собрать такую сумму, не залезая слишком глубоко в собственный карман.

— То-то и оно, — заметил Каупервуд. — Именно поэтому всякая проволочка и обойдется нам очень дорого. Если мы энергично примемся за выполнение плана, который я наметил, мы сумеем уложиться в сумму, не слишком для нас обременительную. А всякие споры и проволочки будут лишь на руку спекулянтам и ловкачам, которые постараются скупить все концессии и акции, какие только можно, чтобы играть на повышение их курса. Вот почему нам и необходимо договориться поскорее.

— Итак, насколько я понимаю, — вежливо вмешался Стэйн, — ваше предложение сводится к тому, чтобы мы с Джонсоном действовали заодно в правлениях Районной и Метрополитен и, кроме того, скупили бы контрольный пакет акций одной из этих компаний, а то и обеих вместе. Если же это не удастся, то предложили бы акционерам, в руках у которых находится не меньше чем пятьдесят один процент акций, объединиться на определенных условиях под вашим руководством.

— Правильно! — сказал Каупервуд.

— А взамен вы гарантируете нам пять процентов дохода в течение ста лет или навечно.

— Правильно!

— И, сверх того, вы уступаете нам не менее десяти процентов привилегированных акций линии Чэринг-Кросс, а также десять процентов акций любого дочернего предприятия, которое вы сами или ваша держательская компания пожелаете создать под своей эгидой, по цене, составляющей восемь процентов их номинальной стоимости.

— Правильно!

— Проценты по этим акциям компания обязана будет выплатить в первую очередь, после того как она будет окончательно учреждена.

— Да, именно это я и предлагал, — подтвердил Каупервуд.

— По-моему, все это разумно и вполне приемлемо, — сказал Стэйн, переглянувшись с Джонсоном.

— Короче говоря, мистер Каупервуд, — заговорил Джонсон, — как только мы выполним свои обязательства, вы должны будете реконструировать и переоборудовать на современный лад обе старые линии и те новые, которые нам удастся прибрать к рукам. Кроме того, вы заложите всю недвижимость новой компании с тем, чтобы гарантировать выплату процентов по уже выпущенным акциям Районной и Метрополитен, а также по любым акциям новых компаний или их дочерних предприятий, которые мы пожелаем приобрести в счет договорных десяти процентов, по цене, составляющей восемь процентов их номинальной стоимости.

— Совершенно верно, — сказал Каупервуд.

И снова Джонсон и Стэйн переглянулись.

— Ну что ж, — произнес Стэйн, — нас, безусловно, ожидают большие трудности, но я постараюсь выполнить свои обязательства как можно быстрее и как можно лучше.

— А я, — добавил Джонсон, — буду счастлив работать рука об руку с лордом Стэйном и приложу все силы к тому, чтобы довести дело до успешного конца.

— Что ж, джентльмены, — сказал, вставая, Каупервуд, — я не только очень рад, но и польщен тем, что мы с вами договорились. Чтобы доказать вам, что у меня слово не расходится с делом, я попрошу мистера Джонсона, — конечно, если вы оба согласны, — быть моим юрисконсультом и подготовить все необходимые бумаги, чтобы мы могли официально оформить наше соглашение. А в свое время, — с улыбкой добавил он, — я буду счастлив видеть вас обоих на директорских постах.

— Будем надеяться, — сказал Стэйн. — Впрочем, время и обстоятельства покажут, что из этого выйдет.

— Я почту величайшим счастьем служить вам обоим в меру своих скромных сил, — заявил Джонсон.

Все трое отлично сознавали всю преувеличенную пышность этих взаимных славословий. Торжественность атмосферы разрядил Стэйн, предложив на прощание выпить по рюмке старого коньяка, — ящик этого драгоценного напитка он уже отправил, не обмолвившись о том ни словом, в апартаменты Каупервуда в отеле «Сесиль».

51

Переговоры продолжались, и едва ли не тяжелее всего была для Каупервуда необходимость — быть может, не столь уж настоятельная, как ему казалось — брать себе в помощники англичан, а не американцев. Первой жертвой этой необходимости пал де Сото Сиппенс. Он был в отчаянии, ибо успел привыкнуть к Лондону, ему здесь даже нравилось, и он рассчитывал, прославиться в этих краях заодно со своим удачливым патроном. Больше того: он надеялся понатореть в делах, состязаясь в предприимчивости и сметке с этими самоуверенными и высокомерными англичанами, которые, по его глубокому убеждению, ровно ничего не смыслят в железнодорожном деле. Каупервуд, желая по возможности смягчить удар, поручил ему вести свои финансовые дела в Чикаго.

Одним из методов привлечения капитала, к которым обычно прибегал Каупервуд, было создание держательских компаний. Это давало ему необходимые средства для приобретения контрольных пакетов акций тех компаний, которые он хотел прибрать к рукам и таким образом иметь реальные возможности для подчинения деятельности этих компаний своему контролю. Именно с такой целью он создал Компанию по строительству железнодорожного оборудования и прокладке железных дорог. Ее возглавляли подставные директора, а всем, кто входил в дело, предполагалось обеспечить право на владение учредительскими акциями. Джонсон состоял поверенным этой компании с годовым окладом в три тысячи фунтов стерлингов. И вот Джонсон

составил частное соглашение, — кстати, тщательно просмотренное поверенными Каупервуда, — которое подписали он сам, Стэйн и Каупервуд и где говорилось, что принадлежащие им акции Районной и Метрополитен, — как те, которыми они уже владеют, так и те, которые будут приобретены впоследствии, — должны фигурировать в качестве единого пакета при официальном решении вопроса о реорганизации и продаже Метрополитен и Районной с целью последующего учреждения новой, более крупной компании. После того как будет создана эта новая компания, Стэйн и Джонсон получат по три акции новой компании за каждую принадлежавшую им старую акцию.

Теперь для Джонсона наступили горячие дни: нелегкая задача — выискивать поодиночке сговорчивых обладателей значительных пакетов акций Районной и Метрополитен и, действуя, как приказал Каупервуд, под разными именами, скупить у них эти акции на сумму до полумиллиона фунтов стерлингов. Кроме того, Джонсон должен был растолковать директорам обеих компаний, что мистер Каупервуд великий человек, и внушить им желание участвовать в осуществлении его замыслов. Что же до Стэйна, то ему предстояло скупать — и как можно больше — акции обеих старых компаний и голосовать заодно с Каупервудом по всем вопросам, касающимся нового предприятия. Разумеется, и он тоже должен был употребить все свое влияние и оказать давление на всех, кого только знал.

И вот на Каупервуда лавиной ринулись люди, жаждавшие вложить свой капитал в его предприятие. Многие американские и английские финансисты, поняв, какое выгодное дело затевает Каупервуд, теперь стали лезть из кожи вон, чтобы самим получить концессии, но добиться этого было уже почти невозможно. Одним из серьезных соперников Каупервуда был не кто иной, как Стэнфорд Дрейк, крупный американский финансист. Он обратился в английский парламент с просьбой предоставить ему концессии на прокладку новых подземных линий, которые — в случае, если бы его просьба была удовлетворена — проходили бы на большом протяжении параллельно линиям Каупервуда, и значит, Дрейк фактически отнял бы у Каупервуда половину дохода.

Каупервуд встревожился: надо было обезвредить Дрейка и притом не обозлить англичан, которые и так всячески противились вторжению в эту область американцев, все равно — будь то Дрейк или Каупервуд. И вот между противниками завязалась обычная в таких случаях борьба, где были пущены в ход всевозможные юридические уловки и всяческая казуистика. Каждая сторона старательно выискивала и подчеркивала слабые стороны соперника, пыталась раскритиковать и опорочить его планы.

Каупервуд, например, указывал, что хотя линия, намеченная Дрейком, частично и захватит густо населенные кварталы, где она сможет окупаться, но ведь она целые десять миль будет проходить под пустырями. Он указывал также на то, что Дрейк намечает прокладку одноколейных линий, тогда как система его, Каупервуда, вся двухколейная. Ходатаи Дрейка в ответ на это заявляли, что дорога Каупервуда проходит под набережной Темзы, их же подземка — под Стрэндом и деловыми кварталами; подземка мистера Каупервуда не задевает торговых районов, тогда как линия Дрейка будет способствовать оживлению торговли. Каупервуд понимал, что две параллельные линии убьют друг друга — они не окупят даже самих себя, не говоря уже о прибылях; если Дрейк и его приспешники заполучат концессию и проложат свою линию, то, как бы ни шли в дальнейшем дела их компании, его собственные дела, несомненно, пострадают. Все это он, конечно, держал про себя, — вслух же он заявил, что не понимает, зачем банкирскому дому Дрейка понадобилось пускаться в такую авантюру. И, чтобы подсластить пилюлю, Каупервуд высказал предположение, что во всем виновато лондонское отделение банка, а не сам мистер Дрейк, который не мог совершить такую ошибку. Мистер Дрейк — человек большого ума, и, несомненно, разобравшись в положении дел, он откажется вкладывать деньги в столь сомнительное предприятие.

Однако все эти сладкие речи ни к чему не привели: адвокаты Дрейка вошли в парламент с ходатайством о предоставлении ему концессии на прокладку метрополитена, а адвокаты Каупервуда — с встречным ходатайством о предоставлении такой концессии их доверителю. Дело кончилось тем, что парламент отложил рассмотрение обоих ходатайств до ноября месяца, не отдав предпочтения ни тому, ни другому, но уже сама по себе эта отсрочка означала победу Каупервуда; ведь он проделал огромную подготовительную работу и стоял неизмеримо ближе, чем его противник, к осуществлению своих планов. Ходили даже слухи, будто он сказал, что ему неинтересно браться за дело, в котором не с кем помериться силами, а коль скоро в любви и на войне допустимы любые ухищрения, он решил сражаться с Дрейком до конца.

Любопытно, что необходимость вступить с Каупервудом в борьбу не на жизнь, а на смерть только подхлестнула интерес Дрейка к делу. Располагая крупными капиталами, Дрейк предложил Каупервуду пять миллионов долларов за право пользования станцией на Пикадилли-серкс, которая принадлежала Каупервуду, ко была совершенно необходима Дрейку для его подземки. Кроме того, он предложил Каупервуду два с половиной миллиона долларов за то, чтобы тот отозвал свою армию юристов, которые готовились дать Дрейку бой в парламенте, куда он обратился за концессией. Каупервуд, разумеется, отклонил оба эти предложения.

Надо сказать, что существовала еще некая Объединенная лондонская компания, намечавшая проложить подземку от Хайд-парк-корнер к Шеперд-Буш, — предварительные переговоры относительно прокладки этой линии были уже закончены. Теперь представители этой компании предложили Дрейку объединиться и сообща просить муниципалитет о разрешении на прокладку линии. Они предлагали Дрейку взять на себя эксплуатацию новой линии, как только она будет проложена. Дрейк ответил отказом. Тогда они попросили его не мешать им довести дело до конца. Дрейк снова ответил отказом. После этого они предложили Каупервуду взять на себя прокладку их линии, хотя еще и не имели на нее разрешения. Каупервуд посоветовал им обратиться к банкирскому дому Спайер и Кь, имевшему свои отделения не только в Англии и Америке, но и по всей Европе.

Разобравшись в этом деле, Спайер и Кь поняли, что это предложение выгодно не только Каупервуду, но в конечном счете и им самим, и решили купить у компании имевшиеся у нее права. Вслед за тем банкирский дом приступил к синдицированию контрольного пакета акций этой компании. Его адвокат, выступая перед парламентской комиссией по делам подземных дорог в связи с другими вопросами, попросил снять с обсуждения заявку Объединенной лондонской о предоставлении ей концессии, что наносило серьезный удар планам Дрейка, лишая его возможности обеспечить через год сквозное движение по городу. Тогда Дрейк обратился в парламент с новым ходатайством о предоставлении концессии и на тот участок, на который в свое время подавала заявку Объединенная лондонская. Но, коль скоро этого пункта не было в первоначальном ходатайстве и на рассмотрение комиссии такой законопроект не вносился, адвокат Каупервуда опротестовал этот ход Дрейка и потребовал, чтобы ходатайство было отклонено. Так были погребены планы Дрейка.

Драматический эпилог этой борьбы двух столь выдающихся соперников был подробно описан как английской, так и американской прессой, а совет Лондонского графства, склонявшийся в пользу системы сквозного сообщения, удобной для жителей любой части Лондона, в восторженных тонах приветствовал победу Каупервуда: это, несомненно, человек большого ума и неоценимых качеств, он заслуживает самого благожелательного отношения.

Каупервуд, воспользовавшись такими настроениями, принялся усиленно рекламировать свое предприятие, которое, конечно же, принесет огромную пользу обществу. Его подземные дороги будут перевозить до двухсот миллионов пассажиров в год, все вагоны будут одного класса, и, следовательно, будет установлена единая цена за проезд — пять центов. Все линии будут связаны между собой, — вы сможете проехать в любую часть города, не выходя из-под земли! В руках Каупервуда метрополитен станет самым быстрым, дешевым и массовым средством сообщения!

Дела Каупервуда шли настолько блестяще, что он мог теперь уделять внимание не только приобретению новых акций и заботам о прибылях. Так, например, он купил за семьдесят восемь тысяч долларов картину Тернера «Огни на Темзе» и повесил ее у себя в кабинете — ради вящей рекламы.

52

Итак, Каупервуд преуспевал, и не подозревая о новой беде, готовой обрушиться на него. Гроза надвигалась со стороны Эйлин.

Вернувшись в Париж, Эйлин вновь закружилась в вихре развлечений, которые устраивали для нее Толлифер и его друзья. Но вскоре Мэриголд Брэйнерд заметила, что Эйлин слишком благосклонна к Толлиферу, — пожалуй, она в конце концов захочет женить его на себе! Нет, пора вмешаться и положить этому конец! Зная о зависимости Толлифера от Каупервуда, Мэриголд считала, что ей будет вовсе не трудно убрать с пути соперницу. Дело в том, что как-то вечером, во время поездки на яхте, Толлифер, выпив лишнее, рассказал ей обо всем. И вот при первом же удобном случае она начала действовать.

Это произошло на вечере, который Толлифер устроил в студии одного из своих друзей по случаю возвращения в Париж; Мэриголд, выпив больше, чем следовало, и заметив, как весело Эйлин флиртует с Толлифером, внезапно перешла в наступление.

— Если бы вы знали о вашем приятеле столько, сколько знаю я, вы, пожалуй, не стали бы таскать его повсюду за собой, — сказала она с язвительной усмешкой.

— Вам хочется сказать мне что-то неприятное, — спросила Эйлин, — так почему же не сказать этого прямо? К чему намеки и недомолвки? Или это в вас говорит ревность?

— Ревность?! Мне ревновать Толлифера к вам?! Нет, я просто знаю, почему он к вам так внимателен, вот и все!

— К чему это вы клоните? — гневно воскликнула Эйлин, пораженная этим неожиданным заявлением. — Говорите прямо, в чем дело! Или поищите для своей ревности какой-нибудь другой объект.

— Ревность?! Вот глупости! Вам, конечно, и в голову не приходило, что этот ваш усердный поклонник ходит за вами по пятам вовсе не ради ваших прекрасных глаз. Да и откуда, по-вашему, у него столько денег, чтобы тратить на ваши развлечения? Я знакома с ним много лет, и у него, как вам должно быть известно, никогда не было ни гроша.

— Нет, мне это неизвестно. А дальше что?

— Спросите мистера Толлифера, а еще лучше — вашего супруга. Он уж наверно может просветить вас на этот счет, — заключила Мэриголд и поспешно отошла от Эйлин.

Не на шутку взволнованная этим разговором, Эйлин тотчас вышла из комнаты, взяла накидку и вернулась к себе в номер. Разговор с Мэриголд не выходил у нее из головы. Толлифер! Как внезапно, как решительно ворвался он в ее жизнь! Ни гроша в кармане, а тратит так много! И с чего бы это Каупервуду так поощрять дружбу между ними? Он ведь даже приезжал в Париж на званый вечер, который они устраивали с Толлифером… И вдруг то самое страшное, что таилось в намеках Мэриголд, как ножом резнуло Эйлин: муж пользовался услугами этого человека, чтобы убрать ее с дороги! Она должна докопаться до истины, она должна знать.

Не прошло и часа, как Толлифер, заметив исчезновение Эйлин, позвонил ей по телефону, и она потребовала, чтобы он сейчас же к ней пришел: ей нужно немедленно с ним поговорить. Едва он вошел, грянула буря. Чья это была затея, чтобы он пригласил ее в Париж, оказывал ей столько внимания, тратил на нее столько денег? Кто это придумал — ее муж или он сам?

— Что за вздор! — запротестовал Толлифер. — Чего ради я стал бы тратить на вас деньги, если бы вы мне не нравились?

— Но я слышала, что у вас нет собственных средств и никогда их не было, — возразила Эйлин. — Да и вообще, чем вы, собственно, зарабатываете деньги? Служите на побегушках у тех, кто может тратить все свое время на развлечения и не желает заботиться о всяких обременительных мелочах?

Это оскорбление поразило Толлифера в самое сердце: Эйлин ставит его на одну доску с прислугой!

— Это неправда, — еле слышно сказал он.

Но что-то в его тоне заставило Эйлин усомниться в искренности этих слов, и гнев ее вспыхнул с новой силой. Подумать только, чтобы человек мог так низко пасть! И она, жена Фрэнка Алджернона Каупервуда, по воле своего коварного мужа стала жертвой таких интриг! Теперь все знают, что она — нелюбимая жена, до того постылая и ненавистная, что муж вынужден нанимать кого-то, лишь бы отделаться от нее.

Но подождите! Вот сейчас, не сходя с места, или уж в крайнем случае завтра, она отплатит этому паразиту и обманщику, а заодно и своему супругу! Она не позволит, чтобы с нею так обращались! Какой позор! Нет, она этого не потерпит. Сейчас же, сию минуту она выставит этого Толлифера за дверь. А Каупервуду телеграфирует, что ей известны его интриги и что она больше знать его не желает! Она возвращается в Нью-Йорк и будет жить в своем доме, а если он попытается последовать за нею, она подаст на него в суд и разоблачит в газетах. Наконец-то она раз и навсегда избавится от этого негодяя, от этого лжеца и изменника!

— Уходите! — крикнула она Толлиферу. — Довольно с меня ваших услуг. Я сейчас же возвращаюсь в Нью-Йорк, и попробуйте только еще когда-нибудь попасться мне на глаза или надоедать мне. Уж я позабочусь, чтобы все узнали, что вы собой представляете! Отправляйтесь к мистеру Каупервуду — может быть, он найдет для вас более пристойное занятие!

Она подошла к двери и настежь распахнула ее перед Толлифером.

53

В то время как в Париже происходили описанные выше события, Беренис, продолжавшая по-прежнему жить в Прайорс-Кове, внезапно оказалась в центре внимания местного общества, — ее то и дело знакомили с новыми людьми, со всех сторон сыпались приглашения на званые обеды и вечера, — словом, успех превзошел все ее ожидания. Беренис сознавала, что немалой долей этого успеха она обязана Каупервуду, но, конечно, еще больше обязана Стэйну: он был влюблен и жаждал ввести ее в круг своих высокопоставленных знакомых.

Поскольку Эйлин была в Париже, Каупервуд полагал, что он и Беренис могут безбоязненно принять приглашение лорда Стэйна покататься на его яхте «Айола». Кроме них, были приглашены: леди Клиффорд из Чадлея — ее муж принадлежал к одному из древнейших родов Англии; герцогиня Мальборо — большая приятельница Стэйна и к тому же любимица королевы, и сэр Уиндхэм Уитли — дипломат, с большими связями при дворе.

Когда «Айола» бросила якорь в Каус, Стэйн сообщил гостям, что королева, которая пребывает сейчас здесь, приглашает его вместе с друзьями на чашку чая. Это известие чрезвычайно взволновало всех, а в особенности Беренис: ведь об этом приеме, наверно, станут кричать газеты! Королева была очень любезна, и, казалось, эта неофициальная встреча доставляет ей большое удовольствие. Она особенно заинтересовалась Беренис, о многом ее расспрашивала, и если бы та откровенно отвечала на вопросы королевы, это могло бы печально окончиться для Беренис. Но поскольку Беренис сочла за благо не откровенничать, королева выразила желание видеть ее у себя в Лондоне. В самом деле, она надеется, что Беренис не будет ничем занята и сможет присутствовать на ближайшем приеме при дворе. Любезность королевы безмерно поразила Беренис и вместе с тем укрепила ее веру в свои силы: да, конечно, она может достичь многого, стоит ей только пожелать!

После этого приема Стэйн с удвоенным пылом стал добиваться взаимности Беренис, а Каупервуд теперь еще больше опасался того, что Беренис может не устоять против лорда.

Однако, вернувшись в Лондон, Каупервуд нашел там новую, более серьезную причину для тревог и опасений. У него в номере лежало письмо от Эйлин, которое она послала ему перед своим отъездом в Нью-Йорк.

«Наконец-то я узнала правду! Ты поставил меня в унизительное положение. Ты нанял этого лакея, Толлифера, чтобы избавиться от меня и на свободе предаваться распутству. Какой позор! Нечего сказать, хороша награда за мою многолетнюю верность! Но можешь не беспокоиться — теперь ты свободен. Заведи себе хоть сотню девок, мне все равно. Я сегодня же уезжаю из Парижа в Нью-Йорк. Я не желаю больше терпеть твои измены и твое распутство. Не смей показываться мне на глаза, иначе я выведу тебя на чистую воду. Посмотрим, что ты скажешь, когда тебе придется предстать со своими нынешними любовницами перед судом и я ославлю тебя во всех лондонских и нью-йоркских газетах.

Эйлин».

Это послание заставило Каупервуда призадуматься. Да, Эйлин в ярости. И кто знает, к чему это приведет. Пожалуй, самое разумное — немедленно вернуться в Нью-Йорк и сделать все возможное, чтобы как-нибудь предотвратить публичный скандал. Ведь это чревато серьезными неприятностями для Беренис. Если Эйлин приведет в исполнение свои угрозы, будущее Беренис испорчено! Нет, что угодно, только не это!

И Каупервуд прежде всего направился к Беренис. Она встретила его веселая, полная честолюбивых планов и надежд. Но как только он рассказал о последнем выпаде Эйлин и о ее угрозах, улыбка исчезла с лица Беренис. Она тотчас поняла, что дело нешуточное.

— Непонятно, что заставило Толлифера признаться Эйлин, какую роль он в этом играет. Ведь в его же интересах было молчать, — с беспокойством сказала она.

— Ты не знаешь почтенной леди Эйлин, дорогая, — усмехнулся Каупервуд. — Она не из тех, кто способен до конца все обдумать и предусмотреть. Нет, она сразу приходит в ярость — и, конечно, только вредит себе и другим. Она может так обрушиться на человека, — поневоле выложишь все, что есть на душе, хотя бы и на погибель себе и ей. Сейчас остается одно — отправиться в Нью-Йорк самым быстроходным пароходом: может быть, мне удастся опередить ее. Я уже телеграфировал Толлиферу, чтобы он немедленно явился в Лондон, — если он по-прежнему будет у меня на жаловании, я без труда заставлю его придержать язык. Но может быть, ты посоветуешь еще что-нибудь, Беви?

— По-моему, ты прав, Фрэнк. Возвращайся как можно скорее в Нью-Йорк и постарайся утихомирить ее. После того как ты поговоришь с ней, она, вероятно, поймет, что скандалами ей ничего не добиться. Ведь она, конечно, и раньше знала о моем существовании… и не только о моем, — с лукавой улыбкой добавила Беренис. — Напомни ей об этом. В конце концов ты не сделал ей ничего дурного. Да и Толлифер тоже, если на то пошло. Ведь ты ей дал такого гида для экскурсий по увеселительным местам Парижа, что лучше не сыскать. Кроме того, скажи ей, что дела не оставляли тебе ни одной свободной минуты. Мне кажется, все это хоть немного смягчит ее. Сошлись на газеты — они полны сообщений о твоей деятельности, о твоих успехах…

Все эти мудрые совета Каупервуд со вниманием выслушал. Вся беда только в том, заметил он, что не Стэйн, а он должен расстаться с ней.

— Не тревожься, мой дорогой, — успокоила его Беренис, — ты слишком большой человек, чтобы эта история могла испортить тебе жизнь. Я убеждена, что ты и на этот раз одержишь победу. И знай: я всегда, все время буду с тобой.

И она обвила его шею руками и с улыбкой заглянула ему в глаза.

— Ну, если так, все будет хорошо, — уверенно сказал Каупервуд.

54

Перед тем как отплыть в Нью-Йорк, Каупервуд вызвал к себе Толлифера, и тот сумел доказать свою полную невиновность в случившемся; мистер Каупервуд может быть спокоен: впредь он и рта не раскроет, будет говорить лишь то, что желательно мистеру Каупервуду.

Пять дней спустя Каупервуд сошел на берег в Нью-Йорке и был встречен целой армией репортеров, налетевших на него с таким множеством вопросов, что ответов хватило бы для издания небольшого справочника. Какова цель его приезда:

мобилизовать капитал, чтобы скупить новые линии лондонского метрополитена или сбыть с рук то, что у него осталось от американской трамвайной сети? Какие картины он приобрел в Лондоне? Правда ли, что он на днях заплатил семьдесят восемь тысяч долларов за «Огни на Темзе» Тернера? Кстати, о картинах — верно ли, что он должен был заплатить одному художнику двадцать тысяч долларов за свой портрет, а когда портрет был закончен, послал ему не двадцать, а тридцать тысяч? Ну, а что он теперь думает об умении англичан вести дела?

Эта встреча показала Каупервуду, что он более чем когда-либо привлекает к себе всеобщее внимание и что пока скандалом не пахнет. Вот почему на этот раз он охотнее обычного отвечал на вопросы, по крайней мере на те из них, на которые он мог дипломатически ответить без ущерба для себя.

Да, дела в Лондоне идут гладко. Больше того: он, Каупервуд, смело может гордиться своими достижениями, поскольку к январю 1905 года он рассчитывает электрифицировать и сдать в эксплуатацию лондонский метрополитен. Будет проложено сто сорок миль железнодорожных путей, а капитал компании составит восемьдесят пять миллионов долларов. Да, он действительно строит крупнейшую в мире электростанцию, а когда она будет готова, лондонский метрополитен станет лучшим в мире. Что же касается деловых качеств англичан, то в Англии к таким крупным начинаниям, как, скажем, его проект, относятся с большим интересом, нежели в Америке: англичане, очевидно, понимают, какое значение во всяком деле имеет размах, и если уж они предоставляют концессию, то не на какой-то ограниченный срок, а навечно, — это позволяет осуществлять более широкие замыслы и строить монументальные сооружения.

Картины? Да, с тех пор как он в последний раз был в Нью-Йорке, он приобрел несколько новых полотен; сейчас он везет с собою Ватто, Джошуа Рейнольдса (портрет леди О'Брайен) и Франса Гальса. Да, он действительно заплатил художнику, о котором идет речь, тридцать тысяч долларов за свой портрет, хотя уговор был о двадцати тысячах. Но художник вернул ему лишние десять тысяч с просьбой пожертвовать деньги на бедных, — услышав это, репортеры ахнули от удивления.

Интервью было расписано в газетах на все лады и не могло не поразить воображения Эйлин, которая всего за два дня до приезда Каупервуда вернулась в Нью-Йорк под чужим именем. Несмотря на всю свою ярость, она подумала, что, пожалуй, стоит пересмотреть свои намерения. Так ли уж они разумны? Что Фрэнк будет делать с этими картинами, которые он сейчас покупает? Еще совсем недавно он говорил, что надо бы сделать пристройку к нью-йоркскому дворцу, чтобы было где разместить новые произведения искусства. Но если она разоблачит его в печати и ему будет угрожать бракоразводный процесс, он, пожалуй, изменит свои планы в пользу другой женщины. Эйлин оказалась в том же безвыходном положении, что и несколько лет назад, когда ей не оставалось ничего другого, как только отступить и сдаться.

Однако Каупервуд, встревоженный угрозами жены, счел наиболее благоразумным на время своего пребывания в Нью-Йорке остановиться в «Уолдорф-Астории», а не в своем доме на Пятой авеню. Обосновавшись в отеле, он стал ловить Эйлин по телефону, но безуспешно: она решила не встречаться с ним, не дать ему возможности оправдаться в том, что, с ее точки зрения, было непростительным преступлением. На всякий случай она даже вызвала к себе одного нью-йоркского адвоката. Но в то же время она не пропускала в газетах ни одного сообщения о Каупервуде, — и гнев ее час от часу утихал. Она, естественно, гордилась его успехами и в то же время терзалась ревностью: уж конечно за всем этим скрывается какая-нибудь любовница — скорее всего Беренис, — которая, несомненно, и разделяет с ним этот наиболее радужный период его жизни. А ведь Эйлин сама любила блистать и быть предметом всеобщего внимания. Порой она совсем по-детски радовалась какому-нибудь сенсационному сообщению о Каупервуде — хвалебному, ругательному или беспристрастному. Увидев в одной газете фотографию громадной электростанции, которую Каупервуд строил в Лондоне, она пришла в такой восторг, что почти забыла о всех прегрешениях своего неверного супруга. А когда он подвергся яростным нападкам в другой газете, Эйлин не могла не оскорбиться, хотя и сама только что собиралась напасть на него.

Эйлин просмотрела великое множество самых разнообразных высказываний и поздравлений по поводу возвращения Каупервуда на родину и к ее ярости и досаде стало уже примешиваться восхищение. В таком настроении застал ее Каупервуд. Он преспокойно вошел в гостиную, где Эйлин лежала в шезлонге среди вороха разбросанных на полу, очевидно только что прочитанных ею газет. При виде его Эйлин вскочила, стараясь пробудить в себе столь тщательно взлелеянный гнев; Каупервуд быстро пересек комнату и остановился перед ней.

— Ну-с, я вижу, ты не отстаешь от жизни, дорогая, — заметил он и весело и непринужденно улыбнулся. — Газеты недурно встречают меня, правда?

— Ты! — выкрикнула она. — Какая наглость! Знали бы они тебя, как знаю я! Твое лицемерие! Твою жестокость!

— Послушай, Эйлин, — продолжал он, стараясь говорить как можно спокойнее. — Подумав, ты сама признаешь, что я не сделал тебе ничего плохого. Если ты читала хоть одну из этих газет, тебе должно быть известно, что в Лондоне я работал по двадцать четыре часа в сутки над своим проектом. А этот Толлифер — да можно ли было подыскать тебе лучшего гида по Парижу? Вспомни, в былые времена, всякий раз, как мы с тобой попадали в Париж, ты жаловалась и упрекала меня за то, что я уделял тебе мало внимания и не ездил с тобой всюду, куда тебе хотелось? Тогда у меня попросту не было на это времени. А тут появился Толлифер, который тоже собирался в Париж и, как видно, понравился тебе, — вот я и решил, что если он поедет туда

в одно время с тобой, твое давнишнее желание исполнится: ты сможешь посмотреть город безо всяких помех с моей стороны. Только поэтому около тебя и появился Толлифер, и ты это знаешь!

— Ложь, ложь, ложь! — бешено крикнула Эйлин. — Всегда ложь! Но на этот раз ты меня не обманешь. Нет уж, теперь все узнают, что ты такое и как ты обращаешься со мной. Будь уверен, тогда в газетах начнут писать о тебе по-другому.

— Послушай, Эйлин, — прервал ее Каупервуд, — будь благоразумна. Ты же знаешь, я никогда тебе не отказывал ни в деньгах, ни в чем другом — у тебя было все, что только ты могла пожелать. И ведь я собирался включить тебя в число моих душеприказчиков. Возьмем хотя бы этот дом, которым ты, конечно, гордишься. Ты ведь знаешь, я думал достроить его и сделать еще красивее. Недавно мне пришла в голову мысль приобрести соседний дом, чтобы расширить твой зимний сад и устроить еще одну галерею для картин и скульптур. Я собирался оставить все это тебе в полную твою собственность.

Однако он и тут не изменил своей скрытности и не прибавил, что уже купил этот дом, когда был в Лондоне.

— Давай вызовем Пайна, — продолжал он. — Пусть представит нам несколько проектов.

— Д-да, это было бы интересно, — задумчиво сказала Эйлин.

Но Каупервуд не терял времени зря.

— А эта твоя идея жить порознь — право, Эйлин, это смешно! Прежде всего, мы слишком давно женаты, и хотя у нас не все шло гладко, как видишь, мы по-прежнему вместе. Своей личной жизни у меня нет никакой — одни дела, на них уходят все мои силы. И не забудь, я уже не молод. Если ты хочешь снова стать мне другом, — дай только сбросить с плеч заботы о лондонской подземке — и, право, я с удовольствием вернусь в Нью-Йорк и поселюсь здесь с тобой.

— Ты хочешь сказать, со мной и еще с полудюжиной других? — ядовито заметила Эйлин.

— Нет, я хотел сказать только то, что сказал. Ты, я думаю, сама понимаешь, что рано или поздно мне придется уйти от дел. Я избавлюсь от хлопот, и мы с тобой будем вести тихое и мирное существование.

Эйлин собралась было сделать еще какое-то ироническое замечание, но, взглянув на Каупервуда, уловила в его лице такую усталость, даже подавленность, какой она никогда еще у него не видела. И ее желание уязвить Фрэнка вдруг сменилось жалостью. Наверно, он переутомился и нуждается в отдыхе, — ведь годы его не маленькие и вечно у него дела, дела… С такою теплотой она уже давно не думала о нем.

Но в эту минуту вошла горничная и сообщила, что мистер Робертсон — адвокат Эйлин — просит ее к телефону; Эйлин в замешательстве поднялась было с шезлонга, но, передумав, вызывающе бросила:

— Скажите ему, что меня нет дома!

Каупервуд сразу все понял.

— Ты кому-нибудь говорила о нашей размолвке? — спросил он Эйлин.

— Нет, пока не говорила, — ответила она.

— Отлично! — сказал Каупервуд, сразу повеселев.

Объяснив, что ему придется на несколько дней съездить по делам в Чикаго, Каупервуд сумел выудить у Эйлин обещание ничего не предпринимать, пока он не вернется. И тогда, доказывал он, они уж наверно смогут все уладить к взаимному удовлетворению.

Видя, что Эйлин как будто не прочь оставить все, как есть, Каупервуд взглянул на часы: времени до поезда остается в обрез, сказал он. Они увидятся, когда он приедет. И Эйлин, успокоенная, проводила его до двери, а потом вернулась к своим газетам.

Поездка в Чикаго имела для Каупервуда большое значение: предстояло склонить местных дельцов либо предоставить ему заем, либо вложить в его предприятие пять миллионов долларов. Кроме того, надо было повидать Сиппенса и выслушать его отчет о том, как идет распродажа принадлежащих Каупервуду земельных участков.

Еще одно дело требовало его внимания: против одной крупной чикагской транспортной компании, в чье ведение несколько лет назад перешли две надземные дороги, построенные и сданные в эксплуатацию Каупервудом, недавно было возбуждено судебное преследование. Надо сказать, что с тех пор как он уехал из Чикаго и занялся лондонским метрополитеном, эти две линии, попав в плохие руки, не только перестали приносить прибыль, которая раньше текла рекой, поскольку публика широко пользовалась ими, но работали с огромными убытками, и это окончательно подорвало всякий интерес к их акциям. В местных кругах даже утверждали, что история корпораций, объединяющих предприятия городского хозяйства, еще не знала такого полного краха, какой потерпела эта компания. Поскольку во всем обвиняли Каупервуда, ему необходимо было разъяснить вкладчикам, что он тут ни при чем, — виноваты те, кто перекупил у него дороги, они неумело и нерасторопно повели дело. После того как все это выяснилось, Каупервуда стали называть уже не жуликом, а финансовым чародеем: ведь когда дороги находились в его ведении, он выплачивал акционерам своей компании от восьми до двенадцати процентов дивидендов. Итак, он не только раздобыл пять миллионов долларов, ради которых ездил в Чикаго, но и значительно улучшил свою репутацию.

Однако поездка в Чикаго не обошлась без неожиданностей; Лорна Мэрис, узнав из газет о приезде Каупервуда, разыскала его в надежде возродить в нем прежнее чувство. Но ее попытка была обречена на неудачу, так как настроение у Каупервуда было теперь совсем другое: он рвался назад, в Нью-Йорк, а потом к Беренис. Заметив, однако, по одежде Лорны, что дела ее идут много хуже, чем в ту пору, когда они виделись в последний раз, Каупервуд решил расспросить девушку, как она живет; выяснилось, что ее успех у публики стал неизмеримо меньше, а с ним уменьшились и доходы. Тогда Каупервуд сделал вид, будто он озабочен ее благополучием и обещал открыть в банке постоянный счет на ее имя; более того: он постарается заинтересовать ею какого-нибудь театрального режиссера, — словом, он посулил ей уйму всяких благодеяний и этим сразу воскресил ее былой оптимизм.

Но когда он оказался в вагоне и поезд тронулся, а Лорна, стоя на платформе, в последний раз печально махнула ему на прощанье рукой, Каупервуд невольно задумался над изменчивым переплетением человеческих судеб и страстей. Взять хотя бы его: на него нападают чикагские акционеры, за ним неусыпно следят газеты, Эйлин шпионит — из Нью-Йорка, да и прелестная Беренис — из Лондона; Беренис доверяет ему не больше, чем Эйлин, — и не без оснований. А все из-за чего? Из-за его влюбчивости, его темперамента, из-за того, что его влечет к человеческим существам другого пола, но ведь эти чувства не им созданы и не им придуманы.

Мерно постукивали колеса. Протяжно гудел паровоз. А за окном мимо Каупервуда проносились поля и равнины, как проносится неудержимым потоком время, — и он сквозь дремоту думал о жизни и о тех переменах, которые несет с собою бег времени.

56

Вернувшись в Нью-Йорк, Каупервуд решил навестить Эйлин, и тут его ждал приятный сюрприз. За это время она много думала о его предложении расширить и перестроить дом, сообразуясь с ее вкусом. Он не мог бы предложить ей ничего приятнее. И теперь Эйлин показала ему на выбор несколько вариантов проекта, подготовленных по ее заказу архитектором, — все это были эскизы в цвете.

Каупервуд остался очень доволен эскизами: Раймонд Пайн, американский архитектор, проектировавший в свое время его дворец, теперь представил проекты слияния двух домов в единый ансамбль. Эйлин оживленно сообщила, что ей нравится и этот эскиз, и вон тот, и еще третий, совсем по-иному трактующий задачу. Решив повидаться с Пайном и посоветовать ему не спешить, Каупервуд, наконец, простился с Эйлин; это очень хорошо, думал он — занять ее таким делом, которое не только воплотит художественные вкусы их обоих, но и будет в глазах общества доказательством их примирения.

Однако на сей раз Каупервуду было нелегко привыкать к жизни в Нью-Йорке, да и в Америке вообще. Со времени поездки в Лондон его взгляды изменились. Не то, чтобы англичане оказались менее изворотливы или напористы, когда они отстаивают свои интересы, — нет, но, познакомившись со Стэйном, Джонсоном и их компаньонами, Каупервуд убедился, что они как-то даже бессознательно умеют сочетать отдых и удовольствия с делами, будь то торговля или финансы, а вот здесь, в Америке, как говорится, бизнес превыше всего.

Вот и он, с тех пор как приехал в Нью-Йорк, не занимался ничем, кроме дел. Здесь его больше ничто не интересовало и потому его мысли непрестанно возвращались к Беренис и Прайорс-Кову. Тем не менее он решил объехать все города, где рассчитывал добыть капитал, — это была бешеная гонка по Восточным штатам, и Каупервуд отчаянно устал. Впервые в жизни он не то, чтобы почувствовал, а подумал, что стареет. К счастью, этой изнурительной поездке положила конец телеграмма от Джонсона: некоторые группы пытаются оказать давление на парламент и потому присутствие мистера Каупервуда в Лондоне совершенно необходимо.

Каупервуд показал телеграмму Эйлин. Прочитав ее, Эйлин подняла глаза на Каупервуда и сказала, что у него усталый вид: должен же он позаботиться о себе! Здоровье — прежде всего, об этом нельзя забывать. Пора бы ему свернуть дела в Европе и уйти на покой. Он ответил, что и сам подумывает об этом; кстати, он не хочет обременять ее заботами о своей галерее: пока он будет в отъезде, за картинами присмотрит мистер Касберт — человек, суждению которого вполне можно доверять.

А тем временем Беренис уже стало беспокоить длительное отсутствие Каупервуда. С каждым днем, проведенным без него, она чувствовала себя все более одинокой. Лорд Стэйн не раз возил ее на различные приемы и званые вечера, где знакомил со своими друзьями, а однажды они были даже при дворе, — и все же Беренис недоставало Каупервуда, ею владела странная, необъяснимая тоска по нем. Он был в ее жизни всем, — сила его личности затмевала для нее блеск высшего света, которым пленял ее воображение лорд Стэйн. Да, конечно, Стэйн приятный и интересный спутник… но, вернувшись в Прайорс-Ков, она снова всеми помыслами, всем сердцем была с Каупервудом. Что-то он сейчас делает, с кем проводит время? Неужели он снова увлекся Лорной Мэрис? Или кем-нибудь еще? А быть может, он вернется к ней таким же страстно влюбленным, как и уехал? И приедет ли с ним Эйлин, или ему удалось задобрить ее и она хоть на время оставит его в покое?

Ох уж эта женская ревность! А сама она как ревнует его!

Он столько для нее сделал! И не только для нее, но и для ее матери! Ведь это он платил за ее образование, а потом подарил ей чудесный особняк в Нью-Йорке, на шикарной Парк авеню.

По складу своего ума и взглядам на жизнь Беренис была холодной, расчетливой натурой: как раз перед тем как угрозы Эйлин заставили Каупервуда вернуться в Нью-Йорк, она почти решила, что если эта новая выходка ревнивой жены не кончится для нее плачевно, ей следует быть впредь полюбезнее с лордом Стэйном. Он серьезно увлекся ею — это ясно. Похоже, что он подумывает даже о женитьбе на ней.

«Если б только я была по-настоящему влюблена в него, — думала она. — Если б только он не цеплялся так за условности, не был англичанином до мозга костей». Она слышала, что по английским законам можно развестись с женщиной, которая, выходя замуж, обманула мужа, скрыв свое прошлое, — а ведь именно так поступила бы она, выйдя замуж за Стэйна. Вот почему в отсутствие Каупервуда Беренис отмалчивалась и держалась подальше от Стэйна, — ведь Эйлин, если захочет, может нанести непоправимый удар ее положению в обществе!

Но лондонская пресса молчала, и Беренис постепенно успокоилась; к тому же она получила письмо от Каупервуда, — он делился с нею своими бедами: вот и здоровье что-то вдруг сдало, и силы пошатнулись, скорее бы вернуться в Англию, отдохнуть, побыть подле нее! Прочитав о его недомогании, Беренис подумала, не отправиться ли им вместе в какой-нибудь тихий красивый уголок, подальше от спешки и суеты делового мира. Но есть ли на земле такие края? И если есть, то, возможно, Фрэнк уже бывал там и они успели наскучить ему, — ведь он так много путешествовал: был в Италии, Греции, Швейцарии, во Франции, Австро-Венгрии, Германии, Турции, в Святой Земле.

А что, если съездить в Норвегию? Насколько помнится, Каупервуд никогда не рассказывал о ней. Она непременно убедит его поехать вместе в эту незнакомую, непонятную страну! Беренис даже купила книжку о Норвегии, чтобы подробно ознакомиться с ее красотами и достопримечательностями. С увлечением перелистывала она страницы, рассматривая фотографии сумрачных высоких скал; горы поднимались круто вверх на тысячи футов, между ними зияли пропасти, прорубленные, словно взмахом меча, рукой суровой, неумолимой природы; с вершин низвергались водопады, шипя и пенясь неслись горные потоки, а в долинах дремали живописные мирные озера. То тут, то там к каменным склонам, словно моряки к плоту после кораблекрушения, лепились крошечные фермы. Беренис читала о древних богах норвежцев: об Одине — боге войны, о Торе — боге грома, и о Валгалле — своеобразном рае, уготованном для душ тех, кто погиб сражаясь.

Читая книгу и разглядывая иллюстрации, Беренис пришла к убеждению, что в стране этой нет никаких следов промышленности. Вот такое место и нужно Каупервуду для отдыха!

57

Каупервуд вернулся в Англию осунувшийся, усталый; Беренис быстро сумела заразить и его желанием побывать в Норвегии, где, как ни странно, он еще ни разу не был.

Вскоре он уже поручил Джемисону отыскать и зафрахтовать для него яхту. Но прежде чем Джемисону удалось что-либо найти, некий лорд Тилтон, узнав от Стэйна о намерениях Каупервуда, любезно предложил ему для поездки свою яхту «Пеликан». И вот, в разгаре лета, Каупервуд и Беренис оказались на борту яхты, плавно скользившей вдоль западного побережья Норвегии по направлению к фиорду Ставангер.

Яхта оказалась очень красивой, а Эрик Хансен, шкипер-норвежец, искусным мореходом. Он был могучего сложения, хотя и невысок ростом, румяный, с целой копной желтых волос, падавших ему на лоб. Его голубые, холодные, как сталь, глаза словно

бросали вызов всем морям и непогодам. Его движения наводили на мысль об извечной борьбе с бурями: он ходил враскачку даже по земле, будто хотел всегда жить в одном ритме с морем. Всю жизнь он был моряком и всей душой любил эти прибрежные воды, изрезанные лабиринтом таинственных гор, что выступают на тысячи футов из морских глубин и уходят на тысячи футов под воду. Иные говорят, что горы эти образовались от сдвигов или трещин в земной коре; другие — что это застывшая лава вулканов. Но Эрик знал: эти берега и эту землю в незапамятные времена изрубили мечами грозные викинги — они могли проложить себе путь сквозь любые преграды, хоть на край света.

Беренис, глядя на крутые склоны, где далеко в вышине прилепились домики, не могла даже представить себе, как это их обитатели умудряются спускаться к проходящим судам, а потом взбираться к себе наверх. Да и зачем это им нужно? Все здесь казалось таким необыкновенным. Беренис была незнакома с искусством лазания по горам, которое норвежцу, по-видимому, пришлось изучить волей-неволей, беря пример с коз, перепрыгивающих со скалы на скалу.

— Странный край, — говорил Каупервуд. — Я рад, что ты привезла меня сюда, Беви. Но мне кажется, природа, создав эту страну такой прекрасной, обидела ее климатом. Днем в летнюю пору здесь чересчур много света, а зимой — чересчур мало. Слишком уж много тут романтических заливов и фиордов, слишком много голых скал. А все же, должен признаться, мне здесь очень нравится.

Беренис уже заметила, какой живой интерес пробудила в нем поездка. Каупервуд то и дело звонил и, вызвав к себе учтивого шкипера, засыпал его вопросами.

— Чем, кроме рыбы, промышляют здешние жители? — спрашивал он Эрика.

— Видите ли, мистер Диксон (под этим именем путешествовал Каупервуд), у них немало всякой всячины. Есть козы, и они продают козье молоко. Есть куры, а значит, и яйца. Есть коровы. Здесь часто судят о богатстве человека по тому, сколько у него коров. Есть, понятно, масло. Тут у нас упорный, выносливый народ: они добиваются с пяти акров такого урожая, что вы и не поверите. Хоть я и немного в этом смыслю и ничего особенного не могу вам рассказать, но они, право, живут лучше, чем вы думаете. И потом, — продолжал он, — большинство молодых людей в здешних краях учится мореходному делу. С годами они становятся капитанами, матросами или коками: ведь в норвежские гавани заходят сотни судов — и откуда и куда только не идут эти суда — во все порты и гавани мира.

Тут в разговор вмешалась Беренис.

— Вот что, по-моему, любопытно, — сказала она, — у них здесь всего немного, зато все — отличного качества.

— Вы правы, сударыня, — отозвался шкипер, — я и хотел это сказать. Видите ли, мы, норвежцы, научились довольствоваться тем, что у нас есть, — продолжал он с воодушевлением. — И мы знаем мир не по книгам, а как он есть на самом деле, хотя мы и любим книги и ценим ученость. У нас почти нет неграмотных, и хотите верьте, хотите нет, но в Норвегии больше телефонов, чем в Испании или Польше. Есть у нас и знаменитые литераторы, и музыканты — Григ, Гамсун, Ибсен, Бьернсон.

Каупервуд молча выслушал эти имена. Если подумать — как мало места занимала в его жизни литература! Надо бы взять у Беренис кое-что из книг, которые она читала.

А Беренис, заметив его задумчивость и полагая, что он, должно быть, мысленно сравнивает этот удивительный мир со своим собственным, шумным и беспокойным, решила перевести разговор на что-нибудь более веселое.

— Скажите, капитан, — спросила она Хансена, — а мы увидим лопарей, когда заберемся немного севернее?

— Конечно, сударыня, — ответил капитан. — Их сколько угодно севернее Тронхейма. Нам уже недалеко до этого места.

От Тронхейма яхта направилась на север, в сторону Гаммерфеста — солнце тут уже не заходило. По пути сделали несколько остановок — один раз у маленького скалистого выступа под названием Гротто, отрога большой горы. Здесь расположилась китобойная станция — крошечный поселок домов в десять.

Это были, как и всюду на побережье, просто каменные хижины с крышами, обложенными дерном.

Рыбаки Гротто имели обыкновение покупать уголь и дрова на судах, проходящих мимо в северном или южном направлении. И вот небольшая группа рыбаков окружила яхту. И хотя угля на яхте было в обрез, Каупервуд велел шкиперу выдать им несколько тонн, ибо почувствовал, что жизнь далеко не щедра к этим людям.

После завтрака капитан Хансен сошел на берег; вернувшись, он рассказал Каупервуду, что с далекого севера сюда прибыло племя лопарей, — они разбили стоянку примерно в полумиле от Гротто. Там около сотни лопарей с детьми и собаками, сказал он, и стадо оленей, тысячи в полторы голов. Беренис тотчас изъявила желание посмотреть на них. Тогда капитан Хансен спустил шлюпку и, прихватив с собой одного из матросов, повез Беренис и Каупервуда к стоянке лопарей.

Высадившись на берег, они увидели оленей, которые бродили вокруг разбросанных по всей долине чумов. Капитан, умевший кое-как изъясняться на языке лопарей, заговорил с ними; несколько лопарей подошли к прибывшим и, обменявшись с ними рукопожатиями, пригласили к себе в чумы. В одном чуме над огнем висел большой котел; матрос, заглянув в котел, заявил, что это «собачья бурда», но это оказалась похлебка из отличной жирной и сочной медвежатины, которой и угостили всех присутствующих.

В другом чуме теснились рыбаки и жители окрестных ферм: каждый год с приездом лопарей на их стоянках открывалось нечто вроде ярмарки, где они продавали продукты оленеводства и закупали припасы на зиму. Вдруг толпа зашевелилась, и какая-то лопарка протиснулась к гостям. Она поздоровалась с капитаном Хансеном как со старым знакомым, а он тут же сообщил Каупервуду, что эта женщина едва ли не богаче всех в этом племени. Потом лопари начали петь хором и плясать. Пили, ели, смеялись. Наконец Каупервуд и его спутники распростились с лопарями и вернулись на «Пеликан».

При свете незаходящего солнца яхта повернула обратно на юг. Тут, на виду у яхты, показалось-с десяток гренландских китов, и шкипер распорядился так поставить паруса, чтобы судну легче было лавировать среди них. И пассажиры и команда в волнении не сводили глаз с огромных животных. Но Каупервуда это необычайное зрелище интересовало куда меньше, чем то необыкновенное искусство, с каким капитан управлял своей яхтой.

— Вот видишь! — сказал он Беренис. — Каждая профессия, каждое ремесло, любой вид труда требуют умения и сноровки. Посмотри на шкипера — как он ловко подчинил яхту своей воле, а одно это — уже — победа.

Беренис улыбнулась, но ничего не ответила, а он глубоко задумался, размышляя о поразительном крае, который лежал перед ним. Как непохожи эти северные места на весь остальной мир, как чуждо им все, что связано с крупной промышленностью, с банками, — такой характер, такие устремления, как у него, Каупервуда, здесь вовсе ни к чему. Необозримый океан — вот кормилец здешних жителей, он дает им рыбу — основной источник их существования; поистине рыба их кормит, поит и одевает, дает средства возделать клочок земли и безбедно прожить остаток дней, вернувшись из морских странствий. И Каупервуд вдруг почувствовал, что эти люди получают от жизни больше, чем он, — столько здесь чистой, безыскусственной красоты, нехитрого уюта, столько простоты и прелести в нравах и обычаях; а у него этого нет, ни у него, ни у тысячи ему подобных, тех, кто посвятил себя погоне за деньгами, ненасытному стяжательству. Вот он уже стареет и лучшая пора его жизни миновала. А что впереди? Подземные дороги? Картинные галереи? Скандалы и ехидные заметки в газетах?

Правда, за время этой поездки он отдохнул. Но она подходит к концу, и теперь каждый час приближает его к тому, что никак нельзя назвать спокойным существованием: если все пойдет по-старому, ему ждать нечего, кроме новых конфликтов, новых совещаний с адвокатами, новых газетных нападок, новых домашних неурядиц. Каупервуд иронически усмехнулся собственным мыслям. Не стоит задумываться. Надо принимать вещи такими, как они есть, и пользоваться ими с наибольшей для себя выгодой. В конце концов жизнь была к нему гораздо щедрее, чем ко многим другим, не следует быть неблагодарным! И он благодарен.

Через несколько дней, когда яхта была уже недалеко от Осло, Каупервуд, опасаясь огласки, предложил Беренис сойти на берег и вернуться пароходом в Ливерпуль, — оттуда до Прайорс-Кова рукой подать. Он обрадовался, когда она спокойно и деловито согласилась, — и все же по выражению ее лица видно было, как досадна ей необходимость вечно жить с оглядкой, как тяжело, что все мешает им, все стремится их разлучить.

58

После поездки в Норвегию Каупервуд почувствовал себя много бодрее, ему не терпелось приступить к делам, чтобы к январю 1905 года достичь намеченной цели — довести капитал своей компании до восьмидесяти пяти миллионов долларов, проложить сто сорок миль подземной дороги и электрифицировать всю сеть. Честолюбие, желание побыстрее довести задуманное до конца и доказать всему свету его значение не давали Каупервуду покоя, он с головой ушел в дела и почти не позволял себе отдыхать ни в Прайорс-Кове, ни где-либо еще.

Так прошло несколько месяцев — он совещался с директорами компаний, обсуждал всевозможные вопросы с заинтересованными и влиятельными акционерами, разрешал технические проблемы и вел неофициальные переговоры, чаще всего по вечерам, с лордом Стэйном и Элверсоном Джонсоном. Потом пришлось поехать в Вену, чтобы осмотреть модель нового электромотора, изобретенного неким Ганцем и сулившего значительную экономию владельцам метрополитена. Понаблюдав за работой мотора, Каупервуд убедился, что это дело выгодное и тотчас телеграммой вызвал в Вену своих инженеров, чтобы они проверили его заключение.

На обратном пути в Лондон Каупервуд остановился в Париже, в отеле «Ритц». В первый же вечер он встретил в вестибюле старого знакомого, некоего Майкла Шенли, который когда-то служил у него в Чикаго. Тот предложил Каупервуду пойти в парижскую Оперу, на концерт: там будут играть сочинения какого-то поляка по фамилии Шопен, о котором сейчас много говорят. Эту фамилию Каупервуд лишь мельком где-то слышал, а Шенли она и вовсе ничего не говорила. Тем не менее они отправились на концерт, и музыка так захватила Каупервуда, что, узнав из концертной программы, где похоронен Шопен, он предложил своему спутнику посетить кладбище Пер-Лашез — это знаменитое место упокоения великих людей.

И вот на следующее утро Каупервуд и Шенли отправились на Пер-Лашез: там они взяли гида, и он по-английски рассказал им немало интересного, водя их по обсаженным кипарисами дорожкам кладбища. Вон под тем обелиском лежит Сара Бернар, чей дивный голос когда-то в Чикаго так глубоко взволновал Каупервуда. Немного дальше — могила Бальзака, о произведениях которого Каупервуд знал лишь то, что их считают гениальными. Он останавливался то перед одним надгробием, то перед другим, рассматривал их — и вдруг снова почувствовал, что дела до сих пор занимали слишком большое место в его жизни: они помешали ему узнать творения многих и многих великих мыслителей и художников.

Они миновали могилы Визе, Мюссе, Мольера и наконец подошли к месту упокоения Шопена; на могильной плите лежали букеты роз и лилий, перевязанные лентами.

— Подумать только! — воскликнул Шенли. — Он, конечно, великий музыкант, но ведь умер-то он больше пятидесяти лет назад, а посмотрите — какая уйма цветов! Э, черт возьми, вот для меня этого наверняка никто не сделает!

А Каупервуд подумал, что даже спустя год после его смерти вряд ли его могила будет усыпана цветами. Эта мысль не столько раздосадовала, сколько позабавила его: он прекрасно знал, что, как бы человек ни трудился при жизни — хорошо или плохо, — не много на свете таких людей, чьи могилы осыпают цветами через десятки лет после их смерти.

Однако на кладбище Каупервуда ждал сюрприз. Когда они уже направились было к выходу, их взорам предстало чудесное двойное надгробие на могиле Абеляра и Элоизы, и гид рассказал всем известную трагедию этой злосчастной пары. Элоиза и Абеляр! Одиннадцатый век: юная девушка, влюбленная в ученого монаха, и неумолимый, жестокосердый отец ее, член соборного капитула! Каупервуд никогда в жизни не слыхал об этих несчастных влюбленных. Пока гид рассказывал, подошла молодая, изящная и очень красивая женщина с корзиночкой цветов в руках и стала пригоршнями бросать на могилу алые, голубые, белые цветы. Это зрелище так поразило Каупервуда и Шенли, что оба сняли шляпы и, выждав, пока она обратит на них внимание, почтительно поклонились.

— Merci beaucoup, messieurs,[5] — прошептала она уходя.

Этот яркий и трогательный эпизод навел Каупервуда на размышления о тех чувствах, что связывали его когда-то с Эйлин. Ведь в то время, когда он сидел в филадельфийской тюрьме, именно она наперекор всем его врагам, в том числе и своему отцу, словно верная жена, приходила к нему на свидание, уверяла его в своей неизменной любви и всеми силами старалась облегчить его участь. Подобно Элоизе, любившей Абеляра, она стремилась, да и сейчас стремится только к нему, и никто другой ей не нужен.

Внезапно у Каупервуда возникла мысль построить красивый склеп, который простоит века и где они с Эйлин будут покоиться вдвоем. Да, он наймет архитектора, сам выберет проект, — он воздвигнет прекрасную гробницу, которая увековечит память о том, что и он когда-то любил Эйлин так же, как она любит его до сих пор.

59

Наконец Каупервуд вернулся в Лондон, и Беренис, увидев его, не на шутку испугалась: он заметно похудел и казался совсем измученным. Она посетовала, что он плохо следит за своим здоровьем и что она теперь редко видит его.

— Фрэнк, милый, — ласково говорила она, — зачем ты отдаешь этим своим делам так много времени и сил? Ты слишком переутомился и стал таким нервным. По-моему, тебе надо посоветоваться с врачом, пусть тебя внимательно исследуют.

— Беви, дорогая моя, — ответил он, обнимая ее за талию, — ты не беспокойся. Правда, я чересчур много работаю, но это скоро уже кончится, и мне не придется больше ломать голову над всем этим — по крайней мере в ближайшем будущем.

— Но ты в самом деле здоров?

— Да, дорогая, по-моему, все в порядке. Видишь ли, сейчас очень важно, чтобы я сам следил за ходом дел.

Но еще не договорив, он вдруг весь как-то скрючился, согнулся вдвое, словно от приступа острой боли.

— Фрэнк, что с тобой? Что случилось? Так уже бывало когда-нибудь? — бросилась к нему Беренис.

— Нет, дорогая, никогда, — сказал он. — Но это ничего, я уверен, ничего страшного нет.

Он с трудом превозмог боль.

— Конечно, — продолжал он, — надо бы выяснить в чем дело. Такая острая боль не возникнет без причины. Знаешь что: позвони-ка доктору Уэйну и попроси его зайти.

Беренис тотчас кинулась к телефону.

Когда приехал Уэйн, он был поражен измученным видом больного; бегло осмотрев его и прописав успокаивающее лекарство, которое следовало начать принимать немедленно, врач попросил Каупервуда на следующее утро приехать к нему для основательного исследования. Каупервуд сразу согласился. А через неделю, после консультации с двумя лучшими лондонскими специалистами, которые, осмотрев больного, сообщили Уэйну свое заключение, врач убедился, что у Каупервуда серьезная болезнь почек и что она довольно скоро может привести к трагическому концу. Он велел Каупервуду лежать и принимать лекарства, которые должны были приостановить развитие болезни.

Однако через несколько дней, придя показаться доктору Уэйну, Каупервуд объявил, что чувствует себя лучше, и аппетит у него, кажется, совсем восстановился.

— Вся беда в том, мистер Каупервуд, — спокойно отвечал доктор Уэйн, — что эти болезни очень капризны; боль, которую они вызывают, может на некоторое время вдруг прекратиться. Но это вовсе не значит, что больной выздоровел или что дело идет на поправку. Боли могут возобновиться, и тогда наши специалисты выносят категорический и печальный приговор, который, впрочем, далеко не всегда бывает правилен. Нередко состояние больного улучшается, и он живет еще долгие годы. Но ему может стать и хуже, — и вот из-за таких-то неожиданностей эту болезнь и трудно лечить. Теперь вы понимаете, мистер Каупервуд, отчего при всем своем желании я не могу вам сказать ничего определенного.

— А по-моему, вы все-таки хотите мне что-то сказать, доктор Уэйн, — прервал Каупервуд. — И я желаю знать, какой именно диагноз поставили специалисты — все равно, хороший или плохой — я хочу его знать. У меня что-нибудь серьезное с почками? Что, это заболевание — органическое и может быстро доконать меня?

Доктор Уэйн посмотрел ему прямо в глаза.

— Что ж, специалисты говорят так: если вы будете достаточно отдыхать и избегать переутомления, то проживете еще год или около того. А если будете очень беречь себя, соблюдать полный покой, то проживете и дольше. У вас хронический нефрит, или Брайтова болезнь, мистер Каупервуд. Но, как я уже говорил вам, специалисты не всегда бывают правы.

Этот осторожный, тщательно обдуманный ответ был выслушан Каупервудом спокойно, в полном молчании, хотя впервые за всю свою жизнь он, человек с цветущим здоровьем, оказался во власти недуга, быть может рокового. Смерть! Очевидно, не больше года жизни! И конец всем его усилиям и стремлениям! Но что суждено, то суждено, надо взять себя в руки и смириться.

Каупервуд вышел от врача, озабоченный не столько собственной болезнью, сколько судьбами тех, с кем он был связан в ту или иную пору своей жизни. Как-то отразится его смерть на Эйлин, Беренис, Сиппенсе, на Фрэнке Каупервуде-младшем, его сыне, на его первой жене Лилиан, ныне миссис Уилер, и их дочери Лилиан, которую он не видел много лет, — правда, он хорошо обеспечил ее, ей хватит надолго. Были и еще люди, о которых он чувствовал себя обязанным позаботиться.

Позже, по дороге в Прайорс-Ков, он все время думал о том, что нужно привести в порядок свои дела. Прежде всего — составить завещание, даже если эти доктора и ошибаются. Он должен обеспечить всех, кто был близок ему. Нужно решить вопрос о своем сокровище — картинной галерее; она должна быть так или иначе доступна для публики. У него было и еще одно заветное желание — построить больницу в Нью-Йорке. Надо что-то сделать в этом направлении. После того как он выделит все, что полагается, всевозможным наследникам и тем, кого он намерен облагодетельствовать, останется еще изрядная сумма, ее с избытком хватит на больницу: люди, оказавшиеся без средств и без пристанища, смогут получить там отличную медицинскую помощь и уход.

Кроме того, предстояло еще подумать и о склепе, который он хотел воздвигнуть для себя и для Эйлин. Нужно посоветоваться с архитектором и заказать ему эскиз. Пусть это будет красивый и достойный мавзолей. Этим он хоть как-то загладит свое невнимание к жене.

Но как быть с Беренис? Нельзя открыто упомянуть ее в завещании. Это значило бы натравить на нее свору навязчивых репортеров и сделать предметом всеобщей зависти. Нет, он уладит это иначе. Он уже открыл на ее имя счет в банке, а теперь еще превратит в наличные часть своих облигаций и акций и передаст деньги ей. Это обеспечит ее на многие годы.

Но тут экипаж Каупервуда подкатил к Прайорс-Кову, и его тревожные мысли были прерваны появлением Беренис, — она встретила его ласковой улыбкой и тотчас стала расспрашивать, что же сказал доктор. Однако по своей независимой, стоической натуре Каупервуд не мог сказать правду — он только отшутился по обыкновению.

— Ничего серьезного, дорогая, — сказал он. — Небольшое воспаление мочевого пузыря, — наверно, я просто съел лишнее. Доктор прописал мне лекарство и посоветовал поменьше работать.

— Ну вот! Так я и знала! Я ведь все время это говорила! Ты должен больше отдыхать, Фрэнк, а не работать с утра до ночи.

Но тут Каупервуду удалось переменить тему разговора.

— Кстати о тяжких трудах, — сказал он. — Ты, кажется, утром что-то говорила насчет голубей и бутылки какого-то особенного винца?

— Вот, неисправимый! Сейчас Фини накроет на стол. Мы будем обедать на террасе.

— Знаешь, бог бережет честных и трудолюбивых, — сказал он, поймав ее руку.

И весело, держась за руки, они вошли в дом.

60

Хотя Каупервуд, казалось, от души наслаждался обедом в обществе Беренис, мысли его, точно по кругу, снова и снова возвращались к одному и тому же: он думал то о своих разнообразных коммерческих и финансовых делах, то о различных людях — мужчинах и женщинах, которые так или иначе помогали ему в осуществлении его планов — строительстве огромной дорожной сети. Эти люди действительно были ему поддержкой — мужчины помогали в делах, женщины скрашивали досуг! Ведь благодаря им он так ярко и полно прожил последние тридцать лет своей жизни.

Каупервуд не очень верил диагнозу врачей, — может быть, его болезнь вовсе и не приведет к трагической развязке, — а все же их предсказания о близости конца не могли не подействовать на него; и в этот дивный вечерний час, сидя с Беренис и глядя на Темзу и на зеленые луга, простирающиеся перед ним, он невольно с особенной остротой ощущал всю красоту и мимолетность жизни. А какой насыщенной была его жизнь, сколько в ней было драматизма, сколько сохранилось волнующих воспоминаний. И только теперь, когда он в любую минуту мог лишиться того, что наполняло его дни и что казалось ему неотделимым от него самого, он почувствовал настоящую цену жизни и ее радостям. Беренис — такая умница, молодая, веселая. Будь все благополучно, сколько еще лет они могли бы провести вместе… И, конечно, именно об этом она думает сейчас, она полна надежд и желания быть ему полезной. И впервые мысль о быстротечности бытия поколебала его обычную невозмутимость. С какой-то необычайной остротой он ощущал поэзию этих минут, их мимолетность, которая несет в себе горечь, только горечь…

Впрочем, ничто в поведении Каупервуда не выдавало владевших им тяжелых мыслей, ибо он уже решил, что должен притворяться, играть. Он должен, невзирая ни на что, заниматься делами до тех пор, пока не наступит тот час, та минута, когда сбудутся предсказания врачей, — если они вообще сбудутся. Утром он, как обычно, поехал из Прайорс-Кова к себе в контору и принялся за повседневные дела с тем же спокойствием и ясностью мысли, с какими он всегда принимал решения и разрабатывал свои планы. Он чувствовал: сейчас необходимо привести в действие все пружины, чтобы в случае внезапной смерти ни одно его желание не осталось неисполненным.

Одним из этих желаний было воздвигнуть склеп для себя и для обманутой Эйлин. И вот Каупервуд вызвал своего секретаря Джемисона и попросил его составить список лучших архитекторов, пользующихся широким признанием, — все равно: англичан или с континента, — которые создали себе имя постройкой памятников и мавзолеев. Эти сведения нужны одному его приятелю — и как можно скорее! Покончив с этим, Каупервуд занялся тем, что было ему всего дороже — картинной галереей; он хотел пополнить ее такими полотнами, чтобы она стала поистине выдающейся коллекцией. С этой целью он написал тем, кто покупал и продавал подобные шедевры, и ему удалось приобрести несколько очень ценных полотен, в том числе

«Нашествие в царство Купидона» Бутро, «Дорога в деревню» Коро, «Портрет женщины» Франса Гальса, «Воскресение св. Лазаря» Рембрандта. Все это он отправил пароходом в Нью-Йорк.

Он занимался не только этим — неизбежные заботы, связанные со строительством метрополитена, неотступно требовали его внимания: иски, конфликты, столкновения с конкурентами, судебные процессы по всяким мелочным поводам! Но прошло всего несколько дней, и Каупервуд, освоившись со своим новым положением, начал быстро и решительно приводить в порядок свои дела; к тому же он стал чувствовать себя намного лучше и уже склонен был думать, что боли, заставившие его обратиться к врачу, были вызваны каким-то пустяком. В самом деле, никогда еще с тех пор, как он впервые приехал в Лондон, будущее не представлялось ему в более розовом свете. Даже Беренис и та решила, что он сумел восстановить былой запас жизненных сил.

Тем временем лорд Стэйн, пораженный неиссякаемой энергией Каупервуда — сколько новых и оригинальных идей он за это время предложил! — подумал, что пора бы устроить в честь американского финансиста прием в Трегесоле, чудесном поместье на берегу моря, где можно разместить по меньшей мере две сотни гостей. И вот после долгих размышлений о том, кого из именитых людей следует пригласить, был, наконец, назначен день приема, и Трегесол с его изумительным парком и огромным залом для танцев, где люстры соперничали в блеске с луной, избран местом бала.

Лорд Стэйн, в дверях зала, приветствовал прибывавших гостей. Беренис, входившая под руку с Каупервудом, показалась ему на этот раз особенно красивой — ее простое белое платье с треном, стянутое в талии золотым шнуром, походило на греческую тунику, а огненно-рыжие волосы были словно золотой венец. Подойдя к Стэйну, она подарила его таким взглядом и такой улыбкой, что у него невольно вырвалось:

— Беренис! Волшебница! Вы обворожительны!

Это приветствие не достигло слуха Каупервуда, который как раз здоровался с одним из своих самых крупных акционеров.

— Вы должны отдать мне второй танец, — сказал Стэйн, задержав на минуту руку Беренис.

Она грациозно кивнула.

Поздоровавшись с Беренис, Стэйн чрезвычайно тепло приветствовал своего почетного гостя — Каупервуда; они разговаривали так долго, что Стэйн успел представить ему многих высших служащих метрополитена и их жен.

Вскоре объявили, что ужин подан; за столом завязался оживленный разговор, гости отдавали должное редкостным винам и шампанскому особой марки, которое, — в этом Стэйн не сомневался, — удовлетворит самого требовательного ценителя. Смех, веселые разговоры, остроты слышались со всех сторон, к ним примешивались мягкие звуки музыки, доносившиеся из соседней комнаты.

Беренис оказалась почти во главе стола: по одну ее руку сидел лорд Стэйн, по другую — граф Бреккен, весьма приятный молодой человек, который еще задолго до окончания ужина стал умолять ее сжалиться и оставить для него хотя бы третий или четвертый танец. Но хотя такое внимание было ей и приятно и лестно, взгляд ее снова и снова возвращался к Каупервуду; она следила за каждым его движением, а он, на другом конце стола, оживленно болтал с удивительно красивой брюнеткой, своей соседкой слева, не забывая, однако, и о соседке справа — не менее обворожительной красавице. Беренис радовалась, что он отдыхает и веселится, — она уже давно не видела его таким.

Ужин затягивался, шампанское лилось рекой, и Беренис начала опасаться за Каупервуда. Его речь и жесты под действием шампанского становились все более порывистыми, и это беспокоило ее. Когда же лорд Стэйн пригласил всех желающих пройти в зал для танцев и Каупервуд, возбужденный и красный, подошел к Беренис, она совсем встревожилась. Однако он вел ее в зал с видом человека, выпившего ничуть не больше других. Кружась с ним по блестящему паркету под плавные звуки вальса, Беренис шепнула:

— Ты счастлив, милый?

— Я никогда еще не был так счастлив, — ответил он. — Ведь ты со мной, моя красавица!

— Милый! — прошептала Беренис.

— Ну, скажи, Беви, разве все не чудесно? Ты, этот дом, эти люди! Вот к таким минутам я стремился всю свою жизнь!

Она ласково улыбнулась ему, но он вдруг пошатнулся, остановился и, прижав руку к сердцу, пробормотал:

— Душно, душно… Выйдем на воздух!

Беренис крепко взяла его под руку и повела к открытой двери на балкон, выходивший к морю. Всячески подбадривая Каупервуда, Беренис помогла ему добраться до ближайшей скамьи, на которую он бессильно и грузно опустился. Неописуемая тревога овладела Беренис; в это время показался слуга с подносом, и она бросилась к нему:

— Помогите! Скорее! Позовите кого-нибудь, перенесем его в спальню. Ему очень плохо.

Перепуганный слуга тотчас позвал дворецкого, который распорядился отнести Каупервуда в свободную комнату на том же этаже и доложил обо всем лорду Стэйну; тот поспешил к больному. Увидев, в каком отчаянии Беренис, он приказал дворецкому перенести Каупервуда в свои покои на втором этаже и немедленно вызвал своего врача — доктора Мидлтона. Дворецкому было велено также сказать слугам, чтобы они не смели болтать о случившемся.

Тем временем Каупервуд начал приходить в себя, и доктор Мидлтон застал его уже в полном сознании: Каупервуд беспокоился о том, что болезнь его вызовет разговоры, — пусть Стэйн окажет, что он оступился и упал. К утру, конечно, все пройдет. Но доктор Мидлтон был несколько иного мнения. Он дал Каупервуду болеутоляющее лекарство и посоветовал хотя бы дня два провести в постели, — тогда станет ясно, какое течение приняла болезнь и нет ли осложнений.

— Тут, очевидно, дело куда серьезнее, чем простой обморок, — сказал он потом Стэйну.

61

На следующее утро Каупервуд проснулся в покоях Стэйна в полном одиночестве, если не считать необычайно почтительных слуг, иногда заходивших в комнату; и тут он попытался восстановить в памяти тревожную последовательность всего, что так внезапно произошло с ним накануне. Он был поражен и даже напуган тем, что именно теперь, когда он уже перестал было опасаться за свое здоровье, болезнь вдруг снова дала о себе знать.

Неужели правда, что эта роковая Брайтова болезнь избрала его своей жертвой? Когда его смотрел доктор Мидлтон, Каупервуд еще не настолько пришел в себя, чтобы расспросить о причине, вызвавшей обморок. Как же это было? Сначала он почувствовал, что ему не хватает дыхания; потом страшная слабость во всем теле — и он упал. В чем же все-таки причина — в болезни почек, о которой говорил ему доктор Уэйн, или просто он слишком много ел и выпил слишком много шампанского? Ведь доктор строго-настрого наказывал ему ничего не пить, кроме воды, и быть очень умеренным в пище.

Чтобы выяснить, что же с ним на самом деле и чего ему ждать, Каупервуд решил попросить Беренис дать знать в Нью-Йорк его старому приятелю и личному врачу — доктору Джефферсону Джемсу: пусть немедленно приедет в Лондон. Это преданный друг, каждому его слову можно верить, и он-то сумеет установить, что у него за болезнь.

Пока Каупервуд не торопясь, спокойно обдумывал свое положение, в дверь постучали, и вошел лорд Стэйн, — он был весел, любезен и всячески старался ободрить больного.

— Вот вы какой! — воскликнул он. — Смотрите, до чего вас довели красивые девушки и шампанское! Подумать только! И не стыдно вам?

Каупервуд широко улыбнулся.

— Кстати, — продолжал Стэйн, — мне приказано подвергнуть вас суровому наказанию по крайней мере на двадцать четыре часа. Никакого шампанского — только вода! Никакой икры, ни единого зернышка, — только тоненький ломтик говядины, опять же с водой! Ну, уж если совсем соберетесь падать в обморок, пожалуй, дадим вам чашку жидкой кашицы и, конечно, еще водички!

Каупервуд сел в постели.

— Да это верх жестокости! — воскликнул он. — Но, быть может, вы согласитесь разделить со мной воду и кашицу? А пока мы будем кутить, вы могли бы под большим секретом поведать мне, что вам сказал доктор Мидлтон.

— Видите ли, — ответил Стэйн, — он сказал, что вы забываете о своем возрасте и что шампанское и икра вам абсолютно противопоказаны. И танцы до утра — тоже. Вот вы и поскользнулись на моем чересчур натертом бальном паркете. Теперь вам предстоит принять доктора Мидлтона, который намерен посмотреть, как вы себя чувствуете. Впрочем, ничего серьезного он не находит — просто переутомление, которого впредь вы, конечно, без труда можете избежать. Еще позвольте сообщить вам, что

ваша очаровательная сиделка любезно приняла мое предложение остаться здесь на ночь и скоро сойдет вниз. Нечего и говорить, что, независимо от заключения доктора Мидлтона, и она и я очень обеспокоены…

— Ничего страшного со мной не произошло, — решительно заявил Каупервуд.

— Я уже не мальчик, конечно, но еще далеко не дряхлая развалина. Что касается дел, то в случае затруднений я в любое время к вашим услугам. А в силах ли я вести дела — об этом вы можете судить хотя бы по результатам, которых нам удалось достичь.

В его тоне был едва уловимый упрек, и Стэйн заметил это.

— Результаты потрясающие, — сказал он. — Можно только восхищаться человеком, который пришел к нам с таким предложением, как вы, и еще сумел раздобыть двадцать пять миллионов долларов у американских вкладчиков. Я рад выразить вам свою признательность и признательность наших акционеров за ваши труды. Беда только в том, мистер Каупервуд, что вся затея лежит на ваших широких американских плечах и зависит от вашего здоровья и сил. Вот в чем суть.

Тут раздался стук в дверь, и в комнату вошла Беренис. Завязалась легкая непринужденная беседа, и Стэйн предложил обоим погостить у него подольше — неделю, месяц, сколько душе угодно. Но Каупервуд, ощущая потребность в уединении и покое, настаивал на скорейшем отъезде. Когда Стэйн ушел, он сказал Беренис:

— Я вовсе не так уж плохо себя чувствую, дорогая. Не в этом дело. Просто я хочу избежать лишней шумихи, поэтому хорошо бы уехать отсюда поскорее и, если можно, в Прайорс-Ков, а не в гостиницу. Ты не поговоришь с лордом Стэйном, чтобы мы еще утром могли уехать?

— Конечно, милый, раз ты этого хочешь, — ответила Беренис. — И мне будет спокойнее, если ты будешь подле меня.

— И еще одна просьба, Беви, — продолжал Каупервуд. — Скажи Джемисону, пусть телеграфирует в Нью-Йорк доктору Джефферсону Джемсу. Это мой давнишний врач и старый друг. Попроси его приехать в Лондон, если он может. Передай Джемисону, что это конфиденциально и должно быть зашифровано. Он может послать телеграмму на адрес Нью-йоркского медицинского общества.

— Значит, ты и сам чувствуешь, что с тобой что-то неладно?

В ее голосе слышалась тревога.

— Нет! Не так уж плохо, вообще говоря, но ты же видишь: я до сих пор не знаю, что со мной. Ведь я свалился так внезапно, что всякое можно подумать. Как бы не переполошились мои акционеры и вкладчики! А может быть, просто я вчера съел и выпил лишнее. Но мне никогда еще не было так худо. Потому-то я и хочу повидать Джефферсона. Он уж выяснит, в чем дело, и скажет мне правду.

— Фрэнк, — перебила Беренис, — а ведь ты так и не рассказал мне, что сказал тебе в последний раз доктор Уэйн. Какой диагноз поставили специалисты?

— Видишь ли, Уэйн сказал, что боли могли быть вызваны Брайтовой болезнью, только он не уверен, потому что Брайтова болезнь бывает либо хроническая, либо острая. А у меня ни то, ни другое. Он оказал, что надо подождать и посмотреть, не появятся ли какие-то более определенные симптомы, а уж тогда специалисты сумеют поставить правильный диагноз.

— Ну, если так, доктор Джемс непременно должен приехать! Я скажу Джемисону, чтобы он завтра же послал телеграмму. И скорее поедем в Прайорс-Ков — это для тебя самое подходящее место. Ты будешь жить там, пока доктор Джемс не признает, что ты поправился.

Она подошла к окну, спустила штору и вышла, наказав Каупервуду лежать тихо и постараться уснуть, пока она будет готовиться к отъезду. И все время ее мучила мысль: чем это кончится для Фрэнка? Она старалась казаться спокойной, но не могла подавить внутренней дрожи.

— Совершенно правильно, — заметил Стэйн, когда Беренис сообщила ему, что они решили ехать в Прайорс-Ков. — Я уверен, мистеру Каупервуду там будет лучше. На меня Прайорс-Ков всегда действовал целительно. К тому же там ваша матушка, и она поможет вам. С вашего разрешения, утром я сам отвезу вас. Я высоко ценю мистера Каупервуда, и мой долг сделать все от меня зависящее, чтобы ему было удобно и чтоб он мог скорее поправиться.

62

Дней через десять в Прайорс-Ков прибыл доктор Джемс; увидев Каупервуда, удобно расположившегося в спальне, выходящей окнами на Темзу, он остановился в дверях и воскликнул:

— Я вижу, Фрэнк, вы не так уж больны, раз способны любоваться пейзажем. Может, вы прокатитесь в Нью-Йорк, а я тут понежусь и отдохну от тягот путешествия? Я уже столько лет мечтаю как следует отдохнуть.

— У вас был тяжелый переезд через океан? — спросил Каупервуд.

— Ничуть. Я никогда еще так не радовался перемене обстановки. Поездка была восхитительная, океан как зеркало. С нами вместе ехала труппа певцов, почти все — негры, и было очень весело. Между прочим, они направлялись в Вену.

— Все тот же Джефф! — заметил Каупервуд. — Господи, до чего же приятно вас видеть! Знали бы вы, сколько раз я вас вспоминал! Вот бы, думаю, вам поглядеть, какие чудаки эти англичане.

— Никуда они не годятся, а? — подтрунивал Джемс. — Но расскажите-ка мне прежде о себе. Только по порядку, с самого начала: где вы были, что с вами случилось и почему вас посадили под арест?

И Каупервуд не торопясь, обстоятельно изложил Джемсу, что с ним произошло со времени возвращения из Норвегии и что сказал доктор Уэйн и специалисты.

— Вот почему я и хотел, чтоб вы приехали, Джефф, — сказал он под конец.

— Я знаю вы скажете мне правду. Специалисты думают, что это Брайтова болезнь. Уверяют даже, что я проживу года полтора, не больше; впрочем доктор Уэйн оговорился, что заключения специалистов не всегда бывают правильны.

— Вот это верно! — с жаром подтвердил доктор Джемс.

— Я поверил доктору Уэйну и, как видно, успокоился раньше времени, — продолжал Каупервуд. — А очень скоро, в гостях у лорда Стэйна, как раз и произошел неприятный случай, о котором я вам говорил. У меня вдруг перехватило дыхание, и я даже не мог без посторонней помощи выбраться из комнаты. Тут уж я усомнился в словах Уэйна. Но теперь, надеюсь, вы скажете мне правду и поставите на верный путь.

Доктор Джемс подошел к Каупервуду и положил обе руки ему на грудь.

— А ну-ка вздохните поглубже, — сказал он, и Каупервуд, набрав воздуха в легкие, глубоко вздохнул.

— Ага, понятно, — заметил врач, — небольшое расширение желудка. Придется прописать вам что-нибудь против этого.

— Вы находите, что я опасно болен, Джефф?

— Не опешите, Фрэнк. Я должен прежде сделать кое-какие исследования. А сейчас я вам вот что скажу: вас уже осматривали двое врачей и трое специалистов и от них вы знаете, что ваша болезнь, быть может, смертельна. Но вы знаете, как далеко от возможного до невозможного, от определенного до неопределенного и как велика разница между болезнью и здоровьем. Насколько я могу сейчас судить, учитывая ваше общее состояние, вы можете протянуть еще несколько месяцев, а то и несколько лет. Дайте мне только время повозиться с вами, обдумать, что вам лучше всего поможет. А завтра утром пораньше я снова буду у вас и тогда уж как следует вас осмотрю.

— Одну минуту! — воскликнул Каупервуд. — Я распорядился, чтобы вы жили здесь, с нами: со мной, моей подопечной мисс Флеминг и ее матерью.

— Вы очень любезны, Фрэнк, но сегодня я никак на могу остаться. Мне нужно достать в Лондоне два-три лекарства, прежде чем приступить к вашему лечению. Но я вернусь завтра утром, часов в одиннадцать, и потом, если хотите, останусь у вас, хотя бы до тех пор, пока вы если уж не поумнеете, то хоть окрепнете. Только помните: ни капли шампанского, и вообще никакого вина — во всяком случае первое время. А питаться будете только молочной сывороткой — этого можно сколько угодно, — да еще, пожалуй, молочным супом.

В эту минуту вошла Беренис, и Каупервуд представил ее врачу. Поздоровавшись с нею, доктор Джемс обернулся к Каупервуду.

— Ну как можно хворать, — воскликнул он, — когда возле вас такое лекарство от всех бед! Будьте уверены: теперь я не премину приехать пораньше!

Затем, перейдя на профессиональный тон, он пояснил Беренис, что в следующий раз ему потребуется горячая вода и полотенца и, кроме того, уголь — в соседней комнате, кажется, есть камин, надо будет развести хороший огонь.

— Подумать только, меня заставили проделать такой путь из Нью-Йорка, чтобы лечить его, а лекарство, оказывается, у него под рукой, — заметил он улыбаясь. — Прямо чудеса!

Беренис он сразу понравился — такой умный, веселый. Удивительно, как это Фрэнк всегда умеет окружить себя сильными и интересными людьми.

Поговорив еще немного с Каупервудом, врач уехал в город, не забыв, однако, указать больному, что его грандиозная финансовая деятельность уже сама по себе представляет своего рода болезнь.

— Все эти проблемы давят на ваш мозг, Фрэнк, — внушительно сказал он. — А мозг — это мыслящий, созидающий и управляющий орган, который может причинить вам не меньше физических страданий, чем любой тяжкий недуг; к числу таких недугов относятся, кстати, и тревоги, а я думаю, что именно этим вы сейчас и страдаете. Моя задача — заставить вас признать это. Поверьте, ваша жизнь должна быть для вас дороже десятка подземных дорог. Если вы по-прежнему будете ставить дела превыше всего, любой шарлатан будет прав, уверяя, что в вашем возрасте от этого можно умереть. Итак, моя задача — заставить вас забыть о метрополитене и по-настоящему отдохнуть.

— Постараюсь изо всех сил, — сказал Каупервуд, — но не всякую ношу так легко сбросить с плеч, как вам кажется. Есть обязательства, затрагивающие интересы сотен доверившихся мне людей, не говоря уже о миллионах лондонцев, которые до сих пор не имели возможности выезжать за пределы ближайших кварталов. А если мой план будет претворен в жизнь, они смогут разъезжать по всему Лондону и за какие-нибудь два пенса узнают, наконец, на что он похож.

— Вот вы опять оседлали своего конька, Фрэнк! А если вы завтра умрете, что тогда будет с вашими лондонцами?

— Лондонцам плохо не будет, умру ли я, или буду жив, — лишь бы мне успеть наладить им подземку. Боюсь, что вы правы, Джефф, для меня и вправду дела важнее всего. Видите ли, моя затея разрослась и пустила корни, теперь осуществление моих планов не зависит от отдельного человека, даже и от меня, хотя я еще многое смогу сделать, если проживу достаточно долго.

63

Доктору Джемсу пришлось немало поразмыслить над заболеванием Каупервуда и над тем, как отражались на нем волновавшие больного финансовые проблемы. Что до Брайтовой болезни, быстрый и трагический исход которой предсказывал лондонский врач, то Джемс знал случаи, когда больные жили долгие годы. Но положение Каупервуда серьезно: во-первых, расширение желудка, во-вторых — периодические острые боли. А тут еще вечные заботы о делах. Все это вместе взятое может, конечно, очень и очень ему повредить. И в довершение всего — Джемс хорошо знал это — немало беспокойства доставляло Каупервуду его прошлое: первая жена, сын, былые связи и, разумеется, Эйлин, — газеты время от времени охотно припоминали знаменитому финансисту его старые грехи.

Но что же, что он. Джемс, может сделать для этого человека, который так ему дорог? Что еще, помимо медицины, может восстановить силы больного, хотя бы ненадолго? Разум! Разум! Если б только не одними медикаментами, но и путем внушения заставить разум Каупервуда прийти на помощь телу! И вдруг Джемс почувствовал, что напал на верную мысль. Надо поставить Каупервуда на ноги и пусть он отправится за границу — не только затем, чтобы развлечься, переменить обстановку, но и чтобы вызвать сенсацию в Англии и в Америке. Узнав о его поездке, все будут говорить: «Помилуйте, да он вовсе не болен! Он настолько оправился, что может разъезжать и развлекаться!» Все это, вероятно, подбодрит Каупервуда, укрепит его нервы, и, пожалуй, он сам поверит, что уже здоров или, по крайней мере, что ему гораздо лучше.

Как ни странно, выбирая, куда бы отправить Каупервуда, Джемс все больше и больше приходил к мысли, что самое подходящее место — Ривьера, а вернее Монте-Карло, этот огромный игорный дом. Как это эффектно выглядело бы в газетах: Каупервуд у игорных столов, среди напыщенных герцогов и азиатских принцев! Разве такой психологический трюк не укрепит позиций Каупервуда как финансиста? Тысяча против одного, что укрепит!

На другой день, вернувшись в Прайорс-Ков и осмотрев Каупервуда, доктор приступил к делу.

— Я думаю, Фрэнк, — начал он, — что недельки через три вы будете чувствовать себя вполне прилично и сможете отправиться в какую-нибудь приятную увеселительную поездку. Поэтому вот вам мое предписание: расстаньтесь-ка на время с здешними краями и поедемте со мной за границу.

— За границу? — с удивлением переспросил Каупервуд.

— Да, и знаете зачем? Ведь газеты наверняка отметят, что вы в состоянии путешествовать. А этого-то вам и надо, не так ли?

— Совершенно верно! — ответил Каупервуд. — Куда же мы отправляемся?

— Да, пожалуй, в Париж, или можно в Карлсбад, — знаю, знаю, неприятное место, но тамошние воды были бы вам в высшей степени полезны.

— Боже милостивый! А потом куда?

— Что ж, — сказал Джемс, — к вашим услугам Прага, Будапешт, Вена и Ривьера, включая Монте-Карло, — выбирайте!

— Что?! — воскликнул Каупервуд. — Я в Монте-Карло!

— Да, вы в Монте-Карло, со всеми вашими болезнями. Вы вдруг появляетесь в Монте-Карло, да еще в такое время года! Не сомневайтесь, эффект будет именно тот, какой вам нужен. Достаточно вам появиться в игорной зале и проиграть несколько тысяч долларов — и об этом немедленно узнает весь свет. Все заговорят о том, что вы в Монте-Карло, что вы играете в рулетку, швыряете деньги без счету.

— Ладно! Ладно! — закричал Каупервуд. — Если у меня хватит сил, я поеду. Но если ничего путного из этого не выйдет, я привлеку вас к суду за невыполнение обещания!

— Идет! — отозвался Джемс.

Три недели провел доктор Джемс в Прайорс-Кове, не спуская глаз со своего пациента; наконец и сам Каупервуд почувствовал себя много лучше, и Джемс решил, что лечение принесло плоды: больной достаточно оправился, можно пускаться в путь.

Однако Беренис, как ни рада она была, что здоровье Каупервуда идет на поправку, с тревогой думала о предстоящем путешествии. Да, конечно, слухи о смертельной болезни Каупервуда могут повлечь за собой крушение всех его начинаний. Но она так любит его, как же ей за него не бояться! А вдруг это путешествие окажется вовсе не таким полезным и плодотворным, как считают Фрэнк и доктор Джемс? Но Каупервуд убедил ее, что расстраиваться нечего: он чувствует себя лучше, а план доктора Джемса — просто идеален.

Они отплыли в конце следующей недели. И, разумеется, лондонская пресса не замедлила объявить, что Фрэнк Каупервуд, которого еще недавно считали чуть ли не умирающим, по-видимому совсем поправился — он даже позволяет себе увеселительную поездку по Европе. Немного позже о Каупервуде стали появляться сообщения из Парижа, Будапешта, Карлсбада, Вены и, наконец, из Монте-Карло, сказочного Монте-Карло. Эту последнюю новость подхватила вся пресса:

«Несокрушимый Каупервуд, о чьей болезни сообщалось недавно, избрал местом своего развлечения и отдыха Монте-Карло».

Однако по возвращении Каупервуда в Лондон репортеры засыпали его весьма откровенными вопросами. Один корреспондент спросил напрямик:

— Ходят слухи, что вы серьезно больны, мистер Каупервуд, — скажите, есть ли в этом хоть доля истины?

— Видите ли, молодой человек, — ответил Каупервуд, — я слишком много работал и мне понадобилось отдохнуть. Мой приятель — врач сопровождал меня во время этого путешествия: вот мы с ним и слонялись по Европе.

Он от души расхохотался, когда корреспондент «Уорлд» спросил, правда ли, что он завещал свое бесценное собрание картин нью-йоркскому музею искусств.

— Если люди хотят знать, что написано в моем завещании, — сказал он, — им придется подождать, пока меня не накроют дерном. Я только надеюсь, что их милосердие не уступает их любопытству.

Сидя на широкой лужайке Прайорс-Кова, Беренис и доктор Джемс прочли в газете ответы Каупервуда репортерам и не могли сдержать улыбки. И хотя доктор ни на минуту не забывал о том, что его ждут в Нью-Йорке дела, дружеское внимание, каким окружали его не только Каупервуд, но и Беренис, все больше покоряло его. Оба были как нельзя более благодарны ему — ведь он, по-видимому, и в самом деле вернул Каупервуду здоровье и силы. И когда Джемсу пришло время уезжать, все трое были взволнованы, им не хотелось расставаться.

— У меня не хватает слов, чтобы выразить вам мою благодарность, Джефф, — говорил Каупервуд, когда они втроем подошли к трапу парохода, на котором должен был отплыть доктор Джемс. — Если я могу что-нибудь для вас сделать, приказывайте. Я же хочу только одного: чтобы ничто не нарушило нашей дружбы.

— Никаких вознаграждений, бросьте, Фрэнк, — перебил его Джемс. — Знать вас столько лет — это уже награда. Навестите меня как-нибудь в Нью-Йорке. До новой встречи!

Он подхватил свой чемодан.

— Что ж, друзья, корабли никого не ждут! — сказал он с улыбкой, еще раз пожал руки Беренис и Каупервуду и смешался с толпой, повалившей на пароход.

64

Проводив доктора Джемса, Каупервуд увидел, что за время его отсутствия накопилось множество дел, и, чтобы управиться с ними, нужны месяцы напряженных усилий и внимания. Необходимо было заняться и кое-какими личными делами. В частности, Эйлин написала ему, что хотя перестройка их дворца под наблюдением архитектора Пайна и идет полным ходом, но хорошо бы ему самому как можно скорее вернуться в Нью-Йорк, ознакомиться с планом в целом и либо принять его, либо отклонить, пока не поздно. Вряд ли в новой галерее хватит места для картин, которыми он за последнее время пополнил свою коллекцию. Разумеется, мистер Касберт большой знаток в вопросах искусства, но, право же, Фрэнк ни в коем случае не согласился бы с ним, будь он сам здесь, в Нью-Йорке.

Каупервуд понимал, что это нельзя оставить без внимания. И все же сейчас ему трудно будет предпринять поездку в Нью-Йорк. Слишком уж много вопросов, связанных с постройкой метрополитена, — и большая политика, и практические мелочи — требовали его присутствия. Правда, лорд Стэйн, часто навещавший Каупервуда, уверял, что теперь, наверно, все пойдет гладко; Стэйн сам был заинтересован в этом деле и потому не жалел усилий, чтобы сгладить противоречия между различными участниками предприятия. Узнав о выздоровлении Каупервуда, он вздохнул с облегчением.

— А вы молодцом! — сказал он Каупервуду в день, когда тот вновь приступил к исполнению своих обязанностей. — Очень посвежели! Как это вам удалось?

— Я тут ни при чем, — отвечал Каупервуд. — Это все мой старинный приятель Джефф Джемс. В прошлом он избавлял меня от болезней, а сейчас избавил от финансового краха.

— Вот это верно, — согласился Стэйн. — Что и говорить, вы ловко провели публику.

— Это у Джеффа родилась такая блестящая идея. Он не только увез меня, отвлек от моей особы все подозрения и утихомирил болтунов, но попутно еще и вылечил, — сказал Каупервуд.

И еще одна задача требовала в то время внимания Каупервуда — надо было договориться о сооружении склепа с Рексфордом Линвудом, одним из трех американских архитекторов, рекомендованных Джемисоном. Только что прошел конкурс на лучший проект памятника губернатору одного из Южных штатов, и Каупервуд видел там работу Линвуда, которая понравилась ему больше всех остальных: на одной из стен склепа была изображена хижина, где родился губернатор, а у подножия огромного, поросшего мхом дуба — силуэт коня, его верного спутника в битвах Гражданской войны. Работа эта глубоко тронула Каупервуда пафосом и простотой замысла.

Позже, сидя напротив Линвуда за своим массивным письменным столом, Каупервуд не без удивления смотрел на этого человека с классически правильными чертами лица, на его глубоко сидящие глаза и высокую угловатую фигуру. Архитектор сразу ему понравился.

Каупервуд объяснил Линвуду, чего он хочет: склеп должен быть в духе греко-римской архитектуры, но не чисто классической. Хорошо бы добавить какие-нибудь новые оригинальные детали. Желательно, чтобы это было массивное сооружение — Каупервуду всегда нравился простор — из темно-серого гранита. В одной из стен пусть будет прорезано узкое окно, а в другой — две тяжелые бронзовые двери, ведущие в склеп, где должно быть место для двух саркофагов. Линвуд одобрил эту идею и

был явно доволен, что ему предстоит возвести такое сооружение. Слушая Каупервуда, он тут же сделал несколько набросков, и тому это очень понравилось. Они договорились об условиях контракта, и Каупервуд предложил Линвуду тотчас приступить к работе. Собирая со стола свои наброски и пряча их в портфель, архитектор вдруг остановился и посмотрел на Каупервуда.

— Послушайте, мистер Каупервуд, — сказал он уже в дверях, — судя по вашему виду, вам еще очень не скоро понадобится склеп. По крайней мере я искренне на это надеюсь.

— Очень вам признателен, — сказал Каупервуд. — Но не слишком на это рассчитывайте!

65

Дни теперь проходили для Каупервуда в приятном ожидании вечера, когда можно будет вернуться в Прайорс-Ков к Беренис. Впервые за многие годы он наслаждался простыми радостями настоящего дома — места, где благодаря Беренис все, начиная с игры в шашки и кончая небольшой прогулкой по берегу Темзы, казалось особенно милым и значительным. Каупервуду хотелось, чтобы это длилось вечно. Даже старость не такая уж пытка, если бы только проводить время так, как сейчас.

Но вот однажды, когда Каупервуд сидел у себя в кабинете за письмом к Эйлин, — это было месяцев через пять после того, как он вернулся к делам, — он вдруг почувствовал такую острую боль, какой еще ни разу не испытывал за все время своей болезни. Казалось, кто-то воткнул ему острый нож под левую почку, медленно его повернул, и боль мгновенно отдалась в сердце. Каупервуд попытался было подняться с кресла, но не смог. Как и тогда, в Трегесоле, у него перехватило дыхание, и он не в состоянии был пошевельнуться. Прошло несколько минут, боль стала успокаиваться, и Каупервуд сумел дотянуться до звонка, чтобы вызвать Джемисона. Он уже собрался нажать кнопку, но передумал и снял руку со звонка: по-видимому, решил он, о таких вот острых приступах боли его и предупреждали врачи, уверяя, однако, что они отнюдь не предвещают скорого конца, Несколько минут он сидел не двигаясь, удрученный и подавленный. Стало быть, болезнь не прошла, когда-нибудь вот так все и кончится! И самое скверное — никому этого не расскажешь, ни с кем не поделишься. Достаточно одного слова, чтобы опять пошли пересуды и кривотолки, как это было до его поездки по Европе. А Беренис! Стэйн! Эйлин! Газеты! И много, много дней в постели!

Прежде всего, подумал он, нужно вернуться в Нью-Йорк. Там у него под рукой будет доктор Джемс, а кроме того, он сможет еще раз повидать Эйлин и поговорить с ней обо всем, что ее тревожит. Если смерть близка, надо кое-что привести в порядок. А Беренис он скажет, не вдаваясь в подробности, что ему необходимо вернуться — ей незачем знать о последнем приступе, но надо, чтобы и она поехала в Нью-Йорк.

Придя к такому решению, Каупервуд с величайшей осторожностью поднялся с кресла и через несколько часов уже был в Прайорс-Кове; он всячески старался не подавать виду, что с ним что-то неладно. Но после обеда Беренис, у которой в этот день было на редкость хорошее настроение, спросила, все ли у него благополучно.

— Нет, не совсем, — ответил он. — Видишь ли, я получил письмо от Эйлин, где она жалуется на то, как идут дела в Нью-Йорке — перестройка дома и тому подобное. Она считает, что не хватит места для картин, которыми я пополнил свою коллекцию. Она приглашала специалистов посмотреть, так ли это, и кое-кто согласен с ней, хотя Пайн и другого мнения. Как видно, я должен поехать туда — посмотрю сам, как обстоит дело с домом, а заодно надо еще кое в чем разобраться — мне там предъявили иски в связи с займами, которые я получил в свой последний приезд.

— Ты уверен, что достаточно окреп для такого путешествия? — спросила Беренис, с тревогой глядя на него.

— Вполне, — ответил Каупервуд. — Я уже много месяцев не чувствовал себя так хорошо. Да и нельзя мне так долго не показываться в Нью-Йорке.

— А как же я? — с беспокойством спросила она.

— Ты, конечно, поедешь со мной, а в Нью-Йорке остановишься в отеле «Уолдорф», — это всего удобнее, только, разумеется, не под своим именем.

Горестное выражение тотчас исчезло с лица Беренис.

— Но на разных пароходах, как всегда?

— К сожалению, так будет лучше, хоть мне тяжело и подумать об этом. Ты же знаешь, дорогая, как для нас опасны сплетни и газетная болтовня.

— Да, знаю. Я понимаю, каково тебе все это. Раз дела требуют, поезжай, а я выеду тотчас за тобой, следующим пароходом. Когда мы отправляемся?

— Джемисон сказал, что ближайший пароход отплывает в среду. Ты можешь собраться к этому времени?

— Я буду готова хоть завтра, если нужно, — ответила Беренис.

— Милая! Ты всегда так охотно идешь мне навстречу, всегда стараешься помочь!.. Право, не знаю, чем была бы моя жизнь без тебя…

Беренис подошла к нему и крепко обняла его.

— Я люблю тебя, Фрэнк, — прошептала она, — потому я и стараюсь всеми силами помочь тебе…

66

На борту парохода Каупервуд почувствовал себя одиноким — очень одиноким. Он только сейчас понял, что ни он сам да и никто другой ничего не знает о жизни и ее творце. Вот он стоит на пороге перемены, которая приподнимет для него завесу над великой, удивительной тайной, а как это получилось, почему — кто знает…

Он телеграфировал доктору Джемсу, чтобы тот встретил его на пристани, и тотчас получил следующий ответ: «Добро пожаловать в Нью-Йорк. Буду встречать. Ваш Джефф из Монте-Карло». Это послание рассмешило Каупервуда, и в эту ночь он спал спокойно. Перед сном он взял бумагу и чернила и набросал телеграмму Беренис, ехавшей на пароходе «Король Хокон» под именем Кэтрин Трент: «Мы только день в разлуке, а мне кажется десять лет. Спокойной ночи, моя прелесть, одна мысль, что ты рядом, приносит утешение и отраду».

В воскресенье утром Каупервуд, проснувшись, почувствовал, что он совсем ослаб. Одеваясь с помощью своего лакея, он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой; пришлось снова лечь в постель на весь день. Сначала это нисколько не взволновало его спутников — Джемисона, его помощника мистера Хартли и лакея Фредериксона, — они думали, что Каупервуд просто отдыхает. Но к вечеру он попросил Джемисона вызвать судового врача: что-то ему нехорошо. Доктор Кэмден, осмотрев больного, заявил, что положение серьезное, да и температура — 39,7; надо известить его личного врача, пусть встречает утром пароход с каретой скорой помощи.

Услышав это, Джемисон на собственный страх и риск телеграфировал Эйлин, что муж ее очень болен, что его надо будет увезти с парохода в карете скорой помощи, и просил указаний — как быть дальше. Эйлин тотчас ответила, что дом мистера Каупервуда сейчас переделывается, расширяется картинная галерея, всюду невообразимый шум и беспорядок; поэтому самое правильное — отвезти мистера Каупервуда в отель «Уолдорф-Астория», где можно будет обеспечить ему должный уход и где ему несомненно будет удобнее.

Когда доктор Кэмден впрыснул Каупервуду морфий и ему стало немного легче, Джемисон прочел вслух телеграмму Эйлин.

— Да, так будет лучше, — слабым голосом согласился Каупервуд, — закажите для меня номер.

Рухнули все его планы, и о чем бы он ни думал — все вызывало в нем чувство безграничной усталости. Что-то будет с его домом! С картинной галереей! А больница, которую он собирался основать! И ведь он хотел вернуться в Лондон, к своим делам, к постройке метрополитена! Но нет, довольно-он не хочет больше думать ни о чем и ни о ком, кроме Беренис.

Так он пролежал до утра, когда пароход вошел в нью-йоркский порт и стал пришвартовываться. По царившему вокруг шуму, грохоту и движению Каупервуд понял, что путешествие окончено.

Тем временем доктор Джемс, наняв лодку, подъехал к борту «Императрицы», все еще стоявшей на дальнем рейде, и, расспросив доктора Кэмдена и Джемисона об их дальнейших планах, направился в каюту Каупервуда.

— Здравствуйте, Фрэнк! Вот и я! — провозгласил он с порога. — Ну, как вы себя чувствуете? Вот увидите: все сразу пройдет, как только я дам вам нужное лекарство. И извольте ни о чем не тревожиться. Предоставьте уж все мне, своему сподвижнику по Монте-Карло.

— Я знал, что если вы придете. Джефф, — слабым голосом сказал Каупервуд, — все будет в порядке.

И он благодарно сжал руку врача.

— Мы решили перевезти вас в «Уолдорф» в карете скорой помощи, — продолжал Джемс. — Вы ведь не возражаете? Право, так будет лучше: вы легче перенесете поездку, вот увидите.

— Я не возражаю, — отвечал Каупервуд. — Но только постарайтесь оградить меня от репортеров — хотя бы, пока я не устроюсь в отеле. Я не уверен, что Джемисон сумеет справиться с ними.

— Предоставьте это мне, Фрэнк. Я обо всем позабочусь. Для вас сейчас главное — лежать и молчать. Я приеду попозже, тогда и поговорим. А сейчас пойду займусь делами.

В эту минуту вошел Джемисон.

— Идемте, Джемисон, — сказал Джемс. — Прежде всего нам надо повидать капитана.

И они вместе вышли из каюты.

Через три четверти часа карете скорой помощи, ожидавшей неподалеку от порта, было приказано дать задний ход и подъехать к выходу *N4*, где было так пустынно, словно все уже сошли на берег и на судне не осталось ни одного пассажира. Два санитара с полотняными носилками проследовали за Джемисоном в каюту Каупервуда и перенесли его в карету. Дверцы захлопнулись, шофер позвонил в гонг, и автомобиль помчался; в кучке репортеров, стоявших поблизости, раздались удивленные восклицания:

— Что это значит? Ловко же нас провели! Кто бы это мог быть?

Попытка узнать, кто же это так серьезно болен, что пришлось вызывать карету скорой помощи, ни к чему не привела; тогда один из репортеров вспомнил, что у него есть на пароходе знакомая сиделка, и вскоре принес потрясающую новость: неизвестный больной — не кто иной, как Фрэнк Алджернон Каупервуд, знаменитый финансист. Но чем он болен? И куда его отвезли? Кто-то предложил узнать это у миссис Каупервуд, и тотчас несколько человек бросились к ближайшему телефону, чтобы расспросить Эйлин, правда ли, что ее мужа увезли с «Императрицы» в карете скорой помощи, и если да, то где он теперь. Это верно, ответила она, он болен и его, разумеется, отвезли бы в особняк на Пятой авеню, но дело в том, что особняк сейчас перестраивается, — ведь он должен будет вместить богатейшую коллекцию живописи и скульптуры, которая все еще пополняется и со временем станет собственностью города Нью-Йорка. А пока что мистер Каупервуд пожелал поселиться в «Уолдорф-Астории» — там ему будет обеспечен должный уход и покой, чего ему нельзя сейчас предоставить дома.

И вот к часу дня все газеты уже пестрели сообщениями о прибытии Каупервуда, его болезни и о том, где он находится; однако доктор Джемс распорядился, чтобы без его письменного разрешения к Каупервуду не пропускали ни одного посетителя, — три сиделки были обязаны следить за этим.

Меж тем Каупервуд, понимая, что до Беренис могут дойти тревожные вести о его болезни, попросил доктора Джемса послать ей на пароход — она все еще находилась в пути — следующую телеграмму:

«Сообщения о моей болезни крайне преувеличены. Поступай, как условились. Нахожусь на попечении доктора Джемса. Он скажет, что тебе делать.

Любящий тебя *Фрэнк*».

Вести были невеселые, но все же Беренис несколько утешило, что Каупервуд был в состоянии телеграфировать, чтобы успокоить ее. Но что с ним, неужели болезнь обострилась? Во всяком случае, как бы это ни кончилось, ее место — рядом с ним.

Однако под вечер, проходя через салон, она увидела на доске для сообщений известие, которое потрясло и испугало ее:

«Знаменитый американский финансист и железнодорожный магнат, владелец лондонской подземки, Фрэнк Каупервуд внезапно заболел на борту парохода „Императрица“ и по прибытии в Нью-Йорк отвезен в отель „Уолдорф-Астория“».

Ошеломленная, расстроенная холодными словами газетного сообщения, Беренис все же облегченно вздохнула, узнав, что Каупервуд в отеле, а не у себя дома. Ей ведь приготовлен там номер, так что она будет хотя бы поблизости. Правда, не исключено, что она может столкнуться там с Эйлин, — это было бы тягостно не только ей, но и Каупервуду. Да, но он просил,

чтобы она не отступала от прежних планов и остановилась в отеле, — значит, он что-то придумал. Однако в какое двусмысленное положение она себя ставит! Как это не похоже на уединение Прайорс-Кова, где можно было не опасаться сплетен и пересудов! А хватит ли у нее решимости и сил, чтобы пройти через такое испытание? И все же, как это ни трудно, как ни опасно, она должна быть рядом с ним, а там будь что будет. Он нуждается в ней, и она должна прийти ему на помощь.

Приняв это решение, Беренис, как только пароход пристал на следующее утро к берегу и таможенники осмотрели ее багаж, тотчас отправилась в отель «Уолдорф-Астория» и преспокойно зарегистрировалась под именем Кэтрин Трент. Но оставшись одна в своем номере, она призадумалась. Как все сложно и запутано! Что же теперь делать? Эйлин, наверно, уже у него. Ее размышления были прерваны телефонным звонком: доктор Джемс сообщил, что Каупервуд хочет ее видеть, он находится в номере 1020. Беренис от души поблагодарила и сказала, что сейчас придет. Доктор Джемс добавил, что хотя Каупервуду пока и не грозит особой опасности, он все же приказал никого к нему не пускать в течение нескольких дней — никого, кроме Беренис; больному прежде всего необходим отдых и покой.

В номере 1020 Беренис тотчас провели к Каупервуду; он полулежал, весь обложенный подушками, очень бледный, с каким-то отсутствующим видом, но, едва вошла Беренис, лицо его оживилось. Она наклонилась и поцеловала его.

— Дорогой мой! Какое несчастье! Я так боялась, что это путешествие окажется тебе не под силу. И меня не было с тобой! Но доктор Джемс уверяет, что это не опасно. Помнишь, ты ведь быстро оправился после первого приступа; уж конечно, если как следует за тобой ухаживать, ты и на этот раз скоро поправишься. Ах, если б только я могла быть все время с тобой! Я бы тебя очень скоро поставила на ноги!

— Но, Беви, дорогая, — заметил Каупервуд, — уже от одного того, что я смотрю на тебя, мне становится лучше. Конечно, мы устроим так, чтоб ты бывала у меня. Правда, обо мне сейчас слишком много кричат в газетах, и чем меньше это тебя коснется, тем легче у меня будет на душе. Но я объяснил Джеффу, в чем дело, он все понимает и сочувствует нам. Больше того — он будет сообщать тебе, когда можно меня навестить. Ты ведь знаешь, тебе надо избегать только одного человека. Но ты будешь держать постоянную связь с доктором Джемсом; я думаю, все обойдется благополучно, пока я здесь. Я уверен, все будет в порядке.

— Какой ты у меня мужественный, мой Фрэнк. Ты же знаешь, я согласна на все, лишь бы находиться подле тебя. Я буду как можно осмотрительнее и осторожнее. А пока — я люблю тебя и буду все время за тебя молиться.

Она наклонилась и снова поцеловала его.

67

Сообщение о внезапной тяжелой болезни Каупервуда, появившееся прежде всего в местных нью-йоркских газетах, выросло чуть ли не в международную сенсацию. Это событие затрагивало интересы и капиталовложения тысяч людей, не говоря уже о банках и банкирах. На следующий же день корреспонденты крупнейших газет Англии, Франции и всех стран Европы, через агентства Юнайтед Пресс и Ассошиэйтед Пресс, не только проинтервьюировали Джемисона и доктора Джемса, но и обратились к известным американским финансистам с вопросом — каковы могут быть последствия смерти Каупервуда.

Некоторые акционеры проявляли столько беспокойства, высказывали столько опасений, что многим директорам лондонской подземки пришлось выступить с заявлениями по поводу болезни Каупервуда и ее значения для дела. Например, передавали, что мистер Ликс, занимавший в то время пост председателя правления Районной дороги и слывший доверенным человеком Каупервуда, сказал, что «все необходимые меры на случай болезни мистера Каупервуда и появления каких-либо затруднений в делах приняты давным-давно. В совете директоров метрополитена по всем вопросам существует полное согласие. У огромной системы подземных железных дорог — блестящее будущее, в нашем предприятии нет и следа смятения или беспорядка».

А некто Уильям Эдмундс, директор лондонской компании по строительству железнодорожного оборудования и прокладке дорог, заявил: «Все идет как по маслу. Дело поставлено настолько хорошо, что болезнь или временное отсутствие мистера Каупервуда не могут на нем отразиться».

Лорд Стэйн сказал: «Строительство подземных дорог идет как нельзя лучше; мистер Каупервуд с самого начала так поставил дело, что, хотя он сейчас и вынужден временно отстраниться от управления им, это не вызовет никаких серьезных осложнений. Мистер Каупервуд слишком крупный организатор, чтобы ставить работу целого огромного предприятия в зависимость от какого-либо одного человека. Но, разумеется, мы надеемся, что он скоро выздоровеет и вернется к делам, — его присутствие нам всегда желательно».

Хотя доктор Джемс и пытался оградить Каупервуда от всех этих пересудов, однако кое-кого ему все же пришлось допустить к больному, и это были люди, которых он не мог заставить молчать: дочь Каупервуда Лилиан и его сын Фрэнк Каупервуд-

младший — он не видел их обоих много лет. Из разговора с ними Каупервуд узнал, как относится публика к его болезни, и нельзя сказать, чтобы это не польстило ему.

Вслед за детьми пришла Эйлин; она не на шутку встревожилась — таким слабым и больным выглядел Каупервуд, так плохо он себя чувствовал. Доктор Джемс настоятельно просил Эйлин не говорить пока с больным ни о каких делах, хотя бы и неотложных; она послушно согласилась, и ее первый визит был очень коротким.

После ухода Эйлин Каупервуд волей-неволей задумался над различными практическими и финансовыми проблемами, возникшими в связи с его болезнью, — надо как-то их решить, а удастся ли? В частности, нужно подобрать себе заместителя — ведь сам он, разумеется, должен будет временно устраниться от дел. Естественно, первая мысль Каупервуда была о Стэйне; но нет, Стэйн не подходит, у него и так слишком много разнообразных и серьезных обязанностей. Есть еще такой Гораций Олбертсон, президент Электро-транспортной компании в Сент-Луисе и один из самых способных в Америке железнодорожных дельцов, — с ним Каупервуд не раз встречался на финансовом поприще. Вот Олбертсон, пожалуй, самый подходящий человек, на него можно положиться в такой критический момент. И Каупервуд немедленно поручил Джемисону съездить в Сент-Луис и повидаться с Олбертсоном: надо изложить ему суть дела, и пусть он сам назначит, какое ему нужно вознаграждение.

Однако Олбертсон отклонил предложение: он, конечно, очень польщен, но у него с каждым днем прибавляется забот, и он не может сейчас даже и подумать о том, чтобы расстаться с Америкой. Каупервуд был разочарован, но он мог понять и оправдать отказ Олбертсона. Впрочем, через некоторое время вопрос этот решился: Стэйн и директора лондонского метрополитена телеграммой известили его о том, что они поручили сэру Хэмфри Бэббсу, которого Каупервуд хорошо знал, временно занять его место и возглавить дело. Пришло и еще несколько телеграмм от лондонских компаньонов Каупервуда, в том числе от Элверсона Джонсона, — все они выражали свое величайшее сожаление по поводу его болезни и горячо желали ему скорее выздороветь и возвратиться в Лондон.

Но несмотря на все их любезности, Каупервуд не мог не тревожиться: дела его принимали сложный и даже зловещий оборот. Прежде всего, Беренис — его нежная и преданная возлюбленная — рискует очень многим ради того, чтобы изредка — поздно вечером или рано утром — потихоньку навещать его при содействии доктора Джемса. И Эйлин… ох, уж эта Эйлин, с ее необъяснимыми странностями и причудами и полным непониманием жизни — она тоже время от времени навещает его и не подозревая, что Беренис совсем рядом, здесь же в отеле. Да, надо собраться с силами, надо выжить… Но как ни старайся, а земля уходит из-под ног. Ощущение это было настолько явственным, что однажды, оставшись наедине с доктором Джемсом, Каупервуд заговорил об этом:

— Послушайте, Джефф, я болен уже около месяца, а мне ничуть не лучше.

— Бросьте, Фрэнк, — поспешно перебил доктор Джемс, — не надо так говорить. Вы должны поправиться, только надо как следует постараться. Ведь бывали у меня пациенты не в лучшем положении, чем вы, — и ничего, выздоравливали.

— Знаю, мой друг, — сказал Каупервуд, — и вы, разумеется, хотите подбодрить меня. Но только мне почему-то кажется, что я не встану. Так что вы, пожалуйста, позвоните Эйлин и попросите ее зайти ко мне: нам надо с ней поговорить о доме, об имуществе. Я уже и раньше думал об этом, но сейчас чувствую, что больше откладывать не стоит.

— Как хотите, Фрэнк, — сказал Джемс. — Только выбросьте из головы, что вы не поправитесь. Так не годится. Я-то ведь другого мнения. Окажите мне такую услугу: попробуйте поверять, что вы выздоровеете.

— Попробую, Джефф, только вызовите Эйлин, хорошо?

— Ну, конечно, Фрэнк, но помните: вам нельзя говорить слишком долго!

И Джемс, вернувшись к себе, позвонил Эйлин и попросил ее зайти к мужу.

— Не могли бы вы прийти сегодня, скажем, часа в три? — спросил он ее.

Она помедлила минуту, потом ответила:

— Да, конечно, доктор Джемс.

И она пришла почти в назначенный срок, взволнованная, удивленная и огорченная.

При виде ее Каупервудом овладело знакомое ощущение усталости, которое он уже не раз испытывал за эти годы, — усталости не столько физической, сколько моральной. Как не хватало всегда Эйлин душевной тонкости — редкого качества, отличающего вот таких женщин, как Беренис! И все же Эйлин — его жена, и он должен позаботиться о ней, отнестись к ней с уважением, ведь она была так добра, так предана ему в те времена, когда он больше всего в этом нуждался. Воспоминания смягчили его, и когда Эйлин подошла к его постели, чтобы поздороваться, он ласково взял ее за руку.

— Как ты себя чувствуешь, Фрэнк? — спросила она.

— Что ж, Эйлин, я здесь уже целый месяц, а силы у меня все убывают, хотя, по мнению доктора, дела мои не так плохи. Нам давно надо было поговорить, вот я и решил послать за тобой. Но, может быть, ты сначала расскажешь мне, как там перестраивается дом?

— Да, кое о чем надо бы посоветоваться, — с заминкой сказала Эйлин. — Но, по-моему, все это может подождать, пока тебе не станет лучше, как ты думаешь?

— Ну, видишь ли, мне едва ли когда-нибудь станет лучше. Вот почему я хотел видеть тебя сегодня же, — мягко сказал Каупервуд.

Эйлин промолчала, не зная, что ответить.

— Видишь ли. Эйлин, — продолжал он, — почти все мое имущество переходит к тебе, хотя я не забыл в завещании и о других, в частности о своем сыне и о дочери. Но все заботы об имуществе падут на тебя. А ведь это не шутка, ты будешь распоряжаться огромными деньгами. Вот я и хочу знать, как ты сама считаешь — справишься ты? И скажи мне, выполнишь ли ты в точности все, что сказано в моем завещании?

— Да, конечно, Фрэнк, я сделаю все, что ты скажешь.

Он вздохнул с чувством внутреннего облегчения и продолжал:

— По завещанию я предоставляю тебе полное право бесконтрольного владения имуществом, но именно поэтому я хочу предостеречь тебя: никому нельзя слишком верить. Как только меня не станет, тебя, разумеется, начнут осаждать всякие прожектеры и просители, будут вытягивать у тебя деньги на одно, на другое, на третье, будут добиваться, чтобы ты жертвовала в пользу разных благотворительных учреждений. Правда, я принял меры, чтобы оберечь свое имущество, — душеприказчики ничего не смогут предпринять без твоего ведома и одобрения, а уж ты суди и решай, какой план принять, а какой — отвергнуть. Один из моих душеприказчиков — доктор Джемс, на его суждение я вполне могу положиться. Он не только опытный медик, он человек добрый и глубоко порядочный. Я сказал ему, что тебе потребуется советчик, и он обещал во всем тебе помогать, насколько хватит опыта и умения. Помни, это человек на редкость верный и честный: я сказал, что оставлю ему кое-какие деньги в благодарность за все, что он для меня сделал, — и, представь, он отказался наотрез, хотя и согласился быть твоим советчиком. Так вот, если ты когда-нибудь попадешь в затруднительное положение и не будешь знать, как поступить, прежде всего обратись к нему и послушай, что он тебе скажет.

— Да, Фрэнк, я все сделаю, как ты говоришь. Раз ты веришь ему, то и я, конечно, буду верить.

— Должен сказать, — продолжал Каупервуд, — что в моем завещании имеются особые пункты, ими ты займешься, когда все наследники получат свою долю. Прежде всего, надо довести до конца перестройку моей картинной галереи и позаботиться о ее сохранности. Наш дворец пусть будет музеем, открытым для публики. Я оставляю достаточно денег на его содержание, и ты должна будешь следить за тем, чтобы он всегда был в порядке. Право, не знаю, Эйлин, понимала ли ты когда-нибудь, как много значил для меня этот дом. Сколько больших замыслов, которым я отдал свою жизнь, родилось в нем. Когда я строил его, покупал для него картины и статуи, я пытался внести в мою и твою жизнь частицу той красоты, что не имеет ничего общего с городской суетой и бизнесом.

Слушая Каупервуда, Эйлин, пожалуй, впервые хотя бы отчасти поняла, как все это важно для него, и снова пообещала выполнить в точности все его пожелания.

— Еще одно, — продолжал он. — Ты знаешь, я уже давно хотел построить больницу. Для нее вовсе не обязательно покупать роскошный участок, — достаточно выбрать место поудобнее в районе Бронкс, я так и пишу в завещании. Это будет больница для бедных, а не для тех, у кого есть средства, чтобы устроиться получше, — и пусть в нее принимают всех, независимо от расы, вероисповедания или цвета кожи.

Он помолчал, переводя дух, — молчала и Эйлин.

— И еще одно, Эйлин. Я не говорил тебе об этом до сих пор, потому что не знал, как ты это примешь. Я начал строить склеп на Гринвудском кладбище, он уже почти готов, — это отличная копия древнегреческой гробницы. В нем два бронзовых саркофага — один для меня, а другой для тебя, если ты захочешь, чтобы тебя там похоронили.

При этих словах ей стало не по себе, и она невольно поежилась: он говорил о своей близкой смерти так же спокойно и деловито, как о постройке железной дороги.

— Ты говоришь, на Гринвудском кладбище? — спросила она.

— Да, — торжественно отвечал Каупервуд.

— И этот склеп уже почти готов?

— Меня можно будет похоронить там, если я умру в ближайшие дни.

— Право, Фрэнк, ты самый странный человек на свете! Что это ты вздумал строить самому себе склеп, — и мне заодно, — как будто ты уж так уверен, что не выживешь…

— Но ведь этот склеп простоит тысячу лет, Эйлин, — сказал Каупервуд, слегка повысив голос. — Все мы когда-нибудь умрем, так почему бы тебе не быть и после смерти рядом со мной, — разумеется, если ты не против.

Она не ответила.

— Ну вот и все, — закончил он, — по-моему, нас обоих должны похоронить в этом склепе, раз уж он для того построен. Впрочем, если ты не хочешь…

Но тут Эйлин прервала его.

— Ох, Фрэнк, не будем сейчас об этом говорить. Раз ты хочешь, чтоб меня там похоронили, так и будет, ты же знаешь… — И голос ее дрогнул от еле сдерживаемого рыдания.

В эту минуту открылась дверь, и доктор Джемс сказал, что больному не следует так много разговаривать; она может навестить его и в другой раз, только надо будет предварительно позвонить. Эйлин, сидевшая у постели Каупервуда, тотчас поднялась и взяла его за руку.

— Завтра я опять приду, Фрэнк, хоть ненадолго, — сказала она, — если тебе что-нибудь понадобится, попроси доктора Джемса позвонить мне. Только поправляйся, Фрэнк. Ты должен поправиться, должен в это верить. Ведь ты еще столько хотел сделать. Постарайся…

— Ну хорошо, хорошо, дорогая, я постараюсь, — ответил Каупервуд и, помахав ей рукой, прибавил: — До завтра!

Эйлин повернулась и вышла в коридор. Она направилась к лифтам, невесело раздумывая о своем разговоре с Каупервудом, как вдруг из лифта вышла женщина. Эйлин в изумлении воззрилась на нее — это была Беренис. На несколько секунд обе оцепенели, потом Беренис пересекла холл, открыла дверь и исчезла на лестнице, ведущей в нижний этаж. Эйлин, не помня себя, повернула было назад, к номеру Каупервуда, но вдруг передумала и направилась обратно к лифтам. Но тут же остановилась и замерла на месте. Беренис! Значит, она в Нью-Йорке, и, очевидно, это Каупервуд ее вызвал. Ну, конечно же! А он-то притворяется, что умирает. Неужели вероломству этого человека не будет границ?.. И он еще просил ее прийти завтра! И толковал о склепе, где она будет погребена рядом с ним! С ним! Нет, хватит! Больше она не желает его видеть, — пусть ее вызывают к нему хоть тысячу раз в день! Она прикажет слугам не отвечать на звонки, если будет звонить ее муж, или этот его сообщник — доктор Джемс, или кто-либо по их поручению!

Когда Эйлин вошла в лифт, в ее душе бушевала буря, ярость клокотала, словно волны морские. Она расскажет газетам об этом негодяе — о том, как он оскорбляет и унижает жену, которая столько для него сделала! Она ему еще отплатит!

Очутившись на улице, Эйлин бросилась в такси.

— Все равно куда — только скорее! — кинула она шоферу и принялась перебирать про себя, точно четки невиданной длины, все беды, какие она только могла придумать, чтобы обрушить их на Каупервуда! Так она ехала все дальше, дрожа от ярости, которая словно электрический ток устремлялась туда — к Беренис.

68

А тем временем Беренис добралась до своей комнаты, опустилась на стул и замерла, точно одеревенев. Она не в силах была даже думать, так ей было страшно за Каупервуда и за себя. А вдруг Эйлин вернется к нему в номер, что с ним будет, ведь он теперь так слаб! Это может убить его! И как ужасно, что она, Беренис, ничего не может для него сделать! Но вот что: можно пойти к доктору Джемсу и посоветоваться с ним, как успокоить Эйлин, — ведь в порыве мстительной злобы она на все способна. Но страх снова столкнуться с Эйлин удержал Беренис. А вдруг она в холле или даже у доктора Джемса! Однако ждать становилось все невыносимее, и тут Беренис осенило: она подошла к телефону и позвонила Джемсу. К ее величайшему облегчению он сразу отозвался.

— Доктор Джемс, — начала она запинаясь, — это я, Беренис. Я вас очень прошу, может быть вы зайдете ко мне сейчас же. Случилось нечто ужасное, мне надо поговорить с вами, я просто вне себя!

— Ну, разумеется, Беренис. Сейчас иду, — ответил он.

Тогда она добавила совсем уже дрожащим голосом:

— Только осторожней. Вдруг вы встретите в холле миссис Каупервуд… я боюсь, она придет сюда за вами.

Голос ее оборвался, и Джемс, почуяв неладное, повесил трубку, схватил свой лекарский чемоданчик и поспешил к ее номеру. В ответ на его стук за дверью послышался шепот Беренис:

— Доктор, вы один?

И лишь после того как он уверил ее, что пришел один, она отперла дверь.

— Что случилось, Беренис? Что все это значит? — почти резко спросил Джемс, вглядываясь в ее побелевшее лицо. — Отчего вы так напуганы?

— Сама не знаю, доктор. — Она вся дрожала от страха. — Это все миссис Каупервуд. Я видела ее здесь в холле, когда возвращалась к себе, и она меня видела. У нее было такое взбешенное лицо, что я боюсь за Фрэнка. Вы не знаете, она не видела его после того, как я ушла? Вдруг она вернулась к нему в номер?

— Ну, разумеется, нет, — сказал Джемс. — Я только что оттуда. Фрэнк цел и невредим и ничего с ним не случилось. Но вот что, — он вынул из своего чемоданчика несколько маленьких белых пилюль и подал одну Беренис. — Примите-ка это и посидите несколько минут молча. Это успокоит ваши нервы, и потом вы мне все расскажите.

Он подошел к кушетке и знаком пригласил Беренис сесть рядом. Постепенно она стала успокаиваться.

— Теперь послушайте меня, Беренис, — вновь заговорил Джемс. — Я знаю, ваше положение здесь не из легких. Я знал это с тех пор, как вы сюда приехали, но почему вы именно сейчас так встревожились? Неужели вы думаете, что миссис Каупервуд может накинуться на вас?

— О нет, я боюсь не за себя, — отвечала она уже спокойнее. — Я за Фрэнка очень боюсь. Ведь он сейчас такой больной, такой слабый и беспомощный. Вдруг она скажет или сделает что-нибудь ужасное, ранит его так больно, что ему и жить больше не захочется. А ведь он так терпимо, так хорошо относился к ней. И как раз сейчас ему так нужна любовь, а не ненависть, он столько для нее сделал, а она готова бог знает на что… она может так оскорбить его, что с ним будет новый припадок. Он много раз говорил мне, что она, когда ревнует, теряет всякую власть над собой.

— Да, я знаю, — сказал Джемс. — Каупервуд — большой человек, но женился он очень неудачно, и, говоря откровенно, я все время опасался какого-нибудь скандала. Я считал, что вы поступаете безрассудно, живя в одном отеле. Но любовь — могучая

сила, а я еще в Англии видел, как вы любите друг друга. К тому же я знал, да и не я один, что его отношения с миссис Каупервуд оставляют желать лучшего. Кстати, вы говорили с ней?

— Нет, ни слова, — ответила Беренис. — Я просто увидела ее, выходя из лифта, а она, как только узнала меня, пришла в бешенство — меня даже в дрожь бросило, такое у нее было злое лицо. Я подумала, что она способна сделать что-нибудь отчаянное, непоправимое. Кроме того, я боялась, как бы она сейчас же не вернулась к Фрэнку.

Доктор Джемс посоветовал Беренис не выходить, пока буря не уляжется, — он даст ей знать, как идут дела. А главное, пусть она ни слова не говорит о случившемся Каупервуду, когда увидит его. Фрэнк слишком серьезно болен, ему не по силам такие волнения. Сам же он, терпеливо продолжал Джемс, примет на себя гнев миссис Каупервуд и позвонит ей: надо попытаться выяснить, что она намерена делать, не собирается ли поднять шум. На этом он распростился с Беренис и отправился к себе, чтобы как следует все обдумать.

Однако, прежде чем Джемс успел вызвать Эйлин по телефону, к нему вошла сиделка и попросила взглянуть на мистера Каупервуда: он что-то беспокойнее обычного. Доктор Джемс тотчас последовал за нею. В самом деле, Каупервуд то и дело ворочался с боку на бок, точно ему было неудобно лежать. Джемс спросил, как прошла его встреча с Эйлин, и Каупервуд устало ответил:

— Да, по-моему, неплохо. Во всяком случае я переговорил с нею обо всех наиболее важных делах. Но знаете, Джемс, я почему-то очень устал. Я совсем выдохся — разговор был длинный…

— Так я и знал. В следующий раз не говорите так долго. А теперь вот вам, примите-ка. Это поможет вам успокоиться и отдохнуть немножко. — И доктор Джемс протянул Каупервуду стакан воды и порошок.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Джемс, когда Каупервуд проглотил порошок.

— Я загляну к вам попозже, днем.

Затем он вернулся к себе и позвонил Эйлин, которая уже была дома. Услышав от горничной его имя, она тотчас подошла к телефону. Джемс самым любезным тоном сказал ей, что хочет узнать, как прошла ее встреча с мужем, и спросил, не может ли он быть ей чем-нибудь полезен.

— Да, доктор Джемс, — громко, со злостью заговорила Эйлин, — вы можете оказать мне большую услугу: потрудитесь больше не звонить мне! Я только сейчас узнала, что здесь происходило между моим, с позволения сказать, мужем и мисс Флеминг. Я знаю, она жила с ним в Лондоне и живет с ним сейчас у вас на глазах, и, как видно, не без вашего благосклонного содействия! И вы еще спрашиваете, довольна ли я встречей с ним! А эта женщина прячется здесь же в отеле! Ничего более гнусного я в жизни своей не слышала! Я уверена, публике будет очень интересно услышать об этой истории. И она услышит — помяните мое слово! — И голосом, срывающимся от бешенства. Эйлин добавила: — А еще доктор! Доктор должен заботиться о соблюдении приличий, а вы…

Тут Джемсу, почувствовавшему, что Эйлин разъярена и уже не владеет собой, удалось прервать ее.

— Миссис Каупервуд, — сказал он спокойно, но веско, — я попросил бы вас не бросать огульных обвинений. Я в данном случае выступаю как врач, а не как судья, не мое дело разбираться в положении, которое создалось без моего участия. И вы не имеете права упрекать меня в том, что я поступил так, а не иначе — для этого вы меня слишком мало знаете. Можете мне верить или не верить, но ваш муж серьезно болен, очень серьезно, и вы сделаете величайшую ошибку, если дадите газетам пищу для скандальной шумихи. Вы повредите этим себе в тысячу раз больше, чем ему или кому-либо, кто ему близок. Не забудьте, у вашего мужа есть не только могущественные друзья, но и почитатели. Все, что вы скажете или сделаете во вред ему, встретит у них резкий отпор, — они встанут на его защиту. Если он умрет, а это вполне возможно… что ж, судите сами, как будет оценен тогда публичный выпад, который вы задумали.

Эта отповедь напомнила Эйлин о ее собственных грешках, притом совсем недавних, и в голосе ее было уже меньше азарта, когда она сказала:

— Я не желаю обсуждать свои личные дела с вами или с кем бы то ни было еще, доктор Джемс. Поэтому будьте любезны не звонить мне: я не хочу ничего знать о мистере Каупервуде, что бы там ни случилось. У вас есть мисс Флеминг, вот пускай она и ухаживает за моим мужем и ублажает его. Пусть она заботится о нем, а мне, пожалуйста, не звоните. Я устала, мне надоело — будь оно проклято, мое замужество. И это мое последнее слово, доктор Джемс.

В телефоне щелкнуло — Эйлин повесила трубку.

Когда доктор Джемс отошел от аппарата, на лице его была еле заметная усмешка. За долгие годы практики ему не раз приходилось иметь дело с истеричками, и он знал, что с тех пор как Эйлин столкнулась с Беренис, гнев ее успел улечься. Ведь в конце-то концов для нее это все не ново. К тому же, разумеется, самолюбие не позволит ей затеять публичный скандал. Она не делала этого в прошлом, не станет делать и сейчас. Успокоившись на этот счет, доктор отправился к Беренис, чтобы обо всем рассказать ей; она встретила его по-прежнему взволнованная, горя нетерпением узнать, что произошло.

Джемс, улыбаясь, уверил Беренис, что Эйлин только грозится и кричит, но страшного ничего не сделает. Правда, она угрожала и ему, и Каупервуду, и Беренис, но, несомненно, гнев ее уже остыл и каких-либо безрассудных выходок от нее вряд ли можно ожидать. А сейчас, поскольку Эйлин заявила, что не намерена больше встречаться с мужем, он считает своим долгом просить Беренис взять на себя уход за больным, — они попытаются вдвоем вырвать Каупервуда у смерти. Она могла бы дежурить возле него вечерами, с четырех до двенадцати.

— Прекрасно! — воскликнула Беренис. — Я буду так рада сделать все, все, чтобы помочь ему, — все, что в моих силах! Он должен жить, доктор! Он должен поправиться, чтобы осуществить все, что задумал! И мы должны помочь ему.

— Я вам очень признателен, — сказал Джемс. — Я знаю, он горячо любит вас, и ему, конечно, станет гораздо лучше, если вы будете при нем.

— Что вы, доктор! Это я глубоко признательна вам! — воскликнула Беренис, в порыве благодарности сжимая его руки в своих.

69

Пытаясь внушить Эйлин, какое огромное значение имеет богатство, которое перейдет к ней после его смерти, и как необходимо ей уметь практически разбираться в проблемах, с которыми она, очевидно, столкнется в качестве его душеприказчицы, Каупервуд рассчитывал встретить и нежность и понимание. Однако после разговора с ней он почувствовал, что его старанья напрасны. Она даже не отдает себе отчета в том, как важно все это и для него, и для нее самой. Ведь она совсем не умеет разбираться в характерах и намерениях людей, а раз так, где же гарантия, что, когда его не станет, все его желания и замыслы, изложенные в завещании, будут осуществлены? И эта мысль, вместо того чтобы укрепить в нем жажду жизни, совсем обескуражила его. Он почувствовал усталость, даже скуку и мысленно задавал себе вопрос: да стоит ли жить?

Подумать только, как странно: прожили они вместе больше тридцати лет — и почти непрерывно ссорились! Вначале, когда Эйлин было семнадцать, а ему двадцать семь, он восхищался ею и был влюблен без памяти; немного позже он обнаружил, что эта красивая, цветущая женщина недостаточно умна и чутка: она не понимала, не ценила ни его способностей, ни положения в финансовом мире, а в то же время считала, что он — ее неотъемлемая собственность и не смеет даже взглянуть на кого-либо, кроме нее. И однако, несмотря на все бури, возникавшие всякий раз, когда он хоть немного увлекался кем-нибудь другим, они по-прежнему вместе, и Эйлин после стольких лет все так же плохо знает его, так же мало ценит те качества, которые постепенно привели его к нынешнему богатству.

И вот он, наконец, встретил женщину, которая заставила его особенно остро почувствовать вкус к жизни. Он нашел Беренис, а она нашла его. Они помогли друг другу понять самих себя. Чудодейственная любовь была в голосе Беренис, в ее глазах, словах, движениях. Вот она склоняется к нему, и он слышит:

— Дорогой мой! Любимый! Наша любовь не на один день, она навеки. Она будет жить в тебе, где бы ты ни был, и будет жить во мне. Мы не забудем этого. Отдыхай, милый, не тревожься ни о чем.

Размышления Каупервуда прервала Беренис, — она вошла к нему в белой одежде сестры милосердия. Услышав знакомый голос, он вздрогнул и устремил на нее немигающий взгляд, точно не вполне понимая, кто перед ним. Этот костюм так удачно оттенял ее удивительную красоту. С усилием он поднял голову и, преодолевая слабость, воскликнул:

— Это ты! Афродита! Богиня морская! Как ты светла!

Она наклонилась и поцеловала его.

— Богиня! — прошептал он. — Какие золотые у тебя волосы! Какие синие глаза! — И, крепче сжав ее руку, он притянул ее к себе. — Ты теперь со мною, моя! Так ты манила меня тогда, у голубого Эгейского моря!

— Фрэнк, Фрэнк! Если б я могла быть твоей богиней всю жизнь, всегда!

Она поняла, что он бредит, и пыталась успокоить его.

— Какая у тебя улыбка… — невнятно продолжал Каупервуд. — Улыбнись мне еще раз. Точно луч солнца. Подержи мои руки в своих, моя Афродита — пенорожденная!

Беренис присела на край постели и тихо заплакала.

— Афродита, не покидай меня! Ты так нужна мне! — И он порывисто припал к ней.

В эту минуту вошел доктор Джемс и, заметив, в каком состоянии Каупервуд, тотчас подошел к нему. Потом он окинул внимательным взглядом Беренис.

— Вы должны гордиться, дорогая! — сказал он. — Такой гигант нуждается в вас. Но оставьте нас вдвоем минуты на две. Мне нужно восстановить его силы. Мы не дадим ему умереть.

Она вышла из комнаты, а доктор тем временем дал больному подкрепляющее лекарство. Через несколько минут Каупервуд перестал бредить и пришел в себя.

— Где Беренис? — спросил он.

— Она скоро придет, Фрэнк, но сейчас для вас главное — отдых и покой, — сказал Джемс.

Однако Беренис, услышав, что больной зовет ее, вошла и в ожидании присела на низенький стульчик у его постели. Немного спустя он открыл глаза.

— Знаешь, Беренис, — сказал он, как бы продолжая прерванный разговор, — очень важно сохранить дворец как он есть, — пусть он остается хранилищем для моих картин и скульптур.

— Да, знаю, Фрэнк, — мягко и участливо ответила Беренис. — Ты ведь всегда так любил его.

— Да, всегда любил. Едва сойдешь с асфальта Пятой авеню, переступишь порог — и ты уже в пальмовом саду. Бродишь среди цветов и растений, присядешь — рядом плещет вода, журчат струйки, стекая в маленький пруд — и слушаешь, точно музыку, будто это звенит ручеек в зеленой прохладе леса.

— Знаю, милый, знаю, — шепнула Беренис. — Но сейчас ты должен отдохнуть. Я буду здесь, с тобой рядом, даже когда ты будешь спать. Теперь я твоя сиделка.

Позже в тот вечер, да и во все последующие вечера, ухаживая за больным, Беренис с удивлением убеждалась, что он все еще не утратил интереса к делам, которыми был уже не в состоянии заниматься. То он заговаривал о картинной галерее, то о метрополитене, то о больнице.

Хотя ни Беренис, ни доктор Джемс не подозревали этого, Каупервуду оставалось жить всего несколько дней. И все же в присутствии Беренис он становился бодрее, но, поговорив минуты две-три, неизменно уставал и его клонило ко сну.

— Пусть спит как можно больше, бережет силы, — сказал доктор Джемс.

Эти слова совсем обескуражили Беренис. Она робко спросила, нельзя ли что-нибудь еще попробовать, чтобы вылечить Каупервуда.

— Нет, — ответил Джемс. — Сон для него сейчас самое лучшее лекарство, и он еще может поправиться. Я применяю самые сильные подкрепляющие средства, какие мне известны, но нам остается только ждать. Еще может наступить перелом к лучшему.

Однако перелома к лучшему не наступило. Наоборот, за сорок восемь часов до конца в состоянии больного наступило явное ухудшение, так что доктор Джемс поспешил послать за Фрэнком Каупервудом-младшим и дочерью Каупервуда Лилиан, ныне миссис Темплтон. Приехав, и дочь, и сын сразу заметили, что у постели больного нет Эйлин. Доктор Джемс на их вопрос, почему отсутствует миссис Каупервуд, пояснил, что по каким-то своим соображениям она отказалась посещать мужа.

Хотя дети Каупервуда знали, что в отношениях между Эйлин и их отцом существует холодок, все же они по-своему поняли ее отказ приехать к мужу в такое время и сочли своим долгом сообщить ей о его тяжелом состоянии. Они тотчас поспешили к

телефону-автомату и позвонили Эйлин, но, к своему удивлению, убедились, что она вовсе не желает ничего знать ни о Каупервуде, ни о его детях. Он сам хотел, чтобы доктор Джемс и мисс Флеминг ведали его делами, не считаясь с нею, вот пускай они теперь и заботятся обо всем, а она не пойдет к нему — ни за что!

Лилиан и Фрэнк были ошеломлены такой жестокостью, но им больше ничего не оставалось, как вернуться к отцу и ждать, к чему приведет кризис. Доктор Джемс, Беренис, Джемисон беспомощно стояли вокруг больного, с ужасом сознавая, что ничего сделать нельзя. Так они ждали часами, прислушиваясь к тяжелому дыханию Каупервуда, а оно то становилось громче, то замирало, и тогда в комнате наступала тишина… На вторые сутки он вдруг рванулся, словно желая стряхнуть с себя невыносимую усталость, приподнялся на локте, будто затем, чтобы оглядеть комнату, потом так же внезапно упал навзничь и больше не шевельнулся.

Смерть! Смерть! Вот она перед ними — неотвратимая и суровая!

— Фрэнк! — закричала Беренис, вся похолодев и глядя на него широко раскрытыми, изумленными глазами. Она бросилась к нему и, упав на колени, схватила его влажные руки и зарылась в них лицом. — Фрэнк, милый, нет, нет!.. — вырвалось у нее, и, теряя сознание, она медленно сползла на пол.

70

Смерть Каупервуда повергла всех в смятение: сразу встало столько проблем — одни не терпели отлагательства, другими надлежало заняться в недалеком будущем; и все это было до такой степени сложно, что несколько минут все стояли вокруг умершего, как громом пораженные. Самым находчивым и хладнокровным оказался доктор: прежде всего он с помощью Джемисона перенес Беренис в свою комнату. Когда они уложили ее на кушетку. Джемс посоветовал Джемисону позвонить миссис Каупервуд и попросить ее распорядиться насчет похорон.

Джемисон позвонил — и ему пришлось вести пренеприятный разговор.

Отношение Эйлин к смерти мужа очень встревожило и доктора и секретаря, — казалось, без скандала на всю страну не обойтись.

— Почему вы обращаетесь ко мне? — заявила она. — Просите совета у доктора Джемса или у мисс Флеминг! Это они ведали всеми его делами и здесь и в Лондоне.

— Но, миссис Каупервуд, — вымолвил удивленный Джемисон, — это же ваш муж. Неужели вы не хотите, чтобы его перенесли к вам в дом?

— Мистер Каупервуд совершенно не считался со мною, — последовал лаконичный резкий ответ. — Он обманывал меня, все обманывали — и его врач и его любовница. Пусть они обо всем и заботятся — пускай отправят тело в какой-нибудь морг и оттуда везут хоронить.

— Но, миссис Каупервуд! — Джемисон в волнении даже повысил голос. — Это неслыханно! Все газеты станут кричать об этом. Неужели вам будет приятно, если вокруг смерти такого большого человека, как ваш муж, разыграется скандал?

Тут доктор Джемс, слышавший этот поразительный разговор, подошел к телефону и взял у Джемисона трубку.

— Миссис Каупервуд, с вами говорит доктор Джемс, — сказал он холодно. — Как вам известно, мистер Каупервуд вызвал меня к себе, когда он вернулся в Америку. Мистер Каупервуд не родственник мне, я заботился о нем, как заботился бы о любом другом пациенте, в том числе и о вас. Но если вы будете упорствовать и не измените своего недостойного отношения к праху человека, который был вашим мужем и завещал вам свое имущество, — уверяю вас, вы покроете себя позором до конца дней своих. Как-никак, должны же вы отдавать себе отчет в своих поступках.

Он подождал секунду, но Эйлин не отвечала.

— Вот что, миссис Каупервуд, я ведь прошу вас не о каком-то одолжении, — продолжал Джемс. — Мне от вас ничего не нужно. Подумайте о себе. Конечно, тело вашего мужа можно перевезти в любое бюро похоронных процессий и похоронить где угодно, если вы этого хотите. Но одумайтесь. Вы ведь понимаете, пресса может узнать от меня или в похоронном бюро, что сталось с телом. Еще раз, последний раз, ради вас же самой, прошу: подумайте, а если вы не измените своего решения, имейте в виду — завтра же вся эта история попадет в газеты.

Джемс умолк, рассчитывая услышать разумный ответ. Но в телефоне щелкнуло, и он понял, что Эйлин повесила трубку. Тогда он сказал Джемисону:

— Она сейчас просто невменяема. Придется нам взять все в свои руки и действовать за нее. Мистера Каупервуда любили слуги, и, я уверен, мы без труда договоримся с ними; надо без ее ведома перенести тело в дом, и оно будет лежать там до погребения. Это мы можем и должны сделать. Нельзя допустить, чтобы перед покойным захлопнулись двери его собственного дома, это было бы слишком ужасно.

И, взяв шляпу, Джемс направился к выходу, но по дороге вспомнил, что надо взглянуть на Беренис. Она уже пришла в себя.

— Не отчаивайтесь, Беренис, — сказал ей доктор Джемс. — Подите к себе и отдохните, а если будут новости, я вам сообщу. И поверьте, все устроится как надо и без лишнего шума. Это я вам обещаю, — и он дружески пожал ей руку.

Затем он приступил к делам. Прежде всего нужно было перевезти тело Каупервуда в бюро похоронных процессий, которое находилось неподалеку. Потом отправиться к Джемисону расспросить о слугах Каупервуда — узнать, кто из них посговорчивее и пособразительнее. Наверно, найдется не один, так другой, на чью помощь можно рассчитывать. Нельзя позволить Эйлин настоять на своем. Возможно, придется превысить права врача, но другого выхода нет. Он уже давно понимал, почему Эйлин не ладила с Каупервудом. Конечно, она безумно любила мужа, но дико ревновала его, придиралась к каждому его шагу — и потому ее мечты о счастье обратились в непрестанную пытку.

Любопытное совпадение: в эту тяжелую минуту Джемисона вызвал к телефону некий Бакнер Карр, старший дворецкий Каупервудов, служивший у них еще со времен Чикаго. Звонил он, как оказалось, чтобы поделиться с Джемисоном своим горем и отчаянием — он только что узнал о смерти хозяина, и потом, он слышал, как миссис Каупервуд говорила с кем-то по телефону и возводила всякую напраслину на своего мужа, а главное, она даже не разрешает внести его в собственный дом — это просто ужасно. Вот он и хочет предложить свои услуги, — надо же как-нибудь избежать такого позора.

Когда Джемс вернулся в отель, Карр сидел у Джемисона, и доктор изложил им обоим свой план действий. Он уже распорядился, чтобы бюро похоронных процессий приготовило тело к погребению, заказал достойный покойника гроб и велел ждать дальнейших распоряжений. Теперь вопрос — когда можно будет перенести тело во дворец и окажутся ли на месте слуги, чтобы тайком принять гроб и бесшумно перенести его в наиболее подходящую для этого комнату: миссис Каупервуд не должна ни о чем догадываться, по крайней мере до следующего утра. Как полагает Бакнер Карр, можно будет проделать это без помехи? Карр ответил, что он сейчас вернется в особняк Каупервудов, а часа через два позвонит по телефону и скажет, выполнимо ли все, о чем говорил доктор Джемс. Он ушел и по прошествии двух часов действительно сообщил по телефону, что удобнее всего перенести тело между десятью вечера и часом ночи; все слуги готовы помочь, в доме будет темно и тихо.

И вот в час ночи, как было условлено, богато отделанный гроб доставили во дворец Каупервудов. Снаружи по пустынной улице дозором ходил Карр. Преданные слуги приготовили зал на втором этаже для гроба с телом их бывшего хозяина. Пока гроб вносили, один из слуг стоял на страже у дверей, ведущих в апартаменты Эйлин, прислушиваясь, не раздастся ли за ними шорох или звук шагов.

Так в ночной тиши, без парадных церемоний похоронная процессия с телом Фрэнка Алджернона Каупервуда вступила в его дом, и Эйлин с мужем вновь оказались под одной крышей.

71

Никакие тревожные думы и сновидения не подсказали Эйлин, что происходило ночью в доме, пуха свет утренней зари не разбудил ее. Обычно она любила немного понежиться в постели, но сейчас внимание ее привлек какой-то странный звук, донесшийся откуда-то снизу, словно что-то тяжелое упало на пол, — я Эйлин, опасаясь за драгоценную греческую статую, которую Фрэнк купил совсем недавно, — ее поставили временно на самом ходу, — тотчас встала и сошла по лестнице. Пытливо оглядываясь по сторонам, она миновала большие двухстворчатые двери, ведущие в зал, и направилась прямо к новой статуе, но та оказалась цела и невредима.

Эйлин повернула назад, но, поравнявшись с дверями зала, вздрогнула и замерла на месте: посреди огромного зала стоял большой длинный ящик, весь задрапированный черным. Холодная дрожь прошла по телу Эйлин: она стояла, не в силах шевельнуться. Потом повернулась, готовая бежать прочь, но передумала и, медленно подойдя к дверям, застыла на пороге, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Гроб! О боже! Каупервуд! Ее муж! Хладный труп, мертвец! Он все же пришел к ней, хотя она отказывалась прийти к нему, когда он был жив!

Ноги у нее подкашивались, когда, полная раскаяния, она подошла посмотреть на его скованное смертью, бездыханное тело. Какой высокий лоб! Какая благородная, красивая голова! Волнистые каштановые волосы, почти не тронутые сединой… Как знакомы ей эти резкие, властные черты! Весь его облик говорит о силе, о незаурядном уме, которые весь мир бесспорно

признавал за ним! А она отказалась прийти к нему! Эйлин стояла, словно окаменев. Как жаль, что так сложилась жизнь — и он совершил немало ошибок, да и она тоже. А сколько было между ними диких ссор, которые, как порывы бури, налетали снова и снова. И все же — вот он здесь, наконец-то дома! Дома!

Внезапно ее охватил гнев: непонятно, загадочно — как же это он оказался здесь вопреки ее воле? Кто и как принес его сюда? Когда? Ведь только накануне вечером она приказала слугам запереть все двери. И вот он здесь! Разумеется, его, а не ее друзья и слуги объединились, чтобы сделать это для него. А теперь, конечно, все рассчитывают, что она уступит, изменит своему слову, и значит, Каупервуд будет похоронен с почетом, как и подобает выдающемуся человеку. Иными словами, победа останется за ним. Как будто она отказалась от своего мнения и простила мужу то, что он жил как хотел, ни с кем не считаясь! Ну нет, им не удастся провести ее! До последней минуты терпеть унижения и оскорбления? Ни за что! А все же, наперекор ее гневному вызову — вот он тут, перед ней!.. Эйлин все еще глядела на него, когда сзади раздались шаги, — она обернулась: дворецкий Карр шел к ней с письмом в руке.

— Это только что принесли для вас, сударыня, — сказал он.

Эйлин махнула рукой, приказывая ему уйти, но не успел дворецкий повернуться, как она крикнула ему вслед:

— Дайте сюда!

И, вскрыв конверт, она прочла:

«Эйлин, я умираю. Когда эти строки дойдут до тебя, меня уже не будет. Я знаю, что я виноват, и знаю, в чем ты меня обвиняешь, и во всем виню только себя. Но я не могу забыть ту Эйлин, которая помогла мне пережить дни заключения в филадельфийской тюрьме. Впрочем, что толку сожалеть — ни мне, ни тебе не станет от этого легче. Но почему-то я чувствую, что в глубине души ты все простишь мне, когда меня не станет. И я рад, что ты ни в чем не будешь нуждаться. Ты знаешь, я все для этого сделал. Итак, прощай, Эйлин! Больше твой Фрэнк не будет тебе досаждать — никогда».

Дочитав до конца, Эйлин подошла к гробу, взяла руки Каупервуда в свои и поцеловала. Она постояла еще минуту, пристально всматриваясь в его лицо, потом повернулась и выбежала из зала.

Несколько часов спустя Карр, которого через Джемисона и других приближенных Каупервуда засыпали вопросами о похоронах, вынужден был обратиться к Эйлин за распоряжениями. Желающих присутствовать на церемонии оказалось очень много, и Карру пришлось составить для Эйлин список, который получился очень длинным. Увидев его. Эйлин воскликнула:

— Пусть приходят! Вреда от этого уже не будет! Пусть мистер Джемисон и дети мистера Каупервуда делают все, что хотят. Я буду у себя в комнате — я нездорова и ничем не могу им помочь.

— Но, миссис Каупервуд, разве вы не хотели бы пригласить священника, чтоб он произнес надгробное слово? — спросил дворецкий. (Эту мысль подал доктор Джемс, и она пришлась по душе набожному Карру.)

— Ах, да, позовите кого-нибудь. Это не повредит, — сказала Эйлин; в эту минуту ей вспомнились ее родители, люди до крайности религиозные. — Но пусть на панихиде будет не слишком много народу — человек пятьдесят, не больше…

Карр тотчас сообщил Джемисону, а также сыну и дочери Каупервуда, что они могут взяться — за устройство похорон — пусть делают все так, как считают нужным. Услышав это, доктор Джемс вздохнул с облегчением и поспешил оповестить о предстоящей церемонии многочисленных знакомых и почитателей Каупервуда.

72

Многие друзья и знакомые Каупервуда заезжали в тот день и на следующее утро в его дворец на Пятой авеню, и те из них, кто попал в список Бакнера Карра, допускались к гробу, стоявшему в просторном зале второго этажа. Остальным же предлагали присутствовать при погребении, которое должно было состояться на следующий день в два часа на Гринвудском кладбище.

Тем временем сын и дочь Каупервуда навестили Эйлин и условились с нею, что они поедут все вместе в первой карете, сразу же за гробом. А все нью-йоркские газеты крупным шрифтом напечатали сообщения о безвременной, как это принято называть, кончине Фрэнка Алджернона Каупервуда, который всего полтора месяца назад вернулся в Нью-Йорк. Принимая во внимание слишком обширные связи и знакомства покойного, писали газеты, на похороны будут допущены лишь ближайшие друзья семьи, — впрочем, это не помешало толпам любопытных явиться на кладбище.

Итак, на следующий день, в двенадцать часов, погребальная процессия начала выстраиваться перед дворцом Каупервуда. Кучки зевак собирались на ближних улицах, чтобы посмотреть на это зрелище. Сразу за катафалком ехала карета, в которой сидели Эйлин, Фрэнк Каупервуд-младший и дочь Каупервуда Лилиан Темплтон. А дальше, одна за другой, цепочкой потянулись остальные кареты и, медленно проследовав по широкой улице, под нависшим свинцовым небом, въехали в ворота Гринвудского кладбища. Широкая аллея, усыпанная гравием, подымалась по отлогому холму; ее окаймляли старые ветвистые деревья, за которыми виднелись ряды надгробных плит и памятников. Подъем все продолжался; примерно через четверть мили процессия свернула вправо, а через несколько сотен шагов меж высоких деревьев показался склеп — суровый и величественный.

Он стоял в полном уединении — вокруг ближе чем на тридцать футов не было ни единого памятника, — серое, строгое сооружение, северное подобие древнегреческого храма. Четыре изящных колонны, по стилю близкие к ионическим, образовали портик; они поддерживали фронтон — правильный треугольник, совершенно гладкий: ни креста, ни каких-либо украшений. Над дверьми, ведущими в склеп, — имя, выведенное крупными, четкими прямоугольными буквами: *Фрэнк Алджернон Каупервуд*. На трех широких гранитных ступенях лежали горы цветов, а массивные двойные бронзовые двери были раскрыты настежь в ожидании именитого покойника. Каждый, кто видел этот мавзолей впервые, невольно чувствовал, что перед ним подлинное произведение искусства — строгое и внушительное, оно своей величественной простотой подавляло все вокруг.

Когда из окна кареты Эйлин неожиданно увидела перед собою склеп, она в последний раз оценила умение мужа внушать почтение окружающим. И тотчас она закрыла глаза, чтобы не видеть этой гробницы, и попыталась представить себе Каупервуда таким, каким она хорошо запомнила его, когда он стоял перед ней, полный жизни, уверенный в себе. Ее карета остановилась, ожидая, чтобы катафалк поравнялся с дверью склепа; затем тяжелый бронзовый гроб внесли по ступеням и поставили среди цветов, перед кафедрой священника. Провожающие вышли из карет и проследовали на площадку перед склепом, — там был натянут широкий полотняный тент и приготовлены скамьи и стулья.

В одной из карет, рядом с доктором Джемсом, молча сидела Беренис, устремив неподвижный взгляд на склеп, который должен был навсегда сокрыть от нее любимого. Слез не было: она не плачет и не будет плакать. Да и что толку протестовать, спорить с лавиной, которая унесла из ее жизни все самое дорогое? Во всяком случае так думала Беренис. Она опять и опять повторяла про себя одно единственное слово: «Терпи! Терпи! Терпи!»

Когда все друзья и родственники уселись, священник епископальной церкви преподобный Хейворд Креншоу занял свое место на кафедре; выждав несколько минут, пока не стало совсем тихо, он торжественным голосом произнес надгробное слово.

Носильщики подняли гроб, внесли его в склеп и опустили в саркофаг; священник преклонил колени и начал молиться. Эйлин отказалась войти в склеп, а потому и все остались снаружи. Вскоре священник вышел, и бронзовые двери затворились, — церемония похорон Фрэнка Алджернона Каупервуда была окончена.

Священник подошел к Эйлин, чтобы сказать несколько слов утешения; друзья и родственники начали разъезжаться, и вскоре все вокруг опустело. Только доктор Джемс и Беренис задержались в тени развесистой березы, — Беренис не хотелось уходить вместе со всеми; постояв еще немного, они медленно стали спускаться по извилистой тропинке. Пройдя около сотни шагов, Беренис оглянулась, чтобы еще раз посмотреть на место последнего упокоения своего возлюбленного, — склеп стоял высокий, надменный в своей безвестности: выгравированное на нем имя отсюда уже не было видно. Он был высокий и надменный — и все же такой незначительный по сравнению с огромными вязами, простершими над ним свои ветви.

73

После болезни и смерти Каупервуда на душе у Беренис было так смутно и тяжело, что она решила перебраться в свой особняк на Парк авеню, который стоял под замком все время, пока она жила в Англии. Теперь, когда ее будущее так неопределенно, этот дом будет ей убежищем — она хотя бы на время укроется здесь от докучных репортеров. Доктор Джемс одобрил ее решение, — ведь и ему будет легче отвечать, что она уехала куда-то, а куда — он в точности не знает. И хитрость эта отлично удалась: он несколько раз заявил, что ему известно не больше, чем сообщалось в газетах, и к нему перестали приставать с расспросами.

Однако время от времени в печати снова вспоминали об исчезновении Беренис, высказывались и догадки о том, где она теперь. Может быть, вернулась в Лондон? Или опять на виллу — в Прайорс-Ков? Лондонские газеты попробовали выяснить это, но безрезультатно: разыскали в Прайорс-Кове мать Беренис, но она заявила, что не знакома с планами дочери и репортерам придется подождать, пока она сама не будет лучше осведомлена. Ответ этот был подсказан телеграммой от Беренис, которая просила мать пока никому ничего не сообщать о ней.

Беренис не без удовольствия думала о том, что сумела перехитрить репортеров, но жилось ей очень одиноко, и почти все вечера она проводила у себя дома за чтением. Однажды в нью-йоркской воскресной газете она увидела целый очерк, посвященный ей и ее отношениям с Каупервудом, и это страшно возмутило ее. Хотя автор и называл ее просто подопечной

Каупервуда, весь тон статьи был таков, чтобы у читателя создалось впечатление, что Беренис — ловкая авантюристка; она пользовалась своей красотой, чтобы возможно лучше обеспечить себя и получить доступ к светским развлечениям, — подобное истолкование ее чувств и поступков больно задело и раздосадовало Беренис. Это казалось ей обидным и несправедливым. С тех пор как она себя помнила, ее всегда влекла только красота — желание узнать и испытать все прекрасное, что дает жизнь. Но как бы то ни было, могут появиться и еще такие статейки, больше того — их могут перепечатать в других газетах, не только в Америке, но и за границей. Ее явно хотят превратить в романтическую героиню некоей драмы.

Но что делать? Куда бежать, чтобы отделаться от такого внимания прессы?

Взволнованная и растерянная, бродила Беренис по своей библиотеке, среди множества книг, к которым уже давно никто не притрагивался; взяв с полки первый попавшийся том, Беренис наугад раскрыла его, и взгляд ее упал на следующие строки:

«Во мне есть бог, во всем живом живущий, Незримый, вечность он дарит природе; Он разум в нас вдохнул, вложил пять чувств чудесных Из Пракрики нам тело сотворил…

Йоги, достигшие спокойствия духа, дисциплинируя свой разум, ощущают его присутствие в своем сознании. Те же, кто не обладает спокойствием и проницательностью, никогда не постигнут его, даже если и приложат к тому все усилия».

Беренис, заинтересовавшись, заглянула на обложку, чтобы узнать, что это за книга. Это оказалась «Бхагавадгита»,[6] и ей вспомнилось, как однажды на обеде у Стэйна в его городском доме замечательно рассказывал о йогах некий лорд Сэвиренс. Он долгое время провел в Индии, жил затворником в уединении близ Бомбея, учась у гуру, и его красочный рассказ произвел тогда на Беренис глубокое впечатление. Ее так взволновало все, что он говорил, ей даже захотелось самой когда-нибудь побывать в Индии и поучиться у тамошних мудрецов. А теперь, когда ей грозит одиночество и всеобщее осуждение, это желание найти какое-то прибежище стало еще сильнее. Ну что ж, это, пожалуй, выход из того запутанного положения, в котором она очутилась!

Индия! Отчего бы и нет? Чем больше Беренис думала о такой поездке, тем соблазнительней казалась ей эта мысль.

Из другой книги об Индии, которую Беренис нашла у себя в библиотеке, она узнала, что многие свами и гуру — те, кто учат познанию тайн жизни и божества и являются их толкователями, — живут в ашрамах, или уединенных убежищах в горах и лесах. И все смятенные духом, все, кто стремится проникнуть в смысл чудес и тайн жизни, обращаются к ним в часы скорби, отчаяния или крушения всех надежд и узнают, что в них самих сокрыты духовные силы, постигнув которые, они сумеют вполне исцелиться от всех своих горестей. Быть может, какой-нибудь учитель этих великих истин сумеет рассеять окружающий ее мрак одиночества, который грозит навеки ее поглотить, и поможет ее душе обрести свет и покой?

Она поедет в Индию! Решено — она закроет дом в Прайорс-Кове и отправится в Бомбей пароходом из Лондона; мать она возьмет с собой, разумеется, если та не будет против.

На следующее утро Беренис позвонила доктору Джемсу, — ей хотелось узнать, как он отнесется к ее решению; услыхав, что она намерена поехать в Индию поучиться, Джемс, к немалому удивлению Беренис, очень одобрил этот план. Он и сам давно уже мечтал о чем-нибудь в этом роде, да только дела не позволяют — к сожалению, он не волен распоряжаться своим временем, как Беренис. А она сможет отдохнуть там от пережитого, ей сейчас будет очень полезна смена впечатлений. У него были пациенты, которые по разным личным или общественным причинам страдали тяжелым нервным расстройством; он направил их к одному индусу — свами, жившему тогда в Нью-Йорке, — и через некоторое время это уже были совсем здоровые люди. Должно быть, пытаясь охватить мыслью необъятный мир, человек забывает о своем ограниченном «я», — люди нервные при этом забывают о собственных бедах; а это для них означает выздоровление.

Одобрение доктора Джемса утвердило Беренис в ее намерении, и, распорядившись на время своего отсутствия насчет дома на Парк авеню, она выехала из Нью-Йорка в Лондон.

74

Смерть Фрэнка Алджернона Каупервуда вызвала среди широкой публики множество толков и догадок; больше всего интересовались его состоянием: сколько миллионов оставил покойный, кто наследники, много ли каждый из них получит? До того, как завещание было передано на официальное утверждение, говорили, будто Эйлин получает какую-то совсем ничтожную сумму, большая же часть имущества переходит к двум детям Каупервуда; поговаривали также, будто он щедро одарил своих лондонских друзей и приятельниц.

Не прошло и недели после смерти Каупервуда, как Эйлин отказалась от услуг его адвоката и уполномочила некоего Чарльза Дэя единолично охранять ее законные интересы.

В завещании, переданном через пять недель после смерти Каупервуда на утверждение в верховный суд округа Кук, оказался перечень лиц и учреждений, получавших в дар различные суммы — по две тысячи долларов было оставлено каждому из его слуг, пятьдесят тысяч долларов Альберту Джемисону, сто тысяч долларов — обсерватории имени Фрэнка А. Каупервуда, которую он подарил Чикагскому университету десять лет назад. Всего в списке было десять лиц и учреждений; в это же число входили и двое детей покойного; общая сумма, оставленная этим лицам и учреждениям, составляла около полумиллиона долларов.

Эйлин обеспечивалась за счет дохода с остального имущества. После ее смерти картинная галерея — коллекция живописи и скульптуры, оцененная в три миллиона долларов, — должна была перейти в собственность города Нью-Йорка, дабы служить людям для удовольствия и расширения познаний. В распоряжение попечителей было оставлено семьсот пятьдесят тысяч долларов на содержание галереи. Кроме того, Каупервуд завещал купить участок земли в районе Бронкс и построить там больницу, стоимость сооружения которой не должна была превышать восьмисот тысяч долларов. Остальной недвижимостью — часть дохода с нее предназначалась на содержание больницы — должны распоряжаться назначенные в этих целях душеприказчики — Эйлин, доктор Джемс и Альберт Джемисон. Больнице, по воле покойного, надлежало присвоить его имя и принимать в нее всех больных, независимо от расы, цвета кожи и вероисповедания. Тех, у кого нет средств платить за лечение, следует лечить бесплатно.

Эйлин — теперь, когда Каупервуда не стало, — вдруг расчувствовалась: она свято выполнит его последнюю волю, все его желания и прежде всего займется больницей. Перед репортерами газет Эйлин подробно излагала свои планы: в частности, она построит приют для выздоравливающих — такой, чтобы в нем не чувствовалось казенной, больничной атмосферы. В одном из интервью она под конец заявила:

— Я приложу все силы, чтобы выполнить пожелания моего мужа, и поставлю целью своей жизни построить эту больницу.

Только одно не учел Каупервуд — механику работы американских судов, — всех, от мала до велика, — не учел, как они вершат правосудие или нарушают его, как долго американские юристы способны затягивать решение дел в любой судебной инстанции.

Первым ударом по состоянию Каупервуда было решение Верховного суда США, признавшего каупервудовский концерн — Чикагскую объединенную транспортную компанию — недееспособным. Четыре с половиной миллиона долларов, вложенных Каупервудом в акции принадлежавшей ему Единой транспортной, были обеспечены этим концерном. Теперь нужны были годы судебной волокиты, чтобы установить не только стоимость акций, но и их владельца. Это было выше сил и понимания Эйлин, и она тотчас отстранилась от обязанностей душеприказчицы, переложив все заботы на Джемисона. И вот прошло почти два года, а дело не сдвинулось с мертвой точки. Тут началась паника 1907 года, и Джемисон, не поставив в известность ни суд, ни Эйлин, ни ее поверенного, передал спорные акции в комиссию по реорганизации концерна.

— Продавать эти акции бессмысленно, они теперь ничего не стоят, — объяснял Джемисон. — А комиссия по реорганизации, возможно, как-нибудь и ухитрится спасти Объединенную транспортную.

Вслед за этим комиссия по реорганизации заложила акции в Среднезападном кредитном обществе — банке, заинтересованном в объединении всех чикагских железнодорожных компаний в один большой трест. И у всех, естественно, возник вопрос:

— Любопытно, сколько заработал на этом Джемисон?

Два года чикагский суд тянул и медлил, прежде чем утвердить завещание Каупервуда, а тем временем в Нью-Йорке не делалось ровно ничего, чтобы хоть как-то уладить дела. У Общества взаимного страхования жизни имелась закладная на двести двадцать пять тысяч долларов на пристройку к картинной галерее в особняке Каупервуда на Пятой авеню; по этой закладной накопилось процентов на сумму в семнадцать тысяч долларов. Общество обратилось в суд за разрешением наложить арест на принадлежащую Каупервуду недвижимость. Адвокаты общества, без ведома Эйлин и ее поверенных, договорились с Джемисоном и Фрэнком Каупервудом-младшим и продали с аукциона всю пристройку вместе с находившимися в ней картинами. Вырученных денег едва хватило на то, чтобы удовлетворить претензии страхового общества, оплатить налоги и погасить счета нью-йоркских городских властей за воду на сумму около тридцати тысяч долларов. Тогда Эйлин и ее адвокаты обратились в чикагский суд по делам о завещательных распоряжениях с просьбой отстранить Джемисона от обязанностей душеприказчика.

Эйлин сообщила судье Севирингу:

— С тех пор как умер мой муж — все одни разговоры и никаких денег. Мистер Джемисон был очень щедр на словах, обещал золотые горы, но денег я от него что-то не видела. Когда я прямо требовала у него денег, он отвечал, что у него нет ни доллара. Я не только перестала доверять ему, он даже внушает мне подозрение.

Затем Эйлин рассказала суду, как Джемисон без ее ведома передал комиссии по реорганизации на четыре с половиной миллиона долларов акций; как продал с аукциона за двести семьдесят семь тысяч долларов часть картин покойного, тогда как они стоили четыреста тысяч; как он потребовал с нее полторы тысячи долларов комиссионных, хотя уже получил свое в качестве душеприказчика, и как он не допустил ее поверенного к бухгалтерским книгам, по которым велся учет имущественных дел Каупервуда.

— Когда мистер Джемисон предложил мне продать дом и коллекцию картин, — сказала в заключение Эйлин, — да еще потребовал, чтобы я заплатила ему шесть процентов за сделку, я прямо сказала, что не согласна. А он стал грозить мне, сказал, что если я не соглашусь, то вылечу в трубу.

Выслушав Эйлин, судья отложил разбор дела на три недели.

— Вот что получается, когда женщина вмешивается в то, чего не понимает, — глубокомысленно заметил по этому поводу Фрэнк Каупервуд-младший.

Пока Эйлин пыталась через чикагский суд по делам о завещательных распоряжениях отстранить Джемисона от обязанностей душеприказчика, сам Джемисон, после трех лет бездействия, вдруг обратился в суд с ходатайством о выдаче ему документов, подтверждающих его права душеприказчика также и в Нью-Йорке. Однако, поскольку Эйлин подала на него в суд, следовало сначала выяснить, пригоден ли он вообще для этой роли, а потому судья по делам опеки над недееспособными лицами, некто Монехэн, отложил рассмотрение дела на две недели, чтобы собрать все данные, по которым было бы ясно, следует ли удовлетворить ходатайство Джемисона. В это время в Чикаго Джемисон, представ перед судьей Севирингом по обвинению, выдвинутому против него Эйлин, упорно утверждал, что не нанес ни малейшего ущерба ее интересам и не получил ни цента незаконным путем. Наоборот, он немало потрудился, чтобы сохранить имущество.

Судья Севиринг отказался отстранить Джемисона от обязанностей душеприказчика, однако счел необходимым заявить:

— Разумеется, если душеприказчик, получивший за выполнение своих обязанностей определенную долю состояния покойного, требует еще с вдовы выплаты процентов за оформление завещанного ей наследства, хотя это его прямой долг, — его следовало бы отстранить от обязанностей душеприказчика. Но сомнительно, имею ли я право отстранить его только на этом основании.

После этого Эйлин стала подумывать о том, чтобы передать дело в Верховный суд.

Тем временем Лондонская подземная обратилась в Нью-йоркский окружной суд с просьбой взыскать причитающиеся ей восемьсот тысяч долларов. Компания нимало не сомневалась, что взыскать эту сумму вполне возможно, хотя из заявлений авторитетных лиц было ясно, что вследствие всевозможных тяжб из состояния Каупервуда около трех миллионов уже испарилось в воздух. Суд назначил судебным исполнителем некоего Уильяма Каннингхема, и сей муж, невзирая на то, что Эйлин только что слегла в постель с воспалением легких, расставил охрану вокруг дворца Каупервуда на Пятой авеню, а через три дня решил устроить трехдневный аукцион для распродажи картин, ковров и гобеленов, чтобы уплатить по иску Лондонской подземной. Охрана стояла круглые сутки, тщательно наблюдая, чтобы не исчезло что-нибудь из имущества, подлежащего продаже с аукциона. Агенты из охраны шныряли по дому, внося повсюду беспорядок и нарушая право неприкосновенности имущества и жилища.

Чарльз Дэй, один из адвокатов Эйлин, тотчас обжаловал решение суда, заявив, что разбор этого дела — худший пример судебного произвола, когда-либо имевшего место в Америке: это самый настоящий заговор с целью проникнуть в дом противозаконным путем, насильственно продать его вместе с картинами и таким образом свести на нет намерение Каупервуда, завещавшего превратить дворец вместе со всей его обстановкой в музей, открытый для публики.

Нью-йоркские адвокаты Эйлин всеми силами старались снять временный арест на имущество Каупервуда в Нью-Йорке, а тем временем адвокаты, нанятые ею в Чикаго, добивались назначения распорядителя над всей недвижимостью покойного.

Никто не додумался воспользоваться правом выкупа закладной на пристройку к картинной галерее Каупервуда, которую получило страховое общество по предъявленному им ранее иску. И вот четыре месяца спустя страховое общество подало в суд на исполнителя Каннингхема и на Лондонскую подземную, которые наотрез отказались выкупить закладную.

Мало того — пока комиссия по реорганизации, состоявшая из чикагских капиталистов, разрабатывала совместно с представителями банкирского дома Брентона Диггса план реорганизации каупервудовского концерна, держатели ценных бумаг

этого концерна из состава акционеров трех дочерних компаний потребовали возбудить судебное дело о лишении комиссии права на выкуп этих ценных бумаг. Адвокаты Эйлин заявили, что распоряжаться всем имуществом Каупервуда имеет право только суд округа Кук, тогда как апелляционный суд этого округа таких прав не имеет. Судья упомянутого апелляционного суда согласился с этим, добавив, что тотчас отстранится от всякого вмешательства, как только Джемисон примет на себя обязанности по надзору за нью-йоркской собственностью Каупервуда.

Тем не менее через пять месяцев после обращения Эйлин в апелляционный суд США этот суд большинством в два голоса против одного вынес решение о постоянном характере полномочий Уильяма Каннингхема в качестве судебного исполнителя по делу о наследстве Каупервуда. Впрочем, один из судей, не согласный с этим решением, утверждал, что федеральный суд не может вмешиваться в дела об утверждении завещаний, поскольку они относятся к компетенции судов штата. А судьи, голосовавшие за принятое решение, считали, что исполнителя менять не следует до истечения некоего достаточно большого срока, который будет установлен окружным судом, для того чтобы кредиторы имели возможность обратиться к судье по делам об опеке над недееспособными лицами с требованием назначить распорядителя, которому можно будет передать все имущество. Наряду с этим было отменено решение, временно запрещавшее Джемисону возбуждать ходатайство об утверждении его душеприказчиком покойного Каупервуда и в Нью-Йорке.

И вот потянулась бесконечная судебная волокита: иски следовали за исками и решения за решениями. И все это обрушилось на вдову, ничего не смыслившую в юриспруденции и тратившую все деньги, оставленные покойным мужем, на защиту своих прав, которые оказалось так трудно отстоять. К тому же здоровье ее совсем расстроилось — она не поднималась с постели, и с деньгами у нее было катастрофически плохо.

Адвокатам Эйлин удалось прийти к соглашению с адвокатами Джемисона и официальными представителями Лондонской подземной и выговорить для нее восемьсот тысяч долларов за отказ от прав на часть полагающейся ей по наследству недвижимости. Чикагский суд по делам о завещательных распоряжениях должен был подтвердить законность этого соглашения.

Чиновник, определяющий размер налога на наследство, через четыре года после смерти Каупервуда оценил оставшееся после него имущество в 11 467 370 долларов и 65 центов. Последовал новый процесс, на котором председательствовал судья Робертс, — Эйлин требовала, чтобы оценщик пересмотрел свой отчет. Мистер Дэй, выступавший от имени Эйлин, заявил, что если судья Севиринг подтвердит законность соглашения, достигнутого между нею, Джемисоном и Лондонской подземной, останется лишь продать унаследованное ею имущество. Дэй утверждал, что оценка имущества явно завышена: коллекция картин никак не стоит четырех миллионов, а за всю обстановку в доме не выручить и тысячи долларов.

Вскоре Джемисон обратился к судье Генри, ведавшему делами об опеке над недееспособными лицами, с просьбой выдать ему документы, подтверждающие, что его права как душеприказчика распространяются и на имущество Каупервуда, находящееся в Нью-Йорке. Примерно в это же время Эйлин проиграла дело против Джемисона, а судья Севиринг подтвердил законность соглашения, достигнутого между нею и Джемисоном через адвокатов: после уплаты долгов она должна была получить восемьсот тысяч долларов, а также одну треть личного имущества, принадлежащую ей как вдове. В соответствии с этим соглашением Эйлин передала исполнителю Каннингхему дом, картинную галерею, конюшню и прочее для продажи с аукциона, а Джемисон через четыре года после того как в Чикаго началось дело об утверждении завещания Каупервуда, был назначен распорядителем его имущества и в Нью-Йорке. Он должен был и имел возможность воспрепятствовать распродаже с аукциона имущества Каупервуда в Нью-Йорке, но он этого не сделал. А в картинной галерее было триста полотен, оцененных в полтора миллиона долларов, в том числе произведения Рембрандта, Гоббемы, Тенирса, Рейсдаля, Гольбейна, Франса Гальса, Рубенса, Ван-Дейка, Рейнольдса и Тернера.

Меж тем в Чикаго адвокаты Джемисона, выступая перед судьей Севирингом в суде по делам о завещательных распоряжениях, утверждали, что единственный путь избежать распродажи имущества по причине несостоятельности — это передать комиссии по реорганизации акции Единой транспортной на четыре миллиона четыреста девяносто четыре тысячи долларов, с тем чтобы эти акции послужили основой для создания новой компании. Адвокаты же Эйлин утверждали, что аукцион в Нью-Йорке был подготовлен втихомолку, тайно и без всякой на то санкции суда. В ответ на это судья Севиринг заявил, что он не считает себя вправе выносить какие-либо постановления, пока обе стороны сами не придут к какому-то соглашению. Таким образом, решение дела было отложено на неопределенно долгое время, чтобы адвокаты обеих сторон имели возможность договориться.

Итак, опять отсрочки! Отсрочки! Отсрочки!

Иски корпораций! Иски! Иски!

И решения! Решения! Решения!

И суды! Суды! Суды!

Так прошло пять лет, и в конце концов все, что когда-то принадлежало Фрэнку Каупервуду, было продано с аукциона. И за все, включая недвижимость, было выручено три миллиона шестьсот десять тысяч сто пятьдесят долларов!

75

Пять лет скиталась Эйлин по джунглям закона; суды и судьи, адвокаты и корпорации предъявляли своей жертве все новые и новые иски и претензии, — и, наконец, ею овладело чувство мучительной безнадежности: что ни делай, куда ни кинься, все заранее обречено на провал. В самом деле — чем была ее жизнь в эти годы, к чему свелись все ее усилия? Она жила одна, у нее не было настоящих друзей, все ее иски — кстати, вполне законные — отклонялись один за другим, и в конце концов она поняла, что мечта о величии, которую олицетворял их дворец, растаяла, как дым. От былого великолепия остались только восемьсот тысяч долларов, принадлежащих лично ей, да третья вдовья часть личной собственности, которую она получила после передачи судебному исполнителю Каннингхему дворца, картинной галереи и всего прочего и после уплаты долгов. Закон, корпорации, судебные исполнители, словно стая голодных волков, преследовали ее по пятам, пока не загнали в угол, — и вот ей пришлось расстаться с собственным домом: его продадут с молотка, в нем поселятся чужие люди.

Не успела еще Эйлин перебраться на квартиру, которую она присмотрела для себя на Мэдисон авеню, а дворец уже наводнили агенты аукционистов — они шныряли повсюду, осматривали каждую мелочь и наклеивали на вещи ярлычки с номерами по каталогу. Прибыли фургоны за картинами, чтобы отвезти все триста полотен в галерею Свободного искусства, на Двадцать третью улицу. Явились коллекционеры — они расхаживали по комнатам, разглядывая вещи, оценивая их. Эйлин, больная, подавленная, вынуждена была выслушивать Каннингхема, который объяснял свое вторжение тем, что он, видите ли, обязан немедленно произвести полную инвентаризацию дома и галереи и представить опись суду.

И вот в газетах появились извещения о распродаже, которая начнется в ближайшую среду и будет длиться три дня подряд, — продаются мебель, бронза, скульптура, панно и всевозможные произведения искусства, а также большая библиотека. Место распродажи: Пятая авеню, 864. Аукционист: Дж. Л. Донехью.

В доме царил невероятный беспорядок, и среди всего этого, еле сдерживая горечь и обиду, бродила Эйлин, собирая свои вещи, чтобы немногие слуги, которые остались ей верны, перевезли их на новую квартиру.

С каждым днем возрастало число желающих побывать на этой распродаже, и спрос на пригласительные билеты был так велик, что устроители аукциона не в состоянии были всех удовлетворить. Цена входного билета как для осмотра вещей и произведений искусств, так и на самую распродажу была установлена в один доллар, но и это не останавливало любопытных.

В день аукциона зал в галерее Свободного искусства был битком набит. В каталоге предметов, подлежащих распродаже, значилось более тысячи трехсот названий. Появление некоторых шедевров на столе аукциониста встречали аплодисментами. А во дворец Каупервуда уж и вовсе невозможно было пробраться. Автомобили, такси и кареты сплошной стеной выстроились вдоль тротуаров Пятой авеню и Шестьдесят восьмой улицы, да так и стояли здесь до тех пор, пока не кончилась распродажа. Среди собравшихся были коллекционеры с миллионным состоянием, прославленные художники, знаменитые светские львицы — их автомобили никогда не останавливались прежде у этих дверей, теперь же все стремились попасть сюда, чтобы перехватить какую-нибудь редкостную вещь, принадлежавшую Эйлин или Фрэнку Каупервуду.

Его золотая кровать, на которой некогда спал бельгийский король и которую Фрэнк приобрел за восемьдесят тысяч долларов; ванна розового мрамора из туалетной комнаты Эйлин, стоившая пятьдесят тысяч долларов; сказочные шелковые ковры, вывезенные из ардебильской мечети; изделия из бронзы, красные африканские вазы, кушетки с золочеными спинками в стиле Людовика XIV; канделябры из горного хрусталя с аметистовыми и топазовыми подвесками — тоже в стиле Людовика XIV; изящнейший фарфор, стекло, серебро и разная мелочь — камеи, кольца, булавки для галстука, ожерелья, неоправленные драгоценные камни и статуэтки — все пошло с молотка.

Толпы чужих, любопытных людей переходили из зала в зал, следуя за аукционистом, раскатистый голос которого отдавался эхом в высоких комнатах. На их глазах скульптура Родэна «Амур и Психея» была продана антиквару за пятьдесят одну тысячу долларов. Кто-то, в азарте все набавляя цену, давал уже тысячу шестьсот долларов за полотно Ботичелли, но тут из зала крикнули: «Тысяча семьсот!» — и азартный покупатель остался ни с чем. Толстая и важная женщина в красном, которая все время старалась держаться поближе к аукционисту, за любую вещь почему-то давала триста девяносто долларов — не больше и не меньше. Потом толпа устремилась за аукционистом в зимний сад — всем хотелось взглянуть на статую работы Родэна; народу было так много, что аукционист громко попросил не прислоняться к пальмам.

Пока шла распродажа, взад и вперед по Пятой авеню раза три медленно проехала двухместная карета, в которой сидела одинокая женщина. Она смотрела на автомобили и коляски, подъезжавшие к дворцу Каупервудов, на мужчин и женщин, толпившихся у подъезда. Это зрелище означало для нее слишком многое: конец борьбы, последнее «прости» былым честолюбивым мечтам. Двадцать три года назад она была одной из красивейших женщин Америки. В ней и по сию пору сохранилось что-то от прежней жизнерадостности и смелости. Правда, пришлось покориться, но жизнь еще не сломила ее

окончательно, — пока еще нет. И тем не менее миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд не присутствовала на аукционе. Но она видела, как покупатели выносили из дому самые любимые ее вещи, и порой до нее доносились выкрики аукциониста: «Кто больше? Кто больше? Кто больше?» Потом она почувствовала, что дольше не вынесет, и приказала кучеру ехать назад, на Мэдисон авеню.

Через полчаса Эйлин стояла у себя в спальне, молча, сжав губы, — ей хотелось сейчас одного — тишины. Итак, все исчезло, исчезло без следа, словно по мановению злого волшебника. Отныне она всегда будет одна. Каупервуд больше никогда не вернется, никогда…

Через год она опять заболела воспалением легких, — и вскоре ее не стало. Перед смертью она написала доктору Джемсу:

«Я Вас очень прошу, будьте так добры, позаботьтесь, чтобы меня похоронили в склепе, рядом с мужем, как он того хотел; Можете ли Вы простить мне грубые выходки, которые я прежде позволяла себе по отношению к Вам? Они были вызваны страданьями, которые я не в силах описать».

Странная штука жизнь, думал доктор Джемс, машинально складывая вчетверо эту записку. И закончил про себя: «Да, Эйлин, я все исполню!»

76

Состояние Каупервуда растаяло, Эйлин умерла, а Беренис за это время постепенно пришла к убеждению, что надо попытаться вновь найти себе место в жизни и, пожалуй, умом и сердцем отрешиться от меркантильных воззрений Запада, который признает лишь одно божество — деньги, роскошь. Сначала это стремление пересмотреть свои взгляды на жизнь возникло у Беренис под влиянием горя, которое после смерти Каупервуда чуть не сломило ее. Потом случайно, по крайней мере ей так показалось, ей попался под руку маленький томик, известный под названием «Бхагавадгита» — в нем была собрана и запечатлена вся религиозная мысль Востока за много тысячелетий.

Кто постигнет Атман, Тот постигнет счастье Чистого познанья…

Многие ль познают Тайну нашей жизни, Тайну человека?

Лишь один, быть может.

Повторяя про себя эти древние песнопения, Беренис задумалась: а не могла бы она познать тайну жизни и уразуметь ее суть? Почему бы не попытаться? И она решила пуститься на поиски.

Прежде чем отправиться в Индию, где она мечтала обрести истину, Беренис поехала в Англию за матерью, которую она хотела взять с собой. Через несколько часов после ее приезда в Прайорс-Ков туда явился лорд Стэйн. Беренис сказала ему, что едет в Индию и намерена серьезно заняться индусской философией; Стэйн был удивлен и даже шокирован. Он много слышал об этой стране от англичан, которые ездили туда по поручению правительства или по другим делам, и, вспомнив сейчас их рассказы, объявил Беренис, что, как ему кажется, Индия — не место для молодой красивой женщины.

Стэйн теперь отлично понимал, что Каупервуд был для нее не просто опекуном и что на прошлом ее матери есть какая-то тень: но он все еще был влюблен в Беренис, и ему казалось, что, несмотря на ее прошлое, несмотря на ее неопределенное положение в обществе, он был бы много счастливее, а его духовная и умственная жизнь много полнее, будь с ним Беренис — верная спутница с такими широкими, разумными взглядами. Да, разумеется, он был бы счастлив, если бы ему удалось жениться на женщине, в которой столько обаяния и благородства!

Но когда Беренис рассказала ему, какие мысли появились у нее после смерти Каупервуда и как она пришла к убеждению, что там, вдали от Запада с его грубым меркантилизмом, она сумеет обрести душевное равновесие, Стэйн решил отложить разговор о чувствах до тех пор, пока Беренис сама не разберется в путанице овладевших ее противоречивых желаний и мыслей. Придя к такому выводу, Стэйн промолчал о любви и лишь выразил надежду, что Беренис выслушает советы его друга — лорда Сэвиренса. Он, как ей известно, прекрасно осведомлен об Индии и будет счастлив оказаться ей полезным. Беренис ответила, что рада получить совет и помощь лорда Сэвиренса, хотя она твердо решила идти прямо к намеченной цели.

— Что-то тянет меня туда, как магнит, — добавила она, — и никакая сила не заставит меня свернуть с этого пути.

— Иными словами, Беренис, вы верите в судьбу, — сказал Стэйн. — Что ж, я тоже верю в нее до некоторой степени. Но у вас при этом есть и мужество и уверенность в себе, чтобы осуществить свои желания. Ну, а мне пока остается только надеяться,

что всякий раз, как вам что-нибудь понадобится, вы обратитесь ко мне. Я рад буду служить вам. Надеюсь, вы хоть изредка будете писать мне и сообщать о своих успехах.

И Беренис обещала писать.

После этого разговора Стэйн принял на себя все заботы, связанные с отъездом Беренис и ее матери в Индию. В частности, он взял для нее несколько рекомендательных писем от лорда Сэвиренса. Беренис для начала решила ехать в Бомбей; Стэйн выправил паспорта, заказал билеты и проводил мать и дочь в далекий путь.

77

Подъезжая к Бомбею, Беренис и ее мать были поражены красотою открывавшейся панорамы. Пароход вошел в широкий, испещренный гористыми островками пролив, который тянулся до самого города. Слева возвышались величественные здания, а направо тянулся низкий берег, окаймленный пальмами, и, постепенно поднимаясь, где-то далеко переходил в горные вершины Западных Гат.

Письмо лорда Сэвиренса управляющему отеля «Маджестик» обеспечило путешественницам самый любезный прием и великолепное обслуживание на все время их пребывания в Бомбее; им так здесь понравилось, что они решили задержаться на несколько недель и познакомиться поближе с этим городом, столь не похожим на города Европы и Америки. Они были вознаграждены за это множеством самых разнообразных впечатлений. Широкие проспекты, на которых то и дело попадаются запряженные буйволами телеги со всякой всячиной для продажи; шумные базары с их разнообразием и изобилием, кишащие людьми чуть ли не всех национальностей и вероисповеданий, всех цветов кожи от светло-коричневого до черного, — афганцы, сикхи, тибетцы, сенегальцы, багдадские евреи, японцы, китайцы — кого тут только нет! И сколько босых, сколько едва прикрытых рубищем. Нет предела нужде и нищете! Невероятно изможденные люди, худые, как скелеты, с впалой грудью, бегают впряженные в колясочки мимо прекрасных зданий, мимо роскошных храмов, мимо университета, по улицам, обсаженным хевейями и пальмами всех видов — кокосовыми, финиковыми, карликовыми; среди ветвей висят плоды и орехи. Одним словом, невиданные дотоле люди и тропические пейзажи поглощали все внимание Беренис и ее матери, пока они, наконец, не расстались с Бомбеем и не отправились поездом в Нагпур, город, расположенный к востоку от Бомбея, на пути в Калькутту.

Они поехали туда по совету лорда Сэвиренса. Сэвиренс рекомендовал Беренис разыскать гуру Бородандаджу, которого он назвал Разрушителем материи и властелином энергии, — этот гуру жил близ Нагпура, где путешественникам предоставляется возможность поселиться на время в простом, старинной архитектуры, доме, выходящем на главную площадь.

Как только они устроились, Беренис, следуя указаниям Сэвиренса, отправилась на поиски гуру. Она вышла на шоссе, пересекавшее Нагпур с севера на юг, и, дойдя до ветхого строения, походившего на заброшенную мельницу, круто повернула направо. Пройдя с полмили по заброшенному хлопковому полю, она вышла к роще черного дерева и огромных тиков — деревья росли здесь так густо, что жаркие лучи южного солнца не проникали сквозь их листву. Вспомнив подробное объяснение Сэвиренса, Беренис поняла, что здесь-то и находится жилище гуру. Она остановилась в нерешительности и, оглядевшись, увидела узкую, едва заметную тропинку, которая, извиваясь, вела куда-то в глубь рощи. Тропинка привела Беренис к квадратному деревянному дому. Большой, но полуразрушенный дом этот, как она узнала впоследствии, когда-то занимало правительственное учреждение, надзиравшее за лесами, частью которых и была эта роща. В стенах зияли провалы, которых никто никогда не заделывал, — сквозь них видны были комнаты, весь дом разрушался и изнутри и снаружи. Как узнала потом Беренис, это покинутое здание отдали гуру Бородандадже, чтобы он мог учить других искусству созерцания и показывать, как с помощью учения йоги человек может подчинить своей воле физические силы, всю внутреннюю энергию своего тела.

Тишина и полумрак царили под сенью высоких ветвистых деревьев, меж которых с тайной робостью шла Беренис. Казалось, деревья говорили об одиночестве и покое — том душевном покое, которого она так жаждала и не могла найти в оставленном ею мире, таком для нее чуждом и неприемлемом. Когда Беренис подошла к одному из строений во дворе, навстречу ей вышла смуглая немолодая индуска и знаком пригласила ее пройти под арку во дворик, в глубине которого виднелось еще одно строение.

— Иди сюда, — сказала она. — Учитель ждет тебя.

Беренис прошла за этой женщиной через провал в полуразрушенной стене и, обойдя разбитые глиняные горшки и чаши, которые валялись подле колод, служивших, очевидно, скамьями, остановилась перед широкой массивной дверью. Индуска распахнула дверь, и Беренис, сняв туфли, переступила порог.

Высокий смуглый человек с узким длинным лицом сидел в обычной позе йогов, скрестив ноги, на большом куске белой ткани, разостланном посреди комнаты. Руки его были сложены, словно он молился. Он не пошевельнулся и не сказал ни слова, только внимательно посмотрел на Беренис черными проницательными, испытующими глазами. Потом заговорил.

— Где же ты была? — спросил он. — Вот уже четыре месяца, как умер твой муж, и я давно жду тебя.

Пораженная его вопросом и всем его видом, Беренис невольно попятилась.

— Не бойся, — сказал гуру. — Брахманизм, поучающий тем истинам, которые ты хочешь познать, не признает страха. Подойди сюда, дочь моя, и садись. — Длинной тонкой рукою он указал Беренис ее место — угол того же разостланного на полу полотна. Когда она села, он снова заговорил: — Ты проделала долгий путь в поисках того, что даст тебе покой. Ты ищешь Самади — единения с богом. Правду ли я сказал?

— Да, учитель, — ответила Беренис, изумленная и испуганная, — это правда.

— И ты считаешь, что много страдала от зол этого мира, — продолжал гуру. — И теперь ты готова изменить свою жизнь.

— Да, да, учитель, да. Я готова изменить свою жизнь. Сейчас мне кажется, что это я причинила миру зло, а не он мне.

— И ты готова искупить свою вину, если это возможно?

— Да, о да! — еле слышно сказала она.

— Но готова ли ты посвятить этому несколько лет, или в тебе говорит только минутное желание?

— Я готова отдать годы, лишь бы искупить свою вину. Я хочу знать, как это сделать. Я должна этому научиться.

В голосе Беренис звучало волнение.

— Но, знай, это потребует терпения, труда и самообладания. Ты станешь всесильной, лишь подчинившись тому, о чем учит Брахма.

— Я буду выполнять все, что потребуется! — сказала Беренис. — Для этого я и пришла сюда. Я знаю, мне нужно научиться сосредоточению и созерцанию, и тогда я стану мудрой настолько, чтобы искупить свою вину, а может быть и привести к раскаянию других.

— Лишь тот, кто способен созерцать, способен познать истину, — сказал гуру, зорко вглядываясь в Беренис. Помолчав немного, он добавил: — Да, я приму тебя. Твоя искренность открывает тебе доступ в число моих учеников. Приходи завтра на занятия — будем учиться владеть своим дыханием. Узнаешь, что такое глубокое дыхание, среднее дыхание, всеобъемлющее дыхание йогов, носовое дыхание. Управлять дыханием — все равно, что управлять жизнью в теле. Это первый шаг, основа, на которой ты будешь строить свой новый мир. Через это ты достигнешь полной отрешенности. Ты освободишься от страдания, ибо страдание порождается желанием.

— Учитель, я многое отдам за спокойствие духа, — сказала Беренис.

Помолчав несколько секунд, гуру начал торжественно:

— Если человек отказался от жизни в красивом доме, от красивой одежды и от хорошей пищи и отправился в пустыню, это вовсе не значит, что он уже от всего отрешился. Единственное его достояние, его плоть, может стать средоточием всех его помыслов, и его дальнейшая жизнь может превратиться в борьбу за то, чтобы поддержать и сохранить свою плоть. Отрешенность не имеет ничего общего с нашей плотью. Она возможна только в духе. Человек может восседать на троне и быть совершенно от всего отрешенным, а другой и в рубище может быть всецело занят собой. Но если человек обладает даром духовной прозорливости, если его озаряет свет Атмана, — все сомнения его рассеиваются. Он не содрогается, совершая то, что неприятно, и не стремится делать то, что приятно. Нет такого человеческого существа, которое могло бы жить в полной бездеятельности, но про того, кто отдает плоды своих деяний, можно сказать, что он достиг отрешенности.

— О учитель, если б я могла овладеть хотя бы крупицей этой мудрости! — воскликнула Беренис.

— Всякое познание, дочь моя, — продолжал гуру, — есть дар духа, и лишь тому, кто умеет быть благодарным в духе, познание раскрывается, словно лепестки лотоса. От своих западных учителей ты узнаешь, что такое искусство и наука, восточные же учителя покажут тебе сокрытые тайны мудрости. Истинно просвещенный человек не тот, который много знает, а лишь тот, кто владеет знанием сокрытой истины. Лишь сокрытая истина оживляет бездушные факты и внушает сердцу человека отдать знание на пользу другим. Не рассудком, а сердцем познаем мы бога. Делай добро ради добра, и тогда ты достигнешь полной отрешенности.

— Я приложу все силы, чтобы научиться всем видам дыхания, учитель, — сказала Беренис. — Я знаю достаточно об учении йоги, и я понимаю, что в этом — основа прозрения. Я знаю, дыхание — это жизнь.

— Это не совсем верно, — сказал гуру. — Если хочешь, я покажу тебе сейчас, что жизнь может быть там, где нет дыхания.

Он взял небольшое зеркало и протянул ей со словами:

— Когда я перестану дышать, поднеси это зеркало к моим губам и посмотри, потускнеет ли оно.

Он закрыл глаза; понемногу тело его становилось все более неподвижным и прямым, совсем как статуя, — казалось, он застыл, оцепенел. Беренис, не сводя с него глаз, поднесла ладонь к его лицу. Прошло несколько минут, и она почувствовала, что дыхание его стало тише. Затем, к ее величайшему изумлению, оно прекратилось совсем. Никакого следа! Она подождала еще. Потом взяла зеркало и поднесла его на несколько секунд к губам гуру. Зеркало не потускнело. Да, дыхания не было, и гуру казался каменным изваянием. Беренис в волнении посмотрела на часы. Прошло десять долгих минут, прежде чем она обнаружила у него признаки дыхания — оно становилось все ровнее и наконец стало совсем нормальным. Гуру, казавшийся очень утомленным, открыл глаза и с улыбкой посмотрел на нее.

— Это чудо! — воскликнула Беренис.

— Я могу вот так задерживать дыхание по нескольку часов, — сказал гуру.

— А иные йоги могут не дышать месяцами. Были даже такие, которых на недели и месяцы замуровывали в склепы, куда не проникает воздух, и они выходили оттуда живыми и здоровыми. Кроме этого, — продолжал гуру, — существует еще одно испытание: можно подчинить своей воле биение сердца. Я могу заставить сердце не биться, ибо, как ты, наверно, знаешь, дыхание и кровь нераздельны. Но это я покажу тебе в другой раз. Ты узнаешь со временем, что дыхание — это лишь проявление более сложной силы, обитающей в наших важнейших органах, но невидимой. Когда сила эта покидает тело, дыхание, подвластное ей, тотчас останавливается, и наступает смерть. Но, подчинив себе дыхание, тем самым ты подчиняешь себе в какой-то мере и эту сокрытую силу.

Но предупреждаю тебя, это — предмет изучения Раджа-йоги, а к нему мы подойдем лишь после того, как ты усвоишь Хата-йоги. Сейчас ты, как видно, устала: иди отдохни и приходи завтра в такое время, когда сможешь приступить к занятиям.

Беренис поняла, что ее встреча с этим необычайным человеком на сегодня окончена. Она неохотно рассталась с ним, — у нее было такое ощущение, словно она уходила от никем еще не тронутого и неисчерпаемого кладезя знаний. Возвращаясь по той же каменистой тропе, которая привела ее сюда, Беренис ускорила шаги — за время пребывания в Индии она успела узнать, что ночь здесь наступает мгновенно; здесь нет, как в Европе и Америке, ленивого заката, когда солнце медлит над горизонтом. Темнота подкрадывается быстро и плотным покровом окутывает землю.

Подходя к Нагпуру, Беренис вдруг остановилась как завороженная, — так бесподобно хороша была священная гора Рамтек с ее сверкающими белыми храмами, словно парившими в вышине над всем этим краем. Беренис задумчиво стояла, любуясь редкостной красотой пейзажа, прислушиваясь к монотонным ритмам индусских мантров, далеко разносившимся в прозрачном воздухе. Беренис знала, что это поют священнослужители Рамтека: они собираются на исходе дня для молитвы и хором распевают свои священные гимны. Сначала их пение доносилось до Беренис подобно тихому шепоту, нежному и приятному, но чем ближе она подходила к городу, тем явственнее оно становилось, и, наконец, железный ритм песнопений зазвучал, словно мерные удары в гигантский барабан. И вдруг Беренис показалось, что сердце ее стало биться по-иному, в одном ритме с биением жизни в этой огромной, взыскующей бога стране, где дух ставят превыше всего, — и она поняла, что здесь она наконец обретет душевный покой.

78

Следующие четыре года Беренис знакомилась с различными положениями учения йоги; прежде всего она приучилась сидеть в классической позе йогов, совсем прямо и неподвижно, так как, созерцая, человек не должен чувствовать своего тела. Ибо Дхьяна, то есть созерцание, учат йоги, есть отрешенность.

Беренис училась подчинять себе жизненные силы своего тела — это было учение Праньяна; она изучала Пратьяхара — искусство внутреннего самосозерцания; Дхарана — искусство сосредоточения; Дхьяна — искусство созерцания; часто она сравнивала свои записи с записями других учеников, — вместе с нею занимались один англичанин, молодой и очень способный индус и две индуски. С течением времени она узнала все виды учения йоги — Хата, Раджа, Карма, Джнанаи и Бхакти. Она узнала, что брахма — сущность — и есть высшее проявление бога. Оно не может быть ни определено, ни выражено. В «Упанишадах» сказано, что брахма — это все сущее, а также познание и блаженство. Но и это еще не все. Нельзя говорить о брахме как о чем-то, что существует, Брахма есть само существование. Брахма — это не мудрость и не радость, брахма — это абсолютное познание, абсолютное блаженство.

«Нельзя разделить на части бесконечное и заключить его в понятие конечного.

Вся вселенная полна мною, моим извечным „я“, недоступным для человеческих чувств. И хотя меня нет ни в одном живом существе, все они существуют во мне. Это не значит, что они существуют во мне физически. В том-то и заключается моя сокровенная тайна. Пытайтесь разгадать ее. Я поддерживаю жизнь во всех живых существах, я порождаю их, но моя связь с ними неуловима.

Однако, если человек будет поклоняться мне и будет размышлять обо мне, ничем не отвлекаясь и посвятив мне все свои помыслы и каждую минуту своего времени, я дам ему все, в чем он нуждается, и сохраню его достояние. Даже те, кто поклоняется другим божествам и с верой в сердце приносит им жертвы, на самом деле поклоняются мне, хотя идут ко мне ложным путем. Ибо я единственный, кто возликует от этих жертв, я единственное божество, которое их принимает. И все же эти люди обречены вернуться к своим земным заботам и страстям, ибо они не признают меня в моей подлинной сущности.

Кто приносит жертвы разным божествам, тот и придет к этим божествам. Кто поклоняется предкам, тот придет к своим предкам. Кто поклоняется силам и духам природы, тот придет к ним. Так и мои приверженцы придут ко мне».

Гуру однажды сказал Беренис:

— Самый воздух, которым мы дышим, каждым своим дуновением как бы говорит: «Это божество!» И вся вселенная с мириадами солнц и лун возглашает устами тех, кто способен говорить: «Это божество!»

И Беренис припомнились «Последние строки» — чудесные стихи Эмили Бронте, которая когда-то была ее любимой писательницей:

Душе моей не ведом страх,

Ничто ей все земные бури;

Мой щит — молитва на устах

И бог, витающий в лазури.

О всемогущий! Ты в груди,

Твоею волей сердце бьется, —

Я не прошу тебя — приди,

Ты здесь, и вечно радость льется.

Бесплодны помыслы людей —

Развеет их дыханье тлена, —

Так в океане средь зыбей

Бесследно исчезает пена.

Благоговейная хвала

Тебе, чья мощь непостижима!

Бессмертья твоего скала

От века непоколебима.

Сучит, как свет, твою любовь

Тысячелетий вереница,

Все рушит, созидая вновь,

Твоя незримая десница.

И пусть планет и звезд рои

В пучине сгинут бесконечной —

Живут создания твои

В тебе, всевышний, жизнью вечной!

И смерти нет. И не умрет

Ни малый атом, ни комета —

Где ты — все дышит, все живет

В лучах божественного света…

В другой раз гуру спросил:

— Скажи: найдется ли такой человек, который не был бы тобой? Ты — душа вселенной. Если кто-то подойдет к твоей двери, выйди ему навстречу, ибо это ты сама. Все люди — одно целое. Безрассудно думать, что каждый человек — это что-то самостоятельное и отдельное. Ты ненавидишь. Ты любишь. Ты боишься. И все это — безумие, невежество и заблуждение!

Единственное зло — это мысль или слово, ослабляющие дух.

Если все солнца зайдут, луны обратятся в прах, будут исчезать мир за миром, — что тебе до этого? Стой непоколебимо, как скала, — тебя уничтожить невозможно.

О бессмертии гуру сказал:

— Частица энергии, которая всего несколько месяцев назад принадлежала солнцу, теперь может принадлежать человеческому существу.

Ничто не ново в этом мире. Одни и те же явления сменяют в нем друг друга, — это словно вращение колеса. Все перемены этой вселенной происходят одинаково — все новое последовательно возникает и исчезает. Миры сменяют друг друга — они возникают из чего-то более мелкого, эволюционируют, разрастаются и снова исчезают, превращаясь в то, из чего возникли. И так все в жизни: возникает и потом превращается в то, из чего возникло; Что же исчезает? Форма. В определенном смысле даже тело бессмертно. В определенном смысле тела и формы вечны. Что это значит? Возьмем горсть мелочи и бросим вверх. Предположим, монеты упадут в таком порядке: 5–6–3–4. Мы поднимаем монеты и бросаем их снова, потом еще и еще. И когда-нибудь они упадут опять так же, получится то же сочетание.

Вот и атомы, составляющие вселенную, тоже, как эти монеты, разъединяются и снова соединяются — и так без конца. Но непременно настанет такое мгновение, когда вновь образуется то же сочетания: ты снова будешь здесь, и все предметы будут иметь ту же форму, и о том же будет идти разговор, и вот этот же кувшин будет стоять, как стоит сейчас. Бессчетное множество раз так было, и бессчетное множество раз так будет.

Мы никогда не рождаемся и никогда не умираем. Каждый атом живет своей самостоятельной, ни от кого не зависящей жизнью. Атомы объединяются в группы, обладающие, пока они существуют, определенным сознанием; эти группы в свою очередь объединяются и образуют более сложные тела, служащие сосудами для высших форм сознания. Когда для тела наступает смерть, происходит расщепление и обособление клеток друг от друга, и начинается то, что мы называем распадом. Сила, сцеплявшая клетки, исчезла, они теперь предоставлены самим себе и могут образовывать новые сочетания. Смерть — это лишь одно из проявлений жизни, и уничтожение одной материальной формы — только прелюдия к возникновению другой.

О развитии вспять он сказал:

— Из семени вырастает растение, из песчинки — никогда. Отец дает жизнь младенцу, но ком глины никогда не превратится в ребенка. Какие же законы управляют развитием — вот вопрос. Чем было семя? Тем же, что и дерево. Все возможности будущего дерева заложены в этом семени; все возможности будущего человека заложены в младенце; все возможности живого существа заложены в зародыше. Что же это значит? А вот что: всякой эволюции предшествует инволюция. Не может развиваться то, чего не существует. И тут современная наука снова приходит нам на помощь. Математика учит, что общее количество мировой энергии всегда неизменно, Нельзя изъять из материи ни единого атома, как нельзя лишить ее и ни одной единицы силы. Раз это так, эволюция не возникает из ничего. Но из чего же она возникает? Она возникает из инволюции, из развития вспять. Ребенок — это зрелый муж в прошлом, а зрелый муж — это развившийся ребенок; семя — это дерево в прошлом, а дерево — это развившееся семя. Все возможности всего живого заложены в зародыше. Теперь все становится несколько яснее. Дополним это идеей продолжений жизни. Жизнь одна — от простейшей протоплазмы до человеческого существа. Семя несет в в себе то, чем оно будет, еще до того, как оно приняло какую-либо определенную форму.

Однажды Беренис спросила:

— А что вы думаете о милосердии?

И гуру ответил:

— Не гордись, когда помогаешь бедному. Будь благодарна, что тебе представилась эта возможность. В благодеянии проявляется твоя вера — чем же гордиться? Разве вся вселенная — это не ты? Радуйся, что на пути твоем встретился бедняк, ибо, помогая ему, ты помогаешь себе. Благословен не тот, кому дается, а тот, кто дает.

Тогда Беренис спросила его о красоте: столь многие поклоняются ей во всех ее проявлениях и становятся поистине ее рабами.

Гуру ответил:

— Даже в самых низменных влечениях заложена частица божественной любви. На санскрите всевышнего называют иногда Хари, что значит — тот, кто притягивает к себе все сущее. Поистине только он и достоин притягивать к себе человеческие сердца. Ибо кто может пленить душу? Только он. Вот ты видишь человека, которого привлекает чье-то красивое лицо, — неужели ты думаешь, что горстка определенным образом соединенных молекул способна увлечь кого-нибудь? Ничуть! За этими частицами материи должна быть — и есть — сокрытая частица высшего начала, высшей, божественной любви. Невежда и не подозревает об этом, но, сознательно или бессознательно, влечет его только эта искра истинно прекрасного. Итак, даже наиболее низменные влечения порождаются самим божеством. «Ни одна женщина, о возлюбленный, не любила своего мужа ради него самого, но ради Атмана, ради всевышнего, заключенного в нем». Всевышний — это великий магнит, а мы все — словно металлические стружки, и он притягивает нас к себе, а мы стремимся постичь его — узреть лик Брахмы, отраженный во всех формах и очертаниях. Мы думаем, что поклоняемся красоте, на самом же деле — мы поклоняемся лику Брахмы, проступающему сквозь нее. В глубине всего — сущность.

И дальше:

— Раджи-йог знает, что плоть существует для того, чтобы душа приобрела опыт, а опыт учит, что никогда и ничем душа не была и не будет связана с телом. Человеческая душа должна понять и прочувствовать, что она испокон веков была и остается духовным началом, а не материальным, и что соединение ее с материей только временное и не может быть иным. Раджа-йог учится отречению на самом тяжком из отречений: он прежде всего должен понять, что вся видимая и осязаемая природа — только иллюзия. Он должен понять, что всякое проявление силы в природе порождается не самок природой, а духом. Он должен с самого начала усвоить, что все знание и весь опыт проистекают от духовного начала, а не от плоти, и потому должен тотчас по убеждению разума порвать все узы, соединяющие его с плотью.

Но из всех видов отречения самое естественное то, которому учить Бхакти-йоги. Никакого насилия, — ни от чего не нужно отрывать себя, ни с чем не нужно насильно расставаться. Отречение Бхакти — легкое, оно проходит плавно, незаметно и так же естественно, как все, что нас окружает. Человек любит свой город, потом он начинает любить свою страну, любовь к городу отмирает легко и естественно. Человек научается любить весь мир, и тогда его любовь к своей стране, его фанатический патриотизм отмирает безболезненно, сам собой, без всякого насилия. Человек непросвещенный любит чувственные наслаждения, но чем культурнее и просвещеннее он становится, тем больше влечет его к наслаждениям умственным и тем меньше — к наслаждениям чувственным.

Для того чтобы познать отречение, требуемое Бхакти, не нужно ничего убивать в себе, оно приходит так же естественно, как естественно рядом с сильным светом постепенно тускнеет более слабый, пока не померкнет совсем. Так и любовь к удовольствиям чувственным и умственным тускнеет и меркнет в свете любви к всевышнему. Эта любовь к всевышнему все растет и принимает форму Парабхакти, или высшего поклонения. И для того, кто познал эту любовь, исчезают формы, теряют смысл ритуалы, перестают существовать книги, святыни, храмы, церкви, религии и секты, страны и национальности — все эти мелкие ограничения, все оковы понятий и условностей отпадают сами собой. Ничто больше не связывает его и не ограничивает его свободы. Так корабль, приблизившийся к магнитной горе, вдруг рассыпается на части — все его железные болты и скрепы магнит притягивает и извлекает из их гнезд, доски распадаются, а волны подхватывают и уносят их. Точно так же и высшее начало снимает все скрепы с души, и она обретает свободу. В таком отречении, близком к поклонению, нет ни жестокости, ни борьбы, ни подавления, ни усмирения. Для познания Бхакти не нужно подавлять ни одного из своих чувств, — нужно только стремиться развить их и обратить к богу.

Отрекись от этого видимого, иллюзорного мира, — лишь тогда обретешь ты счастье, если во всем будешь видеть всевышнего. Имей, что имеешь, но все обожествляй! Не прилепляйся к земным благам. Во всем люби всевышнего. И тогда ты будешь жить так, как учит и христианство: «Ищите прежде царствия божия».

Всевышний живет в сердце каждого живого существа, снова и снова поворачивает он колесо своей божественной иллюзии Майи, и вместе с ним подымается и падает все живое. Во всевышнем ищи себе прибежище. Его благостью обретешь ты душевный покой — и тебя не коснутся никакие перемены.

Когда по истечении определенного времени, или цикла, называемого кальпой, вселенная рассыплется в прах, она перейдет в потенциальное состояние — в состояние семени, вызревающего для нового рождения. Период образования новой формы носит у Кришны название «дня Брахмы», период потенциальный — «ночи Брахмы». Существа, населяющие мир, то возрождаются, то вновь подвергаются распаду — вместе со сменой космического дня и ночи. Не следует, однако, думать, что процесс распада соответствует «возвращению к всевышнему». Просто существо, потеряв свою форму, переходит во власть Брахмы, который послал его в мир, и пребывает там до тех пор, пока не настанет пора его нового воплощения.

Индуизм приемлет и признает многие воплощения бога, в том числе — Кришну, Будду и Христа, и допускает, что будет еще немало и других воплощений…

И, наконец, настал день, когда Беренис услышала от гуру последние напутственные слова, ибо он знал, что она должна покинуть его.

— Итак, я научил тебя мудрости, которая есть тайна тайн, — сказал он. — Обдумай все, что я тебе говорил. А потом действуй, как сочтешь нужным и правильным. Ибо Брахма говорит: «Кто не ведает заблуждений и знает, что во мне все сущее, — знает все, что можно познать. И потому он поклоняется мне от всего сердца». Это самая священная истина из всего, чему я тебя научил. Кто познал это, тот воистину стал мудр. И цель его жизни достигнута.

79

Весь следующий год Беренис с матерью путешествовали по Индии, — они стремились как можно больше увидеть и лучше узнать эту удивительную страну, Беренис, посвятившая четыре года изучению индусской философии, успела, однако, насмотреться на то, как живут здесь люди; она поняла, что народ здесь жестоко обманут и что участь его горька, и ей захотелось до возвращения на родину как можно больше узнать об этом народе.

И вот Беренис с матерью побывали в Джайпуре, Канпуре, Пешаваре, Лахоре, Равалпинди, Амритсаре, в Непале, в Дели и Калькутте, посетили Мадрас и даже добрались до южной границы Тибета. И чем дальше они проникали в глубь Индии, тем больше поражала Беренис ужасающая бедность и жалкое состояние миллионов людей, населяющих эту необыкновенную страну. Беренис была озадачена: как случилось, что в стране, породившей такую возвышенную религиозную философию, возникла и сохраняется поныне столь низменная и жестокая система социального гнета? Горсточка богачей ведет поистине

королевский образ жизни, а миллионы трудятся, не разгибая спины, и получают за это гроши, которых не хватает даже на хлеб! Этот резкий контраст, разрушающий все иллюзии, был выше понимания Беренис.

Она видела улицы и дороги, вдоль которых тесно, плечом к плечу, точно какая-то страшная живая изгородь, сидели на земле грязные, оборванные, полунагие люди, с глазами, полными отчаяния: некоторые просили милостыню для своих учителей — святых пилигримов. Беренис встречала такие места, где жители, дошли до последнего предела духовного и физического обнищания. В одной деревне началась эпидемия чумы и косила всех жителей подряд: никто не оказал им помощи, не прислал ни лекарств, ни врачей. Во многих деревушках в крохотной конуре ютится по тридцать человек — здесь, разумеется, неизбежны болезни и голод. И тем не менее, если в их жилищах прорубают окна, хоть крохотное оконце, они тотчас снова наглухо заделывают каждую щель.

Самым страшным общественным злом казался Беренис чудовищный обычай выдавать замуж девушек, не достигших совершеннолетия, почти детей. В результате большинство этих несчастных дошло до такого физического и умственного упадка, что ни о каком здоровье физическом или душевном нечего и говорить, и рано наступающая смерть для них скорее избавление, чем проклятие.

Видя трагическое положение каст «неприкасаемых», Беренис поинтересовалась, как они возникли. Ей рассказали, что когда светлокожие предки современных индусов впервые пришли в Индию, ее населяли дравиды — кожа у них была темнее и черты лица не так тонки; это они воздвигли величественные храмы на юге страны. И жрецы народа-пришельца потребовали, чтобы его кровь не смешивалась с кровью туземцев. Они объявили, что дравиды — племя нечистое, что к ним нельзя прикасаться. Так расовая вражда породила трагедию «неприкасаемости».

Впрочем, как рассказали Беренис, Ганди сказал однажды:

«Понятие неприкасаемости в Индии, наперекор всем стараниям сохранить его, быстро отмирает. Этот бесчеловечный обычай унижает индусов. Ведь с „неприкасаемыми“ обращаются так, словно они хуже животных. Самая их тень будто бы оскверняет имя бога. Я осуждаю отверженность неприкасаемых так же решительно, как осуждаю навязанные нам англичанами методы управления страной, а быть может, еще решительнее. Существование каст неприкасаемых кажется мне еще менее терпимым, чем британское владычество. Если индуизм настаивает на сохранении каст неприкасаемых, значит индуизма больше не существует, значит он мертв».

И все же Беренис не раз видела молодых матерей «неприкасаемых» с крошечными, хилыми детишками на руках, — неизменно держась в отдалении, они с отчаянием и тоской во взгляде следили за тем, как она беседует с каким-нибудь индусским проповедником. При этом она не могла не заметить, что некоторые из них недурны собой и, видимо, очень неглупы. Две или три походили на обыкновенных американок — так выглядели бы хорошенькие, толковые американские девушки, будь они заброшены, изолированы от всего окружающего мира и обречены на жизнь в грязи и нищете, как их индийские сестры. Впрочем, говорили, что пять миллионов «неприкасаемых» избавились от проклятия, приняв христианство.

А дети? Беренис видела столько жалких, несчастных детей — эти крошечные заморыши даже не могли ходить, а только ползали; они росли заброшенными, без всякого ухода, до того истощенные недоеданием и болезнями, что ясно было: уже ничто не вернет им здоровья. Сердце Беренис размывалось от жалости, и тут ей вспомнились уверения гуру, что божество, Брахма — есть все сущее, есть беспредельное блаженство. Если это так, то где же он, бог? Мысль эта неотступно преследовала Беренис, пока она не почувствовала, что больше не выдержит, и тогда явилась другая мысль: нужно бороться с нищетой и вымиранием этого народа, спасти его. Разве не вездесущий направляет ее помыслы? Да, она должна помогать несчастным, она не успокоится, пока в земной жизни людей добро не придет на смену злу. Беренис всем сердцем стремилась к этому.

Настало, наконец, время, когда Беренис и ее мать, потрясенные и измученные нескончаемым зрелищем бедствий и нищеты, решили тронуться в обратный путь; дома, в Америке, они на досуге поразмыслят над тем, что им довелось увидеть и как они могут помочь искоренению зла.

И вот ясным, теплым октябрьским днем на пароходе «Холиуэл» они прибыли в Нью-Йорк прямо из Лиссабона и по реке Гудзон поднялись до причала у Двадцать третьей улицы. Пароход медленно шел вдоль берега, знакомые очертания нью-йоркских громад заслоняли небо. Как непохоже все это на Индию, думала Беренис, какой разительный контраст! Здесь чистые улицы, великолепные многоэтажные здания, могущество, богатство, самый изысканный комфорт, сытые, хорошо одетые люди, а там… Беренис чувствовала, что изменилась, но в чем — пока еще и сама не понимала. Она видела голод в самой обнаженной, уродливой форме — и не могла этого забыть. Не могла она забыть и выражения некоторых лиц, особенно детских — так смотрит затравленное, испуганное животное. Что же можно тут сделать, изменить? Да и можно ли?

Но вот перед нею страна, где она родилась и выросла и которую любит больше всего на свете. И сердце Беренис забилось быстрее при виде самых обыденных картин — несметного множества реклам, расписывающих гигантскими разноцветными буквами бесценные достоинства того, чему подчас на самом деле грош цена, толпы крикливых мальчишек-газетчиков,

вереницы оглушительно гудящих такси, легковых автомобилей и грузовиков; и напыщенный вид путешествующего американского обывателя, которому, в сущности, едва ли есть чем кичиться.

Покончив с формальностями в таможне, Беренис и ее мать решили остановиться в отеле «Плаца» — по крайней мере на несколько недель; в такси они с радостью почувствовали: наконец-то они дома! И как только они устроились у себя в номере, Беренис позвонила доктору Джемсу. Ей не терпелось поговорить с ним о Каупервуде, о себе самой, об Индии — и не только о прошлом, но и о будущем.

Они встретились в кабинете Джемса, в его доме на Западной Восемнадцатой улице. Беренис была растрогана: Джемс принял ее очень тепло и дружески, с большим интересом слушал ее рассказ о том, где она побывала и что видела.

Доктор Джемс понимал, что Беренис интересует судьба состояния Каупервуда. И хотя ему было неприятно вспоминать о том, как скверно исполнили свои обязанности душеприказчики Каупервуда, он счел своим долгом подробно рассказать Беренис обо всем, что произошло в ее отсутствие. Прежде всего, несколько месяцев назад умерла Эйлин. Беренис была потрясена: она всегда думала, что именно Эйлин выполнит волю Каупервуда и распорядится всем его имуществом, как он того хотел. Она тотчас вспомнила, что Каупервуд всегда желал основать больницу.

— А как же с больницей, которую он собирался построить в районе Бронкс? — поспешно спросила она.

— Ну, из этого ничего не вышло, — отвечал Джемс. — Слишком много стервятников набросилось под прикрытием закона на состояние Фрэнка после его смерти. Со всех сторон посыпались иски, встречные иски, требования об отказе в праве выкупа закладных; даже состав душеприказчиков и тот был опротестован. Большое количество акций — на четыре с половиной миллиона долларов — было признано обесцененным. Пришлось выплачивать проценты по закладным, покрывать всевозможные судебные издержки, росли горы счетов, и в конце концов от громадного состояния уцелела едва десятая часть.

— А картинная галерея? — с тревогой спросила Беренис.

— Ничего не осталось, все продано с аукциона. И дворец тоже продан — за неуплату налогов и тому подобное. Эйлин принуждена была выехать оттуда и снять себе квартиру. А потом она заболела воспалением легких и умерла. Разумеется, все эти тревоги и огорчения лишь ускорили ее смерть.

— Какой ужас! — воскликнула Беренис. — Как больно было бы Фрэнку, если б он знал!.. Столько сил стоило ему все это!

— Да, немало, — в раздумье заметил Джемс, — но никто не верил в его добрые намерения. Куда там — даже и после смерти Эйлин в газетах все еще называли Каупервуда человеком сомнительной репутации, банкротом, чуть ли не преступником. Посмотрите, кричали они, его миллионы рассеялись как дым! Одна статья так и называлась: «Что посеешь…» Там говорилось, что деятельность Фрэнка потерпела полный крах… Да, немало было злобных заметок — и все потому, что, когда Фрэнк умер, от его богатства при попустительстве господ законников осталось одно воспоминание.

— Как это тяжело! Как ужасно, что из всех прекрасных начинаний Фрэнка так ничего и не вышло.

— Да, не осталось ничего, кроме могилы и воспоминаний.

Беренис рассказала Джемсу о своих занятиях восточной философией и о той внутренней перемене, которая произошла в ней. Многое, что прежде казалось таким важным, теперь потеряло для нее всякое значение. Как терзалась она когда-то, опасаясь, что близость с Каупервудом может повредить ее положению в обществе. А теперь ее несравненно больше тревожит трагическое положение индийского народа. И Беренис описала Джемсу то, что видела в Индии: бедность, голод, неграмотность и невежество. Многое, говорила она, порождено суеверием, давними религиозными и социальными предрассудками. Подумать только, страна понятия не имеет о социальном, техническом и научном прогрессе. Джемс внимательно слушал, лишь по временам у него вырывалось: «Ужасно!», «Неслыханно!». Когда Беренис кончила, он сказал:

— Разумеется, все, что вы говорите об Индии, верно. Но боюсь, что и общественное устройство Америки и Англии тоже не безупречно. Конечно, и здесь, в нашей стране, немало социальных зол и бедствий. Если вы захотите как-нибудь пройтись со мной по Нью-Йорку, я покажу вам целые районы, где люди живут ничуть не лучше ваших индийских нищих. Я покажу вам заброшенных детей — они обречены, нормальное физическое и умственное развитие для них попросту невозможно. Они рождены для бедности, и в бедности почти все они умирают, а годы, отделяющие их рождение от смерти, отнюдь нельзя назвать жизнью в подлинном смысле слова. В наших фабричных, промышленных городах есть трущобы, где условия человеческого существования столь же невыносимы, как в Индии.

Беренис попросила Джемса показать ей эти районы Нью-Йорка — за всю свою жизнь она никогда не слышала и не видела, чтобы люди так жили в Америке. Это признание не удивило доктора Джемса — он знал, что жизненный путь Беренис отнюдь не был тернист…

Они еще немного поговорили, и Беренис вернулась к себе в отель. Но всю дорогу у нее не выходил из головы рассказ Джемса о том, как рассыпалось в прах богатство Каупервуда. Как грустно, что потерпели крушение все его планы. Ничего не вышло, ничего! И ведь он любил ее, нуждался в ее понимании и поддержке, и она тоже любила его. А разве не она подала ему мысль поехать в Лондон и строить там метрополитен? И вот его нет; завтра она навестит его могилу — последнее, что осталось от всех его богатств, которые в свое время представлялись ей такими прекрасными и нужными, а теперь, после того что она видела в Индии, утратили в ее глазах всякий смысл.

Следующий день в точности походил на тот, когда хоронили Каупервуда. Такое же серое небо низко висело над головой, и склеп издали показался Беренис одиноким каменным перстом, устремленным в эти свинцовые небеса. С охапкой цветов в руках она шла к нему по усыпанной гравием дорожке — и вдруг под надписью «Фрэнк Алджернон Каупервуд» увидела другую: «Эйлин Батлер Каупервуд». Что ж, наконец-то Эйлин обрела свое место рядом с тем, из-за кого она столько выстрадала, на кого поставила все, что имела… чтобы проиграть. А она, Беренис, казалось бы, одержала верх в этой игре, но лишь на время — она тоже страдала и тоже проиграла.

Так Беренис стояла в раздумье, глядя на место последнего упокоения Каупервуда, и ей казалось, что она опять слышит звучный голос священника, произносящего надгробное слово: «Ты как наводнение уносишь их: они как сон, как трава, которая утром вырастает, днем цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает».

Но теперь Беренис уже не могла думать о смерти так, как думала до поездки в Индию. Там на смерть смотрят лишь как на продолжение жизни, а в распаде одной материальной формы видят переход к возникновению другой. «Мы никогда не рождаемся и никогда не умираем» — говорит индусская мудрость.

Ставя цветы в бронзовую урну на ступенях склепа, Беренис думала: Каупервуд теперь должен был бы знать, если не знал этого прежде, что его преклонение перед красотой во всех ее проявлениях, а особенно в женщине, его неустанные поиски этой красоты — не что иное, как стремление приобщиться к высшему началу, увидеть лик Брахмы, проступающий сквозь ее покров. Как было бы хорошо, если бы он разделял с нею эти ее взгляды, когда они были вместе…

А что это гуру говорил о милосердии? «Будь благодарна возможности одарить ближнего. Радуйся, что на пути твоем встретился бедняк, ибо, помогая ему, ты помогаешь себе. Разве вся вселенная — это не ты? Если бедняк подошел к твоей двери, выйди ему навстречу, ибо ты выходишь навстречу самой себе».

Но если вспомнить — какое же место занимали до сих пор дела милосердия в ее жизни? Чем она хоть раз помогла другому? Что она вообще сделала, чтобы оправдать свое право на существование? Вот Каупервуд — тот не только задумал основать больницу для бедных, но и сделал все, что было в его силах, чтобы осуществить свой замысел, хотя планы его и рухнули… А она… появлялось ли у нее когда-нибудь желание помочь бедным? Нет, что-то она не припомнит такого случая. Вся ее жизнь, за исключением последних нескольких лет, была посвящена погоне за удовольствиями, борьбе за положение в обществе. Но теперь она знает: человек должен жить не только ради себя самого, — он должен стремиться принести пользу многим, ибо нужды многих куда важнее тщеславия и благополучия тех немногих, к числу которых принадлежит и она. Но что же она может сделать? Чем помочь?

И вдруг она снова подумала о больнице, которую хотел основать Каупервуд. А почему бы ей самой не заняться этим? Ведь он оставил ей солидное состояние, прекрасный дом, полный ценных вещей и произведений искусства. Она может выручить за него изрядную сумму; вместе с тем, что у нее уже есть, этого будет достаточно для начала. А быть может, ей удастся увлечь своей идеей и еще кого-нибудь. Доктор Джемс, наверное, согласится помочь.

Прекрасная мысль!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предыдущая глава — это последнее, что написал Теодор Драйзер накануне своей смерти — 28 декабря 1945 года. Сохранились, однако, заметки для последующей главы и заключения ко всем романам трилогии — к «Финансисту», «Титану» и «Стоику». Это заключение, как сообщает жена Драйзера, писатель задумал в форме монолога, так чтобы у читателя уже не оставалось ни малейшего сомнения относительно того, как Драйзер понимает жизнь, что он думает о силе и слабости, о богатстве и бедности, о добре и зле.

Ниже приводятся записи Драйзера, подготовленные к печати его женой.

Возвращаясь в карете с Гринвудского кладбища, Беренис обдумывала, каким образом можно основать больницу; она понимала, что это задача нелегкая, тут множество и практических и чисто технических трудностей; необходимо найти специалистов, обладающих достаточными знаниями и опытом, способных правильно организовать и наладить это большое дело; нужно привлечь людей состоятельных и в то же время склонных к благотворительности. Что ж, можно продать дом на Парк авеню со всей обстановкой, — это даст по меньшей мере четыреста тысяч долларов. Она добавит к этому половину своего состояния; но всего этого едва ли хватит хотя бы для начала. Доктор Джемс, разумеется, самый подходящий человек на должность главного врача и директора, но сумеет ли она заинтересовать его? День за днем Беренис гадала и рассчитывала, как лучше приступить к делу, и тут она снова встретилась с доктором Джемсом, — он пригласил ее поехать в Ист-Сайд и посмотреть самые страшные нью-йоркские трущобы.

Для Беренис, которая в юности ни разу не была в этих кварталах Нью-Йорка, — в самом сердце нищеты и запустения, — это первое посещение Ист-Сайда явилось горестным откровением. Мать всегда тщательно оберегала ее от соприкосновения с жестокой действительностью, — до того рокового вечера, когда в ресторане одного из крупнейших нью-йоркских отелей Беренис со стыдом и ужасом узнала, что прошлое ее матери, Хэтти Стар из Луисвиля, далеко не безупречно (об этом поведал во всеуслышание некий подвыпивший джентльмен); тогда она впервые почувствовала, что значит быть отвергнутой обществом!

Но теперь все эти волнения остались позади. Беренис произвела полную переоценку ценностей, и взгляды ее совершенно изменились. Ее былые честолюбивые стремления казались ей теперь пустой, никчемной шелухой. Поездка в Индию пробудила в ней желание глубже окунуться в жизнь — посмотреть, что же представляют собою те силы, которые движут жизнью, и постараться изучить их; ведь прежде все это было так далеко от нее. Теперь она уже не стремилась занять прочное положение в высшем обществе — в ней крепло желание стать как-то полезной людям.

И вот она попала с доктором Джемсом в трущобы; ему нередко приходилось бывать здесь, и ничто его не удивляло, но Беренис была потрясена, ей едва не стало дурно. Какая грязь, какое зловоние! Кроватей нет — люди спят прямо на полу, на грубых мешках, набитых соломой, — днем их кучей сваливают куда-нибудь в угол. В двух тесных конурках ютятся шесть взрослых и семеро детей. Окон нет, но в стенах зияющие дыры, из них тянет смрадом, здесь наверняка водятся крысы.

Наконец они снова вышли на улицу, всей грудью вдохнули свежий воздух, и Беренис сказала доктору Джемсу, что она непременно хочет основать больницу, о которой думал Каупервуд. Надо же хоть чем-то помочь несчастным, заброшенным детям, вот таким, как те, которых они сейчас видели! Она с радостью отдаст на это половину своего состояния.

Доктор Джемс был тронут — только тут он понял, какая большая перемена произошла в Беренис за годы, что она провела вдали от Америки. А Беренис, почувствовав, что он одобряет ее намерение, спросила, не поможет ли он ей собрать нужные для этой цели деньги и не согласится ли руководить больницей и занять пост главного врача? Джемс давно знал, как остро нуждается Бронкс в больнице, к тому же руководить такой больницей было его заветной мечтой, — и он с радостью согласился на предложение Беренис.

Шесть лет спустя мечта стала реальностью; во главе новой больницы был поставлен доктор Джемс. Беренис прошла курсы медицинских сестер; не без удивления она впервые обнаружила в себе глубокий материнский инстинкт: оказалось, что она очень любит детей, и потому детское отделение было поручено ее заботам. Порою и доктор Джемс удивлялся, видя, как неутомимо, с какой нежностью ухаживает она за жалкими, заброшенными малышами. Дети чувствовали это и тоже привязались к ней.

В отделение каким-то образом попали двое слепых малышей. Оба они были слепы от рождения. Хрупкой белокурой девочке по имени Патриция было всего пять лет, ее мать тяжким трудом зарабатывала, свой хлеб и не могла уделять внимания ребенку; долгими часами девочка сидела одна в уголке и, естественно, очень отстала в своем развитии. К тому же мать, чувствуя себя без вины виноватой, словно чуждалась маленькой калеки. Случайно обнаружив эту песчинку, такую одинокую в безбрежном человеческом море, Беренис горячо полюбила слепую девочку и всеми силами старалась ей помочь; она научила Патрицию многим затеям — например, кататься с горки на детской площадке, не боясь упасть. И какой радостью была для слепого ребенка эта нехитрая игра! Девочка готова была без конца, снова и снова скользить с горки, это ей никогда не надоедало, и личико ее всякий раз светилось счастьем: наконец-то она научилась что-то делать сама!

В отделении был еще пятилетний мальчик по имени Дэвид — тоже слепой от рождения. Ему посчастливилось: его мать, женщина неглупая, очень его любила, старалась быть внимательной к нему, и поэтому он был много развитее Патриции. Беренис научила его взбираться на дерево — и вот он влезал на какой-нибудь сук повыше и, подняв к солнцу худенькое

выразительное лицо, как это обычно делают слепые дети, покачивая головой, распевал «В вечерний час». Однажды, шагая мимо широкого окна, выходившего на детскую площадку, доктор Джемс увидел среди малышей Беренис и остановился посмотреть на нее. Лицо у нее было спокойное и радостное, и ясно было, что заботиться о детях для нее счастье. Мимо проходила старшая сестра — мисс Слейтер, и доктор поделился с ней своими наблюдениями. Да, Беренис превзошла все ожидания и, право же, заслуживает самой горячей похвалы! В тот вечер, когда Беренис уже собиралась домой, мисс Слейтер и доктор Джемс повторили ей это: она так много делает для детей, все в больнице так ценят и любят ее… Беренис с улыбкой поблагодарила их — она так рада, что может хоть чем-то облегчить участь несчастных ребят!

Однако по дороге домой, в свою скромную квартиру, Беренис невольно задумалась о том, как ничтожно ее участие в жизни огромного мира. Что значит пылинка человеческой доброты в необозримом море нищеты и отчаяния! Ей вспомнились несчастные голодные дети, которых она видела в Индии, — какие у них были страдальческие лица! И какую жестокость, какое равнодушие и пренебрежение проявляет к их горестной участи весь мир.

«Да что же такое этот мир? — спрашивала она себя. — Неужели миллионы крошечных существ рождаются лишь ради мук и унижения — чтоб умереть от нужды, холода и голода?» Правда, наконец-то она стала хоть что-то делать, чтобы облегчить страдания тех немногих детей, которым посчастливилось попасть в ее больницу. Ну, а как же остальные, тысячи и тысячи, — ведь всех к себе не возьмешь? Как же они? Все ее попытки помочь — лишь капля в море. Одна капля!

Беренис окинула мысленным взором прошлое. Она подумала о Каупервуде и о той роли, какую играла она в его жизни. Как упорно, как яростно боролся он долгие годы, прокладывая себе дорогу, — а все для чего? Ради богатства, власти, роскоши, влияния, положения в обществе? Что же сталось со всеми этими замыслами и стремлениями, которые не давали Фрэнку Каупервуду покоя и толкали его вперед и вперед? Как далека она теперь от всего этого, хотя прошло совсем немного времени! Как внезапно раскрылась перед нею беспощадная правда жизни! Ведь она всегда жила, не зная забот и тревог, в довольстве и изобилии, которых она, быть может, и не оценила бы, если бы случай не привел ее в далекую Индию, где на каждом шагу перед нею вставали разрывающие душу социальные контрасты — контрасты, от которых никуда не уйдешь.

Там настала для Беренис заря духовного пробуждения, у нее раскрылись глаза, и она увидела то, чего не видела до сих пор. Что ж, нужно идти дальше, приобретать опыт и знания и постараться по-настоящему и до конца понять, что же такое жизнь и для чего живет человек.

Примечания

1

Право на преимущественное приобретение выпуска акций, передаваемое за вознаграждение.

2

Золотой из золотых *(исп.).*

3

Вероятно, имеются в виду «Картинки с выставки» Мусоргского.

4

Вместо отца *(лат.).*

5

Благодарю вас, господа *(франц.).*

6

Философская поэма, часть древнеиндийского эпоса «Махабхарата».
